

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Июль 2020 № 3(39)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Евгений Журавли – поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев – секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Валентин Курбатов – член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Александр Орлов – член Союза писателей России
Алексей Полубота – член Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Дата выхода номера в свет: 21 июля 2020 года. Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка – Елена Балантаева

Корректурa – Валентина Куртяк

Отпечатано в типографии «Страж Балтики»

г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчеркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, его эл. адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега без маски	
Валентин Курбатов. Чтение без маски	4
Проза	
Юрий Серб. Счастливые. <i>Трилогия</i> . Книга 1. Венок неудачнику. <i>Продолжение.</i> <i>Начало в № 4(34)-2019</i>	8
Александр Чумиков. Непал. <i>Винтажный роман. Часть 3. Начало в № 1(37)-2020,</i> <i>№ 2(38)-2020</i>	31
Ильяс Дауди. Поездка в Ленинград. Глава из книги «В круге Кундузском»	61
Людмила Семёнова. Весна Ванюшкиной жизни. <i>Рассказ</i>	72
Анна Козырева. Память-пуговина. <i>Рассказ</i>	76
Поэзия	
Хизри Асадулаев. <i>Стихи</i>	81
Евгений Юшин. <i>Стихи</i>	85
Людмила Свирская. <i>Стихи</i>	88
Виталий Даренский. <i>Стихи</i>	91
Владимир Подлузский. Стародубская пророчица. <i>Поэма</i>	93
Берега Памяти	
Владимир Вахрамеев. Наш легендарный Командующий	102
Тамара Краснова-Гусаченко. Фронтовые письма. <i>Трилогия</i>	106
Ирина Мишина. Бабка Семыкина. <i>Рассказы</i>	108
Татьяна Голоненко. Береги честь смолоду... <i>Рассказ</i>	112
Андрей Иванов. Битва под Циммербуде (г. Светлый Калининградской области)	116
Берега Новороссии	
Ольга Блюмина. Мелодия преображения (Рассказ Алексея Полуботы «Предзимье»)	119
Светлана Тишкина. Я в храм святой вхожу с благоговеньем	126
Александр Савенков. Из цикла «Стихи о военной Горловке»	130
Сергей Прасолов. Мир постправды: технологии разрушения разума	133
Берега прочтения	
Сергей Воробьёв. Очерки о поэте Борисе Орлове	137
и метапрозаике Юрии Сербе	139
Геннадий Литвинцев. Глазами сердца	141
Вячеслав Ложко. Неизвестный Гумилёв	143
Владислав Краснов. От Николая Гумилёва к Александру Солженицыну	146
Мир без границ	
Берега Беларуси	
Михаил Баранчик. <i>Стихи</i>	157
Наталья Алейникова. Афоризмы	160
Берега в маске	
Александр Ралот. Удалённый доступ	163
Валерий Старжинский. Карантин и Юнес, или Ограбление по-американски	165
Натали Гагарина. Мексиканский «Декамерон»	171
Наши друзья	
О приобретении и подписке на журнал	175

Берега без маски

Валентин Курбатов

Валентин Яковлевич Курбатов родился в 1939 году в Ульяновской области. Литературный критик, литературовед, прозаик, член жюри литературной премии «Ясная Поляна», член Союза писателей России. Член Общественной палаты России (2010–2014). Член Президентского Совета по культуре. Член Академии российской словесности. Член Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов. Действительный член Академии философии хозяйства. Входит в состав редколлегии журналов: «Литературная учёба», «День и ночь», «Дружба народов», «Роман-газета», «Берега». Лауреат премии им. Л. Н. Толстого, Горьковской и Новой Пушкинской премии, Патриаршей литературной премии (2014), награждён орденом Дружбы (2016) –

за большие заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, средств массовой информации и многолетнюю плодотворную деятельность, лауреат Государственной премии РФ-2020.

Чтение без маски

Куда денешь вечные привычки? Заглянул в свой дневник и улыбнулся – когда время здоровое, то будто и не до него: сплошные зияния, по полгода ни строчки. Тем более про книжки – до них ли? А теперь вон как заперли дома, так что делать-то грамотному человеку. Ну и нет-нет что-то подумается на полях прочитанного. Ну а поскольку писатель пишет не для одного себя, то и читатель следом торопится кому-то сказать, что прочитал-де и вот подумал. Даты выставить не буду. Скажу только, что от конца марта до конца мая.

* * *

Вдруг с изумлением отметил, что мне нравится всё большее число книг из соискателей премии «Ясная Поляна», которые я читаю по долгу члена жюри. Раньше-то вроде больше брюзжал, а теперь вон нацелил в короткий список целых пять книг (имён не скажу, потому что пока нельзя). И на очередной, даже не намеченной в «список» догадался, что эта снисходительность явилась оттого, что книги эти стали заменять мне жизнь, что сам-то давно остановился и давно не гляжу в окно вагона или самолёта; и давно уже не был не то что в прежде почти ежегодных Перми, Красноярске или Иркутске, но даже вон и в Москве, и Питере. Ни живых встреч, ни разговоров. Вот и набрасываешься на книжных героев – поговорить с ними, послушать, оспорить, согласиться. Они теперь для тебя шум улицы и жизнь.

Написал это в конце марта и, как всегда после обильного чтения, какое-то время перемолчал, выравнивая слух. А тут вот на тебе – коронавирус. И уже через месяц всё по-другому...

* * *

Давно ли вон с «импортными» героями охотно беседовал. А потом, чтобы «домой вернуться», Гоголя с наслаждением перечитывал. Впрочем, его нельзя «перечитать» – всегда будет впервые, хоть прямо на следующий день с того же места разогни. А уж вот даже и Гоголь не в радость, и Толстой не в утешение. Всё загородил проклятый коронавирус. Показалось, что в удовольствии от чтения в такую минуту есть что-то противозаконное. Полюбуюсь вон у Гоголя, как губернские чиновники создают благотворительные общества: соберут деньги «на бедных» и тут же на них закатят приём для начальства, а потом похлопочут выделить из них на здание своего Фонда хорошей архитектуры, и когда останется от суммы рублей пять, то и тут всякий благотворитель норовит в «бедные» свояченицу или тещу протащить. Раньше бы побежал цитировать друзьям, посмеиваясь, делить удо-

вольствие с другими, а теперь будто и не до того – кто-то ведь теперь и на коронавирус собирает. Подумают, что это про них. Нехорошо.

Откроешь у Толстого, как Стива Облонский в «Анне Карениной» читает за завтраком либеральную газету, и тоже хоть беги, цитируй: «Либеральная партия говорила, что в России всё скверно, и действительно, у Степана Аркадьевича долгов было много... Либеральная партия говорила, что религия есть только узда для варварской части населения, и действительно, Степан Аркадьевич не мог понять, к чему все эти страшные слова о том свете, когда и на этом было бы очень весело жить...» А тоже вот неловко. До либералов ли теперь...

И о пейзаже я давно печалился, что его всё меньше в литературе, а теперь и вовсе не заикайся – пейзаж ему. Прочитаешь у Бунина в «Митиной любви»: «Тихо, тихо стоял ночной млечный сад. Осторожно, изнемогая от него, пели ночные соловьи, состязаясь друг с другом в сладости и тонкости. И тихая нежная совсем бледная луна низко стояла над садом и неизменно сопутствовала ей мелкая несказанно прелестная зыбь голубых облаков».

Поневоле подумаешь, решится ли кто-нибудь сейчас написать такой сад. И жить с природой, как Митя, чтобы каждый цветок распускался для него и всякий гром гремел для его сердца. И вообще, возможно ли теперь и в будущем, после моровой язвы, даже когда она пройдёт, такое же согласие травы и сердца, неба и души.

А из нынешних писателей кто устоит в прежней заинтересованности. Скажешь «Пелевин» и не договоришь: какая уж метафизика, когда и с физикой беды никак не разберёшься. Вспомнишь Прилепина, но и война уже не в войну, не до неё. Бедную Гюзель Яхину всю изорвали со всех сторон, потому что «попала под руку» в неурочный час. А уж что говорить про Сорокина и иные постмодернистские забавы.

Но оставь умную свою мысль, выключи телевизор, забудься и читай дальше, не оглядываясь на улицу, и вдруг на какой-то странице заметишь, что книжка-то и перевесит день и спасёт смятенное сердце. И улетишь за Митей, за Левиным и Кити, за Анной и Вронским, и что тебе эти вирусы и тысячи заражённых? Ты там – в единственно подлинном мире слова и любви, неба и звёзд, росы и рассветов, домашних ссор и нечаянных влюблённостей. Там, там – в Жизни, которой не будет конца, как бы ею ни играли господа политики. Все они со всеми хитростями бессильны перед словом, которое неподвластно человеку, потому что было у Бога и само – Бог.

* * *

Чем хорошо заточение? Отворяется слух. Зрение не развлечено, и ты лучше слышишь привычное. И литература словно ждала часа: ну-ка вот теперь погляди промытым-то зрением. О! Так вот оно что!

Завёлся «Евгением Онегиным», которого читает в Ютубе В. С. Непомнящий. Слышал ведь и прежде. И не в Интернете слышал. Валентин Семёныч читал «Онегина» у нас в Пскове на малой сцене Псковского театра во время Пушкинских театральные фестивалей. Но то ли оттого, что все разговоры в эти дни были вокруг Пушкина и слух был весь в нём и оттого слегка «механизировался», притуплялся к настоящей глубине, то ли час тогда не пришёл. Но вот сейчас я слушал главу за главой потрясённым сердцем и со смятием думал: да было ли в нашей литературе что-нибудь равное и такое всеобщее для каждого сердца и вне всякого определённого времени, упраздняющее это время, чтобы у нас открылись глаза для предвечного? Ведь это было и это будет всегда. И будет всегда именно *так*, хоть изреформируйся и испеременяйся. Отчего у Непомнящего после слов о любви Татьяны так естественно, сами собой являются слова апостола Павла из Первого послания к коринфянам: «Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...»

* * *

А уж вон у Толстого своё время. Прочитай главы о Левине и его хозяйственных заботах и из словаря не вылезешь: когда начать возку навоза, как продержат поле под чёрным паром, убирать ли покосы исполу или работниками, как перерезать шесть полей навозных и три запасных с травосеянием и обсадить поля лозинами по полуденным линиям. Как понять то даже нынешнему фермеру. Даже и пейзаж нынешнему слуху уже чужд, когда на перевале лета «рожь выколосилась и, серо-зелёная,

не налитым, ещё легким колосом волнуется по ветру, когда ранняя гречиха уже лопушится, скрывая землю, когда убитые в камень скотиной пары не берёт соха, когда на низах, ожидая косы, стоят сплошным морем береженные луга...» Бунинский Митя бы поморщился этому отсутствию поэзии. А ведь тогда каждый читатель, ещё не вовсе расставшийся с землёй, слышал тут каждое слово и радовался с Левиным живому труду, такому отличному от иллюзорной жизни старого Каренина или Стивы.

Кажется, ещё немного, и мы разучимся читать свои книги. Не зря я помню, как жадно цитировал «Анну Каренину» в Ясной Поляне один из екатеринбургских постмодернистов, порвавших с современной ему реалистической прозой для свободы и независимости. А вот прочитал Толстого и теперь не мог остановиться – его отвычному, балованному своей «свободой» слуху тут в «новизне словаря» всё казалось постмодернизмом. Он хотел научить нас новости взгляда, а проговаривался только тоскою по чуду вечного слова, которое ему мерещилось новым, потому что в нём самом давно оборвался живой корень.

Может, и для этого нам послано испытание, чтобы мы вспомнили себя и не стыдились своего живого великорусского слова, а словно впервые видели его земную глубину. И я сам ловлю себя на желании переписывать целые страницы и восклицать: «А-а! Видали!» И улыбаюсь, видя, как тонко Господь ведёт нас, ни минуты не принуждая, а щадя наше самолюбие, одевает наши «прозрения» в новые простые одежды, чтобы мы думали, что мы это *сами*.

И всё не отпускает меня Толстой. С утра уже не терпится скорее за чтение. И куда ни повернёт, всё у него выходит про любовь, будто и он Павлова послания к коринфянам из ума не выпускает. Как светает мир, когда у Левина всё налаживается с Кити. Сразу ни одного дурного человека вокруг – все счастливы и прекрасны! И даже у старика Каренина, когда он на минуту примирился с Анной после её родов и возможной смерти, – тоже всё осветилось, и сам он узнал чувство, которого не знал за собой, – любви к другим.

И всё это писано как письмо к Соне, чтобы вернуть любовь, которая уходит. И всё думаешь, как могла она мучить его и себя после того, как прочитала это. И как могло случиться, что он, который жил любовью и которому она нужна была «по его росту» (чтобы вся и во всём, чтобы потом было оправдано каждое слово), умирал в Астапово один – не соборованный, хотя священник был рядом (и он сам не отказывал в соборовании даже «неверующему» Николаю Левиному), не видя жены, которая тоже была рядом и, встав на кирпичи под окном, всё пыталась увидеть его там, в доме, куда её не пускали.

* * *

Это мир уже навсегда прощался с собой уходящим и с его прозой, которая тоже была похожа на завещание – как любить, как уклоняться от цивилизации для *своего* пути, для земли, как оставаться *целым*. А мы уж если и переживём ещё похожие чувства, то уже назвать их не сможем, и умалим, и растратим, потому что живём уже не полнотою жизни, а «с пятого на десятое», пунктиром, одним днём. Наружу стали жить для «цифры» и для «селфи» – всё будто немного перед объективом. А он вот и крестьянскую землю оглядывал с Левиным и проблемы инородцев с Карениным так страстно, словно перед Думой выступал и хотел, чтобы и Государь услышал, и депутаты, но писал не им, а читателю как народу, чтобы каждый с ним пережил и был одно. Отчего народ тогда так и чувствовал его, и заводил «толстовство», но уже заводил его «по уму», а не от требования целостной жизни. И даже, скажем, Мережковский с Зинаидой Гиппиус (уж кто дальше от земли?) ездили к нему в Ясную, как до них Чехов, Горький, Бунин, да и просто умный читатель, чтобы вспомнить в себе уходящее единство, а не только похвалиться, что были у «великого старика». Не для совместной фотографии только, а от стыда перед собой – к своему лучшему, для восстановления сердца.

Но внешнее уже безнадежно побеждало внутреннее. И нынешний писатель уже не ищет в читателе народа, а предпочитает именно умного читателя и подольщается к нему тонкостью и иронией, непременной сорокинской оппозицией. Как у Толстого хорошо говорил Голенищев Вронскому – как раньше рождались вольнодумцы, как вырастали они из классического чтения, из языков, философии, мысли, религии и нравственности, так что вольнодумство давалось им трудом, а теперь вольнодумцы стали «самородны» – заглянул в журнал, «попал на отрицательную литературу (как нынче поглядел канал «Дождь», послушал «Эхо Москвы»), и готов, и уже снисходительно говорит: «Я в своей статье...»

И какое чудо иронии в Толстом – по портретам ни за что не увидишь: эта лестница в бальной зале, «убранная цветами и лакеями в париках», и эта грустная улыбка «Разговор был приятный – осуждали Карениных», и эти новые течения в девушках, которые стали уверены, что сами должны выбирать себе мужей, и при этом многие «даже не приседали». И я, оказывается, забыл, что он не только знал все тонкости мужских и женских характеров, почти пугая этим знанием (сохрани Бог попасться на глаза), но вот и собакой мог стать, левинской Лаской, которая вон даже может досадовать на хозяина, что он отвлекает её («Но я не могу идти, – думала Ласка. – Куда я пойду? Отсюда я чувствую их, а если я двинусь вперёд, я ничего не пойму»), и «для виду» выполнив то, о чём просил хозяин, скорее возвращается к тому, что знает для него же – хозяина. Поневоле вспомнишь, что он ведь и лошадьё был в Холстомере, да и тут перед скачками автор больше на стороне лошади, чем Вронского. И не зная, как реагировать, только рукой махнёшь, когда прочитаешь, как Левин встаёт из-за стола в клубе, «чувствуя, что у него при ходьбе особенно правильно и легко мотаются руки». Или вот: «Степан Аркадьевич был не только человек честный (без ударения), но он был честный человек (с ударением), с тем особенным значением, которое имеет в Москве это слово, когда говорят честный писатель, честный журнал, честное учреждение, и которое означает не только то, что человек или учреждение не бесчестны, но и способны при случае подпустить шпильку правительству». И Степан Аркадьевич ищет выгодного места, а оно «зависело от двух министров, одной дамы и от двух евреев (кхм, кхм – как незыблем мир!)

И тут сразу и поневоле думаешь: зачем Анна с её эгоизмом и утомительным даже для Вронского требованием любви и «понимания своего положения», когда главное-то в романе вовсе не они, а Кити с Левиным и вопросы веры, мучившие Толстого. Это Степан Аркадьевич в Москве опускался до того, что, поживи он там подольше, дошёл бы чего доброго «до спасения души». И это Анна, увидев в поезде крестившегося перед дорогой человека, со злобой думает: «Интересно бы спросить у него, что он подразумевает под этим...» А Левин, хоть и числил себя в «неверующих», но всё время «был в мучительном разладе с самим собой и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него».

А вышел не благодаря перечитанным Платону, Спинозе, Канту, Шеллингу, Гёте и Шопенгауэру, подталкивающим разве к тому, чтобы ему застрелиться или повеситься, раз проблема смерти, мучающая его, не разрешается ими, а благодаря простому мужику из дальней деревни, сказавшему, что «Митюха для брюха живёт, а Фоканыч – правдивый старик, для души живёт, Бога помнит». И словно небо открылось Левину в этой простоте. И все главки романа последней части – с восьмой до самого слова «конец» – стали символом веры Левина и Льва Николаевича, отчего близкие-то люди читали фамилию героя не Левин, а Лёвин. И всё обретенное Левиным в этих главках знание так просто, ясно, умно и праведно, что потом уже и все разговоры о «гордыне» Льва Николаевича и суде его над церковью неправедны и нарочито глухи. Надо было Победоносцеву и Синоду только прочитать эти последние главки восьмой части, чтобы сделать их частью катехизиса для вразумления умных нынешних агностиков, потому что не было ещё в русской литературе слов такой простоты и света.

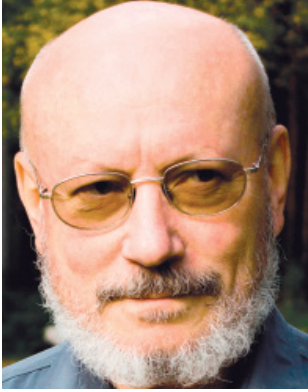
А-а, вот оно что. Угодно вам светской эгоистической любви, от которой всем одни страдания: и самим любящим, и всем вокруг, – получите. И это ей, ей, Анне, он посвящает жёсткий эпитаф «Мне отмщение и Аз воздам». Таня-то Ларина ведь тоже на краю была, когда говорила Онегину: «Я вас люблю, к чему лукавить...» – и уступи она в этот час своему сердцу, и была бы первая Анна, и общие пересуды, и неизбежное страдание. Но она вот, как старик Фоканыч, «для души живёт. Бога помнит», и оттого чистое сердце два столетия светит нам и спасает нас, как спасают Левин и Кити, видящие не зеркало, а мир вокруг.

Опять с улыбкой вижу, что, когда о чём-то начинаешь думать неотступно, книжки тоже собираются вокруг, чтобы разделить твою настойчивую мысль. Позабыл совсем пастернаковского «Живаго». Дай, думаю, пока свободен, разогну, а там прямо посередине развёрнутой страницы Живаго бормочет о революции, растапливая буржуйку: «Есть в этом что-то национально близкое. Что-то от безоговорочной светоносности Пушкина, от невилиющей верности фактам Толстого». Вот так, тоже рядом, как мне в тоске карантин – Пушкин и Толстой!

Карантин – это наше отмщение за потребительский эгоизм и жизнь для одних себя, а теперь откроем глаза и увидим, что, как писали сводки самоизоляции, «на улице есть люди», и увидим этих людей с благодарностью и любовью, как преодолевших себя.

Проза

Юрий Серб

Георгий Александрович Лебедев (Юрий Серб) родился в Ровенской области (УССР) 17 апреля 1944 года. Окончил филологический факультет Ленгосуниверситета (ныне СПбГУ), прозаик, член Союза писателей России. Прозаические произведения Юрия Серба печатались в журналах: «Литературная учёба», «Северная Аврора», «Аврора», «Берега», «Медный всадник», «Родная Ладога», в сетевых изданиях: «Русский переплёт», «Топос», «МолОко», «Русская народная линия», «Филград». Публицистика Ю. Серба, посвящённая главным образом вопросам защиты отечественного языка и культуры, появляется на различных Интернет-сайтах на протяжении ряда лет. Сопредседатель Общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград» (<http://petrograd.livejournal.com/>). Вёл колонку «Рцы Слово Твёрдо» на сайте «Российский писатель» в 2012–2013 годах. Книги: «Годовщина прошлой листвы» (1995), рассказы; «Солнце вдоль проспекта» (2009), роман; «Страна Эстремагвай» (2010), «Речка Нача» (2012), повести; «Статьи. Стихи» (2013); «Площадь Безумия» (2016), роман; «Стихотворения» (2018). Член Высшего творческого совета СП России. Живёт в Санкт-Петербурге.

Счастливые

Трилогия

Венок неудачнику

Завершение книги 1-й. Начало в № 4(34)-2019

* * *

ПОСЪЩЕНИЕ

Если бы Свѣтову не вздумалось проводить Салабина къ автобусу, то ничего бы страшнаго не случилось, остался бы Геннадій здоровъ и невредимъ (такъ поначалу думалось ему).

Дождикъ тогда весь день накрапывалъ, а Большой проспектъ Васильевского острова въ ту осѣнь былъ разрытъ и перекопанъ – надъ землёй тянулись большія газовыя трубы, поверху которыхъ скользко блестяли горбатые дощатые мостики. Павелъ держалъ Геннадія, какъ дорогого гостя, подъ руку, это Геннадія стѣсняло и связывало ему движения, но высвободиться изъ-подъ этой опеки значило бы обидѣть сентиментальнаго полупомѣшаннаго друга.

На спускъ съ такой «горки», не приноровившись къ шагу Павла, Геннадій споткнулся и ударилъ себя по правой лодыжкѣ лѣвымъ каблукомъ. Ссадина была пустяковая, полтора сантиметра, но кожа была сорвана. Дома онъ прижѣгъ её салициловымъ спиртомъ, только случилось это черезъ цѣлыхъ три часа. За нѣсколько дней больное мѣсто затянулось тонкой полупрозрачной плёнкой, однако настоящая кожа медлила возвращаться. «Ничего, нарастѣтъ!» – говорилъ себѣ Салабинъ и такъ договорился ажъ до февраля-марта.

Къ этому времени онъ сталъ чувствовать подкожныя явленія, какъ мы чувствуемъ порой явленія подземныя. Белёсая плѣнка оставалась натянутой, а въ глубинѣ сидѣла и пульсировала тянущая боль.

Потомъ онъ замѣтилъ, что больная правая нога стала, по сравненію съ лѣвой, толще въ полтора раза – и во столько же горячѣе. Только жаръ былъ этотъ какой-то знобящій.

Подъ плёнкой какъ будто прибывала жидкость. Онъ взялъ булавку, обеззаразилъ её спиртомъ и эту плѣнку прокололъ – чтобы, какъ думалось ему, выпустить гной. Потомъ эту версію врачъ оспорилъ: безцвѣтная жидкость была всего лишь сукровицей. Плѣнка присохла, потомъ отстала – и обнажила красную ранку; а потомъ уже стала краснѣть и вся нога до колѣна.

Интернетъ помогъ опознать трофическую язву. Дочка и зять тамъ же узнали о необходимости для такихъ больныхъ ежедневно гулять до двухъ часовъ, и Муся, пока ей было въ новинку, стала строго вопрошать по вечерамъ: «Ты гуляль? Ты не забыль сегодня погулять?»

* * *

– Гена! Привѣтъ тебѣ, Гена!
 – Привѣтъ...
 – Какъ себя чувствуешь, дорогой ты мой?
 – Приблизительно.
 – Э...э... но дѣла идутъ на поправку?
 – Точно сказать не могу. Хочу у Бога спросить.
 – Э... у Бога... Но ты уже нормально спишь, надѣюсь?
 – Какъ-то такъ...
 – Тогда позволю себѣ одинъ вопросъ... Э... скажи мнѣ, пожалуйста... Извини, я запыхался...
 – Запыхался.
 – Ну да... Э...э... скажи, пожалуйста, троцкизмъ – это что такое?.. Съ позицій сегодняшнего дня, имѣю въ виду. И не болѣе того, и не болѣе того...

Салабинъ порой забываетъ, что у Павла астма, отчего тотъ повторяетъ фразы, прерывается – и часто *запыхивается*.

– Троцкизмъ, по имени Лейбы Троцкаго, который Бронштейнъ...
 – Да это я знаю, дорогой ты мой... Э...это я знаю. А почему въ послѣднее время это снова слышно: троцкизмъ, троцкизмъ?..

– Политическій юдаизмъ, Паша, держится на двухъ крыльяхъ... ну, это моё личное мнѣніе... на сіонизмъ и троцкизмъ. Сіонизмъ – это задача собрать иудеевъ въ такъ называемой Землѣ Обѣтованной, въ государствѣ Израиль. Эта идея имѣетъ религіозную окраску. А троцкизмъ, безрелигіозный и сплошь политическій, – это планъ глобалистовъ: сдѣлать всѣ государства иудейскими и подчинить всю планету малому народу Шулхан-Аруха.

– Э... подобно бывшей Хазаріи?
 – Примѣрно.
 – Такъ вотъ почему ихъ столько было... э... троцкистовъ... въ республиканской Испаніи!.. Такъ?
 – Вотъ именно. Потому и вышелъ товарищ Сталинъ изъ испанской войны. Понялъ эту опасность. Большевики, что бы про нихъ ни говорить, конечно, лѣвые, но всё-таки дорожили родной почвой, а троцкисты любую почву испепелятъ ради завоеванія планеты.

– А кто тогда правые? Немцовъ и компанія?
 – Правые – это націоналисты, консерваторы, охранители традицій... То, что сейчасъ всякіе немцовы и бейлихи назвались «союзомъ плавыхъ силъ», равнымъ счётомъ ничего не значить. Это маска. Не болѣе того.

– Э...э... Теперь мнѣ болѣе понятна статья въ газетѣ «Завтра»... Но всё равно не до конца. А гдѣ они существуютъ, эти троцкисты?

– Да вездѣ. Девяносто первый, девяносто третій годъ въ Россіи – это реваншъ троцкистовъ. А съ ними – и побѣда хасидовъ, талмудистовъ, кабалистовъ и тѣхъ, кто въ Совѣтѣ Федерациі.

– Ты работаешь, Гена? Я не отъ работы тебя отрываю?
 «Спохватился! – сказалъ себѣ Салабинъ. – Но лучше поздно, чѣмъ никогда...»
 – Да какъ мнѣ работать! Кожа взбаламучена... и душа не на мѣстѣ. Но устраиваю на окнѣ кормушку для синичекъ, будетъ у меня общество.

– Ты ко мнѣ приѣзжай, будетъ тебѣ общество, я и борщъ сварилъ...
 – Нѣтъ, Паша, не могу. Дорога въ два конца – это три часа, хотя это полбѣды. Только я же на діетѣ, а свѣкла – это аллергенъ.

– Богъ мой, да приѣзжай – разопьемъ съ тобой, поговоримъ глаза въ глаза...
 «Вотъ опять интеллигентскія нѣжности!..»
 – Нѣтъ, Паша, извини... – (Я те кубанской картошки отварю, разъ ты борщъ не можешь...) – Нѣтъ, Паша, извини... (Да и какъ такъ – не общаться, чѣртъ побери! Э...э... это не по-христіански, въ концѣ концовъ!)

«Вот так вот: и чёрта и Христа на одномъ дыханіи!..»

– Нѣтъ, Паша, извини... Я теперь и водку не могу... аллергень... Теперя мнѣ думать надо. Я восемь мѣсяцевъ былъ въ ненормальномъ состояніи... Подумать есть надъ чѣмъ.

– Такъ одна голова – хорошо, а двѣ всегда лучше!

– Нѣтъ, Паша, тутъ множество причинъ... Не настаивай.

Но Павелъ продолжалъ настаивать ещё добрыхъ четверть часа – и уже никакъ Салабину не вставить было слово; со стороны Павла лавиной шли «аргументы»: невозможность для современнаго человѣка быть отшельникомъ, и христіанскій долгъ любви къ ближнему, и скопившаяся горечь на сердцѣ у Павла, за вѣсну и лѣто схоронившаго пятерыхъ товарищей, и много чего ещё...

Лишь когда Салабинъ убѣдился, что Павелъ его не слышитъ и не услышитъ, онъ въ сердцахъ бросилъ трубку, а потомъ сидѣлъ – и чесался, и корилъ себя за нетерпимость, съ одной стороны, и за индивидуальную *непереносимость* – съ другой.

Такъ оно и бывало въ послѣднее, уже слишкомъ продолжительное время.

* * *

Салабинъ отнѣкивался отъ предложеній Красова и Рославлева собраться и повстрѣчаться: онъ-де *непрезентабеленъ*. Ещё съ Красовымъ повидаться онъ дважды смогъ, но общія собранія СКР полностью исключались – показаться Иринѣ въ столь плачевномъ видѣ ему не хотѣлось. У себя же князь не принималъ и визитовъ не наносилъ.

Что до Ирины свѣтъ-Анатольевны, то порой Салабину казалось, что она ему лишь только померещилась. Да такъ оно и было: померещилась!.. Она была кусочкомъ далеко отлетевшаго прошлаго; даже не она сама, а тотъ взмахъ ея руки съ балкона улицы Ленсовета, то бишь на улицѣ Ѳёдора Углова, 93.

Потомъ этотъ взмахъ руки онъ во снѣ вспоминалъ. Какъ принёсъ онъ ей ту зелень, что они сказали, – всё это стёрлось; могла сказать «поклади тамъ...», могла отослать его въ комнату (всегда её смущали его глаза)... Говорятъ, что только при разставаніи души и тѣла человѣкъ за одно мгновеніе прозрѣваетъ всю свою жизнь въ ослѣпительномъ свѣтѣ и разящей полнотѣ (хотя въ этомъ каждому ещё предстоитъ убѣдиться), а пока живъ человѣкъ, въ нёмъ живѣе всѣго остального лишь осколки, фрагменты и отдѣльныя, особыя слова и жесты...

Когда въ Сновидовичахъ, въ далѣкомъ дѣтствѣ, маленькій Гена съ мамой гостили у бабушки, а во дворѣ сосѣдскіе мужики забивали козла на щелястомъ столѣ – и мама развѣшивала бельё на верёвкѣ, одинъ изъ мужиковъ, дядя Костя Галухинъ, сказалъ про маму: «Вотъ женщина! Посмотришь – рублёмъ подарить!» И это осталось острымъ и яркимъ воспоминаніемъ Гены; мамѣ онъ про то ничего не сказалъ. Мужики тѣ забылись, но слова дяди Кости увѣковѣчили въ душѣ у Гены даже его фамилію.

Старость у человѣка наступаетъ послѣ похоронъ второго родителя (не дай богъ, чтобы сразу обоихъ!), потому что старость – это сиротство, а сиротство – это ранняя старость. Напиши по-латыни «starost» – получится чешское слово *забота* (оттуда же и наше слово *староста*, заботчикъ).

Собственную старость не замѣчаешь, пока поглощёнъ заботами о дѣтяхъ: ты ещё молодъ, несмотря ни на что; они нуждаются въ тебѣ, и ты для нихъ – почти всё. А когда становишься для дѣтей усыхающимъ деревомъ, пока твой садовникъ, твой ангель-хранитель, осторожно обрѣзаетъ усохшіе сучья – тогда больше думаешь объ ушедшихъ родителяхъ: ихъ память повседневна, постоянна и въ покаянныхъ тонахъ. Ты скоро самъ почти ровесникъ родителямъ, и вы уже равно дѣти одного Отца, связуемая молитвой.

Въ такой-то моментъ твой сынъ, наученный матерью, ждущей отомстить хотя бы кому-то за свою скомканную жизнь, тебѣ скажетъ, что вы – онъ и ты – другъ другу чужіе: не отецъ и сынъ, нѣтъ, посторонніе люди. Женщина, мстя бывшему мужу, не понимаетъ, что эта мсть накрываетъ мрачнымъ покрываломъ ея сына тоже – и дѣлаетъ его сиротой.

Рабыня мести уже не останавливается: мститъ ещё и тому, другому, кто былъ для нея двадцать лѣтъ какъ новый свѣтъ въ окошкѣ, а точнѣе – движимая собственностью (*собственный мужъ* – это часто у нея слетало съ языка, что въ первомъ, что въ послѣдующемъ бракѣ). И померкъ этотъ свѣтъ, и стало окошко въ решѣткѣ, а сынъ остался круглымъ сиротой.

Конечно, Ростиславъ уже въ чинахъ и при обязанностяхъ; его держитъ нѣкая самонадѣянность,

возможно – и высокоомърие, питаемое службой, рутинной, иерархией, подобострастием подчинённых... Уже в школьные годы замѣчались в сынѣ нотки самоомнѣния. Теперь это какъ-то восполняется его жизнь бобыля и сироты – бѣдняги, что насмотрѣлся на распавшіяся семьи.

* * *

Осѣнь выдалась дождливой. Четыре каштановыя деревья во дворѣ долго держали созрѣвавшіе зелёные шары, и только къ концу ноября вѣтеръ началъ понемногу швырять ихъ на землю. Салабинъ долго, недѣлями, ходилъ – смотрѣлъ, задирая голову, и облизывался. Онъ положилъ себѣ цѣлью сдѣлать настойки изъ глянцевоыхъ плодовъ каштана, а затѣмъ, руководствуясь благодарнымъ чувствомъ, высадить въ горшки хотя бы горсть каштановъ, чтобы появилась малая роща передъ окнами. На обширныя прогалины газона было неуютно глядѣть изъ окна.

Одна очень крупная посторонняя женщина, вмѣстѣ съ сыномъ-школьникомъ, повадились ходить подъ каштаны въ салабинскомъ дворѣ; оба были въ капюшонахъ, имѣли ранцы за спиной и шарили взглядами по землѣ. Салабинъ ревниво слѣдилъ за ними, но тѣ какъ будто не замѣчали его грознаго взгляда. Каштаны даже не думали падать въ руки этимъ охотникамъ ради школьнаго руководлѣя, и сѣялся мелкій дождикъ, который ихъ медленно выдворялъ. Когда промокли оба капюшона и женщина съ мальчикомъ удалились, Салабинъ успокоился и, немного устыдившись собственной жадности, пошѣлъ въ универсамъ за яблоками. Исключая прочіе плоды, ему дозволялись только яблоки (зелёныя) и сливы – но жёлтыя; ягоды были подъ особеннымъ запретомъ. Выбирая яблоки, онъ придирчиво осматривалъ кожуру, отвергая тѣ, что были съ родинками, папилломами и гематомами.

Наконецъ, понемногу стали сыпаться каштаны, и Салабинъ сталъ находить на землѣ раскрытыя оболочки – уже безъ плодовъ. Кто-то раньше него успѣвалъ. Салабинъ задиралъ голову: облубованные имъ шары по-прежнему зеленѣли среди листвы, а падавшіе были, очевидно, съ верхнихъ «этажей», гдѣ вольно погуливалъ вѣтеръ; зато, съ высоты ударяясь о землю, они непременно раскалывались – и глянцевоые плоды вскорѣ бросались въ глаза первому встрѣчному. «На охоту надо выходить спозаранку!» – сообразилъ нашъ охотникъ, и скоро ему стала улыбаться удача.

Что ещё могло радовать въ его положеніи? – это громадная экономія въ расходахъ на пропитаніе. О фруктахъ уже сказано. Но Салабинъ уже давно не покупалъ готовыхъ мясныхъ издѣлій – изъ-за усилителей вкуса, фиксаторовъ, пирофосфатовъ, стабилизаторовъ и консерваторовъ... пардонъ, консервантовъ. До того какъ случилась эта революція на кожѣ, онъ позволялъ себѣ рисковать, покупая говяжій фаршъ, – въ надеждѣ, что мясо безъ американскаго *рактопамина*. Теперь ему разрѣшали только вымоченную, въ двухъ водахъ отваренную говядину – ни любимой рыбы, ни орѣховъ, ни грибовъ. Обжечься можно было даже на кефирѣ неизвѣстныхъ производителей. Пальмовое масло, пальмовое масло народу-побѣдителю! (Охъ, грѣхи наши тяжкіе!) Но они же сами объявили свою цѣль: воспитать изъ побѣдителя народъ-потребитель!

Изъ-за описанной экономіи у Салабина безъ всякаго напряженія оставалось вдоволь денегъ на оплату коммунальныхъ счетовъ, вѣдь онъ оставался главнымъ и единственнымъ плательщикомъ; дочка съ зятемъ бывали у него наѣздами, то на двѣ-три недѣли подрядъ, а то на протяжении недѣли единожды. Они считали себя гостями – дочка такъ и обмолвилась однажды. «Свобода, по Марксу, – осознанная необходимость; и я осознанно необходимъ».

* * *

Чай и кофе – агенты мірового заговора противъ салабинской территоріи; безопасенъ только лавровый листь... но вотъ въ Интернетѣ восторженная статья о куркумѣ: нѣтъ, моль, чудодѣйственнѣ дара природы!.. И Салабинъ купился; какъ таперича говорятъ – повѣлся... Черезъ сутки понялъ разницу: если чай – то жди на лицѣ, а если куркума – то подставляй рѣбра и плечи... Вѣкъ живи – вѣкъ учись и познавай самага себя. Жизнь прекрасна и удивительна, какъ писалъ тотъ самый поэтъ, что никогда не улыбался.

Постепенно къ Салабину пришла мысль, что если соблюдать отбой не позднѣе одиннадцати вечера, то это поможетъ возстановить иммунитетъ, вѣдь потеря онаго – это и есть аллергия, не такъ ли? Иммунитетъ для человѣка – это то же самое, что для гражданина суверенитетъ государства.

Однако продолжалъ гражданинъ засиживаться допоздна за компьютеромъ, потому что Содомскіе

Шайтаны Америки ежедневно попирали ногами всю планету, лжесвидѣтельствовали и преступали собственныя клятвы, и недаромъ преподобный Серафимъ Роузъ съ сѣвера Калифорніи до самой кончины своей говорилъ, что конецъ міра ближе, чѣмъ мы думаемъ.

И думается Салабину, что этотъ конецъ мы уже наблюдаемъ. Хотя бы потому, что міру навязаны сѣмена отъ «Монсанто» – срокомъ годности на одинъ сезонъ – и общають цифровую цивилизацію ГМОорганизмовъ... А родная страна поражена метастазами *пилотныхъ проектовъ*, изъ коихъ каждый – это вычлененіе и выводъ за предѣлы законовъ территорій, превосходящихъ територію Европы. Чѣмъ утѣшается праводостославный пьрезидентъ? Тѣмъ, что онъ гарантъ высокой нормы прибылей для высокыхъ особъ. Говорятъ же офицеры, увольняясь изъ арміи, что «нѣкому служить»; говорятъ же учёные обороннаго комплекса: «не во что вѣрять!», а школьники и школьницы, взявшись за руки, прыгивають съ верхнихъ этажей... Всѣ это видитъ Высшій Судія.

* * *

Павель спрашиваетъ, какъ Салабинъ объясняетъ канонизацію царя Николая Второго.

– Что ты, Паша, имѣешь въ виду?

– Э... я имѣю въ виду... э... э.. рѣшеніе Синода, понимаешь ли... чѣмъ они, такъ сказать, руководствовались...

– У всякаго событія, Паша, должны быть причина земная и причина небесная...

– Подожди. Я прокашляюсь... Запы'хался, понимаешь... («Запыхался», по привычкѣ молча отмѣтилъ Салабинъ.)

– А ты откуда-то бѣжалъ?

– Да погода, понимаешь ты, отвратная...

Удивлённый, Салабинъ таращится въ окно.

– Сочувствую, Паша.

– Такъ вотъ... Объясни мнѣ...

– Царь Николай Александровичъ былъ рѣдкимъ человѣкомъ...

– Да, онъ прекрасный семьянинъ и такое прочее... Но почему его освятили?

– А онъ и былъ святымъ... среди хаоса измѣны и двуличія... Вѣрнѣе, так: онъ былъ выше всѣхъ своихъ современниковъ...

– Это былъ слабый царь.

– Это былъ царь, знавшій будущее... своё, своей семьи и всей Россіи... и ещё, чего намъ съ тобой не понять, онъ смотрѣлъ въ это будущее – не моргая, не щурясь... Ты видѣлъ его портреты?

– Конечно, видѣлъ.

– А это *знаніе* – у него въ глазахъ. Ты посмотри!

– Ну и что? Значить, онъ капитулянтъ и фаталистъ...

– Онъ смѣстилъ своего дядю-масона, Николая Николаевича, съ поста главнокомандующаго, а самъ привѣлъ войска къ преддверію побѣды – вотъ потому его и блокировали на фронтѣ, чтобы, во-первыхъ, не дать побѣдить, а во-вторыхъ, не позволить ему подавить бунтовавшіе полки въ Петроградѣ... Я ему, Паша, только одинъ упрѣкъ могу сдѣлать: что онъ не посадилъ своего дядю в Петропавловку – а лучше бы казнилъ... да и всѣхъ подобныхъ родичей... И ещё – что не закрывалъ газетъ, публиковавшихъ небылицы про Григорія Распутина, и журналюгъ не сажалъ...

– Какъ?! Ты за Гришку Распутина?! Какъ ты...

– Онъ не Гришка. Онъ Григорій Ефимовичъ. Это какъ минимумъ.

– Э... э... Пусть будетъ по-твоему.

– Да при чѣмъ тутъ «по-моему»? У радикаль-интеллигенціи былъ въ распоряженіи двойникъ Распутина, проходимецъ изъ-подъ Вильны или Бреста... Онъ даже сибирскихъ словъ не зналъ...

– Откуда сіе извѣстно?

– Да изъ тѣхъ фальшивыхъ «записокъ Распутина царю», якобы которыми онъ назначалъ министровъ.

– Гена, почему это «якобы», Гена-а!..

– Записки были изготовлены для «музея Октябрьской революціи» на ломаномъ псевдонародномъ языкѣ. Это разъ. И почеркъ былъ не тотъ, который у Распутина...

– Такъ откуда сіе извѣстно?

– Докторъ филологіи Миронова работала въ архивахъ – и это выяснила. Ея книга вышла въ тысячѣ экземпляровъ. Всего!

– Ну, хорошо, допустимъ. Но мы уклонились... Почему царя канонизировали? Его даже Путинъ назвалъ Кровавымъ...

– А то Путинъ не кровавый?! Да онъ ради власти чего только не дѣлалъ! Царь Николай – онъ святой не по сравненію съ Путинымъ, а самъ по себѣ. Не хватало мнѣ ещё слушать этого отца и дѣтища лжи!

– Ладно, такъ вотъ я тебѣ, Гена, скажу: э... э... царя канонизировали, потому что надо было помириться съ эмигрантской русской церковью, которая его канонизировала!.. Объ этомъ пишетъ профессоръ *, и книга его у меня еее...сть! – послѣднія слова Паша въ трубку прорычалъ, а фамилію профессора Салабинъ не слышалъ.

– Ничего странного, что Путину ради власти было нужно единеніе церковей. Онъ ради власти и съ раввинами цѣлуется.

– Ну вотъ видишь, всё рѣшаютъ... э... политики, ни дна им ни покрывалки! Вотъ и канонизировали... э... по мотивамъ политическимъ... А Богъ всё терпитъ!

– Богъ всё видитъ, пока всё терпитъ и всё знаетъ напередъ. А царь Николай – святой!

– Съ тобой не договоришься, Гена!

– Это смотря о чѣмъ.

– Ну, чтобы ты хоть пріѣхалъ... не болѣе того...

– Пока что никакъ.

– Ну, прости, если я тебя оторвалъ... э... помѣшалъ... и такъ далѣе...

* * *

Какое это счастье – быть здоровым! Какое это счастье – быть больнымъ и не роптать!

Въ послѣднюю встрѣчу съ докторомъ Таисіей Павловной Салабинъ спросилъ её, позволительно ли исключить изъ запретнаго списка натуральный кофе... Вѣдь натуральный... конечно, не тотъ, который растворимый...

– Попробуйте, но – съ осторожностью... Когда кожа стабилизируется.

И вотъ Геннадій осторожно позволяетъ себѣ, ухъ-ухухъ, ча-ашечку кофе!..

И – безъ печальныхъ послѣдствій въ теченіе сутокъ! Ура! И уже – вторые сутки!

Гм!.. Такъ почему въ запретномъ списокѣ значится просто *кофе*, а не прямо, откровенно – *растворимый*?

А это – требованіе торговли. Иначе въ судъ потащатъ медиковъ: за дискриминацію ихъ высокотехнологичнаго продукта – гранулированнаго, ліофилизованнаго – и за лишеніе потребителя священнаго права выбора въ супермаркетѣ. Но главное – чтобы не позволить сократить ихъ долю прибылей, и это при томъ, что они круглосуточно, безъ выходныхъ, только о насъ и думаютъ... подстерегаютъ насъ... въ торговыхъ сѣтяхъ.

Какъ это здорово – всё понимать!

Но какъ тогда вѣрить въ будущее человѣчества – да и въ самоё человѣчество?

* * *

Отъ мыслей, новостей и псевдоновостей, отъ Пашиныхъ звонковъ – пробѣгаютъ по кожѣ невидимыя иголки. Поэтому Салабинъ по-прежнему затворникъ, отказывается не только отъ приглашеній Павла, но даже очередную бесѣду съ Красовымъ переноситъ и переноситъ.

– Ну, до конца-то декабря мы должны съ тобой повстрѣчаться! – говоритъ Дмитрій. – Иначе что же это получается!

Князь Пётръ Николаевичъ въ отъѣздѣ, сейчасъ встрѣчи Салабина съ Красовымъ внѣ формата «СКР», но было всёго двѣ ремиссіи, когда Геннадій смогъ пріѣхать – со своей испытанной ѣдой. На воздержаніе Салабина отъ алкоголя Красовъ смотрѣлъ философски: они чокались, и Салабинъ ставилъ свою стопку, не пригубляя.

Отшельникъ сдѣлалъ себѣ каштановой настойки (для наружнаго примѣненія!) и располагалъ избыткомъ каштановыхъ плодовъ; вспоминая, съ какимъ ненасытнымъ азартомъ онъ собиралъ блестящіе дары природы, теперь онъ терзался угрызениями совѣсти: вѣдь на сырой землѣ они

вполнѣ могли прорасти. Прошлые опыты Салабина – пропихивать каштанѣ въ приготовленную щель въ землѣ – не дали никакихъ результатовъ. Ошибка его была именно въ пропихивании каштана бокомъ; въ свободной жизни они брякаются о землю плашмя, на землю матовымъ кружкомъ – и тогда прорастаютъ.

Теперь онѣ высадить ихъ у себя въ горшкахъ, дать имъ подрасти – а потомъ высадить во дворѣ и вокругъ дома, въ которомъ, дастъ Богъ, стануть поживать ещё долгіе годы его дочка и зять Андрей.

А пока – терпеніе, ожиданіе: поливать горшки со спящими каштанами – и ждать ихъ пробужденія.

Долго ли, коротко ли поливалъ онѣ и ждалъ, но проклюнулись сначала одинъ – первенецъ, затѣмъ второй – средній, а потомъ и третій – младшенькій.

Остальные – ни тпру, ни ну; они-то и были посажены неправильно. Только трое смогли отвѣтить на зовъ земли и на чаянія невѣжды Салабина: побурѣвшій каштанѣ лопался небольшимъ «kozyрькомъ», изъ-подъ котораго – въ моментъ, когда нетерпѣливый Салабинѣ не могъ этого сглазить, выходила блѣдно-зелѣная пуповина и вонзалась въ землю; затѣмъ она по длинѣ расщеплялась на двѣ половинки, которыя, спружинивъ, подымали лопнувшій плодъ надъ почвой, а изъ расщепленнй пуповины выпрастывался къ небу стебель будущаго ствола. Израсходованный плодъ ещё долго висель на изогнутой пуповинѣ, а стебель росъ на удивленіе быстро и скоро давалъ въ противоположныя стороны два побѣга будущей листвы. Стволѣ наливался живыми красками, ростъ продолжался и блѣдная зелень листочковъ постепенно темнѣла.

Просыпаясь, Салабинѣ первымъ дѣломъ отодвигалъ оконную штору и спрашивалъ: «Ну какъ вы тутъ, сынки?..» – и лишь минутъ черезъ пять становился на молитву. Послѣ вечерней молитвы онѣ снова опирался на подоконникъ и вглядывался въ тончайшее блѣдное остріе на развилкѣ двухъ листовыхъ побѣговъ – въ зародышъ продолженія ствола. Нетерпеніе Салабина было очень велико – и онѣ боялся, что это смущаетъ молоднякъ и тормозитъ ихъ ростъ. Тогда, оросивъ почву, онѣ оставлялъ ихъ въ покоѣ.

Выздоровливая, онѣ рѣшилъ, что умываться гораздо важнѣе передъ сномъ, чѣмъ послѣ пробужденія: надо смывать съ лица человѣческіе взгляды, полученные за день, чтобы съ чистымъ образомъ отходить ко сну, безъ пыли и копоти.

На улицѣ онѣ перехватывалъ взгляды молодящихся старухъ, дымившихъ сигаретами, а порой – и взгляды неторопливыхъ дѣвицъ. Курившія дѣвицы въ дыму переживаній не замѣчали его – прямо державшагося мужика, торопливо шедшаго мимо, – съ сѣдьющей бородой, которая шла ему *офигѣнно*, – по заявленіямъ знакомыхъ вдовъ и старухъ.

Въ дождливые дни онѣ смотрѣлъ себѣ подъ ноги, переступая черезъ выползшихъ земляныхъ червей, большей частью уже растоптанныхъ, – именно земляныхъ, а не дождевыхъ: послѣднее названіе казалось ему несправедливымъ.

Работать онѣ пока не могъ – только читалъ, что было непрочитаннаго у него въ библиотекѣ; напримѣръ, любопытнаго автора Жана Жіроду – въ связи съ чѣмъ пришёлъ къ выводу, что выраженія *троянскій конь*, *троянская война* тоже несправедливы: это были не троянскія затѣи, и жертвами ихъ стали именно троянцы.

У Лѣскова онѣ прочёлъ, что «цѣли христіанства вѣчны», – и, продолжая эту мысль, сказалъ себѣ: вѣчны – и поэтому всегда будутъ *недостигнутыми цѣлями* въ нашемъ несовершенномъ мірѣ.

Разъ или два въ недѣлю къ нему въ «столовую» за оконными переплѣтами прилетали нарядныя синички... Онѣ осторожно отступалъ вглубь комнаты, чтобы не спугнуть ихъ, и думалъ: что за вѣсть вы мнѣ принесли?

Иногда эта вѣсть приходила потомъ по телефону, но чаще это былъ съ ихъ стороны простой визитъ вежливости: синички порхали вокругъ домика, иногда заглядывая внутрь, и обязательно у нихъ былъ кто-то на часахъ. Голуби же – тѣ прилетали какъ къ себѣ домой, по многу разъ на дню, но Салабинѣ неизмѣнно ихъ отваживалъ.

Когда Салабинѣ покидалъ дневной стаціонаръ Таисіи Павловны, она, въ какомъ-то нерѣшителномъ раздумье, сказала:

– Попробуйте ещё болтушку «Циндолъ», это окись цинка, наноситъ на поражённые мѣста... – и написала на бумажкѣ: *Циндолъ, утромъ и вечеромъ*.

Наконецъ, Салабину пришло въ голову полистать оставшійся отъ отца «Фармако-терапевтический справочникъ» Тринуса, городъ Кіевъ, изданіе 6-е, стереотипное, и тамъ онѣ нашёлъ и окись

цинка, и дёготь берёзовый, и ещё много чего отъ экземы, увидѣвъ, къ своему удивленію, что многія средства, въ которыхъ онъ теперь нуждался, были подчеркнуты отцовскимъ краснымъ карандашомъ. «Не наслѣдственное ли это у меня?» – задумался онъ. Но отъ отца онъ никогда не слышалъ жалобъ на состояніе кожи. Сталевары перенимають свойства стали, которую варять.

Съ мыслію о цикличности исторіи, о неотвратимости потрясеній и неизбѣжности революцій от недобросовѣстной пищи ТНК онъ подводитъ итоги своей борьбы съ аллергіей. И снова теряется въ выводахъ, прежнихъ и теперешнихъ: причина въ лекарственномъ отравленіи – или же въ пищевомъ? Какое это имѣетъ значеніе? – это что въ лобъ, что по лбу. Однажды онъ видѣлъ въ Ютюбѣ запись дѣтской телепередачи, гдѣ внушалось, что аллергия – это слѣдствіе сосѣдства человѣка съ пылевыми клещами. Существуютъ, дескать, нѣкіе невидимые клещи, поѣдающіе кожную пыль человѣка, который скребѣтся и чешется, а экскременты сихъ тварей вызываютъ у насъ аллергію. Даже показали въ телекартинке вставку якобы увеличенныхъ съѣмокъ подъ микроскопомъ: рыжіе клопички-черепашки смѣшно скачутъ по полу квартиры. Телеведущій объяснилъ дѣвочкѣ съ бабушкой, какъ бороться съ этими клещами: еженедѣльной стиркой бѣлья при температуре въ 60 градусовъ. Салабинъ шесть недѣль послушно исполнялъ эти рекомендаціи, пока не догадался, что хазарская мафія дѣйствуетъ въ интересахъ стирально-порошковой индустріи и заодно затираетъ подозрѣнія насчетъ индустріи пищи и лекарствъ... Тѣмъ болѣе, что и внукъ Калашникова, живущій съ мамой въ Монпелье, получилъ отъ тамошнихъ врачей такую же байку о пылевыхъ клещахъ.

Среди коллегъ Салабина нашѣлся товарищъ по несчастью, подробно рассказавшій Геннадію, какъ онъ излѣчился отъ нейродерміи. И Салабинъ, хотя его болѣзнь не имѣла нервнаго происхожденія, ухватился за этотъ новый алгоритмъ и ушѣлъ отъ чѣрно-бѣлаго лѣченія дѣгтемъ и окисью цинка. Онъ снова сталъ принимать давно ему знакомый Цетиризинъ, перешѣлъ на діету, ещё болѣе строгую, и сочеталъ два разные крема (одинъ утромъ, другой къ вечеру) съ пріемомъ коллоидной двуокиси кремнія. Двуокись кремнія въ природѣ – это песокъ, но коллоидный *полисорбъ* былъ легче тополиного пуха и бѣлѣ снѣга.

Авторы вечерняго крема были итальянцы, давшіе крему почти музыкальное названіе, которое Салабинъ расписалъ по нотамъ: Локобейз Рипеа въ русскихъ буквахъ выглядело нелѣпо, а латынью должно было выглядѣть какъ англійское *Locobase Repair*, то есть Починка либо Ремонтъ основанія (кожи). Скептикъ по природѣ, Салабинъ не испугался нелѣпости названія, но ещё не вѣрилъ въ этотъ кремъ, за который въ аптекѣ, даже со скидкой, пришлось платить болѣе полутыщи рублей.

Къ страшнымъ передѣлкамъ англійскихъ звуковъ въ наши буквы русской глазы Салабина уже притерпѣлся, возьмите хоть ЛЭЗЕРТАЧ въ рекламѣ мягкой мебели, ибо *leather touch* означаетъ рекламный выкрикъ: *на ощупь – настоящая кожа!* – а речь тамъ идётъ объ искусственной.

Вообще, отвлекается мыслію Салабинъ, передача родными буквами звучанія иностраннаго слова плодитъ уродовъ... Но и старательная передача буквами звуковъ роднаго діалекта, какъ дѣлають бѣлорусскіе начальники, это рожать то же самое: попробуйте догадаться, напимѣрь, что абіцель въ бѣлорусской «мовѣ» – это обитель!..

Однако главной причиной, склонившей Салабина къ новому комплексу леченія, было то, что новая діета, строгая донельзя, исключавшая даже замороженные овощи, разрѣшала чай. А онъ уже два года въ этомъ себѣ отказывалъ, пія одну только воду.

Онъ будетъ пить краснодарскій чай – какъ самый мягкій изъ всѣхъ существующихъ. А чтобы уравнивать сладость чая, онъ будетъ пить его съ лимономъ – но безъ кожуры, вѣдь цитрусы по-прежнему подъ запретомъ!.. Цитрусы – да, но не лимонная кислота...

И онъ приналѣгъ на чай... И нѣсколько недѣль ему ничего за это не было! И онъ уже совсѣмъ было поправился отъ революцій на кожѣ, разъ-другой даже позволилъ себѣ бѣлаго вина и бѣлорусскихъ мясныхъ закусокъ... Почему бѣлорусскихъ? – въ слѣпой надѣждѣ на то, что тяжбы Роскомнадзора съ мясными экспортѣрами Бѣлоруссіи должны были отучить послѣднихъ отъ глютамата и прочихъ пакостей.

И тутъ-то началось... Вѣрнѣе, возобновилось. И опять онъ задумался о цикличности исторіи, осозная себя хроникомъ – и понялъ, что это надолго. Да что тамъ! – пожизненно теперѣ.

А возможно ли быть въ Россіи вполне счастливымъ безъ квашеной капусты, безъ солѣныхъ грибовъ? Безъ чистой рѣки и безъ чистой ѣды?

Да, ты хроникъ отнынѣ, Салабинъ. Теперь даже гречку разваривай до состоянія размазни, а если не поможетъ – пробуй лѣчебное голоданіе.

Стаканъ воды

– Вы что же думаете, она вамъ въ старости – стаканъ воды?.. Вѣдь не подасть!

Классная руководительница, офицерская вдова изъ Таджикистана, смотрѣла на Салабина серьёзно, испытующе.

– Да, я это знаю! – безстрашно отвѣтилъ тогда Салабинъ-отецъ, хотя ничего ещё не зналъ.

Онъ регулярно посѣщаль родительскія собранія въ Марусиной школѣ, гдѣ дочку обучали рыночно-демократическимъ навыкамъ – всякимъ ОБЖ, *валеологии*, новой исторіи новой Россіи и прочимъ новшествами.

Половина учительницъ Маруси были незамужнія женщины, трепетавшія передъ самовластной директрисой, а въ періодъ президентскихъ и прочихъ выборовъ – весьма зависимыя отъ избирательныхъ комиссій.

И на поведеніи Лены-Маруси уже сказывалась реформа образовательныхъ программъ.

Какъ-то разъ онъ разсердился на Марусю-пятиклассницу за ея упрямство и, выйдя изъ себя, стиснулъ ей плечи, готовый дочку отшлѣпать...

– Я въ судъ на тебя подамъ! – спокойно сообщила она ему. И руки его опустились, а сердце сжалось и покатилося грецкимъ орѣхомъ...

Вотъ они, плоды просвѣщенія...

Почему и за что разсердился тогда, онъ не помнилъ; люди не помнятъ причинъ, а только слѣдствія, и Салабинъ здѣсь не былъ исключеніемъ. А дочкины слова ему занозили память до конца его дней.

Въ начальныхъ классахъ, по малолѣтству, дочка ещё сочувствовала переживаниямъ отца объ упадкѣ языка и рѣчевой культуры, тѣмъ болѣе радовала грамотностью своего письма; даже порой дѣлилась впечатлѣніями о невѣрныхъ удареніяхъ учительницъ, бѣжавшихъ изъ Средней Азіи... Но съ возрастомъ общительность ея начала исчезать.

– Папъ, а какъ правильно – рельсъ или рельса?..

И папа, этотъ зануда, сказавъ, что данное слово – мѣскаго рода, пускался разглагольствовать о томъ, что рельсъ и рельса ржавѣютъ одинаково, оба взяты изъ англійскаго, и поминалъ некстати царскаго развѣдчика Вандама-Едрихина, автора крылатой фразы, что хуже войны с англосаксомъ – только дружба с нимъ. То есть это неперемѣнное преддверіе войны.

И вотъ теперь...

Теперь онъ дочку видитъ только въ коридорѣ, когда она ему бросаетъ коротко «Привѣтъ», или въ тѣсной кухонкѣ, гдѣ оба они молча терпятъ другъ друга, какъ тѣсноту. Нѣтъ, неправда, не оба одинаково терпятъ: Салабинъ, зная, что его только терпятъ, былъ бы радъ услышать при этомъ словечко.

Недавно судьба подарила ему встрѣчу съ дочкой внизу у лифта: онъ ждалъ подхода кабины, а изъ нея вышла его Маруся – округливъ глаза, состроила улыбочку, подобіе тѣхъ, что строятъ незнакомцу западноевропейскія женщины, оказавшись одинъ на одинъ (какъ бы вдругъ чего не вышло).

«Кто хочеть услышать словечко, самъ долженъ слово сказать!» – Салабинъ вздрогнулъ и сталъ оглядываться: кто?.. Или это почудилось?

Однако же дочка съ зятемъ, надо отдать имъ должное, въ началѣ совмѣстнаго проживанія проявили немалую о нёмъ заботу: Андрюша построилъ въ углу под иконостасомъ хозяйственный столъ съ полками для посуды и съ выдвижнымъ ящикомъ, подъ которымъ ещё осталось пространство для словарей и энциклопедій. И отдали ему свой тостеръ для поджарки хлѣбцевъ, и подарили электрочайникъ, такъ что Салабинъ могъ теперь готовить себѣ собственный фаст-фудъ, выходя на кухню только для забора воды въ фильтровальный кувшинъ.

А ещё ему купили сѣрый свитеръ изъ чистаго хлопка и подарили двѣ яркія сорочки, которымъ, кажется, износу нѣтъ... Но Андрей, который склоненъ бывалъ бесѣдовать съ Салабинымъ и охотно дѣлился съ дремучимъ тестемъ современной мудростью, бываетъ здѣсь не каждую недѣлю, да и съ дочкой они норовятъ пропадать этакъ недѣль на полторы-двѣ; какъ-то разъ Маруся проговорила, похваливъ отца за блестящій кухонный полъ: «Это благородно – убирать квартиру, когда ожидаются гости!»

Вотъ какъ – вы, стало быть, гости... А чему ты удивляешься, Салабинъ, ты же платишь, какъ хозяинъ, по счетамъ ЖКХ. Да, да, я хозяинъ, спорить не буду; пользуйтесь, пока я живъ и существуютъ пенсіи по старости и молодѣть безработица. Пока.

– Папъ, у тя футболка надѣта наизнанку! – засмѣется дочка своимъ журчащимъ смѣхомъ...

– Потому что швы футболки раздражают кожу, – счастливый ея вниманіемъ, отвѣтитъ ей отецъ. Но проходили мѣсяцы совмѣстнаго порой топтанія въ тѣсной кухонькѣ и хожденія мимо другъ друга – проходили и прошли, а она ничего не сказала.

Послѣ ихъ недѣльнаго отсутствія:

– Вы были въ Колпинѣ?

– Нѣтъ.

«Возможно, я неправильно спросил!»

– Мм... ты была въ Колпинѣ?

– Нѣтъ.

– А съ Ростикомъ ты когда видѣлась?

– Давно.

«А я, когда понялъ, что намъ съ твоей матерью не жить, всё сдѣлалъ, чтобы Ростикъ не быть одному, чтобы ты родилась...»

Но эти слова такъ и не вышли на свѣтъ, застряли въ горлѣ. Знаетъ о нихъ только сестра его въ Кіевѣ.

* * *

Послѣ того какъ Ростиславъ отрѣкся отъ отца, Андрѣй выяснилъ у Салабина перспективу квадратныхъ метровъ общаго обитанія.

– Допустимъ, я тутъ сдѣлаю полный ремонтъ, замѣню оборудованіе, а черезъ пару лѣтъ, или раньше, къ Лидѣ придѣтъ съ вопросами наслѣдованія Ростиславъ...

Салабину показалось маловѣроятнымъ, чтобы Ростикъ пришѣлъ къ сестрѣ съ претензіей на половину отцовской доли, но ради спокойствія зятя и дочки въ ходѣ ихъ ремонтной кампаніи, онъ согласился завѣщать свою долю Ленѣ-Марусѣ и подписать соотвѣтствующую бумагу.

А нотариусъ озаботился тѣмъ, чтобы у завещателя была полная ясность въ смыслѣ содѣяннаго:

– Итакъ, Елена Геннадьевна становится единственной вашей наслѣдницей. Тѣмъ самымъ вы сына лишаете наслѣдства.

– Понятно, – отвѣтилъ Салабинъ.

Дома онъ дочкѣ далъ прочесть завѣщаніе и показалъ, куда его кладѣтъ: въ ящикъ шкафа, гдѣ хранились всѣ вообще документы и фотографіи.

Вообще-то въ міровой литературѣ, особенно французской, завѣщанія хранятся по-другому, содержаніе ихъ – большой секретъ для наслѣдниковъ, но тутъ мы сами всё съ наслѣдницей согласовали: какъ говорятъ герои серіаловъ, базара нѣтъ. Съ этого момента обновленіе квартиры по вкусу молодыхъ пошло намного резвѣй.

Гдѣ и когда Андрей обучилъ папину Марусю строительнымъ профессіямъ, достовѣрно не извѣстно, но она самостоятельно декорировала стену в прихожей «подъ кирпичъ» и выбѣлила еѣ подъ греческій островъ Санторини, застелила прихожую керамическими половицами подъ древесныя породы бассейна Амазонки и тотчасъ принялась за туалетъ... Салабинъ не только диву давался, но и припомнилъ, какъ онъ самъ вложился въ ихъ расходы, отдавъ дѣтямъ наличную валюту – полторы тыщонки швейцарскихъ франковъ... Всѣй душой ненавида Соединѣнныхъ Шайтановъ Америки и презирая ихъ долговья расписки, онъ ѣздилъ въ Грецію съ франками, а весь остатокъ отдалъ дочкѣ и зятю. «Они же хоронить меня будутъ!» – думалъ онъ при этомъ, и былъ, вѣроятно, правъ.

Наблюдая дочкины рвеніе съ умѣніемъ, ея ловкое обхожденіе съ электробетономешалкой, мастеркомъ, кистями и шуруповѣртами, онъ испытывалъ чувство гордости, котораго не скрывалъ въ разговорахъ со сверстниками.

Пятиметровую кухнюку дѣти по периметру обустроили стеллажами полокъ, изъ коихъ нижнюю часто привѣчаетъ салабинскій лобъ.

О томъ же, что съ дочкой недѣлями не получается поговорить, онъ умалчивалъ; только иногда проговаривался передъ Красовымъ, у котораго дочь была помягче салабинской Маруси, потому что похитрѣе.

* * *

Ой, то не вечерь, то не вечерь,
Мнѣ малым-мало спалось,
Мнѣ малым-мало спалось,
Охъ, да во снѣ привидѣлось...

Кто же ты таковъ, Салабин?.. Не пора ли дать себѣ отвѣтъ?

Когда ещё недавно случалось тебѣ вступать въ бесѣды съ зятемъ Андрѣемъ, тотъ недоумѣвалъ, за что Геннадію Серафимычу такое наказаніе, за какіе такіе грѣхи, откуда они у этого... безобиднаго старика (думалъ, должно быть, Андрѣй), самостоятельно вырастившаго дочку и такъ же самостоятельно кропающаго прозу вперемешку со стихами?

Но это упрощѣнный подходъ – считать, что болѣзни и страданія прямо зависятъ отъ количества и «качества» грѣховъ. Тотъ же Іовъ Многострадальный... Его примѣръ отрицаетъ прямолинейное, зубъ за зубъ, толкованіе. А сколько мучился Паисій Святогорецъ! – всѣ болячки современной Греціи взявшій на себя... У тебя же, Гена, только твои, лично заработанныя... И утѣшается Салабинъ мыслію, что посылаются страданія во искупленіе всего совершённаго и будущаго, но болѣе всего – какъ милость, ради смягченія посмертнаго приговора.

Съ нѣкоторыхъ поръ дѣти при нёмъ живутъ какъ мышки, не слышно ихъ и не видно. А когда исчезаютъ, думай-гадай: то ли на семейномъ подрядѣ своёмъ, то ли дочка у свекрови въ Колпинѣ согрѣвается подобіемъ материнскаго тепла.

Нѣсколько лѣтъ назадъ ещё была встрѣча съ дочкой, которая подороже только что описанныхъ. Лѣтнимъ вечеромъ онъ вышелъ въ *свой садъ*, чтобы полить подраставшіе клёны и каштаны, и вдругъ изъ сумерекъ прямо передъ нимъ появилась дочка – увидѣвъ папу издали, безъ всякаго зова подошла, сама. Онъ показалъ ей особенно нуждавшихся въ заботѣ подростковъ – и дочь пошла домой, а онъ продолжилъ своё занятіе. Но незадолго до ея замужества была встрѣча ещё памятной... Она шла куда-то изъ дому (уже тогда онъ былъ отученъ отъ разспросовъ), и онъ далъ ей что-то *вкусненькое* изъ своихъ покупокъ; черезъ нѣсколько минутъ получили отъ нея СМС-ку: «Ты такой, папочка!»

А теперь въ ихъ комнатѣ голоса приглушены, какъ у развѣдчиковъ въ тылу врага; шкафами они выгородили изъ смежной комнаты ему проходъ – «коридоръ», изъ котораго юркаютъ къ себѣ, къ своимъ компьютерамъ, за пологъ изъ тёмной ткани, замѣняющей дверь. Можно ходить мимо полога и часами не знать, есть ли кто-либо дома... «А есть ли дома кто?..» – и если есть, то услышишь либо «Да, привѣтъ!» (дочка), либо «Здрасте, Геннадій Серафимович!».

Хорошій парень Андрѣй, золотыя руки; и жену многому научилъ. Дочь теперь – цѣлый художникъ, архитекторъ, декораторъ въ одномъ лицѣ, занята ремонтомъ прихожей и туалета.

А когда сквозь драпировку и шкафы журчитъ дочкинъ смѣхъ – то всё хорошо, оба дома, имъ есть о чёмъ поговорить, а не сидѣть, уткнувшись въ ПК.

Заставая дѣтей въ кухнѣ за обѣденнымъ столомъ, онъ получалъ «спасибо» за своё «Пріятнаго аппетита!», и разговоромъ имъ не докучалъ. Но однажды дерзко пожаловался, что въ аптекахъ по всѣй Улянкѣ исчезъ берѣзовый дѣготъ:

– Если увидишь, дочка, буквы АПТЕКА, можешь зайти и спросить...

Онъ имѣлъ въ виду, что она изъ окна своей машины можетъ увидѣть аптеку въ другомъ районѣ города (хотя возможны проблемы съ парковкой). При этомъ онъ сознавалъ свою наивность. Также былъ шансъ услышать: «Знаешь, папа, нигдѣ нѣту дѣтѣя!» – если честно, на большее онъ не рассчитывалъ. Однако ничего не случилось.

Зато на день его рожденія устроили сюрпризъ – изъ Интернета распечатали картинку и прикрѣпили въ прихожей на общую дверь: молодой парень въ шортахъ лежитъ на берегу у воды, но лежитъ неправильно, къ водѣ ногами, а не лицомъ. Передъ нимъ на песокъ раскрыта книга для записей, а въ рукѣ его – ручка, онъ увлечёнъ... Крупная надпись: «Въ любой непонятной ситуации пиши книгу!»

И – существенная деталь: ноги парня, до половины шортъ, – въ пасти у крокодила...

Проходили мѣсяцы, не уходила болѣзнь, Геннадій входилъ и выходилъ черезъ эту дверь, шагаль по выгородкѣ «коридора» – и думалось ему, что его завѣщаніе, скорѣй всего, уже смѣнило мѣсто пребыванія, но убѣдиться въ этомъ онъ не торопился... ждалъ подходящаго настроенія. И снова проходили мѣсяцы, казалось – уходила болѣзнь, и приходила снова.

Потомъ, какъ-то неожиданно для себя, Салабинъ склонился къ ящикамъ секретера и къ семейнымъ документамъ... Увидѣвъ, что его ожиданія подтвердились, онъ задвинулъ ящикъ, выпрямился – и прошепталъ:

– Мы оба наивны – она и я! Но меня она знаетъ лучше, чѣмъ я её!

* * *

Сосѣдь Валентинъ, восемнадцатю годами старше Салабина, говорить:

– Щасъ изъ трёхъ раз угадаю, куда идёшь! Въ аптеку!

Это нетрудно и съ перваго раза: они почти у крыльца аптеки.

– А я самъ оттуда! Зачѣмъ идёшь?

– Да отъ солёныхъ огурцовъ – язвы на ногѣ...

– А ты не зналъ, что, можетъ быть – нельзя?..

– Знать-то зналъ, да казалось – уже поправился!

– Ну вотъ... – И они расходятся, сдѣлавъ другъ другу подъ козырёкъ.

«А поди знай, – думаетъ Салабинъ, – отъ огурцовъ ли, или это рактопаминъ въ говядинѣ, которая позволена по списку...»

У Валентина для аптеки свои бѣды, и Салабинъ всё про нихъ знаетъ...

* * *

А ты вспомни, Салабинъ, свои отношенія съ отцомъ!.. Ты только въ старшихъ классахъ научился говорить ему «ты», а до того общались больше при посредничествѣ матери. Съ отцомъ вы ходили въ баню... однажды вмѣстѣ были въ кино... однажды ѣздили вдвоёмъ на заливъ... Съ разстоянія въ сорокъ лѣтъ это кажется преднамѣренными, заранѣе обдуманнми операціями по *сближенію сторонъ*.

Когда отецъ сталъ учиться въ УМЛ («университетъ марксизма-ленинизма») и почиталъ Иммануила Канта, то присвоилъ сыну прозвище «вещи въ себѣ». А когда сынъ работалъ въ УМЛ (въ управленіи международныхъ линій) пароходства, то получилъ однажды вызовъ въ отдѣлъ кадровъ, пришёлъ – и увидѣлъ ожидавшаго тамъ отца:

– Что случилось? Зачѣмъ ты здѣсь?

– Ничего не случилось, – отвѣтилъ Серафимъ Ивановичъ и обернулся къ кадровикамъ – поблагодарить.

Потомъ онъ сына проводилъ до его рабочаго мѣста, и они о чѣмъ-то говорили по дорогѣ, пока шли черезъ полквартала и полторы улицы. Теперь Геннадій не сомнѣвается, что тогда въ кадрахъ онъ задалъ свои вопросы отцу безъ обращенія «папа» или «отецъ»... Воистину, какъ *вещь въ себѣ*.

А вѣдь отецъ, и сынъ, и внучка – всё трое родились въ одинъ и тотъ же календарный мѣсяць, и клеймо гороскопа у нихъ одно... Такъ что хочется встать передъ зеркаломъ и самому себѣ сказать: «Эй! Будь ты проще, Геннадій!»

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ

Былъ вторникъ...

Снявъ трубку запищавшаго телефона, Салабинъ услышалъ взволнованный голосъ Володи Безперстыхъ – и мгновенно пришла догадка: Свѣтовъ!

Володя былъ общимъ знакомымъ Свѣтова и Салабина, пожалуй – даже закадычнымъ пріятелемъ Павла.

– Тутъ такое горѣ случилось... Петровичъ насъ покинулъ!

– Какъ? Когда?

– Въ пятницу. Я былъ у сестры въ Старой Ладогѣ... Въ телефонъ у Петровича высвѣтился мой звонокъ, и мнѣ сообщили изъ больницы...

– Отчего онъ умеръ?

– Отѣкъ лёгкаго на фонѣ какой-то обструкціи. Представь: въ четвергъ вечеромъ я ему звонилъ передъ отъѣздомъ, условились, что я по возвращеніи его навѣщу... Онъ мнѣ: «И маленькую не за-

будь!» – «Что такъ мало?» – говорю. «Такъ я одинъ её выпью! Ты пока на таблеткахъ...» И вотъ такое!.. Онъ въ моргѣ больницы, что въ Троицкомъ переулкѣ.

Началось... Любою конецъ – всегда начало чего-то иного. Володя, сотрудникъ одной небольшой газеты, былъ занятъ на работѣ, поэтому вопросы оповѣщенія, прощанія, отпѣванія, похоронъ рѣшалъ одинъ Салабинъ. Издательница, давнишняя близкая знакомая Свѣтова, была за границей. Салабинъ получалъ въ больницѣ ключи, документы и личные вещи покойнаго, составлялъ некрологъ для писательскаго сайта о кончинѣ «большого друга писателей, литературовѣда, специалиста по Ключеву и Есенину...». Володя взялъ три свободныхъ дня на работѣ, чтобы вмѣстѣ съ Салабинымъ разбирать библиотечку Петровича и рѣшать съ родственниками (?) судьбу его вещей.

Три года назадъ, когда Салабина съ его рукописью принимала издательница Любовь Иннокентьевна, то сказала автору, что прежде отдасть её критику Свѣтову.

– Ну, не знаю, насколько онъ критикъ! – безопасно воскликнулъ Салабинъ. – Онъ хорошо мнѣ знакомъ.

Позднѣ самъ Свѣтовъ торжественно сообщилъ Салабину, какую радость ему доставила Любовь Иннокентьевна, вручивъ ему салабинскій трудъ:

– Спрашиваетъ: «Есть у васъ тамъ такой?» А я говорю: «Да! Я знаю этого человѣка!» И съ той поры Свѣтовъ рассказывалъ о Любви Иннокентьевнѣ, а Любовь Иннокентьевна нѣтъ-нѣтъ да и обмолвится о Свѣтовѣ. Они знали другъ друга ещё съ тѣхъ поръ, когда Салабинъ преподавалъ въ Гуманитарной академіи, а туда приѣзжалъ «русскій заморскій писатель» Марочкинъ.

По хвастливому заявленію Свѣтова, Любовь Иннокентьевна была готова принять его въ мужа, да только Свѣтовъ слишкомъ цѣнилъ свой полумракъ и тишину своей библиотеки; его нѣсколько пугала эксцентричная яркость и крутое обращеніе Любви, ея отрывистая, командно-ласковая рѣчь и умѣніе использовать слабости чужого характера въ своихъ цѣляхъ.

Не отъ собственного имени, а ссылаясь на молву, Свѣтовъ говорилъ, что Любу называютъ «кулачкой». Впрочемъ, она въ своёмъ бизнесѣ дѣйствовала съ открытымъ забраломъ: если къ ней обращались съ просьбой издать книгу и встрѣчали отказъ («Мы издаёмъ только классиковъ или историковъ литературы»), а въ отвѣтъ приводили примѣръ Салабина или здравствующихъ за рубежомъ эмигрантовъ, то она рублила сплеча:

– Такъ онъ пришёлъ (она пришла) уже съ деньгами!

Въ салабинскомъ случаѣ речь шла о субсидіи городского правительства отдѣленію Союза писателей.

Какъ-то разъ Салабинъ откликнулся на просьбу Любви Иннокентьевны помочь ей въ одномъ представительскомъ мѣропріятіи, сказавъ «договорились!», и вдругъ услышалъ неожиданное:

– Ну вотъ, а Свѣтовъ говоритъ, что съ тобой ни о чёмъ не договориться!

Смерть Павла Свѣтова настигла Любовь Иннокентьевну за рубежомъ по телефону; вернувшись уже послѣ кремации, она всё повторяла:

– До сихъ поръ не могу повѣрить! Ты, Свѣтовъ, меня убилъ!

Это понятно: не было ея ни на отпѣваніи, ни на кремации, ни на поминкахъ – она не видѣла Свѣтова мѣртвымъ... И отъ нея не было распоряженій, допустимъ, не кремировать, традиціонно похоронить или подождать ея возвращенія.

Племянники Свѣтова на звонокъ Володи Безперстыхъ сказали, чтобы ихъ по этому поводу не тревожили. Тётю Дусю Свѣтовъ успѣлъ похоронить, такъ что родственниковъ у него не было теперь.

Въ итогѣ урна съ прахомъ Свѣтова зимовала въ чуланѣ у Салабина, потому что были мысли отвезти урну въ кубанскую станицу и подхоронить въ могилу его матери – но всё, кто былъ въ курсѣ, говорили ему, что это плохо, что надо скорѣе избавляться, и онъ обдумывалъ маршрутъ съ наименьшимъ числомъ пересадокъ; Любовь же съ непонятнымъ Салабину задоромъ, то ли злорадствомъ потирала руки:

– Возсоединится-таки со своей мамочкой!

Салабинъ думалъ, что поѣдетъ по веснѣ; по расчётамъ, ему должно было хватить денегъ, найденныхъ въ ящикѣ стола у Павла, и тѣхъ, что добавила Любовь Иннокентьевна... Володя укатилъ къ старушкѣ-матери въ Саратовъ, а у Салабина обострилась кожная болѣзнь. При мысли о кубанской жарѣ, о его поклажѣ въ восемь килограммовъ (не считая питья), о пересадкахъ и автобусахъ, ему становилось не по себѣ. Любовь Иннокентьевна собиралась на очередной книжный салонъ за рубежъ,

и они пришли къ выводу, что оптимальнымъ будетъ рѣшеніе захоронить Свѣтова въ колумбаріи крематорія. «Онъ же атеистъ! – успокаивалъ себя Салабинъ. – Хотя и уговаривалъ меня ѣздить къ нему именемъ Христа...»

– Вотъ до чего гордыня доводитъ! – восклицала Любовь Иннокентьевна. – Вотъ ужъ гордыня-то! А впустую вѣдь прожилъ!..

– Ну, какъ?.. Толстенный же томъ Клюева – съ его комментаріями!

– Кому нужны его комментаріи? Онъ же за деревьями не видитъ лѣса! Зато всѣхъ поучалъ! Ты вспомни, Гена, какъ онъ вѣлъ себя на поминкахъ Геліана Прохорова! Никому же рта не далъ раскрыть, всѣхъ заткнулъ! Я сгорѣла со стыда! Мнѣ говорили потомъ: ты кого привела?! Это что за чудовище? А я и забыла, каковъ онъ есть: увязался, а я не прогнала!

Когда Салабинъ съ Володей доставили Любоби пачки писемъ, дневниковъ и фотографій Свѣтова, то вскорѣ она имъ сказала:

– Онъ всё плакался по мамочкѣ, а вотъ она ему слѣзно пишетъ: «Сыночекъ, что же ты мнѣ не пишешь седьмой мѣсяцъ уже?» А про тебя, Геночка, чего онъ только не говорилъ! «Ничего вашъ Салабинъ не понимаетъ!»

– Ещё одно откровеніе! – говоритъ себѣ Салабинъ.

Онъ прежде слышалъ краемъ уха, что у Свѣтова была семья, а теперь выясняется, что Павелъ женатъ былъ трижды: первый разъ въ Узбекистанѣ, куда онъ, будучи влюблёнъ въ Омара Хайяма, распредѣлился по ошибкѣ вмѣсто Таджикистана (тоже плакался объ этомъ); затѣмъ дважды былъ женатъ въ Ленинградѣ.

Третій разводъ состоялся, когда всплыла на свѣтъ прошлая связь жены Вѣры съ упомянутымъ американцемъ Марочкинымъ.

– ...который далъ потомъ денегъ на изданіе Клюева, – добавляетъ молча Салабинъ.

– Хотя сынъ Свѣтова – вылитый Павелъ! А онъ его своимъ не призналъ!

«Теперь понятно, почему ни жены, ни сына мы не видѣли!»

– Вылитый Павелъ, – повторяетъ Любовь Иннокентьевна, – только рыжий!

«Всѣ люди похожи!» – думаетъ Салабинъ.

И тутъ Любовь Иннокентьевна разрѣшаетъ давнюю загадку странной фамиліи Павла:

– Его и фамилія не устраивала! Какъ это я стану подписывать свои тексты: Павелъ Швайко? Нѣтъ, я буду Свѣтовъ! Я понесу людямъ свѣтъ! Гордыня, гордыня его погубила!..

Геннадій съ Володей молча переглядываются: оба не знали об этой смѣнѣ фамиліи. Такъ вотъ это чьи документы найдены у Павла: на имя Вѣры Харитоновны Швайко!..

Разговоръ идётъ подъ бѣлое и красное вино. Володя, знающій на память уйму стиховъ, уже созрѣлъ для декламации. Для затравки онъ вспоминаетъ о привычкѣ Свѣтова подъ опредѣленнымъ градусомъ читать изъ Есенина, картинно взмахивая и выкрикивая: «Приведите, приведите меня къ нему! Я хочу вѣ-й-идѣть этого человѣка!»

Володя декламируетъ всю русскую поэзію: отъ Державина до Горбовскаго – и до стиховъ предсѣдателя питерскихъ писателей поэта Бориса Орлова, съ которымъ они, почитай, родные – оба подводники. Но чаще другихъ онъ читаетъ Есенина и Рубцова, притомъ это настолько умѣстно бываетъ и свѣжо, что Салабинъ горячо спрашиваетъ: «Кто это? Кто?..» Однажды, опять-таки въ гостяхъ у Любоби Иннокентьевны, Салабинъ его подначилъ: «А Маяковскаго ты не знаешь?» – «Почему не знаю? Кто жъ его не знает!»

Но и тутъ сумѣлъ удивить: «Люблю смотрѣть, какъ умирають дѣти...»

– Брр!.. Это что такое?

– Маяковскій, – пожалъ плечами Володя.

Любовь Иннокентьевна кивнула. Но Салабинъ былъ заинтригованъ. Тогда Любовь Иннокентьевна сняла трубку и набрала номеръ одной всевѣдущей специалистки:

– Глашенька, откуда эти строки Маяковскаго?.. А! Спасибо, дорогая! – и объявила, кладя трубку на мѣсто: – Это сборникъ «1913».

– Ты намъ чего получше почитай, Володинька! – ласково говоритъ Любовь Иннокентьевна. – И почему мы раньше съ тобой не видѣлись?

Въ Володѣ она находитъ лишь одинъ недостатокъ: выдающійся животъ. Но она и сама не маленькая.

* * *

При разборѣ свѣтловской библіотеки Любовь Иннокентьевна попросила Салабина и Безперстныхъ возвратить ей «Розановскую энциклопедію», взятую на время Павломъ. Но за три недѣли, пока они разбирались въ книгахъ, энциклопедію по Розанову такъ и не обнаружили. Не нашёлъ Володя и свою собственность, которую разыскивалъ. Зато Салабинъ увидѣлъ свою распечатанную рукопись, взятую Павломъ для «аккуратнаго прочтенія съ тонкимъ карандашикомъ»... Въ это же время имъ пришлось отбиваться отъ посягательствъ леволиберальнаго правящаго гетто – отъ доманскихъ, стругалей, куневичей, долофонскихъ, желавшихъ участвовать въ распредѣленіи наслѣдства покойнаго. Оказывалось, что Свѣтовъ, при всѣмъ его тайномъ сталинизмѣ, былъ достаточно неразборчивъ въ связяхъ. Получая звонокъ отъ подобныхъ персонъ на мобильникъ Свѣтова, Салабинъ спрашивалъ Володю, какъ отзывался Свѣтовъ о такомъ-то и такомъ-то...

– Очень отрицательно! – отвѣчалъ Безперстныхъ, и претендентамъ отказывали.

– Онъ не на книги претендуетъ, а на дневники! – порой уточнял Салабинъ.

– Тѣмъ болѣе пшѣлъ вонь! – отвѣчалъ Володя.

Любовь Иннокентьевна, огорчѣнная пропажей «Розановской энциклопедіи», приѣхала съ водителемъ и увезла цѣликомъ академическое собраніе Достоевскаго.

А Салабинъ съ любопытствомъ перелистывалъ свою рукопись, испещренную помѣтками Свѣтова. Павелъ читалъ салабинскую прозу, какъ читалъ бы учёную монографію: на слова «незадолго до этого» или «вскорѣ» онъ откликался вопросомъ «когда имѣнно?», встречая фамилію «Горбачёвъ» – надписывалъ «когда же онъ сдохнетъ!». Свѣтовъ, при всей своей начитанности, не понималъ, что чѣмъ дольше протянетъ на свѣтѣ не нужный ни Богу ни чѣрту персонажъ, тѣмъ болѣе суровая ждѣтъ его участь.

На краткое упоминаніе въ прозѣ историческихъ событій онъ требовалъ «подробнѣе!» или писалъ: «про это уже было».

Сквозь страницу текста на Салабина глядѣли фосфорическіе глаза покойнаго. «Упокойся съ миромъ!» – пожелалъ ему Геннадій.

Вспомнился рассказъ Свѣтова о путешествіяхъ и какъ занесло его въ украинское село Деражно недалеко отъ деревни бабушки Салабина.

Сверкая восторженными глазами, Свѣтовъ рассказывалъ, какъ привѣчали сельчанѣ кубанскаго станичника: «Такъ ты жъ нашъ! Такой гарный! Зоставайся! Мы тебе оженимо!»

Въ то время Салабинъ думалъ, что восторгъ Павла вызванъ просто радушіемъ жителей. Теперь ему кажется, что въ этомъ есть и восхищеніе Павла самимъ собой: вѣдь недаромъ же его такъ чествовали!

СУДЬ

Съ человекомъ сплошь и рядомъ происходятъ перемѣны внѣшнія, когда кажется, что «минута всё мѣняетъ очень круто: Новый годъ! Часы двѣнадцать бьютъ!» Но серьёзны только внутреннія перемѣны, когда прожитая жизнь становится въ твоёмъ изголовье и наноситъ неотвратимый уколъ фехтовальщика... Жизнь имѣетъ право бить лежачаго и соннаго: подѣломъ тебѣ, по дѣламъ твоимъ!

И тогда не спрашивай: Господи, за что?! – ибо есть за что. Спадаетъ съ глазъ пелена себялюбія – и стыдъ ожигаетъ за прежнее состраданіе къ самому себѣ, и тебя пронизываетъ острое пониманіе, что ты и въ самомъ дѣлѣ *зрѣлѣйшій паче встѣхъ человекъ*, хотя вчера эти слова молитвы вызывали недоумѣніе.

Это и произошло въ одно прекрасное страшное утро съ Салабинымъ. Впору лишь удивляться, что этого такъ долго не происходило.

Салабинъ вскинулся во снѣ, не открывая глазъ, и понялъ, что разсвѣтъ наступилъ. Уколъ пронзилъ его совѣсть и покончилъ съ истаявшимъ сновидѣніемъ – сталъ его цѣлью и смысломъ. Само сновидѣніе не имѣло значенія, какъ и сновавшіе тамъ незнакомцы. До него дошло нѣчто болѣе важное: прежде, глядя на себя и на своихъ дѣтей, онъ жалѣлъ себя больше, чѣмъ даже ихъ; даже зная, что имъ достаётся міръ худшій, чѣмъ доставшійся ему, себя онъ жалѣлъ чаще и больше. А теперь сожигался стыдомъ: увидѣлъ собственный грѣхъ, и отпали всѣ прошлыя – какъ бы извиняющія – обстоятельства, онъ чувствовалъ отталкивающій вкусъ вины, которой уже не избыть.

Драгоценная юность Салабина встала передь нимъ и устала на него свои зѣнки, пришиливь его къ ложу позора.

...Женька Богнычевъ былъ не то чтобы закадычнымъ пріятелемъ студента Салабина, просто они обмѣнивались мнѣніями по разнымъ поводамъ, и эти мнѣнія бывали близкіи.

Впослѣдствіи, при накопленіи трудовой біографіи, онъ вспоминалъ Женьку и пріятельство съ нимъ – теперь яснѣе понимая и Женьку, и себя самага. Онъ смутно ощущалъ себя Обломовымъ, а Женьку – Штольцемъ, хотя это пришло далеко не сразу, а потомъ, потомъ, потомъ... Какъ и пришедшее осознаніе этнической принадлежности Женьки, что пусть и съ опозданіемъ, но многое прояснило.

На фонѣ факультетской толпы самонадѣянныхъ геніевъ (изъ коихъ прославился только Миша Веллеръ), Женька казался скромнымъ провинціаломъ изъ Усть-Каменогорска, себѣ на умѣ, но главное и самое цѣнное – безо всякаго позёрства. Такъ они съ Салабинымъ и сходились, не придавая особаго значенія своимъ непритязательнымъ бесѣдамъ.

Женька распредѣлился очень близко къ Ленинграду, хотя формально – за чертой, и какимъ-то образомъ сталъ сотрудникомъ городского бюро путешествій и экскурсій, притомъ, что былъ уже членомъ жилищнаго товарищества по мѣсту своего распредѣленія. И жена была у него, сокурсница изъ приволжскаго городишка – какъ сказалъ бы теперешній Салабинъ, яркая гречанка. Но тогдашнему Салабину не приходило въ голову соотнести женькину жизнь и строки Маяковскаго: «жена, квартира да счѣтъ текущій – вотъ наше отечество, райскіе кущи». Будучи студентомъ, Женька подрабатывалъ въ Агентствѣ по авторскимъ правамъ, въ пѣсенномъ отдѣлѣ (а контора эта была съ головы до пять государственной), и дѣлился впечатлѣніями о встрѣчахъ съ пѣвцами и композиторами.

Учасъ на русской филологіи, онъ не воображалъ себя, какъ большинство, *писателемъ земли русской*, но говорилъ, что одну-то книжку онъ всяко напишетъ, а на большее не посягаетъ. Правда, о пьесѣ онъ тоже подумывалъ; однажды въ электричкѣ по дорогѣ къ женькинымъ пенатамъ они съ женой гречанкой предложили Салабину соавторство, о чемъ Салабинъ счастливо забылъ. Впрочемъ, тутъ не обошлось безъ ангела-хранителя, хотя, какъ вскорѣ увидимъ, и Онъ не всегда успѣвалъ...

Тогда была популярной пѣсенка: «Если другъ оказался вдругъ и не другъ, и не врагъ – а такъ...» Но это мы къ чему?

А скоро увидимъ...

Есть мнѣніе, что тотъ ослѣпительный свѣтъ, который душѣ освѣщаетъ прожитую жизнь при исходѣ ея изъ тѣла, и есть *свѣтъ истины*, что это и значить увидѣть *всѣ въ истинномъ свѣтѣ*. Это мы къ тому, что уколъ совѣсти, полученный Салабинымъ во снѣ, не сталъ его кончиной; но многое обнажилъ и высвѣтилъ.

Женька Богнычевъ былъ, конечно, Штольцъ, только время было иное, для штольцевъ другого времени. Съ Салабинымъ онъ вѣлъ псевдоучѣныя бесѣды о послѣдствіяхъ засилья технарей въ политическомъ руководствѣ, о гуманитарномъ бѣдствіи железнаго занавѣса и прочихъ міровыхъ неурядицъ, жалуясь на военные расходы родной державы, изъ-за которыхъ отодвигалось строительство моста черезъ Неву – отъ станціи Понтонной къ его строящейся квартирѣ въ Кóтовомъ Пóлѣ; ссылался Женька и на мнѣнія нѣмецкаго русиста Йохана, стажѣра въ Пушкинскомъ Домѣ; дѣлился новостями «Голоса Америки» или предлагалъ прочесть сборничекъ текстовъ эмигранта-песенника Г.

Этотъ-то сборничекъ, изданный на бѣлоснѣжной бумагѣ закордонной выдѣлки, и сыгралъ гротескно-роковую роль въ ихъ отношеніяхъ, измѣнивъ потомъ цвѣтъ и свѣтъ салабинской жизни.

Человѣку свойственно опираться на общепризнанный авторитетъ и сіять его отражѣннымъ свѣтомъ. На философскомъ факультетѣ, куда перешѣлъ Салабинъ ради статуснаго диплома (да и потому, что тамъ было интереснѣе, чѣмъ съ британскимъ эпосомъ «Беовульфомъ» или съ полузабытымъ Бўльверъ-Литтономъ, такими авторитетами были социóлогъ К., культурóлогъ К. и специалистъ по взаимоотношеніямъ половъ и проблемамъ семьи – тоже К. Салабинъ сразу окрестилъ ихъ Ку-Клуксъ-Кланомъ. Первый изъ трѣхъ К. пришѣлъ въ философію уже кандидатомъ юридическихъ наукъ и обогатилъ философію, какъ съ придыханіемъ говорилъ аспирантъ Гарикъ Салмановъ, *научнымъ опредѣленіемъ власти*. Къ чести Салабина надо сказать, что ему не пришло въ голову просить Гарика о возможности списать эту волшебную формулу, хотя первый К. сталъ руководителемъ салабинской дипломной работы. Тогдашняго Салабина власть не интересовала ни съ какой стороны, но интуитивно онъ чувствовалъ, что ея опредѣленія будутъ разными у философа, психолога

и психіатра. На рідномъ же филфакъ авторитетами считались – прежде всего, у русистовъ – эмигранты умственного труда, сбѣжавшіе или высланные на «просвѣщенный Западъ».

Казѣнная пропаганда правящей партіи съ этимъ ничего не могла подѣлать, потому что была черезчуръ шаблонной, а юмористы сплошь и рядомъ обращали её въ карикатуру. Эти послѣдніе незамѣтно стали властителями думъ вмѣсто писателей – реалистовъ и почвенниковъ. Партійные идеологи, опять-таки, тоже ничего не могли подѣлать, а къ концу тысячелѣтія обнаружилось, что львиная ихъ часть и была во главѣ этой подмѣны.

Теперь надо сказать ещё объ одномъ дѣйствующемъ лицѣ нашего печального водевиля.

Замѣститель декана филфака по работѣ со студентами – Викторъ Ивановичъ Чеколдаевъ – лишь недавно вступилъ въ эту должность послѣ работы въ интересахъ Родины очень далеко отъ Родины. Онъ тоже былъ легендой для студентовъ, только для круга болѣе узкаго: для избранныхъ въ составъ комсомольскаго бюро, для парней, отслужившихъ въ арміи, и безусловнымъ кумиромъ для ряда студентокъ.

Сравнительно молодыхъ лѣтъ, Викторъ Ивановичъ безукоризненно говорилъ по-англійски, а вернулся домой изъ далёкой экзотической Новой Зеландіи. Сейчасъ, въ пору Интернета и Ютюба, студенты скоро бы его расшифровали какъ «сбитаго лѣтчика», наподобіе отчисленнаго въ резервъ будущаго зама будущаго мэра, но до той поры и до подобныхъ сравненій было ещё слишкомъ далеко.

Салабинъ, какъ номинальный глава студенческаго самоуправления, хотя и тяготился этой показной обязанностью, нѣсъ её съ унылымъ достоинствомъ какъ патриотъ и сынъ простыхъ родителей – медички-лаборантки и заслуженнаго сталевара.

Замѣститель декана Викторъ Ивановичъ охотно посѣщаль студенческое общежитіе, привлекая къ этому и Салабина: такъ они посѣтили самодѣятельную выставку абстрактнаго художника Вовки Шнурова и спектакль, сыгранный на англійскомъ языкѣ земляками Виктора Ивановича – студентами Одесскаго университета.

И вотъ однажды Викторъ Ивановичъ говоритъ Салабину, что по факультету имѣеть хожденіе сборничекъ барда-эмигранта Г. и не знаетъ ли Геннадій, «откуда ноги растутъ?».

Салабинъ покраснѣлъ, вскинулъ голову и едва не вскипѣлъ:

– Да я Женькѣ и самъ гово...

И тутъ же прикусилъ языкъ.

Они съ Викторванычемъ уставились глаза въ глаза и больше ничего не сказали другъ другу; потомъ Викторъ Иванычъ глаза опустилъ и улыбнулся.

Среди студентовъ разныхъ отдѣленій Салабинъ зналъ одного только Женьку – Богнычева. Но и въ спискахъ у замдекана другихъ Женекъ не было.

Какъ Женька рассказаль потомъ Салабину, съ нимъ провели воспитательную бесѣду и попеняли ему за политическую близорукость.

– Это повліяеть... то есть, повліяло бы на распредѣленіе, если бы я рвался въ аспирантуру или въ члены партіи. Но у меня всё безъ комиссій рѣшено! – и онъ побѣдно сверкнулъ глазами.

У Салабина свалилась гора съ плечъ. Онъ сдѣлалъ глубокой и вдумчивый вдохъ.

Допытались ли партійные товарищи, откуда у Богнычева сборничекъ, и о судьбѣ сборничка – объ этомъ Салабинъ не спросилъ.

И уже послѣ выпуска, подъ улыбку Женькиной «гречанки» – многозначительную и отчасти ироничную, они обмѣнивались репликами, что гипотетическая пьеса Богнычева (и отчасти Салабина), если пойдѣтъ въ театрахъ, принесѣтъ немалыя деньги, ужъ онъ-то, Женька, посмотрѣлся въ Агентствѣ по авторскимъ правамъ! – и что книгу, пусть и одну-единственную, Женька тоже – всяко напишетъ!

Салабинъ отработаль годъ учителемъ въ деревнѣ, а Женька достроилъ свою квартиру въ Котовомъ Полѣ, и Богнычевы пригласили Салабина на скромное новоселье... Скорѣе, это была репетиція новоселья, потому что гостями были только Салабинъ и нѣкая Майя, бібліотекаръ изъ Публички, коллега Богнычевой Люси. Да, это была репетиція, потому что Салабинъ участвовалъ въ подвѣшиванье люстры въ гостиной, прежде чѣмъ всѣ усѣлись за столъ. Но ещё прежде Женька увѣль Салабина въ свой будущій кабинетъ и сказаль проникновеннымъ голосомъ:

– Ну, какъ тебѣ Майя? Обрати вниманіе. И прошу тебя: не будь англичаниномъ!

Удивительно было не только это увѣщаніе; ещё и движенія Майи были текучи какъ ртуть и ускользающе извивисты, а сама она вращалась около Салабина на очень близкомъ разстояніи, такъ что онъ едва ли могъ разглядѣть её какъ слѣдуетъ. Хитрая же Люся постелила гостямъ въ разныхъ

углашь одной и той же комнаты. И это была не судьба, а что-то другое; всё в тотъ день, какъ и самый приѣздъ Салабина къ Богнычевымъ, было античный языческой фатумъ, рокъ.

Черезъ день Майя приѣхала къ Салабину вь его комнатуху на Васильевскомъ и только тогда, при свѣтѣ дня, онъ сдѣлалъ открытіе, ускользнувшее отъ него при подвѣшиванье люстры Богнычевыхъ и позднѣе – за столомъ: у Майи не было кисти лѣвой руки. Только лишь послѣ ихъ новой близости онъ это замѣтилъ, когда отвѣчалъ на ея вопросъ:

– Скажи мнѣ честно, я устраиваю тебя?

– Да... А это что?

– Это съ рожденія. Я привыкла.

Могъ бы, вѣроятно, привыкнуть и Салабинъ. Но вскорѣ Женька позвалъ его на концертъ вь какой-то «домъ народнаго творчества» – по улицѣ Рубинштейна, домъ 13. Тогда Салабинъ ещё не зналъ, что это Троицкая улица, и вовсе знать не могъ, что послѣ 1993 года это будетъ еврейскій общинный центръ. Зато тамъ, на концертѣ, произошла его встрѣча съ будущей женой, очередная вѣха вь жизни – но случилось это послѣ того, какъ Майя заразила его гонореей.

* * *

Когда онъ потомъ размышлялъ – и до развода, и послѣ – надъ скоропалительностью своей женитьбы, то видѣлъ двѣ основныя причины: съ одной стороны, внѣшнюю привлекательность Натальи, а с другой – явную устремлённость ея къ замужеству. И то обстоятельство, что, едва сойдясь, они были вынуждены обратиться къ венерологамъ, притомъ что это не вызвало ни нареканий, ни обвиненій со стороны Натальи, выглядѣло даже для тогдашняго Салабина нѣсколько загадочно; объяснить это пылкой влюблённостью Натальи вь искомый – и обретенный – образъ очкарика было бы лестно, но Салабинъ не былъ, однако же, настолько глупъ. Правда, тогда былъ очень популярень молодой актеръ вь очкахъ, изъ фильмовъ Леонида Гайдая.

Салабинъ высчитывалъ дни отъ ихъ первой близости съ Натальей до рожденія Ростика – получался нормальный, положенный природой срокъ. Наталья сама рассказала, что до знакомства съ нимъ встречалась съ кѣмъ-то другимъ, и вскорѣ этотъ другой даже попытался воспрепятствовать Наталье съ Геннадіемъ, привлекая къ этому несостоявшуюся тещу – мать Натальи...

– Геннадій, это вы?.. Тутъ такое дѣло: приѣхала Наташа.

– И что?.. Я слушаю васъ, Октябрина Николаевна.

– Приѣхала не одна... У меня трубку отымають...

– Алѣ, Геннадій? Меня зовуть Илья. Наталья моя дѣвушка, она тутъ крокодиловы слѣзы льётъ...

Предлагаю встрѣтиться.

– Зачѣмъ? Для мордобитія?

– Нѣтъ, для разговора. Вы ещё не всё про Наталью знаете...

– Допустимъ. И что съ того?

– Я вам на неё глаза открою.

– То есть вы её знаете хорошо и потому хотите оставить за собой. А я, по той же причинѣ, откажусь?

– Короче, приходите къ семи часамъ вь садикъ передъ «Асторіей». О многомъ узнаете!

– Я ничего не общаю.

Интуитивно Салабинъ чувствовалъ, что одна только внѣшность этого Ильи можетъ отвратить его отъ Натальи, а терять её онъ былъ тогда не готовъ. «Лучше мнѣ его не знать и не видѣть», – рѣшилъ онъ. И объ этомъ рѣшеніи никогда не жалѣлъ; не жалѣетъ и сейчасъ.

Je ne regret de rien! * – пѣла когда-то знаменитая у французовъ и русскихъ Эдитъ Піафъ, и это горделивое чувство не состоитъ вь родствѣ съ раскаяніемъ.

Отсутствіе сожалѣній у Салабина не имѣетъ ничего общаго съ гордыней, но едва ли онъ заслуживаетъ нашего сочувствія.

А моментъ сожалѣній для Салабина ещё не наступилъ...

* * *

Первый годъ жизни Ростика былъ волнующимъ для отца и труднымъ для матери. И только спустя годъ его жизни обнаружилось, что медики и родители проглядели у мальчика крипторхизмъ – невы-

* Ни о чёмъ не жалѣю. (фр.)

ходить в кошонку яичекъ. Медики – по халатности, родители – по невѣжеству. Нужна была операция по выведению яичекъ в природный кармашекъ, охлаждаемый воздухомъ, – прочь изъ горячаго нутра младенца... Съ той поры Салабинъ ненавидитъ рекламу американскихъ памперсовъ, ихъ жаркой глубины и толщи, а передъ глазами стоитъ ихъ съ Натальей посѣщеніе Ростика в больницы: какъ стоялъ малышъ на подоконникѣ высокаго этажа и махалъ рукой родителямъ, стоявшимъ на тротуарѣ Суворовскаго проспекта....

И слѣзы наворачиваются на глаза. Потому что сынъ, хоть и майоръ полиціи, живѣтъ холостякомъ и называетъ себя однолюбомъ – в память о дѣвущкѣ-наркоманкѣ, бросившейся съ пятаго этажа. Потому что дуракъ-Салабинъ попѣрся в Котово Поле подѣшживать люстру семейству Богнычевыхъ... Потому что, тупица, проболтался передъ замѣстителемъ декана. Потому что нашѣлъ съ кѣмъ дружбу водить... Потому...

Потому что, живя съ Натальей и сыномъ в однокомнатной квартиркѣ, соучаствовалъ в абортѣхъ жены, соглашался съ ея аргументами – моль, некуда рожать... Теперь тѣни убитыхъ сыновей преслѣдуютъ его – съ того момента, какъ родная мать Салабина, случайно узнавъ объ этихъ преступленіяхъ, потеряла сознание.

Пріими, Господи, недостойное моленіе грѣшнѣйшаго паче всѣхъ человекъ!.. Даруй ми исцѣленіе отъ недуга, мя гнетущаго... Нѣтъ, Господи, да будетъ ми окаянному по произволенію Твоему, по дѣламъ моимъ, подѣломъ!..

ШУГОЗЕРО

Любить деревья и птицъ – такая же потребность, какъ любовь къ Музыкѣ, какъ для иныхъ – любить автомобили; любовь къ противоположному полу диктуется закономъ естества къ продолженію рода, но всѣ разновидности любви объединяетъ общее свойство всего живого – потребность самой жизни в ощущеніи себя. Безъ моей любви къ чему-либо, кому-либо – нѣтъ и меня. В такомъ состояніи *безлюбви* совершаютъ самоубійство.

Изъ дневника Салабина в Турціи

Одно дѣло – пріѣзжать на родину в отпускъ, совсѣмъ другое дѣло – пріѣзжать навсегда. В отпускѣ испытываешь лихорадочную радость, а вернувшись насовсѣмъ – ты облегченно переводишь духъ. Кажется, что впереди опять безконечная жизнь: конца ей не видно, онъ за горизонтомъ. А время наступало на всѣ, на всѣхъ и вся: казалось – не разбирая дороги, хотя стратегамъ думалось, что всѣ пойдѣтъ по ихъ чертежамъ и «дорожнымъ картамъ». В происходившемъ было непросто разобраться: только успѣвай поворачиваться и хлопать глазами.

Всѣ событія теперь – на родинѣ. В Турціи, да безъ Россіи, ничто произойти не можетъ; на худой конецъ – противъ Россіи.

Въ декабрѣ прошлаго года сэшеайцы в журналѣ «Тайм» объявили «президента Россіи» (*и что за должность такая?*) «человѣкомъ года»... Вотъ куда это отнести? В событія Америки – или в событія Россіи? Не является ли самъ этотъ персонъ, или эта персона, событіемъ не русскимъ – а международнымъ? И почему Салабина, когда онъ оборачивается къ президенту РФ, подмываетъ выражаться вульгарно?

Вотъ, къ примѣру, читаетъ онъ о томъ, что «Президентъ РФ поддержалъ выдвиженіе перваго вице-премьера Дм.Дам.Дѣм кандидатомъ в президенты, предложенное ажъ четырьмя партіями – “Единой Россіей”, “Справедливой Россіей”, Аграрной партіей и “Гражданской силой”», при этомъ думаетъ Салабинъ о партіяхъ не очень хорошо, а если бы было куда ему пойти (противъ нихъ) – то и пошѣлъ бы. Забѣгая впередъ, скажемъ, что двѣ партіи изъ четырехъ, ещѣ до конца календарнаго года, приказали долго жить, но Салабину кажется, что это слишкомъ мягкое выраженіе, – и онъ говоритъ, что онѣ то ли накрылись мѣднымъ тазомъ, то ли ихъ корова языкомъ слизала.

Итакъ, первый вице-премьеръ официално выдвинут кандидатомъ «въ президенты РФ» на сѣздѣ партіи «Юдина Россія» 17 декабря (опять роковое семнадцатое число!). А за «юдину» – простите: опечатка, бываетъ... Зато съ кандидатомъ – ястность, теперича именно *ястность*: Дѣм.Дам.Дѣм... Димонъ. Димы, совсѣмъ некстати, появились на Руси послѣ октябрия Семнадцатаго Года; дотолъ всѣ Дмитрии были Мітями.

На этомъ же съѣздѣ «уходящій президентъ» принялъ предложеніе Дм.Дѣм.Дѣм'а возглавить правительство, представьте себѣ, въ случаѣ побѣды послѣдняго на выборахъ – и скромно, и круто; дешёво, но сердито – и въ благодарныхъ чувствахъ отказался «отъ перераспределенія полномочій между главой государства и кабинетомъ министровъ» въ пользу кабинета. Про кабинетъ давно ходятъ злые анекдоты, но государство-то – гдѣ?..

«Петрушка, вѣчно ты съ обновкой!..» – сказала Фамусовъ. А Иванъ Андреевичъ указалъ на мартышку и очки: «впервые въ исторіи современной Россіи всѣ 450 депутатовъ избирались по партійнымъ спискамъ, а проходной порогъ былъ установленъ на уровнѣ 7 % вместо 5 %». Э-э, да у «современной Россіи» – велика ли исторія, чтобы радостно лупить въ барабанъ человѣческой кожи? Ах, вотъ почему вы радуетесь: вѣдь «было запрещено формированіе избирательныхъ блоковъ, отмѣнены минимальный порогъ явки избирателей и графа «противъ всѣхъ». И немудрено, что такъ было! А въ составъ Евросоюза вошли Болгарія и Румынія. Что?.. Ахъ, это не російскія новости, а зарубежныя? А я вотъ не увѣренъ, что выборы въ пятую Госдуму, кхмъ, что это – російскія...

Ладно, выкинули календарь 2006 года, вздѣрнули на гвоздикъ 2007-й. Скоро домой, домой!..

Съ января до весны ничего не случилось, а послѣ дня Парижской Коммуны – началось... Взрывъ метана на кемеровской шахтѣ унёсъ жизни ста десяти человѣкъ. Черезъ четыре дня – катастрофа грузового Ил-76 на востокъ Африки. Не прошло и мѣсяца, какъ четверокурсникъ Виргинскаго политехническаго въ США открылъ огонь по людямъ въ студгородкѣ, убивъ тридцати двухъ и ранивъ четыре десятка человѣкъ. А 20 апреля въ Хьюстоне, штатъ Техасъ, сотрудникъ NASA захватилъ въ заложники своихъ коллегъ – мужчину и женщину, убилъ захваченнаго мужчину и покончилъ съ собой. Но наибольшій вѣсъ имѣла катастрофа въ кемеровской шахтѣ, потому что души погибшихъ шахтѣровъ, наивно считавшихъ, что это они своимъ стучаніемъ касками по Горбатову мосту въ Москвѣ привели въ кремлёвскій кабинетъ президента Небывалаго, – души этихъ обманутыхъ потащили за собой самага́ горе-экс-президента, и тотъ скоростижно скончался въ понедѣльникъ 23 апреля. Умереть въ воскресенье онъ не могъ ни по какимъ расчѣтамъ или заслугамъ.

Хроникѣры засвидѣтельствовали, что въ тотъ же день въ храмѣ Христа Спасителя прошла церемонія «всенароднаго прощанія по случаю кончины...», но было ли въ храмѣ само тѣло, было ли это прощаніе съ тѣломъ, или съ портретомъ, или съ муляжомъ, доподлинно не извѣстно. Салабинъ телевизоръ не включалъ. Можно было предположить, что люди, для которыхъ Небывалый, даже его тѣло, представляло святыню, не хотѣли рисковать и положили въ гробъ для публичнаго прощанія чиновной Москвы обыкновенный муляжъ, но подъ всамдѣлишной охраной. Господь всё вытерпѣлъ. А черезъ сутки Небывалый былъ погребѣнъ съ небывалыми почестями и чиновными пресмыкновениями въ предустановленномъ мѣстѣ. А ещё черезъ день въ столицѣ независимой Эстоніи былъ снесѣнъ «Бронзовый солдатъ» – памятникъ советскому воину-освободителю.

И событія посыпались... Въ маѣ въ Таллинѣ открылась первая за послѣдніе 63 года синагога въ Эстоніи, въ Москвѣ въ храмѣ Христа Спасителя прошла церемонія подписанія акта о каноническомъ общеніи между Московскимъ патриархатомъ и Русской православной церковью за рубежомъ... Самъ главковерхъ, бывая за океаномъ, къ этому старательно склонялъ зарубежныхъ іерарховъ, предварительно тренируясь въ Успенскомъ соборѣ Кремля. И чему удивляться тогда, если ровно черезъ недѣлю «случилась» аварія на шахтѣ въ Новокузнецкѣ, унёсшая жизни тридцати восьми человѣкъ. Зато черезъ считанные дни на сессіи Олимпійскаго комитета въ Гватемалѣ опредѣлился городъ-хозяйинъ Олимпиады-2014 – російскій городъ Сочи, чего весьма добивался главковерхъ, и въ томъ же июлѣ вышла седьмая книга о мальчикѣ-колдунѣ Гарри Поттерѣ. Если главковерхъ РФ не являлся ея издателемъ, то весьма способствовалъ тому, чтобы этотъ мальчикъ вошёлъ въ какъ можно большее число россиянскихъ семей. Такъ что, хочешь не хочешь – а тоже событіе; только вотъ – российское ли?..

Ну, а когда Салабинъ вернулся на родину, то событіемъ стало всё: даже разговоръ по-русски съ продавщицей и необыкновенный закатъ у него въ окнѣ. И ужъ тѣмъ болѣе – разговоръ съ дочкой въ ея комнатѣ, глядя на любопытные предметы, которыхъ раньше онъ не видѣлъ. На стѣнѣ висѣлъ выпиленный лобзикомъ изъ фанеры декоративный кругъ-розетка съ прорѣзными буквами: *Ленокъ*. «Это кто такъ красиво постарался?» – «Братъ моей подруги», – сказала дочка. Подруга была ему незнакома, отсталъ отъ жизни отецъ. На полкѣ стоялъ филигранный сервизъ рѣзного стекла... – Это выпускаетъ фирма папы одного мальчика... «А мальчику сколько лѣтъ?» – «Девятнадцать. Папа, но ты не про то думаешь...» – «Какая интересная фуражка съ якоремъ!..» – «Ага!..» – дочь

охватила его шею и мягко-настойчиво выпроводила из комнаты. Может, именно это и называется *взашей*?..

Салабинъ откладываетъ старый дневникъ и думаетъ о сладости воспоминаній... При всѣй ихъ горечи.

* * *

Когда князь устраивалъ встрѣчу въ кафе по случаю возвращенія Геннадія, то подчеркнулъ не безъ умысла:

– Само собой, приглашеніе дѣйствительно для двухъ лицъ!

Въ отвѣтъ Салабинъ пробормоталъ что-то нечленораздѣльное, но потомъ всё же спросилъ:

– А сколько всего насъ будетъ?

– Обычный нашъ составъ: четверо.

Что ещё больше его удивило. «Обычный составъ?.. Когда онъ успѣлъ стать обычнымъ?»

Но на помощь ему пришло простое соображеніе – и обезпеченность прошла: «на два лица» – это всего лишь право, но онъ не обязанъ имъ воспользоваться.

...Пусть Геннадій Салабинъ, опьянённый воздухомъ Родины, отправляется на встрѣчу съ друзьями, какъ и планировалъ, а мы перенесёмся на нѣсколько лѣтъ вперёдъ, когда эти встрѣчи уже будутъ не столь часты, когда всѣ ихъ участники состарятся на эти нѣсколько лѣтъ, жалуясь на изнуряющее воздѣйствіе со стороны страшныхъ новостей, бессмысленныхъ, на посторонній взглядъ, указовъ и повседневнаго цинизма «демократіи». Эти нѣсколько лѣтъ останутся въ ихъ сознаніи смутной мѣшаниной олимпійскихъ игръ, экологическихъ бѣдствій, содержаній за решёткой героев-полковниковъ, странныхъ приговоровъ и нераскрываемыхъ убійствъ, небывалаго зноя, леденящаго холода, скандаловъ коптящихъ звѣздъ экрана, принужденія къ миру Саакашвили, нефтегазовыхъ споровъ, безуспѣшныхъ побужденій къ миру Кіева, «русскихъ маршей» и «маршей несогласныхъ» – и даже потѣшнаго покушенія на талисмана демократіи Чубайса... Красовъ и Рославлевъ расскажутъ намъ о кое-чёмъ пережитомъ, перенявъ эстафету у Салабина, который старился если не по днямъ и часамъ, то явно по мѣсяцамъ. Если раньше потъ его былъ солонъ и свѣжъ, то теперь становился кислымъ... Когда же потъ Салабина сталъ горекъ, Геннадій понялъ: сроки выходятъ.

Собранія Красова, Салабина и князя Рославлева почти всегда проходили вмѣстѣ съ Ириной Анатольевной, ставшей практически непремѣннымъ членомъ-корреспондентомъ. Князь говорилъ, что при взглядѣ на Ирину Анатольевну мнится ему пшеничное поле съ голубыми васильками. Салабинъ тоже могъ подолгу глядѣть на Ирину – и ему мерещился полный воды котлованъ, покинутый строителями, а въ водѣ онъ видѣлъ свое собственное отраженіе. Философъ Красовъ просто видѣлъ чистую ухоженную женщину – и думалъ о ней какъ о «женщинѣ Салабина».

Въ 2007 году они дружно посмѣялись надъ указомъ о «годѣ русскаго языка», въ 2008-мъ – о «годѣ семьи», а въ слѣдующемъ, съ той же неизбывной горечью – о «годѣ молодёжи»... Салабинъ предположилъ, что на очереди – «годъ птицъ», но грянулъ «годъ учителя». Салабинъ, хорошо знавшій, почѣмъ фунтъ этого лиха, высказалъ увѣренность, что всѣ эти указы служатъ оправданіемъ для выдѣленія громадныхъ суммъ...

Красовъ вскинулъ голову:

– Мы какъ Слѣдственный комитетъ Россіи должны и впредь расшифровывать всѣ фразы, указы, дѣянія и бездѣйствіе властей подъ этимъ угломъ зрѣнія – мы, какъ неподкупные и вдумчивые слѣдователи.

Князь призналъ въ этомъ пользу, но не болѣе какъ игры ума, потому что, «поймите, господа, государство похищено у насъ, хотя большинство боятся въ этомъ себѣ признаваться».

– Ну, насъ-то трудно заподозрить въ такой слѣпотѣ! – возразилъ Дмитрій Михайловичъ. – Вотъ у Геннадія Серафимовича даже статья выходила: «Къ 90-лѣтію побѣды троцкизма въ Россіи».

Геннадій Серафимовичъ тянетъ руку, проситъ вниманія:

– У нашихъ сосѣдей-турокъ есть слово *devletsiz* – несчастный, обездоленный... Но не этимъ оно интересно, а своимъ составомъ: *devlet* – это *государство*, а *siz* – это приставка «безъ». То, что понятно туркамъ, ещё непонятно гриндамъ.

– То есть, – вопрошаетъ Красовъ, – несчастный – кто безъ царя въ головѣ?

– Можно и такъ понимать!

Къ чести нашихъ друзей надо сказать, что когда либерастическая «тусовка» чхартшвилей, мухоревичей и юберменшей вышла на Болотную въ Москвѣ, то ничего, кромѣ омерзения, она у нихъ не вызвала. А манифестация поддержки президенту РФ (непонятная должность, однако!), пусть и съ огромными оговорками, вызвала у нихъ сочувствіе. Наблюдая скупую подполковничью слезу рас- троганнаго президента, кто-то изъ друзей замѣтилъ:

– ...любить себя до слѣзъ! Но отдавать его пятой колоннѣ нельзя!

На это кто-то другой отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что вырвать его изъ лапъ пятой колонны – наша непосильная задача.

Но подробнѣе мы узнаемъ объ этомъ уже отъ Красова и отчасти отъ князя.

Дмитрій Михайловичъ, человекъ скорѣе советскаго воспитанія, порой можетъ не затруднить себя подборомъ выражений:

– Какъ уже достали эти Мендевильде со Шляйхеромъ!

Тогда какъ Пётръ Николаевич болѣе деликатень:

– Его превосходительство дожидался четырнадцатаго года, чтобы объявить «годъ культуры», но не угадалъ!.. – и замолкаетъ.

Президентъ не напрасно пустил слезу на митингъ въ его поддержку, и свои выводы онъ сдѣлалъ. Новый ФЗ (федеральный законъ) заблокировалъ въ Россіи сайтъ «Русское небо» – православныхъ активистовъ изъ Техаса и «Русскаго общенароднаго союза» (РОНС). Православный календарь у «Русскаго неба» былъ наиболѣе полный: съ всѣми святыми исповѣдниками и мучениками, включая даже православныхъ Британскихъ острововъ, Ирландіи и Франціи. А РОНС отвѣтилъ на блокировку тѣмъ, что написалъ на знамени новую расшифровку своего знака: Россія Освободится Нашими Силами. Салабинъ опять пустился въ разъясненія, что это возможно только съ Земскимъ Соборомъ всея Русскія Земли, составленнаго изъ делегаций профессионаловъ – противъ злокозненныхъ дилетантовъ...

Итакъ, вернемся къ Салабину. Пыль времени безъ всякой пощады осѣдала на его надѣжды, замыслы и воспоминанія, поэтому намъ не остаётся ничего, кромѣ нѣсколькихъ прощальныхъ блѣстокъ, сверкнувшихъ среди этой клубящейся пыли.

Вѣрнѣе, блѣстка всего одна. Но прежде должно было произойти иное.

Федеральная миграционная служба прислала Салабину официальный запросъ, не будетъ ли онъ возражать, чтобы гражданка Имярекъ Наталья Батьковна получила свѣдѣнія о местопребываніи Салабина Геннадія Серафимовича, поскольку федеральный законъ номеръ такой-то не разрѣшаетъ выдавать личныя свѣдѣнія гражданъ безъ ихъ прямого согласія. По нѣкоторомъ недоумѣніи и размысленіи отецъ подѣлился этой новостью со своей взрослой замужнею дочерью. Дочь позволила Ростиславу и спросила, не знаетъ ли онъ, гдѣ собака зарыта.

Ростиславъ отвѣтилъ, что въ данную минуту онъ находится въ кабинетѣ у слѣдователя и отвѣчаетъ на разспросы о матери, потому что между нею и ея мужемъ произошла поножовщина и потерпѣвшимъ является мужъ.

Вечеромъ того же дня дочь имѣла болѣе подробный разговоръ съ братомъ, но Салабинъ узналъ отъ нея мало новаго: только то, что Ростикъ «боится, какъ бы это ЧП не помѣшало его повышению въ званіи».

– Пусть не беспокоится объ этомъ, – сказала ей отецъ. – Начальство этимъ воспользуется только въ случаѣ, если завѣдомо не хочетъ его повышать, если онъ уже и такъ на плохомъ счету...

Распространяться далѣе объ этомъ не будемъ, поскольку любяя подробности иной читатель можетъ использовать противъ бывшихъ и настоящихъ членовъ этой семьи.

Ближе къ осѣни Геннадій Салабинъ захотѣлъ увидѣть то самое Шугозеро, куда его чуть не отправили на работу сорокъ лѣтъ назадъ и о которомъ онъ нерѣдко задумывался на протяжении этихъ лѣтъ. Послали же его, однако, почти въ пригородный районъ. А попади онъ туда, за Тихвинъ – сталъ ли бы онъ валенки валять на предметъ философіи? Допрыгнулъ ли бы онъ до пароходства?

Стали грезиться картины, что онъ могъ бы тамъ увидѣть, или придумать – или угадать... Иное своё вѣроятное прошлое – однако же своё. А на обратномъ пути, думалось ему, онъ сдѣлаетъ остановку въ Тихвинскомъ монастырѣ.

Шугозеро было живописно, какъ и ожидалъ Салабинъ. Чаша озера выглядѣла днѣмъ какъ ладья, а къ вечеру – какъ старинный сосудъ съ двумя возвышенными боковинами.

Солнце было на закатѣ – и стояла надъ посѣлкомъ несомнѣнная золотая осѣнь. Огражденное

съ востока и запада высокими берегами, озеро погрузилось въ сумерки, а сумерки эти пересекла густая тѣнь отъ западнаго берега; только дальній сѣверный конецъ свѣтился тусклой полоской горизонта – да подь берегомъ, гдѣ стоялъ Салабинъ, плескалась ясная, прозрачная вода. Слѣва, на закатной сторонѣ, вышла изъ яркаго дома, будто рѣзного рубина съ бирюзой, молодая женщина съ вѣдрами на коромыслѣ – и направилась къ озеру. Нѣтъ, скорѣе – юная дѣвушка, изъ тѣхъ времёнъ, когда ещё не вырыли колодець и не сладили водопроводъ. «Надо ей помочь», – подумалъ Салабинъ, но языкъ его не могъ пошевелиться – а онъ зналъ и такъ, что вѣдеръ ему не дадутъ. Дѣвушка спустилась къ водѣ и пропала изъ виду; потомъ вышла, поднялась и прошла мимо, не замѣчая посторонняго. Ея свѣтлое платье, пока она удалялась размѣренной поступью, темнѣло соотвѣтственно заходу солнца – и вотъ на ней уже тёмная фуфайка подь колосково-пшеничной косой, и вотъ уже коса, ещё тугая, становится серебряной и распушается вѣтромъ непогоды. Возлѣ дома она поставила полныя вѣдра на широкую крѣпкую скамью – и зрѣлище растаяло слезой на глазахъ. Ноги Салабина ослабли – онъ едва удержался за сукъ осыпавшагося листьями и кору теряющаго дерева.

Когда онъ открылъ глаза, солнце было уже за краемъ западнаго берега и чаша озера мерцала безразличнымъ разсѣяннымъ свѣтомъ ушедшаго дня, но дома вдоль улицы – и тотъ, бирюзово-рубиновый – ещё были освѣщены. Салабинъ снова зажмурился, чтобы удержать и сохранить исчезавшую картину. Его губы свела судорога беззвучнаго рыданія – и онъ побрѣлъ по улицѣ, заставляя шевелиться непослушныя ноги. Это необратимо, этого не измѣнишь, это – Шугозеро, и это была *она*. «Только я теперь – не **онъ**».

Онъ опустил на сухую траву, посмотрѣлъ на небо, на воду и посмотрѣлъ на часы. Къ автобусу на Тихвинъ онъ ещё успѣвалъ.

Что надо знать о человѣкѣ? – какъ родился, какъ жилъ, какъ умеръ. Такъ утверждалъ одинъ мудрый человѣкъ, давно умершій. О путешественникѣ надо знать совсѣмъ немного: гдѣ былъ, когда, что видѣлъ, что забылъ, что запомнилъ. Въ Шугозерѣ человѣкъ запомнилъ только бирюзово-рубиновый домъ, но было это явью или былъ это сонъ?..

Въ Тихвинѣ онъ не запомнилъ ничего, кромѣ трепета исповѣди и причастія. Ветхій священникъ предвосхищалъ покаянныя слова однимъ вопросомъ – Каешься? – будучи не въ силахъ нести своё ярмо и выслушивать:

– Я былъ...

– Каешься?

– Каюсь, отче! Я хотѣлъ...

– Каешься?

– Каюсь, батюшка! Я дѣлалъ...

– Каешься?

– Каюсь!..

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, властью, данною мнѣ...

«Тѣло Христово пріими-и-те! Источника безсмертнаго вкуса-и-те!» – вознеслось подь своды и затрепетало въ душѣ...

Далѣе, будто Кѣмъ-то подь руки ведомый, онъ легко преодолѣлъ свои пѣшіе метры до автобусной остановки, поднялся въ ожидавшій «курганецъ» и сѣлъ у окна... Свѣтъ золотой осѣни отражался отъ среды и сѣлся на чело и скулы Салабина рубиновымъ съ бирюзой румянцемъ.

По прибытіи къ автовокзалу на Обводномъ каналѣ Геннадій вышелъ изъ автобуса и позвонилъ домашнимъ, сидя на привокзальной скамьѣ: «Я на автовокзалѣ. Слава Богу за всё...»

Смерть Салабина своей внезапностью привела его друзей въ замѣшательство. Ещё, казалось бы, позавчера, во всякомъ случаѣ – совсѣмъ на дняхъ, онъ съ ними вмѣстѣ горячился...

Послѣдняя запись въ его дневникѣ датирована за неделю до его ухода:

«Кажется, меня посѣтила душа Людѣ Ильиной... Подь утро снилось мнѣ, что вижу совсѣмъ рядомъ её: яркую, какъ спѣлый абрикось, веселую, какъ никогда въ жизни, стройную, какъ... Она смотрѣла на меня сквозь мои же рѣбра, и это не передать, не объяснить... Цѣлый день видѣніе не покидало меня».

Почеркъ Салабина былъ ещё ясный и ровный, какъ и всѣ его недавнія мысли. Какъ говорится, «могъ бы ещё пожить». Но въ послѣднее время мы уже не слышали о какихъ-нибудь его планахъ и желаніяхъ, возможно, эти знаки дѣтства получены имъ были неспроста.

Проза

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессорнала». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е». Эта полижанровая трилогия вышла в 2020 году отдельной книгой в издательстве «Питер». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

Непал

Винтажный роман

ЧАСТЬ III

ЖИЗНЬ РАССТАВИТ...

Продолжение. Начало в № 1(37)-2020, № 2(38)-2020

ПРОЛОГ

В ослепительно-белом трико

Обгорелые, подмороженные и весёлые, челябинские пацаны Толян и Колян вывалились на окраине Катманду из переполненного автобуса и пересели в нанятую по дешёвке раздолбанную легковушку более не узнаваемой марки. Доехали на ней до «Шерпа гест хауса» в Тамеле и сразу упали в сон – сил больше ни на что не хватило, даже на приём внутрь целебного сорокаградусного напитка, а точнее русской водки, оставленной как раз на благополучное возвращение. Утром приняли душ, разобрали хранившиеся в гостинице три недели, пока они лазали по горам, полиэтиленовые мешки, переоделись в чистое, позавтракали. И наконец, как следует осознали, что вернулись с крутейшего, и не менее, восхождения. Непальцы нарочно пишут в путеводителях, что Марди Химал – самый низкий и лёгкий из всех треккинг-пиков. А попробуй-ка залезь. Пройди 45-градусный кулуар с бьющими лавинами, а потом разговаривай! Самая нормальная гора. Треккиговая... Это натуральный клаиминг. Пять с половиной тысяч – не гималайская высота? Ага, не гималайская. Вполне гималайская. А красотища! С одной стороны Аннапурна, с другой – Мачапучаре, и так, как с Марди Химал, их больше ниоткуда не увидишь.

Толян и Колян вдарили по водке прямо в номере, а потом, раздухарившись, взяли в гостиничной едальне по двести «Ваньки-пешехода». И полился разговор. Не будучи сильно начитанными, ребята, как ни странно, вспоминали в таких случаях Льва Николаича Толстого. Ну, типа там, что все счастливые семьи похожи друг на дружку, а все несчастливые не похожи. Казалось бы, причём тут классик? А притом, что друзья чудесным образом прикладывали запавшую в память цитату, пусть и слегка исковерканную, на собственную ситуацию. Сначала состязались в литературной компетентности:

– Что, не так у Толстого? – спрашивал Толян. – Да ты «Войну и мир» почитай!

– А ты читал, да? – уточнял Колян. – Ничего ты не читал, потому что это из «Анны Карениной». И вообще не так.

В конце концов приходили к выводу, что вспомнили Толстого уместно: в их горных странствиях серединка всегда была разной, а вот начало и конец одинаковыми – пацаны сначала накачивались, а потом пытались совершать подвиги. Они тоже становились одинаковыми, если поблизости находился доступный слабый пол. А вот если его не было или ребят посылали подальше – тут начиналась разница...

Ровно так случилось в начале поездки, когда Толян и Колян поняли, что местных барышень ловить бесполезно, а иностранки – либо ужасные на лицо и недобрые внутри феминистки, либо при своих мужиках. И друзей потянуло на культуру. Так получилось, что по пути сюда они обломались со знаменитым непальским праздником Дурга Пуджа, поскольку шёл его десятый, завершающий день и главные действия уже закончились. Да, пацаны увидели наряженных и радостных людей, пирушки прямо на улицах. Но только на словах узнали, что накануне в жертву богиням Дурга и Кали, что в общем-то одно и то же, приносились животные. Каждое из них символизировало определённый вид негативных эмоций: гнев, вожделение, робость, вялость, глупость. А жертвоприношение рассматривалось индуистами как путь их преодоления.

– Ну что, толково, – согласились Толян и Колян. – Зарубил козла и сразу стал умным и смелым. Гы.

Конечно, пацаны, выкроив время от сборов в путешествие, сходили на площадь Дурбар, к храму Таледжу, где и происходит жертвенный ритуал. Снова обогатились знаниями индуистской культуры, а вернее, совсем зашли в тупик: Таледжи оказалась ещё одной ипостасью Кали, или Дурги. Что за дела? Это вообще разные женщины или одна и та же?

Как пояснил всего за один доллар доморощенный экскурсовод, на самом деле всё просто. У бога Шивы единственная жена, но у неё много имён, и каждое из них отображает разную ипостась, то есть определённые божественные, а заодно и женские аспекты. Так вот: Кали – чёрная богиня, она олицетворяет тёмное, гневное, разрушительное начало. Но парадокс в том, что она же – богиня-мать, некая изначальная божественная сила. Дурга – воительница, сражающаяся с демонами, защитница богов. Ту и другую почитают в индуизме...

К сожалению, никаких действий Толян и Колян не увидели; застали только уборщиков, которые смывали кровь с камней да какую-то требуху – видно, не пригодившиеся части тех самых коз или кого ещё. Правда, в храме Маджу Девал узрел Колян нечто, заслуживающее внимания и полностью оправдывающее посещение площади.

– Гляди-гляди, да это...!

– Да не, что-то другое, – по обыкновению возразил Толян.

Друзья вновь обратились за разъяснением к «экскурсоводу». Тот подтвердил, что Колян прав – каменная штука и впрямь являет собой фаллос, или лингам, как называл его непалец. Он принадлежит Шиве, а из союза Шивы и Дурги рождается вселенское плодородие.

«О, как!» – приговаривали парни, слушая историю про уникальный памятник мужскому достоинству. А непалец заодно рассеял сожаления пацанов о пропущенном празднике. Он поведал, что в не слишком далёком городке Барияпур как раз в это время проходит национальный фестиваль Гадхимаи, который с лихвой восполнит несостоявшиеся впечатления от Дурги Пуджи. Судя по взмахам рук, подпрыгиваниям и придыханиям рассказчика, Колян и Толян поняли, что речь идёт о событии, явно достойном внимания. А когда «искусствовед» сообщил, что фестиваль Гадхимаи скоро собираются прикрыть совсем, решение созрело само собой: надо ехать.

Не откладывая замысел в долгий ящик, друзья в очередной раз раскошелились на легковушку, поскольку трястись в душном автобусе уже надоело в предыдущих переездах, и к вечеру оказались в Барияпуре. Кайф к этому времени выветрился, энтузиазм поостыл. Увидев на улицах городка довольно странные картины подготовки к празднику, Толян затосковал.

– Сколько голов приносится в жертву? Сто, тысяча?

– М-м-м, гораздо больше.

– А откуда так много народу?

– Это паломники из Индии – здесь ведь рядом граница. У них запрещены такие фестивали. По этому и люди и животные в основном оттуда, своих не хватает.

– Это буддисты?

– Нет, что вы! Это индуисты. Буддисты против убийств животных, да ещё в таком массовом порядке. Буддисты осуждают фестиваль и призывают отказаться от жертвоприношений животных и подносить богине вместо мяса фрукты и овощи.

– Э-э-э, погоди-погоди! А вот мы стояли в лоджи перед монастырём, так монахи приходили и мясо трескали за обе щёки.

– Я не говорил, что все буддисты – вегетарианцы. Многие едят мясо, но отвергают акты, когда животное убивают специально для них. И наоборот: среди индуистов немало вегетарианцев.

– Понятно, что ничего не понятно. Начнёшь у вас разбираться в богах, в традициях – увязнешь по самое небалуй.

– Протестуют не только верующие. Взять Бриджит Бардо, актрису, знаете такую? Нет? Ну да, она старая уже. Но тоже возмущается и пишет письма непальским властям. Но они наотрез отказываются отменять жертвенный фестиваль.

– Почему?

– Потому, что это наша вера и наши традиции. Какое дело старой тётке? Погуляла своё, а теперь начала думать о душе?! Мир, говорит, полон зла. Правильно! Но она не верит в то, что принесение животных в жертву богине Гадхимаи положит конец злу и принесёт процветание... И Манека Ганди пишет обращения.

– А это кто?

– Это вдова Санджая, сына Индиры Ганди. Он погиб в авиакатастрофе, а Манека работает в индийском парламенте. Интересно, что у неё прозвище «Дурга» – по имени богини. Я сам не понимаю, почему она тогда против жертвоприношений.

Пацаны не зря заплатили Доржи. Лепетал он по-английски еле-еле, но локтями работал здорово. Подошли к храму Гадхимаи. Там стоял какой-то их главный монах с помощниками, к ним стали подносить всякую живность. Сначала мелких зверюшек, которых и разглядеть было трудно. Под одобрительные крики толпы их убили.

– Что за зверьё? – спросил Колян.

– Это мыши.

– Зачем они нужны?

– Таков ритуал. Сейчас вы увидите птиц.

И действительно: появились голуби, петухи и утки. Их также благополучно обезглавили.

– Ну, в общем ничего такого, даже прикольно, – отреагировал Толян. – У нас тоже кур рубят, может, только не так красиво. О, гляди, козу пригнали!

С козой разделались быстро, перерезав ей горло. А потом привели свинью. В неё начали как-то непрофессионально тыкать ножами, и нужный эффект умерщвления никак не наступал, а свинья страшно и отчаянно визжала.

– Наверное, они нарочно не убивают сразу, – выразил мысль Колян. – Повеселить толпу, что ли? Зачем это делать? Надо зарезать – так нарежьте побыстрее, не мучайте хрюка...

Свинья, наконец, перестала биться и визжать, а толпа, наоборот, заревела так, что Толян и Колян заткнули уши. Причина оживления вскоре стала понятна: на площадь вывели буйвола. Огромный и тяжёлый, с большими рогами, он не хотел идти и упирался. Рядом стоял накачанный мужчина в белых трусах, белой майке и с длинным и широким кукри-ножом в руках.

– Толян, слышь, ты помнишь анекдот про цирк? Когда всё в дерьме и только один фокусник висит под куполом цирка – чистый и в ослепительно-белом трико.

– Ага, помню.

Человек в белом не торопился и чего-то ждал. Чего? Доржи объяснил, что бык перед смертью должен почувствовать себя свободно и приятно, не бояться и не убежать. Парни увидели, как помощники стали плескать на быка водой, гладить и уговаривать. Буйвол, наконец, успокоился, перестал мычать и лишь слегка вертел головой.

– И как же он его, такую махину? Замучится рубить...

Человек в белом взмахнул жертвенным кукри ножом-топором, сделал всего один удар, и голова буйвола отлетела на камни площади. А бык всё стоял на ногах, испуская вверх фонтаны крови. Его минуту назад громкий рык заменился на тысячекратно усиленный крик удовлетворённой и ликующей толпы...

Одуревшие Толян и Колян бродили по городу, и повсюду совершались жертвоприношения. Хотя какие там приношения – шла бойня. Бычков мало где убивали красиво – умельцы, видимо, были наперечёт, и животных просто кромсали железными острями, делая по пять, десять, двадцать ударов, пока надрубленная шея не переставала держать издающую звуки ужаса голову.

– Давай считать, – предложил Толян. – Не коз и кур, конечно, с этим понятно. Давай считать, сколько кладут крупняка.

Очень скоро друзья поняли, что сосчитать забитых буйволов невозможно. Даже на бессистемном уровне стало ясно, что счёт идет на многие тысячи. Сходя с ума от вида и запаха крови, гор сырого

и жареного мяса, парни пробивались к автобусам. Покидая Бари и припадая к бутылочному горлышку, в качестве заключительных кадров они увидели людей, которые бежали к автобусу, намереваясь с ним что-то сделать. Опасения сменились удивлением и очередной порцией дурманящего зрелища: люди обмазывали автобус кровью и украшали его кишками...

Вечером в «Шерпе» Толян и Колян встретили русских восходителей. Это были серьёзные клаймеры, поскольку вокруг них толкались и непальские чиновники, и ребята из российского посольства. Когда один из соотечественников вышел на перекур, пацаны подошли к нему, извинились за беспокойство и попросили просветить.

– А, вы с Гадхимаи? Понятно! – Валентин, так звали молодого человека из посольства, рассмеялся. – Ну, объясняю популярно. Богиня власти Гадхимаи любит кровь, а индуисты любят богиню. Ради такой любви и проливают кровь...

Когда-то давным-давно богиня любила попить человеческой крови, но сейчас, слава уж не знаю какому из их богов, она принимает и кровь животных. Почему так жестоко? Индуисты не считают это жестокостью, так как уверены: после принесения в жертву, в следующей жизни все убиенные животные переродятся в людей. Гадхимаи позаботится!

ГЛАВА I

Бурлаки

Мы потихоньку допивали коньяк, а Морис продолжал свой рассказ.

Он говорил, что магараджа прислал за нами офицера для оказания всяческой помощи в пути. Офицер и вправду здорово помог: он организовал доставку группы восходителей на вокзал, где их ожидал, как и предполагалось, товарный поезд. Когда группа ехала в индийском поезде даже в купе, то была от него, мягко говоря, не в восторге. А теперь товарняк...

Но офицер снял ложную тревогу: министр иностранных дел Непала, он же сын магараджи, решил вопрос. Да, это будет товарняк, поскольку других поездов нет, сказал офицер, но министр дал указание прицепить к товарному составу специальный вагон-люкс для победителей горы. Ну, это ж другое дело! Правда, вагон был крошечным, а при ширине колеи в шестьдесят сантиметров поезд раскачивало так, что путешественников мутило. Зато купе оказалось роскошным, из блестящего дерева с бронзовыми вставками!

На конечной станции команду ждал сытный завтрак и стоял наготове транспорт: для людей – автобус, а для снаряжения – грузовик. Через несколько часов езды по сравнительно неплохой дороге путники прибыли в посёлок, где их ждали лошади и «дэнди» – носилки для переноски пассажиров в сидячем положении. Дальше предстояло идти по горным тропам, непроходимым для автомобилей.

Морис смирился с тем, что придётся набраться терпения на два перевала. Отупеть, оцепенеть, забыться в неудобном «дэнди», но это лучше, чем перемещаться, как мешок, в санках или носилках при спуске с вершины. Вдобавок говорили, что скоро опять начнётся автодорога и до Катманду они доедут на машине. Но каким образом туда попадёт машина? Она никак не сможет проехать по такой узкой, вихляющей вверх-вниз тропе!

Но выяснилось, что автомобиль... несут. С него снимают колёса, а кабину устанавливают на большой платформе, которую сопровождают 50–70 носильщиков. Большая часть неудобной тропы обходится по пологим руслам мелких или пересохших рек, а в районе перевалов тропа расширена. Конечно, это тяжёлый труд, но для непальцев он привычен. Передвигаясь с нелёгким грузом, носильщики, чтобы сбить напряжение и облегчить усилия, поют ритмичные песни...

Мне вспомнились репинские «Бурлаки на Волге». И я взял да и спросил Мориса про эту картину. Мол, слышал ли он вообще про Репина? Морис усмехнулся: конечно, слышал! А и в самом деле – чего ж странного? Мы, советские люди, всегда хорошо знали, скажем, французских импрессионистов, благо в наших музеях их картин достаточно. С видом знатоков объясняли дилетантам разницу между Клодом Моне и Эдуардом Мане. О Пабло Пикассо и говорить не приходится! «Голубь мира», «Девочка на шаре» и всё такое впитывалось, можно сказать, почти с молоком матери. Так почему должна вызывать удивление встречная художественная компетенция французов? Не хватало ещё про Толстого или Достоевского спросить!

Выставки Репина и других русских художников-реалистов, – а Морису нравились именно реалисты, – неоднократно проходили во Франции, и мэр Шамони их посещал. Вот мы и стали сравнивать непальских носильщиков с бурлаками. Интересно, им было так же трудно, как бурлакам, или легче? У Мориса как-то не сложилось по этому поводу определённого мнения, поскольку он не сильно разбирался в теме бурлачества. Я тоже не разбирался, но всё-таки порассуждал!

И высказал мнение, что бурлакам приходилось тяжелее. Бурлачили они далеко не всегда так, как это изображено на картине Ильи Ефимыча. На полотне бурлаки идут пешком, по берегу, а баржу тянут на прицепленном к самим себе канате. Но чаще работники заплывали на лодке вперёд баржи, ставили якоря и подтягивали посудину-склад к лодке, наматывая верёвку на установленный на барже барабан. А по берегу шли гораздо реже. В обеих ситуациях тащить баржу надо было против течения! То есть если ты станешь идти или накручивать верёвку на барабан вполсилы, баржа не сдвинется с места.

Но тащить машину по горам – другое дело: как ни неси, сколько-нибудь продвинешься вперёд. Песни бурлаки тоже пели – и тоже, видно, не с веселья. Что они там исполняли нестройным хором, «Дубинушку»? Про Фёдора Шаляпина Морис тоже слышал?! Да!!!

Перетирая тему русских бурлаков и непальских носильщиков, мы, подобно трудягам, слегка приглушили печальный фон, связанный с воспоминаниями о полученных при восхождении травмах, и Морис в гораздо лучшем настроении вернулся к прерванному повествованию...

Около полуночи они добрались до деревушки в конце пешего пути, где ожидал допотопный американский автомобиль – не тот, который несли, а «новый»: машина прибыла с другой стороны от перевалов. Немного передохнув и выпив чаю, восходители загрузились в транспорт и уже через час въехали в Катманду, столицу Непала, в рест-хаус магараджи, где были встречены советником французского посольства.

Если вы постоянно живёте в комфортной обстановке, то чуть больший комфорт останется вами не замечен. А вот меньший комфорт наверняка вызовет неудовольствие. Однако если вы пару месяцев провели в условиях, минимально приспособленных не для жизни, а едва для выживания... Тогда *любой* комфорт доставит вам радость. Ровно так и вышло. Обычная мебель привела друзей в настоящий экстаз. Альпинисты совсем позабыли, что она в принципе бывает. А вот над электрическим холодильником даже пошутили: лучше всего холодильник естественный, в виде снега и льда.

Но ванна вызвала бурю радостных эмоций: на восхождении путешественники едва смачивали лицо, в ущельях и долинах обтирались речной водой. Откуда в ванной и вообще в рест-хаусе бралась горячая вода, не осталось загадкой: в доме не было центрального отопления, как, впрочем, и во всём Непале. Воду подогревали на костре, заливали в бак, а измождённому восходителю требовалось только открыть кран – далее всё происходило ровно так, как в парижской квартире.

И что совершенно немислимо, на столе стояла бутылка эльзасского вина!..

К этому времени ёмкость с «Мартелем» мы уже допили, причём большую часть, разумеется, «уговорили» вдвоём с чекистом, который уже давно смотрел на меня вполне дружелюбно. Морис предложил добавить, но мы отказались. Хотел бы честно признаться, что остановило нас совсем не чувство меры, а вежливость. Не хватало ещё поддерживать миф о том, что русские только и делают, что бухают, и большими дозами. Но поговорить о заморском спиртном было приятно.

– Вы опять разделили эту бутылку на всю группу?

– Да какое там! Мы хотели «раздавить» её вдвоём с Луи, но метрдетели в тюрбанах наливали вино с такой церемонностью, что сделать желаемое мы как-то засовестились...

Вот! Я всегда подозревал, что французы – такие же ребята, как и мы. То есть выпить не дураки! Что, собственно говоря, требовалось не доказать, а подтвердить.

Самой приятной неожиданностью для Мориса стало то, что он сможет пользоваться настоящей кроватью. После саней, носилок, «дэнди» простое возлежание на свежих простынях, с возможностью разбрасывания забинтованных и саднящих рук и ног в стороны и без ограничений, уже доставляло удовольствие.

Жак снял бинты со всех ран и попросил Мориса побыть несколько часов без повязок. Это вылилось в нелёгкую задачу: ни к чему нельзя прикоснуться; нужно лежать, задрать конечности, и тщательно оберегаться от мух и комаров. Как это возможно, когда мух туча, они огромные, с красным брюшком, прилипают, как пластырь, и согнать их затруднительно?! А в ранах кишат черви. Жак успокаивал и пояснял, что они очищают рану лучше любого современного лекарства...

Тут Морис отвлекается от сюрреалистического повествования и вдруг говорит:

– А знаете, именно тогда я вдруг понял, как нам повезло.

– Что остались живы?

– Нет, другое. Понимаете, когда человек умер, ему уже всё равно: повезло – не повезло, он же этого больше не понимает, потому что его просто не существует. А когда быстрая смерть, то она и вообще во многих случаях приходит для человека, тем более альпиниста, незаметно. Лез, например, по стене, сорвался и полетел. Пара ударов о скалу или лёд – и даже мозг не успевает понять, что наступил конец; мозг до самого последнего момента уверен, что жизнь продолжается.

– В чём же в таком случае заключалось ваше везение?

– Да совсем просто: в докторе! Когда мы «путешествовали» в носилках, на спинах шерпов, то проходили через селения или поблизости от них. Пока все были здоровы, доктор Жак не отличался внешним видом от прочих участников группы. Но теперь, когда он производил с нами необходимые манипуляции – совсем не пятиминутные и не обязательно в палатке, а чаще на открытом воздухе, то становился, как врач, хорошо узнаваем для окружающих. Слух о волшебном докторе быстро распространился по горам. Почему волшебном? Потому что любой доктор для непальцев в то время и в тех местах считался волшебным.

К нам потянулись люди. Раз принесли мальчика тринадцати лет. «В чём проблема?» – спрашивает Жак. «Да вот, не ходит, помогите». Утверждают при этом, что у парня повреждена нога. «А давно он не ходит?» – интересуется Жак, осматривая ногу. «С рождения...» М-да...

В другой раз родственники привели юношу на здоровых ногах, но с двойным открытым переломом руки – кость вылезала наружу, рука гноилась и раздулась до невероятных размеров. Жак предложил ампутацию как единственное средство спасения. Родственники отказались и просили только о перевязке. С большим трудом Жак вставил кость на место, наложил гипс и сделал перевязку. Непальцы с благодарностью ушли.

«Что будет дальше?» – спросили мы у доктора. «Что-что... Умрёт через неделю или две: повязку менять они вряд ли будут, нагноение возобновится, начнётся гангрена...»

Доходило до грустных курьёзов. С немалыми усилиями, через переводчика-шерпа, не блестяще знающего английский язык и совсем не понимающего по-французски, Жак выяснял заболевание очередного посетителя, а потом подбирал для него лекарство из наших не совсем уж скудных запасов. Непальцы живо делились впечатлениями, а потом... обменивались этими лекарствами между собой. В конце концов, Жак стал давать им безвредные пилюли: отстанут, и ничего плохого не случится.

Местные жители никогда раньше не видели докторов, но слышали, что такие существуют. Вот я и говорю, что нам повезло. Не будь Жака, мы с Луи просто сгнили бы заживо, мучительно и не слишком быстро...

На следующий день группа готовилась к большому дурбару – торжественной аудиенции у короля. Посольский чиновник объяснял порядок церемонии, подготовленной в королевском дворце. Сперва будет строго регламентированная официальная часть, потом общение примет более свободный характер. Путники должны облачиться, ни много ни мало, в белые смокинги. Откуда они возьмутся? Ха! Смокинги находились в багаже группы от самого Парижа.

В назначенный час побритые и переодетые путешественники на двух огромных машинах въезжают за ограду дворца, абсолютно недоступного простым смертным. В городе вокруг дворца царят грязь и нищета, а здесь взгляду открывается подстриженная зелёная аллея во французском стиле, уютные беседки, прекрасное ухоженное озеро. Восходителей встречает целое соединение всадников-гурков на породистых лошадях – все они в красной одежде, с висячими усами, вооружены пиками.

Друзья Мориса высаживаются из авто и направляются ко входу во дворец. А для главного героя приготовлены сидячие носилки. Солдаты поднимают его по лестнице, а магараджа в белом мундире, усеянном множеством необычных орденов, выходит навстречу. Его головной убор украшен крупными драгоценными камнями, среди которых выделяется феноменальный по величине бриллиант. Усы в стиле императора Франца-Иосифа делают внешность магараджи ещё более величественной...

Стоп! Морис неоднократно упомянул магараджу. Кто это? Магараджа – это король? Морис поджимает губы и поясняет, что магараджа не король, а премьер-министр. Любопытно, что такая должность, как и королевская, передаётся по наследству братьям или сыновьям главы правительства.

Магараджа извиняется за то, что король не может присутствовать на церемонии, мол, болен, и что вообще-то он почти никогда не показывается подданным, олицетворяя духовную власть. В этот раз король очень хотел появиться, но вот болезнь... Впрочем, в зале находится целая куча наследных принцев, которые выказывают восходителям всяческое почтение. Но что же всё-таки с королём? Морис аккуратно напоминает нам, что как раз в этом году Индия, «старший брат» Непала, обрела независимость. На новом историческом витке обострилась борьба между кланами обеих стран за власть. Вокруг короля Непала сложилась непростая ситуация, он мог просто-напросто потерять престол, а возможно, и жизнь, поэтому счёл за благо – временно скрыться от публики. Таким образом, осталось неизвестным, во всяком случае для Мориса и его друзей, что в действительности происходило с королём во время чествования победителей вершины и где он находился.

Потом члены французской экспедиции во главе с послом официально поблагодарили магараджу и преподнесли ему от имени президента своей страны стеной ковёр ручной работы. В ответ магараджа сказал, что с радостью разрешил восхождение, что вдвойне рад его успеху и втройне – что оно послужило укреплению отношений между Францией и Непалом, некогда установленных усилиями его отца и Сильвена Ли, великого французского учёного, специалиста по санскритскому языку. На груди магараджи путешественники заметили Крест Почётного Легиона.

Магараджа заканчивает речь, в зале воцаряется молчание, и тут входят предусмотренные этикетом служащие, почтительно несущие небольшие коробочки. Мориса переносят на середину громадного помещения, и магараджа вынимает из футляра награду – высший орден Непала, его вручают лишь солдатам и офицерам непальской армии во время войны. Орден называется «Доблестная правая рука гурков».

– Вы проявили исключительное мужество, и мы приветствуем вас как мужественного человека, – говорит магараджа, и Морису, конечно же, приятны эти слова, хотя он едва не терял сознание, а из ран сквозь бинты сочился гной...

После завершения официальной части приёма разговор Мориса и магараджи продолжался. Вельможу очень интересовало царство вечных снегов. Он, разумеется, вполне представлял себе, в какой стране живёт, но сам, как и многие из его окружения, в серьёзных горах не бывал и, видимо, не собирался.

– Будем надеяться, что после вашего восхождения на Непал не падут какие-нибудь несчастья. А если что-то и случится, то нам, нарушившим божественные законы, не поставят это в вину, – в задумчивости сказал магараджа.

Наконец, всё заканчивается, и его высочество с сыном-генералом провожают участников экспедиции. Морис совершенно обессилен, ему не терпится лечь, но покорителя восьмитысячной вершины, давшей так дорого, ободряет зазвучавшая вдруг мелодия – это непальский оркестр исполняет «Марсельезу»...

– Вы ничего не рассказали про непальскую столицу Катманду, – говорю я Морису. – Удалось ли что-нибудь посмотреть? Что показалось интересным?

– Наверное, вы не очень хорошо меня слушали. Я же описывал своё состояние. Мне было не до этого. Товарищи осматривали город и до церемонии, а я, совсем бегло, только в последний день нашего пребывания. Меня возили на площадь Дурбар, где много старинных индуистских храмов, и очень больших, и поменьше. Особенно тронула одна статуя. Спросил про неё. Объяснили, что это – статуя богини Кали. «Кали» на санскрите означает «чёрная». На самом деле она раскрашена разными цветами, но преобладают чёрные тона. Четырёхрукая Кали – богиня смерти и разрушения. Она и с виду страшная, на ней висят человеческие черепа. Но Кали одновременно и символ вечной жизни. Всё у них сильно перемешано, часто понять трудновато. Но очевидно, что богиня очень уважаема непальцами.

При всей моей немощи я не мог не заметить индуистский храм Сваямбунатха. Вот мы едем среди пыли и грязи, мимо нищих домиков и вдруг видим нечто фантастическое. Это высокий холм, на котором стоит остроконечный храм – по-непальски «ступа» – круглый, с цветными обручами. На нём нарисованы глаза Будды. Большую ступу и другие храмы-ступы на холме почитают и буддисты, и индуисты. Вокруг холма вертится много обезьян. Я видел их прямо внизу, у подножья огромной лестницы, ведущей вверх. Говорят, что обезьяны там бегают везде, сидят и на самих ступах. Они живут в окружающей роще, а люди их подкармливают, вот животные и тянутся сюда. Другое название Сваямбунатхи «Monkey temple» – «Обезьяний храм».

К ступе ведут несколько сот ступенек, они довольно крутые. Сопровождающие непальцы вежливо, но без большого энтузиазма предложили поднять мою коляску по ступенькам. Я отказался: даже не потому, что пожалел сопровождающих, а просто ясно понимал, что мне этот подъём доставит много мучений...

Время за полночь. Воодушевлённые рассказом и коньяком, мы с чекистом, который, похоже, на время забыл о своих прямых обязанностях, благодарим мэра и откланиваемся. Морис протягивает нам свои куцы, без пальцев, руки. Волей-неволей возникает какая-то жалость и неловкость за то, что у нас... есть пальцы. Но мэр абсолютно бесстрастен и даже весел. В дальнейшей жизни мне приходилось видеть немало инвалидов, ничуть не переживающих по поводу своего недуга. Может быть, притворялись? Некоторые, возможно, и притворялись, а многие, думаю, со временем привыкли к своему состоянию и воспринимали его как должное.

Дружелюбно беседуя, возвращаемся в гостиницу.

Оказавшись вскоре в Москве, я, конечно, не забыл о том, что Морис упоминал написанную им книгу о восхождении на Аннапурну, и прямо кипел желанием её полистать. В чём причина «кипения»? В том, чтобы сравнить выслушанный и даже записанный мной рассказ с тем, что зафиксировано автором по горячим следам. Но книгу, изданную за рубежом, получить в то время было затруднительно. Да и что толку? Французского не знаю... Может, есть на английском? Я был сильно удивлён, когда обнаружил, что пару лет назад книга «Annapurna – premier 8000» переведена на русский язык и вышла в серии «XX век: Путешествия. Приключения. Исследования». Но всё равно достать её было проблемой: кто помнит то время, тот меня поймёт. Но достаю. И начинаю сверку своих записей с печатным текстом.

С удовлетворением понимаю, что каких-то неувязок, несоответствий почти нет. Видимо, за двадцать с лишним лет после восхождения Морис не раз излагал историю восхождения, и она стала чёткой, выверенной. Другое дело, что наш разговор происходил без особой патетики и вообще философского обрамления. Поэтому процитирую один важный, на мой взгляд, ракурс прямо из книги – по-другому история гималайской экспедиции с покорением первого восьмитысячника может оказаться, ну, недопонятой, что ли.

...Покачиваясь на носилках, я размышляю о завершении нашей эпопеи, о нашей неожиданной победе. Об идеале говорят всегда как о цели, к которой человек стремится и которой никогда не достигает.

Для каждого из нас Аннапурна – это достигнутый идеал. В юности нас не волновали ни фантастические рассказы, ни кровавые битвы современных войн, дающие пищу детскому воображению. Горы были для нас природной ареной, где на границе между жизнью и смертью мы обрели свободу, которой бессознательно добивались и которая была нужна нам, как хлеб.

Горы дарили нам свою красоту. Мы восхищались ими с наивностью детей и почитали, как монах – божественную идею.

Аннапурна явится сокровищем в воспоминаниях для всей нашей будущей жизни. С этой мыслью мы переворачиваем новую страницу... Начинается новая жизнь!..

Мне кажется, что главное Морис написал в самой последней строке книги. Главное потому и для того, чтобы другие не чувствовали себя обделёнными и верили: идеал достижим и для них. Почему ты должен обязательно покорять Аннапурну? Почему ты должен завидовать восходителям? Важно, чтобы была мечта об идеале и вера в его достижение. Какой идеал? Да у каждого свой.

Вот эта строка, облетевшая весь мир:

– Есть и другие Аннапурны в жизни людей...

ГЛАВА II

Намастэ

Мечта сбылась – я в Непале. «Намастэ» стало первым словом, которое услышал в этой стране. Олег Митяев поёт:

И будет вспоминаться дорога,
Где тебе говорит любой:
«Я приветствую в тебе Бога,
Повстречавшегося со мной!»

Правильно поёт. «Намастэ» в переводе с непальского и означает «Я приветствую в тебе Бога». А также «здравствуй», «до свидания», «привет», «пока», «доброе утро», «добрый вечер» и так далее. Вам все и всегда говорят «намастэ». На маршрутах, где встречаете других путников, к нему примешивается слово «hi» – модифицированный вариант английского «hello». Непалец, конечно, не скажет «хай», а «западник» скажет. Вот так люди идут и говорят друг другу «намастэ», или «хай», или оба приветствия вместе.

В Катманду прилетели одни «старики». В свои тридцать с большим хвостиком лет и пятнадцатилетним альпинистским стажем я чувствовал себя новичком в звёздной команде восходителей. С её лидером, Володей-младшим, читатель уже знаком. После шаровой молнии прошло двенадцать лет. На счету Володи теперь столько же восхождений на памирские семитысячники. И вот Непал, тот Непал, что был его мечтой с тех лет, когда мастер спорта, полный совершенно обоснованных амбиций, но попавший в неприятную переделку с природным катаклизмом, «пролетал мимо» первой советской гималайской экспедиции. Теперь время подоспело: впереди его первый восьмитысячник – Аннапурна.

А я? Куда полез? Проскочить на удачу? Хм... Жизнь в альпинизме справедливая, она всё расставляет по своим местам. Расставит и сейчас. Но пока мы просто прибыли в славный город Катманду.

В международном аэропорту короля Трибхувана нашу группу встречают не дети гималайских вершин, а такие же славяне – русские ребята-вертолётчики, давно завоевавшие высокий профессиональный авторитет в далёкой азиатской стране. Решительно отмахиваясь от носильщиков и таксистов, сажают в свои машины и везут в центральный район непальской столицы Тамел, в «незвёздную» гостиницу «Шерпа гест хаус». Это не означает «сарай» и «левизну»: в Непале даже существует «Non star hotel association» – Ассоциация незвёздных отелей, поддерживающая, несмотря на отсутствие «звёзд», свои минимальные стандарты комфорта.

В «Шерпе» русских-советских видели не впервой, понимали и коряво произносили слова «спасибо», «завтра», «давай-давай», «чёрный хлеб». Мы устраиваемся «по благу», на правах постоянных посетителей: в то время как иной европеец или американец платит за место в весьма сносном номере пять долларов в день, с нас берут всего три.

Мне пока в диковинку обходиться без названий улиц, ездить на велорикше, испытывать регулярные отключения электричества. Эти перебои интересны тем, что демонстрируют уровень классового расслоения жителей непальской столицы, что особенно ярко видно в магазинчиках уличных торговцев, да и в тех же гостиницах. Когда «казённый» свет гаснет, кто победнее, зажигает простые свечи. Люди чуть богаче используют керосиновые лампы корейского производства с хитрым абажурчиком: металлическая сетка накаляется и выдаёт неплохое свечение. А наиболее состоятельные просто нажимают другую кнопку, то есть включают бензиновый дизель-генератор, а в гостинице резервную аккумуляторную батарею, после чего потухшие электрические лампочки опять загораются.

В городском сумраке к тебе подходят местные дистрибьюторы запрещённого, но популярного и доступного в Непале зелья и вкрадчиво предлагают:

– Гашиш, марихуана?

Воспитанный на «стакане» и не приученный к таким «яствам» русский путешественник грубовато реагирует:

– Пошёл на ...

На что торговец, видимо, не успевший познать русский нецензурный язык, продолжает доверительный диалог:

– No, no, good quality, sir! Be sure...

Тамел – центр Катманду, относительно незамусоренная территория, но город в целом предстаёт грязным и загазованным, многие люди страдают болезнями лёгких и ходят в респираторах.

Прежде чем выезжать в район восхождения, нужно уладить ряд формальностей: добиться приёма у чиновников, заплатить деньги за право восхождения, получить требуемые разрешения. Чиновничий процесс движется неспешно, а мы параллельно закупаем продукты, снаряжение, знакомимся с достопримечательностями и предаёмся кревоугодию.

На вопрос, что бы такое попробовать из национальных блюд, опытные ребята рекомендуют «шизлинг чикен». Из чего оно? Из курицы! И всего-то? Ну, ладно, попробуем. Официант, берём! Спустя минут тридцать после заказа он бежит со сковородкой на деревянном подносе, где как-то

особенно громко шипит, трещит, брызгается жареный цыплёнок и откуда валит густой пар. Здорово, не зря заказали, и правда «шизлинг»! Как такое получается? Секрет раскрывать не хотят, но мы настойчиво допытываемся и узнаём: в момент готовности цыплёнка на раскалённый металл плещут немного водички, и получается «чудесное» шипение.

Ещё одно «секретное» блюдо – «гавайя стейк». Вместо курицы теперь кусок говяжьего мяса, а вместо воды ром или спирт: поливают готовую порцию, поджигают – и перед вами аппетитный стейк в огоньках синего пламени. Особенности вкуса названных блюд, хоть убейте, не запоминаются, зато впечатления яркие.

Из достопримечательностей больше всего поразил индуистский храм Пашупатина на берегу священной реки Багмати, где сжигают тела мёртвых. Процессия с покойником, укутанным в яркие одежды, неспешно подходит к месту кремации, и начинается прощальный обряд. Причитают женщины: сначала все вместе, сидя на земле, а затем поочередно кидаясь к усопшему и демонстрируя свою скорбь. Потом ходят вокруг тела и посыпают его рисом.

Последним с покойником прощается сын. Он оmyвает лицо и руки в реке, приближается к поленнице толстых дров, на которых возлежит тело, берёт факел и подносит его к соломе – её наваливают на дрова, чтобы они быстрее разгорались. Для нас непривычно, что сынок поджигает собственного папашу, но таков ритуал. Занимается пламя, а люди срывают с покойного разноцветные накидки и бросают их в Багмати. Вот уже тело объято огнём. Нога или рука, изгибаясь и отрываясь от перегоревших сухожилий, падает вниз. Бритый под ноль и голый по пояс монах подбирает конечность и опять кидает в костёр...

Дворец короля Бира – значительное пространство, огороженное высоким забором и охраняемое гурками. Какая там жизнь, никто не видит, узнать о ней можно разве что из рассказов француза Мориса, поскольку вход на территорию дворца простым смертным категорически запрещён. Но можно узреть огромные деревья, на которых многими сотнями висят вниз головой странные живые существа. Днём они попискивают и порой шевелят крыльями, сделанными будто из тонкой чёрной, хорошо выделанной лайки. В сумерках существа летают, и тогда видно, что они довольно большие: размах крыльев достигает метра. Непальцы называют этих тварей, вскармливающих детёнышей молоком, «бэтс» – летающие собаки; наверное, из-за характерной мордочки с пёсым носиком и стоячими ушками.

«На волю» стартуем автобусом «Катманду – Покхара», который преодолевает двести километров до этого города в центре Непала за немалое время – восемь часов. Вещи грузим на крышу автобуса, где их перетягивают ремнями, чтобы не упали. Туда же, на крышу, садятся и некоторые непальцы, а мы устраиваемся в салоне.

По дороге раза три останавливаемся размяться и перекусить. Володя интересуется, есть ли в наличии «долбат». «Dal bhat» – национальное блюдо из риса с чечевичной подливой, тушёными овощами и любопытной спецификой: заплатив один раз небольшую сумму рупий в эквиваленте около полдоллара, вы вправе требовать добавки. Даже если не будете просить, официант сам подойдёт и спросит: «More bhat?» (ещё риса), «More dal?» (ещё подливы). И так, сколько угодно. Володя с удовольствием ест нехитрое кушанье и удовлетворённо произносит: «Умеют же у них готовить. Дёшево и сердито!»

Да, когда привыкаешь, эта еда воспринимается сначала как приемлемая, а потом как подходящая на все периоды приёма пищи, будь то завтрак, обед или ужин. Собственно говоря, непальцы так долбат и потребляют. Сужу по носильщикам и проводникам – они, если помните, зовутся, портерами и сирдарами, или, по-европейски, гайдами, от английского guide. Утром эти ребята ограничиваются чаем с добавлением молока или вообще сваренным на молоке – масала-чаем. Во время ланча идёт долбат или опять масала-чай; в обед-ужин, то есть в завершающую сутки трапезу – точно долбат.

В Покхаре берём такси – три японских авто «Тойота-Карола» образца «мохнатого года» – и преодолеваем ещё около двадцати километров до деревни с улаждающим русский слух названием Феде. Здесь решаем вопрос с носильщиками. Помните, сколько носильщиков было у французов? Во-о-от. Мы не настолько богаты, да и шли первопроходцы долго, около двух месяцев, из Индии, но главное – по неизведанному маршруту. Наш путь в целом понятен, и носильщиков берём всего пять-шесть. До базового лагеря Аннапурны на высоте четыре тысячи двести метров три дня пути, без всяких технических сложностей, по проложенным тропам, где теперь ходит весь мир. После

базового лагеря мы откажемся от носильщиков – даже небольших денег на их оплату у нас нет. Хотя портеры не помешали бы: дальше не будет троп, придётся всё таскать самим, передвигаясь челночным способом, из одного промежуточного лагеря в другой и обратно.

Но пока впереди приятный треккинг. Посвящая российского читателя в этот не всем понятный термин, поясню: «треккинг» в Гималаях – это, с одной стороны, то же, что у нас «туризм». С другой стороны, понятия сильно различаются: занимаясь горным туризмом на родных просторах, вы бродите по плохим дорогам или вообще без оных, ночуете в палатках или где попало, всю поклажу несёте на себе, а кормитесь тем, что сумеете приготовить в соответствии со своими кулинарными способностями. Гималайский треккинг – это путешествие по цивилизованным дорожкам, значительная часть которых выложена каменными ступенями.

Первая мысль: сколько же времени понадобилось, чтобы навести такой дорожный порядок в первоначально непроходимой местности? Десять лет? Двадцать, тридцать? Потом понимаешь, что «наведение треккингового порядка» заняло столетия и тысячелетия. Практически все жители горных мест, включая женщин и детей, постоянно добывают, тешут, носят, кладут камень; а развалившийся заменяют на «свежий». Делают это и для нас, поскольку путешественники являются основным источником дохода страны в целом, и для себя, так как передвигаются по этим же тропам каждый день.

Касательно переноски грузов. В гималайском треккинге нести на себе нужно только личные вещи, типа сухих маек и ветровок для переодевания или утепления в пути. Остальное отдаётся портеру, стоимость которого в то время составляла примерно пять долларов в день. Что переносит портер? Да что хотите, сие зависит лишь от толщины вашего кошелька: иные западные дяди и тётки путешествуют по горам с собственными поварами, фарфоровыми чайниками и чашками, живыми курами в клетках, чтобы откусать на привале свеженького мяса.

Но даже с кошельком потоньше и готовить, и ставить палатки нет никакого смысла, поскольку через каждый километр встречаются мини-гостиницы «лоджи», где за умеренную плату вы получите незатейливую комнатуху с кроватью, матрасом и бельём и сможете заказать что-то из еды. Местные власти следят, чтобы цены в «лоджах» были фиксированными на каждой определённой высоте. Но чем выше, тем доставка продовольствия сложнее: все припасы прибывают сюда исключительно на человеьем, лошадином, ячьём горбу; в мешках, тюках, ящиках, плетёных корзинах. Пустые бутылки из-под пива, вина, «софт-дринкс» таким же манером спускаются обратно. Отсюда и цены на готовку и напитки поднимаются по мере продвижения вверх.

В каждом «лоджи» обязательно наличие туалета и душа с горячей водой. Красиво звучит, не правда ли? Как же они умудряются? Да так – снова вспомним рассказ Мориса. Воду подогревают на дровяном костре, в лучшем случае – на газовой или керосиновой горелке, затем заливают в бак, и вы можете наслаждаться. Правда, располагаться душ будет в каком-нибудь сарае; не исключено, что температура вокруг и внутри него окажется такой, что «наслаждаться» не захочется. Но это уж ваши проблемы.

С туалетом лучше. Вас ждёт не дырка-сортир, а керамическая раковина. Рядом обязательно будет кран или ведро с чистой водой. Правда, сток из туалета ведёт не в центральную канализацию, а в канавку метрах в пяти от вашей «кабинки» – ну, это, применительно к горам, мелочи жизни.

Чтобы не потерялась мысль, напомним: сказанное выше относится к треккингу, который условно приравнивается к туризму. Но вот понятие «клайминг», от английского climb – подъём, взбираться, подниматься; значительно круче этих двух и даже посильнее понятия «альпинизм». Последнее слово произошло, как известно, от Альп, в коих ныне бытует такого рода шутка: первый крюк при восхождении на альпийскую вершину забивается в конце железнодорожного полотна, а последний – у входа в гостиницу. Гималайский клаймер подобных удобств не встретит. Он – песчинка в огромных, безбрежных горах, где всё, что вы видели в Альпах, на Кавказе или даже в Средней Азии, становится крупнее в два, пять, десять раз.

Если рододендроны в Приэльбрусье едва касаются вам колен, то здесь вырастают в высокие раскидистые деревья; если, продираясь в Фанских горах полчаса через колючки, вы вспоминаете об этом всю оставшуюся жизнь, то здесь рискуете днями искать проходы в бамбуково-лиановых зарослях; а по скалам, снегу, ледникам, постепенно набирая высоту, вы можете блуждать в Гималаях неделями, так и не достигнув поставленной цели.

Наш треккинг оказался коротким, простым и приятным; клайминг обещал быть длинным, сложным и непредсказуемым...

Жизнь расставит... Фатально расставит? Вряд ли. Она лишь предупреждает, она подаёт сигналы, она заставляет поразмышлять. Совершенно случайно я взял в экспедицию книжку «Хрустальный горизонт», только что вышедшую на русском языке. Её автор, здравствующий альпинист Райнхольд Месснер, покорил все четырнадцать восьмитысячников планеты, включая Эверест. Мы пока шли не на Эверест, а на Аннапурну – гору, менее высокую, но не менее великую и опасную. Об Эвересте речь пойдёт дальше, но важно не это. Для Месснера, достигшего сверхчеловеческих рекордов в горах, интерес к технике восхождений отошёл, видимо, на второй план, и он решил углубиться в психологию восходителей. Какими духовными качествами должен обладать клаймер, чтобы получить вожделенную вершину? И достаточно ли для этого только воли к победе?

Но как узнать? Среди выдающихся альпинистов попадались люди-машины, о психологических исканиях которых ничего не известно. Искания-то наверняка присутствовали, но «машины» их из своей оболочки не выпускали. А у кого-то всё вылезало наружу. Как у человека по фамилии Уилсон, историю которого Месснер вспоминает в книге, пытаясь разобраться в доминантах восходителя.

Англичанин Уилсон родился ещё в XIX веке, в 1898 году. Юнцом ушёл на Первую мировую, а в 1917-м попал в битву при Пашендейле – одном из крупнейших и самых трагических сражений между союзной армией под британским командованием и германцами. Битва затянулась на много месяцев и проходила в болотистой местности, войска с обеих сторон утопали в грязи. Схватка унесла сотни тысяч жизней. Пулемётчик Уилсон остался в живых единственным из всего подразделения и сдержал на своём участке наступление немецких войск. Через несколько месяцев он получил серьёзное ранение, от которого никогда полностью не восстановился и плохо владел левой рукой. Когда война кончилась, Уилсон окунулся в мирную жизнь. Но так просто к ней не возвращаются: люди мечутся, переживают – и вот перед нами известный феномен «потерянного поколения».

Не совсем понятно, на каком этапе и под влиянием каких идей у человека, не обладавшего никакими альпинистскими навыками, возникла идея покорить Эверест, никем доселе не пройденный. Более того: Уилсон вздумал штурмовать вершину в одиночку, без финансовой поддержки сообщества и экспедиционной логистики. Почему? Как пишет Месснер, «он твёрдо верил, что глубоко религиозный человек, очищенный постами и молитвой, может достичь чего угодно, в том числе и высочайшей вершины мира». Да, в послевоенные годы Уилсон стал религиозным человеком, верящим в Бога и судьбу.

В 1934-м он устремился к цели и полетел в Индию на личном самолёте. Даже этот драматический воздушный бросок потребовал невероятных физических усилий и мужества: полёт прерывался, пилоту чинили всяческие препоны; наконец, самолёт пришлось бросить и начать долгий путь по негостеприимной земле, где Уилсона никто не ждал. Настал день, когда он, переодевшись тибетским ламой – по-другому было не пройти, в сопровождении трёх носильщиков отправился в Тибет. Передвигаясь по ночам, группа в середине апреля достигла монастыря Ронгбук – он находился прямо под базовым лагерем Эвереста со стороны Китая, на высоте пять тысяч сто метров.

Проявляя те же качества, что и во время перелёта над бесконечной раскалённой пустыней, Уилсон приступил к восхождению и штурмовал гигантский ронгбукский ледник. Много раз сбивался с пути, но продолжал подъём, однако в районе шести тысяч пятисот метров, где находились остатки третьего лагеря предыдущих экспедиций, обильный снегопад вынудил восходителя повернуть вниз. Два дня он пролежал в своей палатке на леднике, а потом, пробиваясь сквозь толщу свежесвалившегося снега, сумел добраться до монастыря. Восстановив силы, Уилсон продолжил восхождение и уговорил двоих носильщиков сопровождать его. Они вновь достигли лагеря «три», после чего Уилсон продолжил штурм в одиночку, попросив портеров подождать его в лагере. Просьба не была выполнена. В конце мая неподалеку от лагеря нашли тело Уилсона.

Трудно сказать, какой высоты он достиг прежде, чем умер в полном одиночестве, – сведущие люди заключали, что около семи тысяч метров. Уилсон не имел даже кошек; не знал, как рубить ступени и перемещаться по льду. Не обладая необходимыми навыками работы на скально-ледовом маршруте, с обездвиженной рукой, на одной воле, он, скорее всего, сделал очередную попытку преодолеть крутую ледовую стенку, но организм не выдержал. До вершины оставалось много – две тысячи метров.

Теперь вернёмся к вопросам. Совершил ли Уилсон сверхчеловеческий подвиг? Совершил: семь тысяч – очень большая высота, а для дилетанта недостижимая. Уилсон был дилетантом.

Играют ли роль на восхождениях так называемые духовные факторы? Да, играют, и весьма значимую, это признано альпинистским сообществом и подтверждено историей Уилсона.

Возможно ли покорить серьёзную вершину без технической подготовки? Оговоримся: покорить самостоятельно, поскольку известен ряд случаев, когда неопытных восходителей буквально затащивали на верёвках более подготовленные товарищи. Нет, одному невозможно.

Вот так я и рассуждал, приступая к штурму Аннапурны – самого опасного из гималайских восьмитысячников – в составе опытной команды. И терялся в ответах. У меня была неплохая техническая подготовка, опыт преодоления скальных и ледовых стен и восхождений на пятитысячные вершины. Но не выше. А главное – отсутствовала фанатичная нацеленность на победу, присущая Уилсону и моим партнёрам. Престижно ли для меня зайти на вершину? Конечно, престижно! Является ли это целью жизни? Нет, не является. Пойду ли я до конца, не подведу ли товарищей? Точно не подведу. А если потребуются повернуть назад, стану ли я рисковать жизнью, чтобы не прерывать восхождение? Нет, не буду. В общем, в мозгах присутствовал полный раздрай.

Что же случилось дальше? Так жизнь расставила! После базового лагеря «четыре двести» мы два дня перемещались фактически пешком, помогая себе телескопическими палками и лишь иногда ледорубом. Поставили два промежуточных лагеря; челночили между ними, перенося продукты и снаряжение, и поднялись выше пяти тысяч. На третий день передовая двойка приступила к обработке маршрута. Не утомляя читателя повторением особенностей техник передвижения по горному ландшафту, добавлю только следующее. «Обработать маршрут» – это значит провесить «перила» (закрепить верёвки на крючьях), чтобы идущие вслед альпинисты могли не тратить на это время и двигались по ним с самостраховкой. Она предполагает использование «жумара» – устройства для скольжения по верёвке вверх-вниз в условиях сильного наклона, или обычного карабина – если участок менее крутой. Оба приспособления соединяют альпиниста с основной, длинной и толстой верёвкой репшнуром – короткой верёвкой потоньше.

Третий лагерь – так громко называлась одна палатка – поставили в районе шести тысяч. С одной стороны, чувствовалась высотность, на переходах движение затрудняла одышка, ноги начинали мёрзнуть, бивуачный комфорт сходил на нет; с другой – накопившаяся акклиматизация позитивно давала себя знать. Сказать о том, что двигаться было легко и приятно, язык не поворачивается, но и о том, что «помирали» – тоже. Нормально.

Пошли выше. В связке с мастером спорта Мишей мы преодолевали вывешенные передовой двойкой «коллективные» верёвочные перила, а пройдя, отстёгивались от них. Простого рельефа оставалось всё меньше, и мы в большинстве случаев всё равно скреплялись личной верёвкой, но страховались как попеременно (один стоит и страхует через крюк с карабином, камень, ледовый выступ; другой движется), так и одновременно (в случае неопасного срыва одного из партнёров, второй сумеет удержать его на верёвке просто рукой в перчатке).

На пути попался скальный зуб «жандарм», за ним ещё один. Первый удалось обойти, через второй пришлось перелезть. Высотой он был метров около десяти. Миша забрался на верх скалы, перевалил через неё, и я на некоторое время потерял его из виду. Поднимаюсь сам и... нога проскользывает, срыв, лечу вниз. К верёвке-то я пристёгнут и, разумеется, за неё хватаюсь, но что толку – Миша меня не видит. Он мог заметить моё падение буквально двадцатью секундами раньше и выбрать верёвку. Если бы высота скалы составляла, скажем, метров двадцать или больше, всё бы тоже сложилось по-другому: он бы почувствовал рывок и принял меры к остановке полёта. Но вот ведь как фишка развалилась – двадцать «невидимых секунд» обеспечили мне свободное падение. Невыбранных метров хватило для того, чтобы долететь до подножья «жандарма» и упасть на бок.

Что я почувствовал? Хе! Что всё закончилось. То есть абсолютно всё, а если я ещё жив и вижу «небо в алмазах», так это последнее прости. Основания для таких ощущений были: острая боль, невозможность сделать вдох, кровь... Пытаюсь приподняться, встаю на четвереньки, осматриваю себя. Я бы не удивился, если бы увидел торчащие сквозь кожу кости или что в меня впился острый камень. Но, слава богу, ни того ни другого не наблюдаю и пытаюсь позвать Мишу на помощь. Однако крика не получается, при попытке подать голос захожусь в кашле. Дёргаю за верёвку, и Миша, конечно, на это реагирует. Через минуту он появляется на верхушке скалы и спускается ко мне.

Осматриваем мой корпус вместе. Касание правого бока почти в каждом месте причиняет боль.

– Понятно: перелом рёбер, – заключает Миша. – А ну-ка, сплюнь.

– Зачем? Чтоб не сглазить, что ли? Так сглазил уже...

– Плюй, говорю!

Плюю...

– Отлично! – удовлетворённо произносит напарник.

– Чего ж отличного?

– А того, что внутренние ткани, а главное лёгкие, не повреждены, поскольку в слюне крови нет.

– И что теперь?

– Ничего теперь. Теперь терпеть...

Впоследствии я хорошо познакомился с особенностями переломов рёбер, но этот раз был первым. Не представляя, как в таких случаях выходят из положения, я предполагал нечто ужасное и был настроен хреново.

– Как быть с восхождением?

– Давай дождёмся Володю и посоветуемся.

Так что, не финиш? Я сразу оживился, тем более что появилась возможность делать глубокий вдох – ну, не мгновенно, конечно, а с каждой третьей-четвёртой попытки. А Миша вышел по рации на контакт с Володиной связкой и рассказал о случившемся. Ребята приостановили путь к четвёртому лагерю и вернулись к нам.

Стали держать совет. Опытный Володя болезненно помял меня и сказал, что перелом прощупывается даже пальцами, то есть рёбер сломано несколько, и они смещены.

– Что делают в подобных ситуациях?

– Ничего не делают. Рёбра – такая штука, что даже наложение гипса ситуацию кардинально не меняет. При закрытом переломе рёбра и так срастутся, но не очень скоро. А пока придётся свыкнуться с временными неприятными ощущениями, особенно когда резко двигаешься или лежишь на травмированном боку.

– Как быть с восхождением?

– Давай для начала спустимся в лагерь «три» и там примем решение...

Спуститься-то я спустился, но каждое движение действительно причиняло острый дискомфорт. Сготовили ужин, легли спать, и я, обессиленный, уснул. Но как только пытался пошевелиться, просыпался от боли. Стало понятно, что идти, во всяком случае вверх, у меня не получится. Утром Володя вынес свой вердикт:

– Идти на восхождение не сможешь, это ясно. Тебе придётся остаться здесь.

– Я вас подвожу?

– Нет, не подводишь. Ничего смертельного с тобой не произошло. Поэтому мы продолжим штурм, а тебе оставим палатку, газ, продукты. Если будет плохо, жди нас, мы вернёмся сюда где-то через неделю. А почувствуешь себя лучше, спускайся потихоньку в базовый лагерь «четыре двести» – перила на сложных участках мы оставили, оттуда переходи в Чомронг, там спокойно поправляйся. Хотя лучше не пробуй, одному опасно...

Ну вот, жизнь и расставила... Однако «расстановка» только казалась завершённой. Двойка и тройка восходителей снарядились и двинулись дальше, а я потащился их провожать – до того места, где висели перила. Лежать или сидеть и вправду было бессмысленно: боль, пусть и не острая, а тупая, от этого никак не утихала, а при ходьбе даже чуть-чуть забывалась.

Ребята дошли до ледового кулуара и начали подъём. Володя с Валерой прошли первую верёвку и перестегнулись на вторую. И тут с верхней части кулуара пошли камни. При большой скорости они фырчат в воздухе, этот звук слышал даже я. Раздались крики «камень», кричал Володя и ещё кто-то. По правилам, именно так положено подавать сигнал опасности, когда заметишь любой идущий сверху или из-под тебя булыжник, даже самый маленький. Тогда каждый восходитель посмотрит вверх, сориентируется и попробует увернуться. Сам Володя отскочил, а вот напарник по связке не успел. Камень вдарил прямо в него, и Валера повис на страховке. Мне мгновенно вспомнился аналогичный случай в Фанских горах. Здесь картина складывалась посерьёзней: ни раненого, ни убитого мы бы своими силами вниз не снесли...

Я смотрел и смотрел, надеясь на чудо. Надеюсь, но понимая умом, что чудес не бывает. Однако не зря говорят, что в жизни случаются чёрные полосы, а их сменяют белые. Сейчас вроде прорезалась

серая полоса: Валера зашевелился, а потом начал самостоятельно двигаться по верёвке. Обе связки вновь спустились к подножию кулуара. Валера в эйфории не только спустился, но и без посторонней помощи дошёл до лагеря. Однако дальше стало ясно, что и в его ситуации про восхождение придётся забыть: у парня разбита голова и сильно ушиблена правая рука.

Пережив вторую неудачу, Володя невесело смеётся:

– Повезло тебе, Алекс, не будешь неделю один торчать в палатке на шести тысячах, теперь у тебя хорошая компания – вдвоём точно сможете спуститься.

Шучу в свою очередь:

– Балласт удачно сброшен, тренировка действий в экстремальных условиях прошла успешно, теперь флаг вам в руки!

Последний, во всяком случае на этом этапе, вечер проводим вместе. Когда будет следующий? Зная, что Валера хорошо поёт, я прошу его:

– Спой ребятам на прощание песню Юры. «Ту самую песню». Только не «про слёзы со щёк», а другую.

И Валера поёт нужную песню. Юрину. Может, немного грустную, но правильную и оптимистичную. Под уютный гул газовой горелки. И главное – прямо про нас:

*Спокойно, дружище, спокойно!
У нас ещё всё впереди.
Пусть шипит ночной колокольни
Беда ковыряет в груди.
Не путай конец и кончину,
Рассветы, как прежде, трубят.
Кручина твоя – не причина,
А только ступень для тебя.*

*По этим истёртым ступеням,
По горю, разлукам, слезам,
Идём, схоронив нетерпенье
В промытых ветрами глазах.
Виденья видали ночные
У паперти северных гор,
Качали мы звёзды ночные
На чёрных глазищах озёр...*

На спуске и на ночёвке мы с Валерой непрерывно рассказывали друг другу анекдоты. Чтобы не прерывать хорошо отвлекающий от болячек разговор и давать работу мозгам, решили оценивать анекдоты в баллах. По результатам «конкурса» победил тот, где слепой с одноглазым пошли... Уже смешно, правда? Потому что про нас: один с пробитой головой, другой со сломанными рёбрами, и тоже пошли. В общем, пошли слепой и одноглазый «по бабам», одноглазый впереди, проводником, слепой за ним. А дорога вела через лес. Стемнело, и одноглазый вдруг наткнулся зрячим оком на острую ветку:

– П..., пришли! – сказал одноглазый.

– Здравсьте, девочки! – весело отреагировал слепой...

Через два дня мы оказались в лагере «четыре двести». Переночевали там и на следующий день достигли Чомронга. Ну, это селение по горным меркам уже «рай»: поблизости находятся «хот спрингс» – горячие источники на берегу реки Марди-кола, по дороге растут лимонные и мандариновые деревья. Сон в тепле и уюте – отличное лекарство. Я, конечно, не ложусь на левый бок, а Валера меняет бинты на голове и мажет руку целебной мазью. Но в целом здоровье выравнивается. Снится мне Александр Вертинский, тягуче грассирующий:

*В бананово-лимонном Сингапуре, в бури,
Когда поёт и плачет океан
И гонит в ослепительной лазури
Птиц дальний караван...*

Через пару дней мы вроде бы в основном выздоровели. Настолько, что опять вернулись на «четыре двести», а потом несколько раз выходили в следующий промежуточный лагерь, высматривая возвращение наших ребят. Высмотрели, не прозевали и помогли, как могли, на спуске.

Вряд ли тебе, дорогой читатель, приходилось близко видеть людей, только что вернувшихся с восьмитысячника. Имеются в виду сошедшие успешно, о других сейчас говорить не будем. Ну, как это описать? У альпинистов средней «мясной» категории – семидесяти-восьмидесяти килограммов веса – не менее десяти кило как не бывало. Хриплый, простуженный насквозь голос звучит тихо и трудно. Скелетообразное лицо, хоть и мазано-перемазано защитными кремами и закрыто масками, всё равно напоминает ошипанную курицу, да ещё в стружьях...

Что первым делом запросила четвёрка в Чомронге? Пива! Потом поесть. Потом сутки спали, и только после этого Володя, как руководитель восхождения, начал рассказывать о самом главном, как всегда коротко и скупно:

– Когда вы ушли, мы хорошо продвинулись вверх и поставили лагерь «четыре». Ночью разыгралась буря, спать было невозможно. Нас добила в переносном смысле и чуть не добила в буквальном камни, полетевшие со склона на палатку. Её прорывило, а нас чудесным образом практически не задело. Но мы замёрзли и измучились. Пришлось вновь вернуться в лагерь «три», чтобы немножко восстановиться.

Потом опять пошли в сторону вершины, оборудовали штурмовой лагерь. В день штурма я попытался вылезти из палатки в семь утра. Но даже хорошее пуховое снаряжение не спасало от тридцатиградусного мороза с порывистым ветром. Пришлось снова залезть в палатку и ждать первых лучей солнца. Оно взошло, стало теплее, и мы пошли вверх, еле-еле передвигая ноги. Я смотрел на ребят и опасался за их и своё мышление: недостаток кислорода действовал на мозг, на ощущения. Всё воспринималось в сумеречном состоянии, даже себя я видел и чувствовал будто со стороны.

Наконец, поняли, что под нами больше ничего нет, значит, это вершина. Принято считать, что в такой момент все победители смеются и плачут от счастья. Как сказать... Облегчение чувствовалось, да. Огромное облегчение от того, что больше не надо идти наверх. Смеяться мешала отупелость и полная выжатость организма. Держимся на остром ледовом гребне и думаем, как бы не сдуло шквальным ветром. Но что-то греет внутри: всё-таки мы на Аннапурне. Остаётся только выжить на спуске.

До палатки спускались в темноте. В рукавицах работалось трудно, и при заправке верёвки в спусковое устройство приходилось их снимать. Кожа прилипла к металлу. Потом пошёл снег, и мы заблудились. Руки и ноги начинали неметь. И вот... мы здесь! Намастэ!..

Мы спим, едим, выпиваем. Денег у нас негусто, и по инициативе Володи начинаем загонять снаряжение. За копейки, понятный вопрос. В этом лоджи пару карабинов за пиво, в другом ботинки за обед с кукри-ромом.

– А как же следующий сезон?

– Ну, ты сказал! Мы в живых остались! И дело сделали! А снаряга всё равно поизносились, новую надо покупать...

Вспомнили и семьдесят девятый год, и шаровую молнию, и тех, кого уже нет с нами...

И сделано, и пройдено немало,
Сезон не первый близится к концу,
Но, слава богу, сил пока хватало,
И седина пока была к лицу.

И, пусть не просто, женщины и горы
Пока сдавались с плачем и дождём,
А трещин и желаний коридоры
Пока давали лезть своим путём.

Нога скользит, рывок. Грудная клетка
О камни бьётся и трещит в боку.
И кости – к чёрту: а, привет и метка
От дамы той – ну что ж, merci beaucoup.

Спасибо, обошлось, не помер сдуру,
И путь пока отсрочен на прикол.
Раз так – давайте выпьем, вспомним Юру,
Ночь, непогоду, лагерь Узункол.

ГЛАВА III

Альпинистка моя

Как-то забыл я рассказать о важном подарке. Когда мы прощались в Улан-Баторском монастыре Гандан с Тенцзином, он вдруг спросил:

– У вас есть семья?

– Ну, есть: мать, отец, брат...

– Это прекрасно! Наверное, вы ещё не женаты?

– Нет, пока не женат...

– Я вам завидую: всё впереди – жена, дети. Я желаю, чтобы у вас было много детей! Я желаю здоровья вашим родителям. Вот мы беседовали о счастье. Я желаю счастья вашей семье, в каком бы составе она ни была. И у меня даже есть рецепт семейного счастья. Хотите?

– Конечно, хочу! – ответил я, улыбаясь.

Тенцзин достал и вручил мне свиток с текстом на тонком холсте; с орнаментом, деревянными палочками, кисточками – в общем, «украшалками», что приняты у буддистов. И пояснил:

– Отлично, что вы улыбаетесь. Даже если не верите в мой рецепт. Но это и не требуется. Вы неизбежно будете думать о семье на протяжении всей своей жизни. Сожалеть, если в семье возникнут проблемы. Радоваться совместным удачам. Но в каждом случае вспомните про этот свиток, достаньте и прочтите его. Когда-то сказанное там покажется вам банальным, а когда-то полезным. Не исключено, что со временем выучите содержание свитка наизусть. Но всё равно открывайте свиток и перечитывайте, себе и близким. Изложенные там простые истины откроют новые глубины и помогут вам...

Всё произошло так, как говорил Тенцзин. Я пробежал свиток глазами и спрятал, даже и забыл, куда. Но спустя несколько лет, вспомнил о нём, стал искать, нашёл, прочитал повнимательнее и подумал: «Да, что-то в этом есть». Потом перечитывал снова. «Рецепт» с этого свитка привожу в том виде, в каком он попал ко мне, – на английском языке и в том расположении, в котором текст присутствует на свитке. Уверен, что не всё поддаётся переводу и реконструкции – не в этом тексте, а в принципе. Думаю, что перевод передаёт видение того человека, который чужой язык излагает на своём. Но совсем не авторское видение! Помните, я пытался перевести мантру «Ом, мани, падме, хум»? Является ли мой перевод смыслом мантры? Нет, это моё представление о ней. А сейчас ищите свои смыслы:

GOOD HEART

A good heart is both important
and effective in daily life.
If in a small family,
even without children,
the members have a warm heart
for each other, a peaceful
atmosphere will be created.
However, if one of the persons
feels angry, immediately the
atmosphere in the house
becomes tense...

Не сомневаюсь, что сей «манускрипт» каждый легко прочтёт, расшифрует и сделает правильные выводы. Какие? Ну, для кого как... К тому моменту, когда для меня остро встал вопрос о peaceful atmosphere в семье, я был довольно крепко привязан к горам, предпочитая Гималаи, и полагал, что они не станут препятствием для хороших отношений с супругой. Чтобы укрепить такую уверен-

ность, потащил первую жену в горы. И она поддержала мои романтические устремления! И было у нас обоих good heart!

Но это на первых порах. А потом родился ребёнок, и с ним, особенно с маленьким, отдыхать следовало на равнине. Но я продолжал свои путешествия, одновременно предлагая жене «заделать второго». Но супруга включила good brain: «Ага, ты будешь ходить по горам, а я – сидеть с твоими детьми! Нет уж!» И warm heart for each other начало помаленьку остывать, пока не остыло совсем.

Поэтому, обдумывая второй и, как хотелось надеяться, финальный брак, я опять достал свиток и крепко задумался. Ну, есть ведь, как писал поэт, в русских селеньях женщины, жёны притом?! Которые коня останоят, в горящую избу войдут и... в горы пойдут? Разделяющие с мужьями их образ жизни. Откуда такие берутся и как получаются? Что помогает сохранить доброе сердце? И начал я вспоминать. Тех уникальных женщин, с кем был знаком сам или про кого рассказывали мне их близкие.

Таисия. В тысяча девятьсот тридцать третьем году Центральный совет общества пролетарского туризма, возглавляемый наркомом Николаем Крыленко, организовал весьма серьёзный по сложности лыжный поход через перевалы Главного Кавказского хребта с восхождением на Эльбрус. В числе семи участников похода была одна женщина – тридцатитрёхлетняя преподавательница физкультуры из Москвы Таисия. Если летом восхождение на Эльбрус в хорошую погоду – прогулка для физически крепких людей, то в марте гора холодная, ветреная, ледяная, то есть весьма неудобная и для опытных альпинистов. Ребята рубили ступени, ставили перила, срывались на крутом склоне, ночевали в палатках в тридцатиградусный мороз. На седловине Эльбруса вынужденно остановились на ночлег. Высота седловины составляет пять тысяч триста метров; летом до вершины, которая находится тремястами метрами выше, час-полтора хода. Ну, то ж лето. А зимой можно забираться сколько угодно и не взойти совсем. Утром заболевший руководитель группы Алёша не смог выйти из палатки и умер...

Что дальше? Альпинисты слеплены не из того теста, что большинство других людей. Дальше Таисия получила звание мастера спорта СССР, покорила десятки вершин, работала в альплагерях. И, что было важно для моего тогдашнего мини-исследования, у неё сложилась прекрасная семейная жизнь! Оставалось раскусить секрет истории, в которой дочка сельского телеграфиста из Самарской губернии стала горовосходительницей. Секрет заключался как раз в семье и её тяге к риску, спорту, приключениям: родные братья Таисии стали циркачами; один – воздушным акробатом, другой – иллюзионистом. Случилось так, что не в иллюзиях, а в реальном пламени брат сгорел на очередном опасном представлении.

А хромой от рождения муж увлечениям жены не помешал? Отнюдь. Он дал супруге фору: вырос в чемпиона Сибири в тройном прыжке, горнолыжника, альпиниста, пловца и заслуженного тренера России по теннису. Экстремальные наклонности, позволявшие сохранять счастливые семьи, унаследовали и сыновья Таисии: Юрий стал альпинистом и, подобно отцу, тренером-теннисистом; Андрей – профессиональным мотогогонщиком. Но кроме семейных генов был, видно, и семейный рок: разбился на мотоцикле насмерть...

Люба. Сперва Люба училась в Нальчике, а поскольку горы находились рядом, втянулась в альпинистские занятия. В тысяча девятьсот тридцать пятом, ещё школьницей, возглавила отряд из тридцати двух девушек на первой альпиниаде Кабардино-Балкарии. Тем летом произошло событие, достойное книги рекордов Гиннеса: шестьсот тридцать восемь человек четырьмя колоннами взойшли на восточную вершину Эльбруса, среди них и Любин отряд.

Примерно в это же время происходит событие, достойное исторических хроник двадцатого века, а в дальнейшем и внесённое в них: активисты неудавшегося восстания против надвигающегося фашизма в Австрии – члены военизированной организации «Щуцбунд» (Союз обороны) – эмигрировали в другие страны, скрываясь от преследований. Так в Советский Союз попал Фердинанд – впоследствии один из «отцов» советского альпинизма, основатель спасательной службы, мастер спорта и заслуженный тренер СССР. На почве альпинистских увлечений бравый молодой австриец и русская старшеклассница познакомились и через год, в тридцать шестом, восемнадцатилетняя Люба и двадцатидвухлетний Фердинанд поженились. Жили хорошо, и в горы ходили дружно, чему не по-

мешало рождение дочери. Счастливую жизнь горювосходительного семейства прервала начавшаяся война – тогда супругами заинтересовались в НКВД и разлучили их...

«...Меня доставили к самому республиканскому наркому, – вспоминала Люба. – Он сказал, что обстановка очень плохая, что немцы вот-вот займут кавказские перевалы, и предложил мне написать заявление добровольцем. Я написала, оставила дочку у мамы и стала проводником-медсестрой особого отряда НКВД. Мы вели разведку в горах Северного Кавказа, а затем налаживали альпинистскую подготовку в регулярных армейских частях...»

Что же готовил НКВД Фердинанду? Сначала допрос и «стенку», что ж другое могли предложить в то время австро-итальянцу по происхождению?! А потом... службу в особом отряде НКВД, только посерьёзней, чем у Любы: отряд предназначался для специальных операций в тылу врага. Сначала на территории оккупированной Белоруссии, затем в Австрии, Италии, Югославии. В отдельных скупых записях «открытого типа» в личном деле и воспоминаниях встречаются слова «разведчик», «диверсант», «резидентура». А закрытые данные НКВД-КГБ остаются таковыми и до сих пор. Но не является тайной, что многие операции выполнялись Фердинандом в горах, с использованием альпинистских навыков. Получается, что война супругов разлучила? Хм, не совсем. О таинственной семейной жизни четы альпинистов в годы Великой Отечественной вспоминает дочь Фердинанда и Любы Светлана:

«...Сорок третий, победа под Сталинградом, фашисты бегут с Кавказа. Папа нашёл нас в Нальчике и вызвал в Москву. Очень хорошо помню переулочек у Елисеевского магазина, во дворе двухэтажный дом. Квартира, где в крошечной комнатке жила чудная, восхитительная бабушка – монашка Матрёша – и два громадных кота. У меня до сих пор эта квартира перед глазами: коридор, кухня без окон, в большой комнате на полу матрацы. Здесь, в перерывах между заданиями, находились отец и его товарищи. Из этой квартиры они уходили в фашистский тыл, сюда же возвращались. По возрасту папа был самый старший в отряде, только у него была семья...

Ночь. Звонок в дверь, я его не слышала, проснулась от маминого крика и выбежала в прихожую. Мама в обмороке в руках у чёрного фашиста. Я закричала, убежала, спряталась под кровать. От моего крика мама очнулась. “Скорее переоденься”, – попросила она папу (“фашистом” был он). Меня начали искать: “Света, Света, ты где?” Услышав папин голос, я перестала бояться и вылезла из-под кровати. “Где тот в чёрном?!” – спросила я папу. “Я его прогнал”, – ответил отец. Отец говорил на правильном берлинском диалекте, ему очень шла эссовская форма – самый настоящий Фриц. Тогда я не знала, что “Фриц” – кодовое имя отца.

Мама рассказывала, что однажды, когда отряд в квартире бабушки Матрёши собрался за столом, а меня отправили в театр, по радио заиграли “Тёмную ночь”. Папа пригласил маму, они танцевали. По мнению мамы, он танцевал бесподобно и не будь альпинистом, влюблённым в горы, на своей новой родине мог бы работать учителем танцев...

Грац, Австрия, девятое мая сорок пятого года. В этот день в город вошли советские войска. Отца едва не расстрелял свой же патруль. Акцент немецкий, документов нет. Поставили к стенке: “Раздевайся!” На форме была какая-то особая отметка, доказавшая, что он свой, это спасло...

Двадцать четвёртое июня – Парад Победы на Красной площади. Папа на гостевой трибуне. После военного состоялся физкультурный парад. Маму несли на земном шаре...

Летом сорок шестого семья едет в альплагерь “Домбай”. Папа-Фердинанд – начальником учебной части, мама-Люба – инструктором...»

Галочка. Любу я встретил уже старенькой бабушкой и называл её, конечно, по имени-отчеству, Любовь Сергеевны. Так же, как Галину Константиновну – альпинистку следующего поколения, первую в СССР женщину – «снежного барса». Но, думаю, что в памяти тех, кто её знал, она навсегда останется Галочкой. И вот с ней-то мы разговаривали уж прямо на волнующую меня тему *peaceful atmosphere* в семье и чуть пошире – об отношениях между женщиной и мужчиной вообще; и чуть поуже – о том же в горах.

Галочка воскрешала в памяти тысяча девятьсот семьдесят второй год, когда она, к тому времени мастер спорта международного класса, руководила первой в СССР женской экспедицией на семитысячный пик Евгении Корженевской на Памире. В четвёрке восходительниц была и Эльвира, которая станет героиней следующей истории:

«...Никого из команды не надо было ничему учить. Обладая неплохим опытом, мы хотели совершить полностью самостоятельное восхождение, без забросок и посторонней помощи. Последнюю ночёвку сделали на высоте шесть тысяч и слишком рано на вершину идти не планировали – ждали, когда встанет солнышко. Каково же было наше удивление, когда возле палатки неизвестно откуда появился руководитель группы взаимодействия Герман с напарником. Взял рацию, связался с базовым лагерем и сообщает: “Девочки себя плохо чувствуют, бензин и продукты кончаются, предлагаю им спуститься вниз для отдыха”.

Что за дела! Продуктов у нас с избытком – им же на пять-восемьсот отдали две банки тушёнки и палку колбасы. Те ещё верёвку попросили для перил – и не стыдно одиннадцати здоровякам у женщин верёвку кланчить! “Значит, вниз”, – командует лагерь. А мы собрались быстренько и дёрнули наверх.

Оглядываемся назад: мужики постояли и на спуск пошли. А-а-а-а... У нас слёзы в четыре ручья: бросили! Ну-у-у-у... и отлично: теперь уж точно сами зайдём! И зашли, несмотря на непогоду. В палатку вернулись усталые и замёрзшие, достали бутылку спирта. Выпьем и одни, раз мужиков нет! Не чистяком, конечно: плеснули спирт кто в чай, кто в кофе, кто в кисель. Отметили, в общем. Стихи начали читать, истории рассказывать всякие...

Было мне тогда прилично за сорок. Но письма писали и студенты, и солдаты, и даже впечатлительные эски, предлагая дружбу, руку и сердце.

Труднее дался пик Победы. Сюда бы я чисто женской группой ни за что не пошла, слишком много погибло здесь людей в предыдущие годы. Я придерживаюсь такой точки зрения: пусть будут женские группы... в мужских экспедициях. Это не значит, что надо вечно прятаться за мужскую спину. Работая в альплагере инструктором, я всегда стремилась делать связки не смешанные, а мужские и женские. Пришла в горы – так работай! А то есть женщины – мастера спорта, ни разу первыми на маршруте не ходившие.

Пусть будет каждому своё. Мужики больше на горе поработают, зато на бивуаке девчонки их напоят-накормят, в щёчку поцелуют. Тот, глядишь, совсем оживёт, мол, давай продолжим. Ан нет, мы с тобой как братик и сестричка, спокойной ночи...

Про мужа интересуешься? Нет, дорогой мой, муж альпинистом не был. Может, поэтому и прожили недолго...»

Эльвира. Эльвиру я не знал, но знал её мужа Володю. Чтобы читатель не перепутал его с двумя другими Володями, уже упомянутыми в книге, назову этого достойного человека Володя-тренер. Про Эльвиру я слышал и от него, и не от него – от разных людей.

В августе семьдесят четвёртого Эльвира – мастер спорта и прекрасная альпинистская жена мастера спорта и прекрасного альпинистского мужа Володи-тренера – затеяла чисто женское, группой из восьми человек, восхождение на семитысячный памирский пик Ленина. Настолько «чисто», что в совместном с мужчинами лагере они огораживали свои палатки белыми камушками: стремились даже формально обособиться от мужской помощи и влияния.

Четвёртого августа Эльвира, находясь под вершиной, радировала группе взаимодействия: «Погода портится. Идёт снег. Это хорошо – заметёт следы. Чтобы не было разговоров, что мы поднимаемся по следам».

Сеанс связи пятого августа: «Мы вышли на вершину. Видимость плохая. Мы приняли решение поставить палатки».

Ещё через сутки: «Очень холодно. Мы хотели бы уйти вниз. Хотелось бы пригласить к радиостанции врача и проконсультироваться с ним. У нас заболела участница. Ещё одна участница неважно себя чувствует».

Следуют переговоры с врачом и приказ спускаться вниз. Ослабленные, в тумане и пурге, женщины начинают спуск. Потом умирает заболевшая Ирина, и на узком снежном гребешке вновь разбиваются палатки. В два часа ночи седьмого августа на вершину обрушивается ураган, который рвёт палатки в клочья, уносит часть одежды, опрокидывает примусы – информация об этом поступает на базу по утренней связи. Сразу же из лагеря на помощь женщинам выходит отряд, параллельно отправляются на поиски находящиеся на горе японские, французские, английские и австрийские альпинисты.

14.00: «У нас умерли двое».

15.00: «Нам очень холодно. Вырыть пещеру не можем».

В 21.12 на связи участница группы Галина: «Нас осталось двое. Сил больше нет. Через пятнадцать-двадцать минут нас не будет в живых...»

Восьмого августа, когда прояснилось, японцы нашли погибших. Восемь тел были разбросаны по предвершинному склону – от семи тысяч книзу метров на двести...

Через восемь лет, на «холодную голову», Володя-тренер написал в своей книге:

«...Я знаю принципы спортсменок этого сорта. Ничто не заставит их идти по следам предыдущей группы, даже угроза жизни. Они будут ждать, пока следы заметёт. Мы, мужики-альпинисты, посмеивались над такой щепетильностью. Они отвечали на это: мужчине, дескать, не понять того, что женщина всю жизнь стоит перед необходимостью доказывать своё истинное равноправие. В душе, мол, у женщины постоянно желание убедить, что женская жизнеспособность не уступает мужской. И в альпинизме женщины не нахлебницы, а равноправные восходители.

Они были бы правы во всём, будь они правы в главном – в равенстве женской и мужской жизнестойкости...»

Итак, четыре женские истории. Что позволили они понять мне, желающему всего-то-навсего разобраться в перспективах отношений со своей собственной любимой женщиной? И с тем, стоит тащить её в горы или нет? Истории не помогли мне найти простые ответы, а только увели в сложные противоречия и философские глубины. Впрочем, из них тоже можно кое-что извлечь. Попробую!

Когда муж и жена альпинисты – это способствует peaceful atmosphere? Да: в пользу данного тезиса свидетельствуют три истории из четырёх.

А когда один из супругов, мягко говоря, не разделяет увлечения другого? Тогда отношения могут дать трещину – такой вывод вроде бы вытекает из истории Галочки. Хотя только ли на почве альпинизма они разошлись с мужем? Откуда мне знать...

Но можно поставить вопрос иначе: «не разделяет увлечения?» Так значит, плохо увлекали! Вон как хорошо включает женщина в свои горные дела спутника и, по всей вероятности, возлюбленного в песне Высоцкого «Скалолазка»:

Я спросил тебя: – Зачем идёте в горы вы? –
А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой.
– Ведь Эльбрус и с самолёта видно здорово! –
Рассмеялась ты и взяла с собой.

Причём начиналось-то всё не очень гладко: «А потом, за эти проклятые трещины, когда ужин твой я нахваливал, получил я две короткие затрещины». И «каждый раз меня по трещинам выискивая, ты бранила меня, альпинистка моя». И была «неблизкая и неласковая». И герой песни готовился крикнуть: «Довольно, милая!» Но в конце-то концов родились у него другие мысли и слова:

Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Мы теперь одной верёвкой связаны –
Стали оба мы скалолазами...

Красивая песня, правда? А хотите, расскажу, как она появилась на свет? Извольте. Жил-был режиссёр Станислав Говорухин. В молодости он увлекался альпинизмом и «дослужился» аж до второго разряда. Снимая фильм про горные вертикали, привлёк артистов, в частности Владимира Высоцкого, автора «Скалолазки», и Ларису Лужину, которая в перспективе могла таковой стать. Станислав Сергеевич даже водил Владимира и Ларису по крутым склонам, учил использовать кошки и зарубаться ледорубом, хотя в фильме они играли, соответственно, радиста и врача. Но не увлеклись они альпинизмом – ни тот, ни другая... Так что романтическая песня существовала сама по себе, а жизнь рядом с этой песней шла своим путём. Выходит, Говорухин плохо увлекал? Думаю, он делал это очень умело, со всем своим мужским шармом и режиссёрским талантом, но... не сработало.

Однако есть, мне кажется, в характере женщины один момент, который многократно перевесит предыдущие догадки. И если мужчина этот момент не учтёт, то и peaceful atmosphere не сложится – она, напротив, becomes tense... Суть момента вот в чём: женщина зримо и заметно – часто, а вну-

тренне и скрыто – всегда стремится доказать, что «право имеет». Если вы это право и стремление поддержите, в горах ли, в подземелье, в подводном царстве, то и будет вам любовь. А если она к тому же добьётся желаемого, то в придачу к любви разделите с дамой почёт от окружающих. В этой связи будет уместна история пятая, непальская.

Пасанг. К тысяча девятьсот девяносто третьему году Эверест – самая высокая вершина в мире, все ещё оставалась нетронутый территорией для непальских женщин. Но особы прекрасного пола из других стран, сильные телом и духом, числом шестнадцать, восьмитысячник уже «трогали» и даже преодолевали, бросая вызов суперменам-мужчинам. Наконец, в апреле девяносто третьего Пасанг, тридцати одного года, совершила то, чего не удавалось ни одной непальской женщине и чего достигли не так много непальских мужчин. Оценивая данное событие, можно сделать два совершенно противоположных вывода, оба «железно» правильных.

Первый: фантастично, что такое стало возможным в стране, где женщинам всегда отводилась сугубо второстепенная, подчинённая, домашняя роль. И «право имею» в большинстве случаев не принималось во внимание.

Второй: именно в такой стране подобное стало возможным, и странно, что это не произошло раньше.

Не знаю, насколько это корректно, но очень хочется перефразировать под эти размышления текст родного Александра Сергеевича, меняя в строках из «Евгения Онегина» всего одно слово:

...Давно горы воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пици роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Гора ждала... кого-нибудь,
И дождалась...

То есть, образно говоря, вопрос назрел: гора дождалась своей непальской героини. А если не образно, а совершенно конкретно и объективно, то всё, применительно к Пасанг, этому способствовало. Смотрите: она родилась в деревне Сарке в районе Солохумбу, то есть именно на той территории, где расположены национальный парк Сагарматха и одноимённая вершина с тибетским названием Джомолунгма, а европейским – Эверест. Где же могла более удачно родиться будущая восходительница?!

Пасанг принадлежала к народности «шерпа», генами и опытом предрасположенной к работе в горах, будь то переноска грузов или экстремальные восхождения. Шерпами были её муж Лхакпа и отец Пурба – отважный горный проводник. Откуда же ещё выходят самые стойкие непальские портеры, сирдары и клаймеры?!

Помогая своим родителям и наблюдая альпинистов, проходящих мимо её деревни, Пасанг смотрела на заснеженные Гималаи не взором мечтателя-созерцателя, а глазами человека, который однажды возьмёт рюкзак, снаряжение и отправится на покорение вершин.

Но так сложилось, что после замужества Пасанг уехала в Катманду. В начавшейся семейной жизни неизбежного внимания требовал супруг, много времени занимал дом. А потом и дети пошли, целых трое: две девочки и один мальчик, которых нужно было кормить, одевать, воспитывать. Жизнь вошла в свою размеренную колею...

Да вот и нет! «Право имею» теплилось внутри, не отпускало, разгоралось и всё активнее просилось наружу. Как должен был поступить обычный муж в пуританской стране? Погасить шальной огонь! Привязать жену: к городу, к кухне, к детям. Но такой уж оказался супруг, что поддержал. Так поддержал, что Пасанг сумела посетить далёкую Францию и взойти на Монблан, затем взяла несколько престижных вершин в близком Непале и, наконец, предприняла три попытки восхождения на Эверест, к сожалению, неудачные.

Муж не просто поддержал – он гордился женой и помогал изо всех сил!

Пасанг была крепка физически: отец и братья отмечали её силовые качества и говорили, что Пасанг работает дома и на горе не хуже любого мужчины. Но не менее важным двигателем стало

духовное начало этой женщины. Если, как вы помните, англичанин Уилсон уверовал в религиозные чудеса и хотел доказать, что человек сможет достичь самой трудной цели, когда истинно уверует в Бога, то для Пасанг стимулом стало другое:

«...Я не родилась альпинисткой, – сказала она на пресс-конференции перед восхождением. – Я мать. Я домохозяйка. Но я делаю *это*, чтобы вдохновить других женщин».

«...Моя мать – женщина, которая осмелилась мечтать и достичь вершины мира. Она научила меня никогда не бояться пробовать, – говорит Дава, старшая дочь Пасанг. – Я думаю, что она хотела быть той фигурой, на которую женщины, дети могли бы взглянуть и сказать друг другу: “Ты тоже можешь сделать это”».

Пасанг сделала. Она добилась своей запредельной для женщины цели. Утром двадцать второго апреля в сопровождении группы опытных шерпов-мужчин молодая женщина поднялась на вершину Эвереста и подняла флаг Непала. Её переполняла радость, она благодарила Бога, близких; всех тех, кто поддержал амбициозное стремление.

Пасанг начала спуск и... пропала. Женщину, гордость собственной семьи и звезду Непала на все последующие времена, нашли через восемнадцать дней на высоте около восьми тысяч семисот метров...

Так о чём я хотел сказать, о женщине? Да. И о добром сердце. И о семейном счастье. И ещё... о русских альпинистах. Как? Откуда они взялись? Их же не было в команде Пасанг?! Точно, не было. Но дальнейшая история отважной женщины каким-то мистическим образом оказалась связанной с русскими. Потому что «природа мудра и Всевышнего глаз видит каждый наш шаг на тернистой дороге...»

ГЛАВА IV

Расстрел

В субботу первого июня десятый король Непала Бир – живой бог Вишну, обаятельно улыбаясь, вошёл в столовый зал своего дворца Нараянхити. В белых брюках, клетчатой пилотке, роговых очках. Король предвкушал тёплый семейный обед. Он считал, что в семействе существует хороший уровень взаимопонимания и уважения. Да, бывают некоторые несогласия, трения, даже эмоциональные вспышки настроений. Но это никак не может разрушить отношения между людьми, объединёнными священной сущностью и божественной связью.

Бир любил свою жену Айш – вот она, по-прежнему статная и красивая, почти такая, какой он встретил её более тридцати лет назад. Сегодня Айш намерена в очередной раз серьёзно поговорить с их старшим сыном принцем Дипом. Королю не очень приятно об этом думать, так как разговор вряд ли будет простым. Впрочем, хватит о проблемах, проблемы неизбежны, без них не обходится жизнь и королей, и простоллюдинов.

Бир хотел бы видеть на обеде и брата Гьяна – король был к нему расположен, хотя Гьян как-то странно вёл себя в последние годы: уклонялся от откровенных бесед, избегал встреч. И сегодня его не будет: Гьян известил, что уезжает по делам в Покхару. Но его супруга Ком и сын Пар здесь.

Ком – копия Айш, и в этом нет ничего удивительного: они родные сёстры. Король привык к этой женщине за многие годы общения и считал Ком членом семьи в большей степени, чем этого требовали формальности.

Пар – всегда деликатный, улыбчивый молодой человек, избегающий споров и вообще острых углов. На его лице никогда не заметишь раздражения и даже неудовольствия: Пар выражает неизменную готовность выслушать и понять собеседника. Королю приятно, что его младший сын, любимец семьи Нирад, легко находит общий язык с Паром, кузены дружелюбны друг к другу – вот и сейчас они оживлённо беседуют. Нираду двадцать два года, а Пару тридцать. Лет десять назад такая разница в возрасте разделяла их как взрослого и ребёнка, однако теперь они общаются на равных.

Но больше всех король любил всё-таки старшего сына Дипа. И за сходство с собой во внешности, и за похожий характер. У Бира он такой же взрывной, но скрытый внутри, а у Дипа периодически бурно вырывается наружу. Но в целом он сын своего отца, во многом повторяющий его путь. Король тоже учился в британском Итоне и, прежде чем стать уважаемым монархом, не чурался

удовольствий. Вкусил такие прелести жизни, о которых не принято говорить в окружении монарха, а тем более среди подданных.

Дип гоняет на джипах и даже на вертолётах, хотя Айш считает это рискованным занятием. Она просто забыла, да и вообще мало знала о том, что сам Бир нередко просил шофёра уступить ему место за рулём «мерседеса» и «летал» на авто с запредельными скоростями. А уж прыжки с парашютом для короля и вовсе были рядовой забавой.

Да, Дип увлекается алкоголем, курит марихуану, палит из всего, что подвернётся под руку, но что с того? Это ли не признак настоящего мужчины?! Он прекрасно справляется с обязанностями главнокомандующего армией, и король со всё большей готовностью и всё меньшими опасениями передаёт ему свои полномочия во время отъездов.

Эта история с Деви... Айш так переживает. Но Бир уверен, что всё образуется. Сегодня они поговорят и наверняка договорятся: Дип умён и честолюбив, он не станет жертвовать своим положением и перспективами ради мимолётного увлечения. Впрочем, какое же оно мимолётное, если Дип и Деви вместе десять с лишним лет... Но тем лучше: любая женщина в конце концов надоедает, и расстаться с ней через такой срок легче, чем, например, через год. Только бы Айш не начала предъявлять свои ультиматумы: или то, или это... Неужели нельзя найти какие-то компромиссы...

Королева Айш, встречая гостей, изображала на лице улыбку, пусть и давалось это с трудом. Предстоял непростой разговор с сыном. Она не забыла о том, что бесед, в том числе сложных, и прежде состоялось немало, но надеялась именно сегодня, что называется, подвести черту.

Проблемы с сыном далеко выходили за пределы личных предпочтений членов королевской семьи. Избранница Дипа принадлежит к роду Рана, но именно этого Айш никак не может допустить. Потому что король Бир из рода Шах. И борьба за власть в стране между Шах и Рана исчисляется столетиями. В течение веков род Рана фактически правил страной, будучи «гнездом» потомственных премьер-министров, и являлся исконным врагом королевского рода Шах.

Парадокс в том, что Айш, дочь генерала непальской армии, сама принадлежит к роду Рана. Кошмар, но Деви – её дальняя родственница! Но и королева, и её младшая сестра Ком безоговорочно приняли сторону короля. При этом действиями Айш управляли не подчинённость и расчёт, а искренняя любовь к супругу. Всеми силами королева стремилась разрешить конфликт в его пользу. Но что же будет, если женой кронпринца станет дочь оппозиционного королю министра, даже бывшего?

Один из родственников как-то спросил Айш, читала ли она «Ромео и Джульетту» Шекспира. Глупец и невежа, он даже не знал, что задаёт этот некорректный вопрос поэтессе Шандани Шах – именно так королева подписывала свои стихотворные и прозаические тексты. Она читала! И она думала о Монтекки и Капулетти, когда искала пути выхода из семейных проблем. Но была искренне уверена, что *там* – совсем другое.

Плюс эта злополучная Деви! Судя по всему, она потворствует вредным пристрастиям Дипа. Айш, в отличие от Деви, Дипа и его отца, училась не в развращённом Лондоне, а в лучшем непальском женском колледже Святой Марии, а затем индийском монастыре Святой Елены. Викторианское воспитание, любовь к хорошему чтению и классической музыке не позволяли ей смириться с низкопробными, коими она их считала, увлечениями сына.

Добрым увещаниям Дип не последовал, никаких результатов они не дали. Что ж, сегодня придётся поставить ультиматум: либо брак с Деви, и тогда Дип моментально станет никем, либо избранница из рода Шах и трон. А что ж, и первое решение не просто угроза, а очень возможный вариант. Чем плох Нирад как претендент на трон?! Бир будет править ещё долго, и к нужному моменту мальчик вполне созреет для того, чтобы занять королевский престол. Правда, есть ещё Гьян и Пар... Но думы о них королева от себя отгоняла.

Рассуждая таким образом, Айш понимала, что эти мысли – лишь половина огромной силы, которая толкала её на жёсткие решения. А может быть, и меньше половины. Настолько меньше, что можно было бы, пересилив себя, принять другое решение: пусть Дип поступает как хочет и будет счастлив.

Но второй половиной силы... А точнее, гораздо большей частью, были предсказания астрологов. Эти персоны – не комедийные садху, а те, кто стоит между людьми и богами и кому дано видеть воздействие небесных тел на земной мир и человека; а значит – понимать и передавать волю богов. В Непале функции астролога и священнослужителя неразделимы и выполняются одним и тем же лицом. Монах-астролог фиксирует время рождения младенца и составляет для него гороскоп – ука-

зания звёздного неба, которые в дальнейшем регламентируют многие события в жизни человека, включая и брак.

Мнениям астрологов королева верила беспрекословно. Как не верить, если их предсказания становились явью. А какие не сбывались? Все сбывались! Ещё в древности астрологи говорили, что ни один король Непала не проживёт больше пятидесяти пяти лет. И отец Бира, король Мах, умер в возрасте пятидесяти двух. Дед, король Триб, ушёл из жизни в возрасте сорока девяти. Впрочем, король Бир уже отметил свои пятьдесят пять... Но, видимо, в расчёты астрологов вкралась ошибка, которые чрезвычайно редко, но всё же случаются. А скорее всего, никакой ошибки нет: королевская семья своим достойным поведением избавилась от злого рока.

Испытывая в душе ненависть к Деви, Айш пошла к астрологам за советом. Они подтвердили то, о чём королева догадывалась и без помощи звёзд: гороскопы Деви и Дипа не были космически синхронизированы, отсюда их брак не обещал ничего хорошего, а всей королевской семье сулил несчастья. Если же говорить конкретнее, то астрологи заключили: в случае женитьбы Дипа и появления у него детей раньше двадцать седьмого июня две тысячи шестого года, правление династии Шахов прервётся. Получается, что, если, в конце концов, беседа с сыном зайдёт в тупик, можно так и сказать: «Дип, подожди, это всего пять лет, они пролетят быстро...»

В таком настроении царствующие супруги раскланивались с прибывающими членами семейства и начинали волноваться, поскольку Дипа среди них не было.

О, появился! Красавец! Несмотря ни на что, он – достойный сын божественных родителей. Дип, кажется, немного пьян. Ничего страшного! Это можно простить взрослому человеку, которому через три недели исполнится тридцать...

В преддверии обеда члены семейства сидели в гостиной, прохаживались по парку, пробовали предложенные напитки. Дип по обыкновению налегал на виски. Он предчувствовал тяжёлый разговор с матерью и, стремясь отвлечься, гонял шары на бильярдном столе. Айш подошла и тихо попросила отойти с ней в беседку. Дип хлебнул ещё и согласился. Беседа продолжалась недолго. Не слушая осторожную прелюдию матери к судьбоносному разговору, он грубо заявил, что родители зря стараются: Дип *уже* женат. Королева вскрикнула, закрыла глаза руками, потом подобралась и с лицом, искажённым гневом, быстрым шагом направилась к Биру.

Кронпринц вернулся к бильярду, сделал пару ударов, затем резко бросил кий на стол и запальчиво прокричал что-то удалявшейся к супругу королеве. Потом приблизился к отцу и, не обращая внимания на подошедшую мать, начал осыпать его руганью. Досталось и родне, пытавшейся утихомирить молодого человека.

Тогда Бир подозвал Нирада и Пару, которые продолжали беседовать поблизости, и попросил проводить Дипа в его покои:

«Ты устал, сын, тебе надо отдохнуть. Не волнуйся и не обижай мать: сегодня вечером, когда ты будешь чувствовать себя лучше, или завтра утром – как тебе будет удобно, мы продолжим разговор и обязательно найдём приемлемое решение».

Обед начался, подали оленину...

Продолжая браниться, Дип последовал за братьями в свои комнаты. Нирад и Пар посчитали правильным остаться с принцем на некоторое время, попытались присесть и завязать отвлечённую беседу. Но Дип воспротивился их намерениям: сначала благодарил братьев и просил уйти, а затем просто вытолкнул их за дверь и запер её изнутри. Кузенам ничего не оставалось, как вернуться к гостям.

Оставшись один, Дип опять плеснул себе виски, однако пить не стал. Что виски? Принц с пятнадцати лет употребляет этот напиток. Сначала он приводил к приятному состоянию опьянения, потом вдохновлял на «подвиги». Наконец, когда начали появляться жизненные проблемы, с помощью виски можно было забыться, отвлечься, как во сне, так и наяву. Теперь виски только грузит, не приводя ни к каким приятным ощущениям. Каждый новый стакан требует следующего, а всё выпитое вместе вызывает уже не сладкий сон, а полусонный бред, тяжёлую ночь и утреннюю ломку.

Впрочем, смотря с кем пить. С русскими ребятами пить было весело. Он помнит их ещё по Итону, когда все были моложе. Отлично тогда повеселились, а когда они сдрейфили перед кукри-ножом – это вообще умора. В принципе, парни не из трусливых и такие азартные! Легко заводятся и в уныние не впадают, как эти европейцы или американцы с кислыми рожами или натянутыми улыбками. Напротив, с удовольствием ловят кайф, поддерживают разговор, смеются, поют песни. Здорово сходили

с Алексом на охоту: он так живо интересовался жизнью слонов, а Дип обрадовался шансу продемонстрировать свои опыт и удаль. Как-то не к месту втёрся этот Петрус – никуда от него не денешься...

Марихуана? Марихуану он курит с детства. В Непале листья конопли никогда не считались наркотиком. Хотя сейчас марихуану запретили. Под влиянием дурацких мировых норм здоровья и морали. Но вот Голландия плюёт на эти нормы, а мы стремимся угодить непонятно кому. Какой умник объяснил вредное воздействие марихуаны? Нет никакого вреда! Эйфория, умиротворение, весёлый настрой, свежесть мысли, хороший аппетит – кому это мешает? Конечно, если перебрать... Так не надо обкуриваться до потери памяти! Если выпить ведро воды, тоже, вероятно, станет плохо. Но вдыхать марихуану надоело: как и в случае с виски, позитивный эффект исчез.

Гашиш, конечно, будет покруче. Но тут без Петруса не обойтись: в отличие от листьев марихуаны, которые нужно просто размельчить, гашиш требует навыков опытного кулинара, если здесь применимо такое сравнение. Разумеется, искусством приготовления курева наверняка владеют многие слуги, но обращаться к ним неудобно. Другое дело Петрус. У него подготовка гашиша – целая церемония. Впрочем, есть и несложный вариант: нагреть комочек зелья, раскрошить, смешать с табаком, набить косяк. И получаются особые, с виду не отличимые от обычных, сигареты. Вот они лежат у него в столе. Закурить?

Или принять таблетку? С «колёсами» познакомил опять же Петрус. Дип пока не очень понял, что же содержится в «колесе», но не яд же. Ощущения, конечно, непередаваемые. Во-первых, успокаиваешься. Во-вторых, становишься способным чётко видеть мир со всеми его нюансами и принимать решения, до которых в другом состоянии не додуматься. Да!

Запив таблетку виски – двойной эффект поинтереснее одинарного, – Дип набрал номер Деви. Обменявшись словами любви и нежности, – они не иссякли за долгие годы знакомства, – молодые люди неизбежно вышли на волнующую проблему.

– «Я не остановлюсь ни перед чем, лишь бы мы оставались вместе. Лишат трона? Пусть попробуют! Да я... Помнишь, о чём мы говорили в Австралии? Что? Ты боишься? Хочешь уехать? Куда? В Индию? И даже в Россию? Ха-ха! У меня есть русские друзья, они помогут. Но, надеюсь, это шутка.

Подожди, любимая. Совсем немного. Раз они не желают по-хорошему, всё произойдёт по-другому. Что я намерен сделать? Не волнуйся, моё солнце. Главное, чтобы ничто и никто нас не разъединили...»

Дип бросил трубку. Тихо! Надо успокоиться. И снять генеральский мундир. Шикарный мундир. Он заслужил эти ордена. Эти эполеты. Эти звёзды! А *они* обращаются с ним как с ребёнком. Этот самодовольный боров-король – как он надоел. Миротворец! Ведёт скрытые переговоры с маоистами, которых давно следовало перебить – всех до одного! А стареющая красотка? Сплошное лицемерие! Заботится только о себе. Она даже не понимает, что от красоты уже ничего не осталось, вот и завидует, и вставляет палки в колёса...

Дип подошёл к шкафам и витринам с оружием. Гордость принца! Он собирал эту огнедышащую коллекцию много лет и гордился ей. Подобной нет ни у кого в Непале. А в мире? Может, и в мире. Сколько раз он демонстрировал своё искусство стрельбы перед самыми взыскательными экспертами, и все они соглашались, что в этом мастерстве ему тоже нет равных.

Ну, посмотрим, посмотрим... Принц открыл оружейный шкаф. Взгляд упал на пистолет-пулемёт Heckler&Koch MP5. Классная штука. Немцы не дураки. Автомат разработан более тридцати лет назад, и теперь десятки стран взяли его на вооружение. Шикарен для ближнего боя. Бьёт и одиночными выстрелами, и длинными очередями. А можно переключить на режим коротких очередей – по три патрона. Да, это в самый раз. Потому что если стрелять длинной очередью без остановки, то весь магазин вылетит меньше чем за секунду. Кстати, и с магазинами есть выбор – пятнадцать патронов или тридцать. Тридцать будет нормально.

Знаменитая «американка» M-16. Она только называется винтовкой, на самом же деле работает и как автомат – те же очереди по три патрона. Её справедливо сравнивают с русским «калашом». Да, та же устойчивость пули во время полёта. И «кувыркание» в теле при попадании в живую цель, в результате чего входная дырка получается с горошину, а выходная – с блюдце. По точности стрельбы M-16, пожалуй, лучше АК-47, если винтовка находится в руках опытного бойца. Но когда она используется стрелками среднего уровня подготовки, то для них «калашников» более приемлем: с этим автоматом можно делать что угодно и где угодно. Окажись принц в воде, в песчаной пустыне, он, конечно, выбрал бы это знаменитое оружие. Потому что «американка» капризна и в сложных

природных и погодных условиях может не сработать. Дип не «средний», он профессионал, а погода отличная. И принц выбирает М-16.

Генерал берёт в руки и бережно поглаживает следующий экземпляр из своего оружейного «музея». Franchi SPAS-12. «Итальянец». Помпа или самозаряд – всё возможно, выбирай режим какой угодно. Занятная штука. Можно взять за пистолетную рукоятку и палить одной рукой. В принципе, винтовка тяжеловата для такой стрельбы, но не для Дипа. Пуля у «итальянца» не «кувыркается» в корпусе – она просто сносит голову. Ну, слону вряд ли, зато волку и человеку – элементарно. У ружья есть даже прозвище: «Один выстрел – один труп». Жаль, что в магазине SPAS-12 всего восемь патронов. Но этого достаточно, чтобы попробовать и посмотреть на эффект.

А вот в гнездах торчат пистолеты, каждый из которых представляет собой престижный оружейный бренд: большие и средние стволы – это Glock, Colt, Desert Eagle, Heckler&Koch USP, Стечкин; маленькие – Browning, Walther. Красиво смотрится, если один пистолет повесить слева, другой – справа. Зачем они? Ха-ха! Для ближнего боя! Только с кем...

Принц на мгновение отвлёкся от созерцания арсенала: по телу прошла судорога, Дип вздрогнул. Он что, и в самом деле решил? А почему бы и нет! Не о таком ли шаге он всегда мечтал, боясь признаться даже себе? И разве не оправдан этот жестокий, но справедливый шаг? Почему он должен их любить, жалеть и прощать? Перебить к чёрту всю эту надоевшую свору! Страшно? Нет. Он давно не боится ничьей крови – ни звериной, ни человеческой. Втайне от отца и даже большинства находящихся рядом военных, он инкогнито участвовал в операциях против повстанцев. И не отказывал себе в удовольствии подстрелить очередного «маоиста». А отец заигрывает с ними! Он хочет быть для всех хорошим. Это точно сбудется: он станет очень хорошим на хорошем костре. Дип, по непальскому обычаю, сам поднесёт факел к погребальной поленнице, и сделает это не без удовольствия.

Что способно помешать замыслу принца? А ничего! Охрану дворца он подбирал сам, каждого из шестидесяти отборных вояк, этих прекрасно подготовленных бойцов, он знал лично. Да, есть заковырка: Дип не предупредил охрану, да и сам не знал, что произойдёт сегодня. Поэтому солдаты наверняка будут ошарашены и прибегут, услышав выстрелы. Но стрелять в него? Этот вариант исключается полностью.

А что случится *потом*? Его станут судить? Как бы не так! Это не прописано ни в каком законе. Ясно только одно: он – наследный принц и в случае смерти действующего короля становится новым королём. А народ – проглотит и прославит!

Деви? Деви поймёт и простит, потому что любит его...

Ну, что? Jay Mahakali, aayoo Gurkhali!

Дип появился на пороге столового зала королевского дворца. В спецназовском камуфляже, обвешанный оружием: автомат и винтовка на плече, помповое ружьё в руке, два пистолета на поясе. Он поднял «помпу» стволом вверх и выстрелил в окно, в сторону больших деревьев с висящими на них бэтс. Деревья стояли далеко, но сотни напуганных звуком тварей стали отрываться от веток и летать со зловещим писком над королевским парком.

Гости опешили, но скорее возмутились, чем испугались: скандал, nepозволительный скандал! Кто-то прокричал, что надо вызвать охрану; Бир схватился за голову: опять придётся терпеть пьяные выходки принца – обед испорчен...

Дип посмотрел на отца. Вон он, главный виновник его бед и переживаний. Он умрёт первым.

«Что, не ожидал? – крикнул Дип королю. – Думал, что я бесконечно стану терпеть ваши издевательства? Хватит! Теперь моя очередь!»

Принц выстрелил в отца из винтовки, потом ещё. Пули попали в грудь и в живот, разорвали пиджак и рубашку; король упал, обрызгивая кровью скатерть, столовые приборы, обои, стоящих поблизости родственников. Однако Бир остался жив, пытался встать и отползти в сторону, произнося губами с пузырящейся пеной бессвязные слова.

А гости вновь не поверили – не в случившееся, а в то, что с ними поступят так же. Те, кто видел выстрелы, вероятно, подумали, что Дип хотел отомстить за что-то отцу. И эта страшная месть произошла. Жуткий конец монарха! Но они-то здесь ни при чём...

Те, кто не видел, даже прибежали на выстрел из других частей здания и из парка, стремясь понять, что случилось.

Смысл происходящего в полной мере осознавала Айш. Она бросилась к сыну с криком:

«Умоляю тебя, остановись! Я на всё согласна».

И Нирад в полной мере воспринял опасность: он был уверен, что Дип выстрелит и в мать, что её уже ничего не спасёт, кроме... Пытаясь защитить Айш и сознавая, что это может стоить ему жизни, Нирад встал перед принцем, раскинув руки и закрыв собой королеву.

«А, маленький щенок! Ты хотел получить корону. Возможно, вы с мамашей уже примеряли её на тебя. Поздравляю, ты дождался своего».

С этими словами Дип выстрелил из «помпы» в младшего брата. Словно простынку на ветру, Нирада приподняло над землёй, порвало и отбросило в сторону. В отличие от отца, он погиб сразу. Это было вполне ожидаемым результатом выстрела, но дальнейшее сильно удивило Дипа.

«О! Да это не всё! Spas-12 и вправду солидная штука».

А случилось следующее: пуля прошла через Нирада и ударила в Айш. Королева покачнулась, глаза налились ужасом, она чувствовала пулю, которая вошла в тело и, будучи на излёте, застряла близко под кожей.

«Ну, привет, старая ведьма! Ты хотела выгнать меня из дворца и оставить ни с чем. Но я благодарный сын и сейчас преподнесу тебе подарок».

Принц нажал на курок, пуля ударила Айш в лицо и раздробила полголовы. Осколки черепа разлетались в стороны, оседая на мебели и не доставая теперь до людей, которые выбрались в парк и разбежались по кустам и беседкам.

«Спасибо, подружка, ты сделала своё дело!»

Дип отбросил винтовку: это же не стрелковый тир, в конце концов, где можно лечь, прицелиться и не спеша выстрелить – здесь охота на убегающих зайцев, поэтому подойдёт автомат. По три патрона! Великолепный расчёт! Именно так. И не слишком торопясь, вышел в парк вслед за беглецами.

Среди деревьев, ближе всех к принцу, пытались спрятаться какие-то женщины. Ускорив шаг, он узнал сестёр отца, Шант и Шар.

«Зачем вы здесь, тётеньки? Вы пришли покушать? Не-е-т, вы пришли поддержать добряка-братца в его злодейском решении. Вы не притронулись к еде и голодны. Ничего, я вас накормлю».

Три пули – раз. Три пули – два. Сестрички лежат и смешно дергаются. Это не сравнить с «помпой», но вполне достаточно.

Хотя в парке всё просматривалось, но деревья и кустарники затрудняли обзор. Видны были только фигуры, а кому они принадлежали, Дип не всегда мог различить. Издалека, почти не целясь, он дострелял автоматный магазин.

«Спасибо и тебе, дружок, ты тоже меня не разочаровал на учебных стрельбах, а теперь на настоящей охоте».

Дип оставил в траве автомат и сдёрнул с плеча М-16. Теперь ничто не мешало принцу чувствовать себя не обвешанной игрушками ёлкой, а настоящим боевым стрелком.

Принц бросился в большую беседку в дальнем углу сада, сделав пару выстрелов на бегу. Кто-то охнул в беседке, а вскоре он увидел Пара – сына Гьяна и своего двоюродного брата, а рядом его мать Ком (пуля не смертельно ранила как раз её) и ещё нескольких женщин. Пар пригнул их к земле и перевернул садовый диван навстречу Дипу.

«Ничего себе прикрытие! Этот диван можно пробить даже из рогатки. А моя «рогатка» разнесёт его в клочья».

Принц вскинул винтовку, но стрелять сразу не стал. Может, сначала выманить их из укрытия, посмотреть, как эти вальяжные дамы ползают и верещат, а потом перещёлкать по одной? Или стрелять прямо через диван, окликаая спрятавшихся там и выпуская пули на звук ответного голоса, наверняка молящего о пощаде?

Пока Дип раздумывал, в голове что-то переменялось – такое бывает, когда резко просыпаешься от кошмарного сна. И показалось, что кто-то просит принца не убивать Пара. Кто? Никаких голосов не слышно. *Те* притаились за диваном, а возможно, и покинули беседку. Может, просили раньше? Не трогать Пара... И Гьяна... Но Гьяна нет на обеде. А его жену Ком? За неё вроде бы не просили. Но кто? И когда? Принцу показалось, что он сходит с ума, а происходящее вокруг – галлюцинация.

Волоча винтовку по земле, Дип пошёл назад, к дому. Внезапно услышал стон и увидел ползущего по земле Бира. Король был жив.

«Вот теперь пригодится и Colt. Чтобы добить тирана».

Дип вытащил из кобуры тяжёлый пистолет и нажал на спуск. Этот выстрел слился с другим. Почему, откуда? Одновременно с вопросом принц почувствовал жжение в области спины. Оглянувшись, он заметил в отдалении вооружённых людей. Охрана? И она посмела стрелять в него? Это невозможно! Или никто не стрелял, а он просто напоролся на ветку? Но когда чужой выстрел раздался вновь и спину опять обожгло, принц понял, что это не ветка, а кусок металла. Возможно, в него по касательной попала одна из выпущенных неизвестным стрелком пуль, а вторая вошла рикошетом, поскольку Дип не упал и мог без усилий двигаться. Принца взволновала не собственно стрельба, на которую можно и ответить, а нечто более глобальное: у спектакля с непредсказуемым началом наступает столь же непредсказуемый конец.

Мозг мгновенно начал продуцировать варианты финала. Его планировали убить? Но зачем ждали так долго? Могли бы прикончить после первых выстрелов, не дожидаясь, пока будут уничтожены другие члены семьи. Его выкрадут, спрячут в каком-нибудь тибетском монастыре и объявят, что он исчез? Дип не готов к затворничеству и лишениям. Его обвинят во всём и выставят на всеобщий позор? Это бесславное завершение блестящего пути, принц не хочет и не перенесёт позора. Во всех случаях «хороших» вариантов не прослеживалось, а наиболее вероятными виделись второй и третий.

Что-то не так. Да чего там – всё не так! Морок. Наркоз. Сумасшествие... С его стороны. А со стороны невидимых врагов, напротив, отлично разыгранное и абсолютно хладнокровное представление.

Дип часто рисковал. Всегда зная, что в любой, даже самой трудной ситуации есть выходы, причём, как правило, больше одного – надо только быстро соображать. Сейчас у принца не получалось найти больше одного выхода. Он поднялся на декоративный мостик через парковый ручей и с горькой усмешкой подумал, что не зря взял компактный Browning. Целиться не надо – в себя он не промахнётся.

Дип даже засмеялся: он не разочарует астрологов, предсказания которых хорошо знал. В отношении короля звёзды не обманули, а избежать вранья помог сам Дип. Но семья? Звёзды говорили, что она пострадает, если он женится раньше указанного срока. Он женился и таким поступком поддержал авторитет астрологов снова. Да-да, он сочетался браком с Деви тайно от родителей и об этом сказал матери полтора часа назад в их короткой беседе. Что ж, раз так...

Направленная в верхнюю часть лба пятиграммовая пуля вылетела из ствола и пробила кость. Но уже до того, как пуля проникла в мозг, многие сосуды и капилляры в голове пережили мощный спазм и лопнули. Произошли сотни и тысячи больших и маленьких кровоизлияний. От внутренней поверхности лобного бугра оторвались мелкие куски костного вещества. Они первыми прорвали паутинную оболочку мозга. Только потом, беспорядочно вращающимся куском горячего металла, вошла пуля.

При выстреле ствол пистолета увело вверх, и большая часть пороховых газов прокатилась вдоль крышки черепа, опалив волосы; вторая, меньшая часть двинулась вниз, сожгла брови и ресницы, а кроме того, повредила роговицы глазных яблок. Но слёзные железы среагировали как обычно: выделили нужное количество влаги.

Атакованный мозг, разрушаемый и лишённый питания, тем не менее продолжал свою работу – приём сигналов из внешнего мира и выработку команд для тела. Главной командой стал сигнал тревоги, приводящий в действие чудесный и рационально необъяснимый механизм самосохранения. В краткий миг он изыскивает и вызывает к жизни все резервы, все запасы силы, дремлющие в каждом живом организме до той минуты, когда возникает угроза его гибели. В долю секунды оказались востребованы вся наличная воля и энергия. В таком состоянии – перед лицом опасности – человек способен одним рывком перепрыгнуть трёхметровую стену или часами висеть на карнизе, вцепившись ногтями в крошечный выступ. Лишь бы выжить. Лишь бы не смерть. Разум отправил команду о спасении. Дип остался жив...

На следующий день он был объявлен королём Непала.

* * *

Мы сидели с Петрусом в Тамеле, в Hard Rock Cafe, и прозаично пили привычный уже за много лет в Непале кукри-ром. Как и любой ром, его лучше мешать с колой либо другим похожим напитком, но, конечно, не с соком. Запивали этот ромовый коктейль кофе, или, наоборот, кофе запивали ромом – было уже не понять. Кстати, кофе тут хороший, поскольку в Непале и произрастает, отсюда известная цепочка «плантация – магазин» максимально короткая. А это всегда означает максималь-

но «длинную» гарантию качества. «Original coffee», как с гордостью рекламируют свой кофе непальцы. Под эти напитки неплохо шёл apple pie – яблочный пирог, десерт, «фирменность» которого непальцы приписывали себе.

После слоновой охоты, о которой уже рассказывалось, я осматривал маршруты на несложные горы в другом, далёком от парка Читван районе Непала, Лангтанге. Даже залез одним днём на пятидесятитысячник Cherkho Ri, не таивший тех трудностей альпинизма, с которыми читатель уже знаком, но всё же требующий некоторой высотной подготовки. И вот вернулся обратно в Катманду. А Петрус и не вылезал из города, занимаясь непонятно чем. Я не очень врубался в его дела здесь и совсем не догадывался, по какому поводу он встречается с Дипом и другими членами королевского семейства, например, с братом короля Гьяном и его сыном Паром. Но, в принципе, мне было наплевать: у Петруса свои заботы, а у меня – свои.

Просто я остановился в отеле Malla, очень неплохом, расположенном в черте города, но отделённом от его грязи и смога высокими стенами и обширными зелёными лужайками, банановыми пальмами и другими прелестями тёплой страны. Название – претенциозное, как и всё в Непале, где самый скромный домишко на трекинговом маршруте может иметь вывеску «Lodgy Best View on Everest». Из Катманду восьмитысячный гигант точно не виден, равно как и другие престижные вершины, и отель назван Malla в честь одной из самых именитых королевских династий Непала. Оказалось, что Петрус тоже живёт в этой гостинице, и я встретил его за завтраком. Слово за слово, и голландец предложил прогуляться по Катманду днём, потом присесть где-нибудь за ланчем. Почему бы и нет? Я согласился. Так мы зашли в Hard Rock Cafe.

Я делился впечатлениями от Лангтанга, а Петрус слушал без особого интереса и кивал изредка головой. То есть между нами не происходило никакой серьёзной беседы – обычная необязывающая болтовня. В ресторане работал старый дрянной телевизор, шипящий, скрипящий, с трудом воспроизводящий малопонятные комментарии телеведущих. Разумеется, мы не смотрели телевизор, да и плохое звучание нас не слишком трогало, поскольку передачи шли на непальском языке. Но совсем не замечать экранные картинки не получалось. В какой-то момент показали королевский дворец, потом портреты членов семейства, а изображение Дипа – крупным планом. Почему портреты? Это несколько удивило, поскольку мы привыкли лицезреть небожителей «живьём». Потом мы увидели внутренний двор королевской резиденции – пространство, которое мне никогда не приходилось наблюдать даже по телевизору. Что-то во дворце было не так, беспорядок, что ли. Далее продемонстрировали лежащее на траве оружие, затем камера переместилась на улицы города, где на площадях собирались кучки людей... По картинкам, по тону диктора стало ясно, что произошло нечто особенное и, скорее всего, трагическое.

Мы обратились к бармену, который, как и все торгаши здесь, говорил по-английски. Английский у него был сносный, однако мы всё равно не очень понимали смысл сказанного. Бармен взволнованно сообщал о том, что у принца Дипа в руках стал непроизвольно стрелять автомат. Что есть жертвы среди королевской семьи. Что сам Дип тяжело ранен и находится в госпитале...

Реакция Петруса на эту информацию показалась мне странной. Это было не удивление, а, скорее, какое-то раздумье. Он ненадолго застыл, ушёл в себя. Потом «вернулся обратно», и мы, как и другие люди за столиками, начали обмениваться впечатлениями по поводу случившегося. Высказывания Петруса тоже были необычными: в них присутствовала расплывчатость, неопределённость, нежелание произнести самое важное.

В это время в кафе ворвались военные. Самое удивительное заключалось в том, что они сразу направились... Нет, я не так выразился: они рванулись, опрокидывая стулья, прямо к нашему столику. Один из них схватил Петруса за руку, тот вырвался, полез за своим иностранным паспортом, достал его и с громкими криками размахивал документом. Однако офицер выхватил паспорт и отбросил в сторону, а двое других военных заломили Петрусу руки и потащили к выходу.

Я резко вскочил, тоже закричал, что мы иностранцы, что такое поведение непозволительно; попытался встать на пути схвативших Петруса солдат и остановить их. Офицер отдал короткую команду. Свободный солдат сдёрнул винтовку с плеча, – у них на вооружении почему-то находятся длинные неуклюжие винтовки; они, скорее, подходят для стояния в почётном карауле, скажем, у ворот королевского дворца. Но в бою или при каком-то штурме, захвате такие винтовки неудобны. Солдат перехватил оружие левой рукой, развернул приклад в мою сторону и ударил меня по голове. Я потерял сознание.

Проза

Ильяс Дауди

Ильяс Дауди – участник Афганской войны 1979–1989 годов, Герой России, общественный деятель, публицист. Автор рассказов и эссе, опубликованных в журнале «Армейский сборник» Минобороны, в газетах «Красная звезда», «Казанский репортёр», в ряде других изданий.

На II-м Всероссийском литературном конкурсе Центрального Дома Российской Армии Минобороны РФ в 2017 году в номинации «Проза и Драматургия» «Эссе раненого солдата» из сборника «Записки войскового разведчика» стало победителем.

Поездка в Ленинград

Глава из книги «В круге Кундузском»

Москва – Ленинград, середина лета 1987 года. Друзья: Сидор – Сергей Сидоренко, Руст – Рустам Тукаев и Костёр – Иван Костров – в ноябре 1986 года вернулись с Афганской войны и, попав в мирную жизнь, начали налаживать быт. Сидор – кавалер ордена Красной Звезды и двух медалей «За отвагу», пользуясь преференцией ветерана войны, поступил на рабфак исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Руст, пройдя вместе с ним череду госпиталей в Афганистане и Ташкенте, встал на протезы и восстановился на первом курсе экономического факультета Московского института нефти и газа им И. М. Губкина, откуда призывался в армию. А Костёр, отмеченный двумя орденами Красной Звезды, возвращаясь в институт, откуда призывался в армию, не стал, а решил поступить в Высшую школу КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского. По предложению Руста, в дни студенческих каникул друзья решили навестить в Ленинграде маму погибшего Стрелы – Людмилу Васильевну. Она приезжала к сыну в Сурхандарью на присягу и угощала всех шестерых – Костяна, Монгола, Стрелу, Руста, Костра и Сидора – купленными в местной базарной чайхане самой и пловом. Поездка осложнялась тем, что записная книжка, содержащая домашние телефон и адрес Стрелы, была утрачена раненым Рустом вместе с разрезанным медиками маскхалатом перед хирургической операцией в гарнизонном госпитале Шинданда. В его памяти после перенесённой вместе с ранением тяжёлой контузии сохранилось лишь то, что жил Стрела на Полюстровском проспекте. Номер его дома, по отрывочным воспоминаниям, был то ли двадцать, а квартира двадцать пять, то ли наоборот, а может, и ни то и ни другое.

Как бы то ни было, Руст, Сидор и Костёр, сев в поезд Москва – Ленинград, тронулись в путь. Они заняли отдельное купе и, проговорив в пути всю ночь, утром прибыли на Московский вокзал Северной столицы. Город встретил пасмурной погодой. На площади перед вокзалом, выстроившись в ряд, стояло десятка два такси со светящимися зелёными огоньками. Одетые в модные по времени джинсы и куртки MONTANA и US TOP, купленные в афганских дуканах, в кроссовках ROMIKA и Adidas, с яркими спортивными сумками наперевес, друзья привлекли внимание тщедушного, курносого, в потёртой кожаной куртке и несуразной оранжевой кепке таксиста.

– Куда ехать?! – спросил он с прищуром, цвиркнув в сторону.

– Полюстровский проспект, – с нежеланием ответил Руст, оценив моветон таксиста.

Название проспекта было единственным, что он помнил твёрдо.

– Какой дом? – спросил таксист.

– Давай пока на Полюстровский, – дал целеуказание Костёр, – а там будет видно. Начнём с дома двадцать!

Таксист поглядел на друзей с опаской и указал на свою белую «Волгу» ГАЗ-24 с шашечками. Руст сел вперёд, Сидор и Костёр – на заднее сиденье. После сорока минут езды по широким проспектам и улицам Ленинграда такси въехало в безлюдную, заброшенную промышленную зону со старин-

ными, с царских времён, буро-кирпичными домами с ожидавшими переселения жильцами. Друзья одновременно насторожились.

– Ты куда нас везёшь?! – с напором спросил Сидор.

– Так срежем. Путь будет короче, – ответил таксист, заметно егозя.

Проехав ещё немного, он остановил машину у железной телефонной будки и, посетовав, что забыл что-то выключить дома, отпросился срочно позвонить. Снял трубку, и, начав с кем-то говорить, он отвернулся. Через некоторое время повернулся, пристально поглядел на ожидавших в машине друзей и, будто проведя рекогносцировку, кому-то о них доложил.

Друзья не ждали подвоха, пока четверо крепких молодцев, скоро вышедших из подъезда и обещавших вокруг такси, резко не открыли передние и задние двери и не приставили к горлу каждого из друзей финские ножи.

– Деньги и ценности выкладываем быстро! – прогорланил один из налётчиков. – Иначе порежем на ремни!

Паузы не было. Сидор, Костёр и Руст мгновенно мобилизовались, крепко схватив налётчиков за руки и, затянув в салон такси, начали жестоко бить и душить. Четвёртый член гоп-компании – акарёнок, сунувшийся в салон через водительскую дверь, – тщетно старался нанести удары по молодившим его корешей кулаками и головами Костру и Сидору, а затем разжать руки Руста, заключившего в клещи и заставившего хрипеть от удущья третьего подельника. Таксист с ужасом наблюдал за происходившим из телефонной будки. Драка внутри автомобиля вскоре перенеслась на тротуар, где спустя пять минут Сидор добивал крайнего налётчика, лицо которого напоминало мякоть переспевшего арбуза. Трое его корешей, к тому времени обработанные Костром и Рустом, смирились с разгромом и, бросив подельника, хромая, держась за бока и вытирая с лица кровь, поспешно удалились. Как только гопники покинули место нападения, из окон завешанного сохнувшим бельём дома послышался женский крик: «Бандиты! Ты посмотри, что среди бела дня делают, а?! Сейчас в милицию позвоним!»

– Вакханалия! – отметил Костёр, сплюнув на тротуар кровавую слюну.

– Видел бы покойный Стрела, как его родной Ленинград принимает ратных наперсников, непременно огорчился бы! – пригорюнился Сидор.

За этим разговором к машине вернулся таксист. Он был в смятении от неожиданного исхода и, не сумев скрыть взбучку, подтвердил подозрение друзей в своей причастности к налёту.

– Что, штопарь-закоульщик, привёз нас на гоп-стоп?! – припёр его Сидор. – Будешь теперь нас возить по городу нашармака, пока не отыщем искомого адреса или наш крепко контуженный споборитель впрасол вдруг не встямится! Или нам огулом заслаться на съезжий двор?! Выбирай, клевет презренный!

Таксист, скабрёзно клявшийся приневоливших его басивал, выбрал первое. Друзья заехали сначала на Полюстровский проспект, дом двадцать, квартира двадцать пять, потом в дом двадцать пять, квартира двадцать, а затем ещё и по другим – со схожими цифрами ноль, два, пять – адресам, но не находили квартиры Стрельцовых. При проверке очередного места друзья, направлявшиеся к подъезду дома, услышали за спиной визг шин, рванувшего с места такси.

– Сбросил кандалы, ракалия! – пошутил Сидор.

– Вот незадача! – затужил Костёр.

– Надо искать районный военкомат РВК, к которому прикреплен Полюстровский проспект, – домкнул Руст.

– Верная мысль! – поддержал Сидор.

Узнав от одного из прохожих адрес ближайшего РВК, друзья тотчас направились в путь. Уже через пятнадцать минут они стояли у дверей военкомата.

Наступил вечер пятницы. Рабочий день к тому времени уже закончился, дверь в РВК была заперта, и на стук никто не отвечал. Друзья обошли здание с тыльной стороны и, обнаружив служебный вход, постучались. Из-за двери без политеса коротко спросили:

– Чего надо?!

– Здравствуйте! Мы ветераны-афганцы. Приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане нашего товарища, – громко проговорил Руст. – Его звали Стрельцов Герман Владимирович. Могли бы вы дать нам домашний адрес Стрельцовых?

– Ничего не скажем! – послышался из-за двери грубый мужской голос. – РВК таких сведений не даёт! Приходите в понедельник в 8.00 к дежурному.

– Вы, наверно, не поняли?! – вмешался Костёр. – Мы приехали из Москвы и не можем ждать до понедельника. У нас в этом городе никого нет!

За дверью замолчали. Отчаявшись получить адрес Стрельцовых, друзья сели на ступеньки служебного входа и призадумались: что делать дальше? Внезапно морок внутреннего двора РВК осветился яркими фарами съезжих с двух сторон жёлто-синих милицейских УАЗ-469 с включёнными мигалками и сиренами. Слетевшие с них два наряда патрульно-постовой службы ППС из местного РОВД, ничего не выясняя, пустили в ход резиновые дубинки, не давая друзьям вставить даже слово. Остановить шквал ударов словами не удавалось. Чтобы умерить пыл запредельно усердствовавших блюстителей порядка, друзья прибегли к силовому сдерживанию. Однако силы были неравны. Прикрывая от ударов дубинками голени, лежавший на земле Руст прокричал:

– Нам кто-то объяснит, в чём наша вина?!

– Сейчас мы повезём вас в РОВД и там продолжим объяснять, в чём ваша вина! – изрёк дебелий старшина с чёрными усами в виде подковы, защёлкивая за спинами друзей, лежавших ничком на асфальте, наручники. – А ещё наши сотрудники снимут в травмпункте побои, и на вас откроют уголовное дело по статье 191 часть 1 – за неповиновение и оказание сопротивления сотрудникам милиции с применением насилия и угроз при исполнении ими обязанностей службы.

Друзей затолкнули в УАЗ-469, в отсек для задержанных. Дверь за ними, оглушительно клацнув, захлопнулась. Неутомимый злокоманный старшина прильнул потным круглым лицом к оконной решётке и желчно проговорил:

– А с учётом устойчивой группы каждый из вас получит по пятёрке!

– Чудак кавальный! – балагурил у решётчатого окна с измазанным лицом и рассечённой губой неунывный Сидор, отряхивая пыль с джинсовой куртки, пуговицы которой были вырваны с корнем.

– Ничего не скажешь, радушный приём! – поддержал юмор Костёр. – Сначала гопники, потом дежурный РВК, а под занавес и милиция родная поучаствовала. Что будет дальше, не берусь даже предположить.

– А мы не к ним приехали! – веско привёл Руст, сжимая от боли высунутые из протезов посиневшие культы голеней.

– Это верно! – согласился Костёр.

– Ну как ты?! – с эмпатией поинтересовался Сидор, взирая, как Руст вдевает культы обратно в протезы.

– Штатно! – по-военному ответил Руст. – В Герате было хуже!

Внедолге милицейский УАЗ-469 подъехал к районному ОВД, и друзей препроводили в камеру предварительного заключения, называвшуюся в простонародье обезьянником. Сюда со всего района свозили участников чрезвычайных происшествий, внутрисемейных разладов и прибывшую на матч 18-го тура 50-го юбилейного чемпионата СССР с ленинградским «Зенитом» пылкую торсиду тбилисского «Динамо», успевшую рукоприкладно поспорить с автохтонными любителями футбола. Некоторых из них выводили на допрос, а о друзьях-афганцах совершенно позабыли, словно их и не существовало вовсе.

– Оно, может, и к лучшему, – мерекали они, – чего будить лихо?

Не докучая дежурному вопросами, Сидор, Руст и Костёр разлеглись на деревянных скамейках и, повспоминав события армейской службы, а в них и павших Стрелу, Монгола и Костяна, заснули.

Наступило утро. Дверь в камеру отворил заступивший на дежурство невысокого роста и интеллигентного вида призначенный светловолосый капитан.

– Тихо! Тихо! Посторонись! Уроженцев чайного края допросим последними! – иронично уведомил он смятых в кулачной сече и горланивших без умолку болельщиков «Динамо-Тбилиси» и, протиснувшись в глубь заполненной камеры к лежавшим на скамейках друзьям, спросил:

– А вы, камрады, за какой выдающийся подвиг к нам удостоены?!

– Да не было подвига! – отреагировал Руст.

– Не было, говоришь? – усомнился капитан. – Ну, пойдём со мной, расскажешь всё обстоятельно. А дружки твои подождут пока в камере.

Руст прошёл за дежурным в комнату, где стояли мигавший лампами большой пульт и куча телефонов, трещащих без умолку.

– Присаживайся! – предложил дежурный-капитан и начал толковать. – В Книге учёта лиц, доставленных в РОВД, и Журнале учёта материалов об административном правонарушении записано: «Вчера около 19.30 группа нарушителей общественного порядка била в дверь Районного военного комиссариата, требуя впустить их вовнутрь. На требование дежурного РВК удалиться дебоширы не только не реагировали, а нецензурно выражались и грозили рукоприкладством». Что можешь пояснить по данному поводу? Только по существу!

– Не было этого, – возразил Руст, – мы вели себя пристойно. Объяснили правдиво, как есть, что приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане друга. Поскольку номер дома и квартиры, где он жил, у нас не сохранился, а только название проспекта, мы решили обратиться за помощью в райвоенкомат. А добраться до РВК обстоятельства позволили нам только вечером.

Вчера, как известно, была пятница – конец трудовой недели и короткий рабочий день. Военкомат к нашему прибытию был уже закрыт. Нам не оставалось ничего другого, как обратиться к дежурному РВК, чтобы он помог с адресом. Он отказался войти в наше положение да ещё цинично послал до понедельника. Дополнительно к этому вызвал два наряда милиции, задержавшие нас жёстко, с применением силы.

– Хорошо! – допустил капитан. – Покажи мне свой паспорт и назови полное имя матери погибшего друга.

– Вот мой паспорт! – Руст протянул его капитану. – А маму покойного друга зовут Стрельцова Людмила Васильевна, она живёт на Полюстровском проспекте.

Капитан пролистнул паспорт, убедился в московской временной студенческой прописке и вернул его.

– Сейчас я запрошу по базе, – сообщил он и, сняв трубку, проговорил: – База! Посмотрите мне, Стрельцова Людмила Васильевна, Полюстровский проспект.

Внедолге ему ответили. Он возбудился, прижал подбородком к плечу трубку и, спешно порвав чистый лист бумаги пополам, повторяя за голосом на линии, быстро написал адрес: дом пять, квартира двадцать – и номер домашнего телефона.

– Держи! Сейчас наберём ей по телефону, – намерился капитан.

– Не надо! – резко пресёк Руст. – Её лучше не бередить раньше времени. Мы подъедем и на месте всё решим.

– Как знаешь, – не возразил капитан.

Они вернулись к камере, капитан выпустил оттуда Сидора и Костра и, сопроводив всех троих к выходу, приготовился закурить. В этот момент в дверях им встретился привёзший надесь друзей в РОВД водитель УАЗ-469.

– Гриша! Подбрось афганцев на Полюстровский, пять! – по-свойски призвал капитан.

Сидор, Руст и Костёр переглянулись.

– Нет, спасибо! – с улыбкой ответил Руст. – Мы охотно своим ходом.

Утро было пасмурным. Откуда-то слышалась песня «Звёзды нас ждут сегодня» популярной в конце 1980-х группы «Мираж». Воодушевлённые обретённой свободой, друзья остановили такси и, купив по пути торт и цветы, приехали на Полюстровский, дом пять. Они легко нашли нужную квартиру, и Руст позвонил в дверь. Послышались шаги, и через несколько секунд дверь отворила высокая седая женщина.

«Глаза у мамы, как и у Стрелы, такие же голубые-голубые», – заметил про себя Руст.

– Здравствуйте, Людмила Васильевна! Мы Герины армейские друзья! Вы нас не помните?

– Боже мой, ну, конечно же, я вас помню! Проходите, ребята! – пригласила она войти.

Друзья заметили у Людмилы Васильевны кручину, наполнившую её глаза слезами, и сконфузились. Костёр передал цветы и торт. Друзья помыли с дороги руки и направились в зал. Проходя мимо маленькой комнаты, их взгляд зацепился за висевший на стене большой портрет с улыбавшимся Стрелой. Друзья на мгновение оцепенели.

– Проходим дальше! – тихо скомандовал Руст.

Они зашли в зал и сели в мягкие кресла и на диван. Наверху серванта в вертикальном положении стоял катушечный магнитофон МАЯК-203 с бобинами и заправленной лентой. Было такое

ощущение, будто Стрела, поклонник творчества советских рок-групп «Воскресенье», «Динамик», «Круиз», «Карнавал», лишь ненадолго вышел из комнаты, выключив его. За стеклом в рамке стояла коллективная школьная фотография.

– Ребята, помогите мне раздвинуть стол, – попросила принёсшая вазу с цветами Людмила Васильевна.

Друзья дружно встали, споро выдвинули и соединили воедино две столешницы, накрыв их скатертью и засервировав.

– Скоро будут готовы вареники с картошкой и творогом, Гера их обожал, – поделилась светлым прошлым Людмила Васильевна. – Я как чувствовала, налепила их с запасом и положила в морозильник. Геринины одноклассники меня всё время навещают и на кладбище к нему ездят. Бывает, поеду туда, а на могилке цветы свежие – помнят. Спасибо им!

Друзья, опустив глаза, молчали. На их сердцах лежал тяжёлый камень, ведь они вернулись живыми, а её сын Герман – их товарищ Стрела – погиб. Каждый из них вспоминал тот бой в Хост-Ва-Ференге и думал, можно ли было предотвратить его гибель, а с ней смерти Монгола и Костяна.

Людмила Васильевна отлучилась ненадолго на кухню и, подав горячие вареники, пригласила всех за стол.

– Вот и собрались, – произнесла она сумно, утерев слезу.

– Мы хорошо помним, как вы приезжали к Герману на присягу в Сурхандарью, – начал Руст, – как угощали нас шестерых пловом и самсой. Их вкус у нас до сих пор во рту.

Людмила Васильевна улыбнулась.

– Герман наверняка писал вам о нас, и всё же я напому наши имена: я – Рустам Тукаев, справа от меня – Сергей Сидоренко, слева – Иван Костров. Нас было шестеро, трое, Герман, Константин и Дархан, погибли. У нас нет для вас слов утешения, – продолжил Руст уже стоя, – их ещё не придумали для матери, потерявшей единственного сына. Но мы втроём постараемся хотя бы частично заменить вам Германа.

Друзья встали и молча помянули друга. Затем, с разрешения Людмилы Васильевны, Сидор снял висевшую на стене гитару и, настроив, запел песню барда-афганца Юрия Кирсанова:

Не надо нам громких тостов,
Не надо бокалов звона,
Не в радость нам эта водка,
Что в кружках у нас сейчас.

Останутся в памяти нашей
Запылённые батальоны
И погибшие наши ребята,
Что всегда будут жить среди нас.

Первый тост – за ушедших в вечность,
Пусть же будет земля им пухом.
Мы запомним их всех живыми,
Тихим словом помянем их.

Тост второй – за удачу и смелость,
За ребят наших, сильных духом,
Чтоб остались душой молодыми
И друзей не бросали своих.

На суровой земле афганской,
Под чужим, неласковым небом,
Родилась наша крепкая дружба,
Что в бою выручала не раз!

За неё третий тост поднимем
И поделимся солью и хлебом,
Пусть же вечная будет та дружба,
Здесь навеки связавшая нас!

Отведав любимых Гериных вареников и поговорив за столом, друзья предложили Людмиле Васильевне поехать на его могилу. Было пасмурно, всё ждало дождя. Друзья взяли такси и выдвинулись к Северному кладбищу. В дороге, на проспектах и улицах города, спорадично встречались болельщики «Зенита», загодя сбивавшиеся в кагалы перед походом на стадион имени С. М. Кирова. Когда добрались до кладбища, к месту, где были похоронены погибшие в Афганистане воины-интернационалисты, взору друзей предстал длинный ряд свежих могил. С фотографии на памятнике одной из них глядел молодой лейтенант-лётчик в парадной форме. Под его именем была высечена эпитафия:

«Ты моя радость, моё горе, моя любовь, моя печаль».

– Этого парня привезли давеча и памятник на могилу поставили тем же месяцем, не выдержав времени, пока земля осядет, – поведала Людмила Васильевна, проходя за спинами Сидора, Костра и Руста, застывших перед беревидшей душу надписью.

Свежие захоронения воинов-афганцев заслонили могилу Стрелы, оставшуюся в глубине. Дойдя до неё, друзья увидели выгравированные в светло-бордовом граните фотографию и имя: «Стрельцов Герман Владимирович. Воин-интернационалист». На могиле лежали несколько букетов свежих роз и гвоздик.

«Молодцы одноклассники!» – подумали про себя Руст, Сидор и Костёр.

– Здравствуй, сынок! Вот и друзья к тебе приехали, – спокойно произнесла Людмила Васильевна.

Она постояла недолго, глядя на фотографию сына, и, полив воду на отрезок материи, начала вытирать памятник от пыли. На безмолвно взиравших из-за её спины друзей это произвело тягостное впечатление. С фотографии улыбался благодушный по жизни Стрела.

– Великая Отечественная война застала меня полугодовалым ребёнком в Пскове, – стала рассказывать Людмила Васильевна при выходе из кладбища, – кроме меня в семье были ещё старшие: сестра 1938-го и брат 1939 года рождения. Нас, троих маленьких детей и маму, немцы отправили в концентрационный лагерь близ Кёнигсберга, а освободили из застенков части Красной армии. После войны, окончив среднюю школу, я поступила в Псковский политехнический институт, где познакомилась с будущим мужем Владимиром Стрельцовым. Вскоре мы поженились, и у нас родился сын Герман. Жили мы счастливо, пока в 1971 году Владимир не погиб в автомобильной катастрофе. Так я осталась вдовой с четырёхлетним сыном на руках. Всю жизнь проработала на одном из крупных оборонных предприятий и не стремилась устроить личную жизнь, посвятив себя целиком Гере. Школу он окончил на хорошие оценки, однако в институт решил поступать уже после армии. В восемнадцать лет, в октябре 1984 года, очевидно, как и всех вас, с первой группой призывников Геру направили в Туркестанский военный округ в Сурхандарью. Что произошло дальше, вам известно.

Вернувшись на Полюстровский проспект в квартиру Людмилы Васильевны, друзья сходили за продуктами, и Руст приготовил узбекский плов. За ужином вновь помянули Стрелу. А когда встали из-за стола и покинули зал, то заглянули в комнату с портретом друга. Войдя в неё, обратили внимание на следы обильного соседского затопления с верхнего этажа. На потолке, углах и стыках стен виднелись большие высохшие подтёки и отклеившиеся обои.

– Да это наш новый сосед, – без злости указала Людмила Васильевна, убиравшая посуду, – затопил меня сверху ещё в конце зимы. Он человек видный – директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, где ватажуются все ленинградские фарцовщики. Он купил две смежные квартиры и объединил их в одну. Соседи говорят, что подарок молодой любовнице – будущей оперной диве Мариинского театра. Когда делал глобальный ремонт, заодно решил поменять все трубы и отопительные батареи. А ремонтники его что-то недоглядели. За минувшие полгода я уже несколько раз ходила в ЖЭК и к нему лично обращалась, чтобы устранил последствия затопления, – всё без толку.

– А мы с ним завтра непременно познакомимся, – заверил Руст, – и обязательно урегулируем этот вопрос.

Между тем на стадионе им С. М. Кирова начался матч чемпионата СССР по футболу между ленинградским «Зенитом» и тбилисским «Динамо». Костёр, яростный болельщик московского «Спартака» – давнего соперника «Зенита», с интересом засел у телевизора, желая поглядеть его трансляцию. На стадионе было облачно. В начале встречи хозяева поля неизменно теснили гостей, и на восьмой минуте ведущий форвард «Зенита» Владимир Клементьев хлётким ударом в верхний угол забил в ворота динамовцев Тбилиси зрелищный гол. Счёт стал 1:0. Из окон и с балконов ближайших домов раздались крики и свист ликовавших болельщиков «Зенита». Спустя короткое время

шум стих, игра продолжилась. Людмила Васильевна, отказавшись от сторонней помощи, тем временем крутила мясной фарш для котлет, а Руст и Сидор, безразличные к футболу, остались в комнате Стрелы и продолжили вечер воспоминаний. Внезапно общение прервали доносившиеся с верхнего этажа крики.

– Ты слышал?! – спросил Сидор у Руста.

– Слышал! – подтвердил Руст.

Через мгновение голоса заглушил усилившийся звук телевизора, транслировавшего футбольный матч.

– Сидор! А ну-ка кликни Костра, сходим разведем, что там происходит, – предложил Руст.

Ничего не сказав, они спешно покинули прихожую.

– Ребята, вы куда? – бросила им вслед Людмила Васильевна.

– Мы ненадолго, – заверил Руст, прикрывая за собой дверь.

Друзья торопко поднялись на этаж выше и, повернув ручку незапертой двери, вошли внутрь. В квартире стоял полумрак, пахло сигарным дымом. Свет исходил от тускло светивших в коридоре старинных бра и высокого торшера с жёлтой ажурной тканью в ближнем углу зала. Что происходило внутри него, из прихожей было не видно. Вместе с тем, под туалетной дверью виднелась полоска света. Руст обратил на это внимание Костра и, показав ему жестом остаться прикрыть, сам двинулся вперёд. Сидор шёл следом. Медленно ступая по фигурному ореховому паркету вдоль стен, оклеенных финскими обоями Sandudd, мимо комнат с антикварной мебелью в стиле Boule эпохи короля Людовика XIV, они подошли к зале, где громко работал телевизор. Там коротко стриженный высокий и плечистый битюг в джинсах Lee Cooper и ветровке Marimekko нависал над сидевшим в антикварном кресле эндоморфным мужчиной лет тридцати пяти, с обильным волосатым покровом и трёхдневной щетиной. В руках громада держал подключенный к сети утюг. На терпелинике красовались цветастые семейные трусы и белая майка. Руки и ноги его были связаны, во рту был кляп. Чуть поодаль, в глубине зала, на парном кресле сидела сходно упакованная, дивной красоты и изящных форм молодая дама. Локоны её волнистых каштановых волос были раскинуты на верхнем кружеве короткой, цвета маренго, шёлковой сорочки, стройные бёдра оголены. Сбочь на диване, закинув руки за голову и ногу на ногу, не отвлекаясь на неземную красоту, сидел ригидный акарёнок, отрешённо следивший за ходом футбольного матча.

– Аха, их трое! – сообразил Руст. – Чем же нам их ошеломить?!

В этот момент открылась дверь туалета и показался третий сообщник. Костёр, не дав ему опомниться, точным прямым ударом в подбородок втолкнул его обратно. Шла шестнадцатая минута матча, и на стадионе зарядил проливной дождь. В ходе игры из-за нарушения правил футболистом «Зенита» судья Эдуард Дидур назначил штрафной по воротам хозяев поля. Пробить его тренер тбилисцев Кахи Асатиани доверил Отару Коргалидзе. Сильным ударом тот поднял мяч над стенкой и направил в дальний от вратаря верхний угол. Раздосадованный пропущенным голом, акарёнок вскочил с дивана и проматерился, сподвигнув друзей к решительным действиям. Сидор рванулся в комнату и резко выдернул из электросети кабель телевизора, а Руст вытащил из грудного кармана джинсовой куртки красное удостоверение «инвалида войны» и плотно, чтобы не разглядеть надписи, приставил в развёрнутом виде к лицу остолебеневшего садюжника:

– ОБХСС! Отдел борьбы с хищением социалистической собственности! До подхода опергруппы и сотрудников прокуратуры всем оставаться на своих местах! – истово прогорланил он, войдя в роль.

Притеснители были обескуражены.

«Вот мы попали! – подумали они. – По ходу, директор “Берёзок” Иткин был в разработке в ОБХСС?! А нам паровозом за его грехи чалиться?»

«Однако не слишком ли молоды и ладно одеты эти опера?! Скорее, мошенники залётные», – домекнул их старший, битюг.

Выяснение личностей обэхаэсников, вломившихся в квартиру, требовало времени. Не дав терзателям завершить умозаключения, Сидор схватил за горлышко матово-зелёную бутылку с объёмным тиснением буквы «N» и золотистой надписью «CAMUS NAPOLEON», стоявшую на мраморной столешнице рядом с вазой, заполненной фруктами, и коробкой сигар Partagas, и, замахнувшись, ударил о голову битюга, расколов на мелкие осколки. Пытатель рухнул на пол к ногам хозяина квартиры. Янтарного цвета элитное питьё разлилось по полу, раздав дуновением букет ароматов переспевшего

инжира, спелого персика и цветочной ванили с тонами грецкого ореха, древесными нотками тика и палисандра. Потрясённый увиденным, акарёнок робко попытался встать с дивана, но, увидев жест ладонью вытянутой руки и золый зрак Сидора, повелевшие не сходить с места, безропотно покорился. Руст переступил через распластанного посреди колотого стекла и разлитого коньяка тихо вывшего, державшегося за голову битюга и, наклонившись, вытащил из рта терпельника кляп.

– Телефон где? – спросил он коротко.

– Там! – кивнул головой в сторону связанной спутницы жадно вдыхавший воздух мужчина.

Руст поздравил Сидора и на ухо тихо проговорил:

– Запри дверь и держи с Костром оборону! Так, чтобы никто не выскользнул! Отворишь, когда придет милиция!

Руст отыскал переносную телефонную трубку и, прозорливо не развязав хозяина квартиры, нажал у него на глазах две кнопки – 02. Когда на обратной стороне связи ответили: «Милиция», Руст приложил трубку к его щетинистой щеке и приказал: «Говорите!» Обрадованный не законоломностью второй группы, хозяин квартиры грассировал без умолку, как печатная машинка:

– Приезжайте, пожалуйста, срочно! Моя фамилия Иткин, зовут Яков Ильич. На меня совершено нападение!

– Ваш адрес? – строго спросили на проводе.

– Полюстровский, дом пять, квартира двадцать четыре, – продиктовал Иткин.

– Наряд уже выезжает, ждите! – уведомили на линии.

Услышав разговор с милицией, сидевший на диване акарёнок, поразмыслив, вскочил и метнулся к выходу, но был остановлен железным кулаком Костра и слёг в коридоре. Милиция прибыла торопко. Её сотрудники развязали сладкую парочку, а остальных фигурантов пассажира, в их числе Руста, Сидора и Костра, до выяснения обстоятельств заковали в наручники и повели к выходу. Услышав в подъезде шум и увидев во дворе милицейские машины, Людмила Васильевна с тревогой в сердце и мыслью – не струсилась ли с ребятами беда? – вышла на лестничную площадку. В это время по ней в сопровождении вооружённых сотрудников милиции, с защёлкнутыми за спиной наручниками спустились шестеро молодых людей. За ними шли прихрамывавший Яков Иткин и его очаровательная сошественница.

– Людмила Васильевна, не беспокойтесь! Ложитесь спать, – успокоил Руст, пообещав: – Мы к утру непременно будем!

– Давай, давай! Не размусоливай! – вставил вперекор низкого роста, неказистый милиционер с тощим лицом, подталкивая задержанных до милицейского уазика.

В РОВД приехали быстро.

– О, старые знакомые! – обрадовался новой встрече куривший у входа в РОВД благожелательный капитан, заведя слезавших с УАЗ-469 Руста, Сидора и Костра. – Что, опять военкомат штурмовали?!

– В этот раз хоть не били! – выгодно заметил Сидор.

Их отпустили под утро – после письменных объяснений Якова Иткина, его пассии Киры Вайсман и друзей: Сидора, Руста и Костра. Когда, изнемождённые после ночной перипетии, они вышли из РОВД, уже светало. Иткин по телефону вызвал служебную чёрную «Волгу» ГАЗ-24 и, отпустив водителя, сам сел за руль. Гражданка Вайсман села вперёд, а Сидор, Руст и Костёр – сзади. Скоро доехав на Полюстровский проспект, компания вошла в подъезд. На лестничном марше у квартиры Людмилы Васильевны Иткин обратился к Русту:

– Предлагаю завтра в 13.00 прийти ко мне на обед!

Руст на мгновение задумался, но, изнавившись вспомнив, что к Иткину есть вопрос по восстановительному ремонту, произнёс:

– Почему нет?! – допустил Руст, глядя на Костра и Сидора: – Полагаю, ребята тоже будут не против.

В ответ друзья промолчали. Утром они поспали подольше и, погуляв недолго по району, в условленное время вместе с Людмилой Васильевной поднялись к Иткину. К этому времени следы ночного происшествия были уже устранены. К столу были поданы привезённые из ресторана гостиницы «Астория» изысканные блюда и деликатесы, типа белужьей и кетовой икры, стерляди горячего копчения, сёмги и балыка. На горячее был судак «Орли» под соусом тартар и отбивные бараньи котлетки на косточке. Из спиртного – водка SMIRNOFF и французский коньяк CAMUSNAPOLEON.

– Что они хотели от вас? – поинтересовался Руст у Иткина, не прикасаясь к яству.

– Видите ли, – начал объяснять Иткин, – я директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, дома девять и пятнадцать. Наши магазины торгуют аудио-, видео- и бытовой техникой, а также другими дефицитными товарами. Оплата производится только валютой или чеками Внешпосылторга. Чеки – это такой вид денег. Им оплачивается труд граждан, работающих или служащих за границей.

– Мы знаем, что такое чеки Внешпосылторга, – сообщил Руст, – в Афганистане нам их давали, хоть и немного.

– Так вы афганцы?! – возбудился Иткин. – Ну, ладно. Давайте сначала я отвечу на ваш вопрос. Недавними постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР в связи с перестройкой и гласностью объявлена борьба с привилегиями – «за равенство и социальную справедливость». Правительство СССР приняло решение с первого января 1988 года ликвидировать систему торговли «Внешпосылторг» и закрыть все магазины «Берёзка». Возник ажиотажный спрос на нашу продукцию. Речь идёт об импортной видео-, аудио- и бытовой технике, ну и одежде, конечно. У наших магазинов начали выстраиваться огромные очереди. Обладатели крупных сумм чеков готовы платить сверху много больше, лишь бы успеть их скорее отоварить. С 1988 года торговля в магазинах «Берёзка» будет осуществляться только по безналичному расчёту. Так вот, учитывая, что магазины, которыми я руковожу, находятся в так называемом «Бермудском треугольнике», месте, где вращаются самые разные элементы: от фарцовщиков и валютных путан до бандитствующих элементов, вчерашний инцидент – это лишнее тому подтверждение. Преступники стремятся установить контроль над очередью. Они используют льготные удостоверения ветеранов и инвалидов Афганской войны. Ведь афганцы, как вы сами сказали, получали чеки, пусть даже солдаты меньше, а офицеры больше, но все они по закону в равной степени обладают правом отоваривать их во всех магазинах Внешпосылторга в любой точке СССР. Разница между удостоверением ветерана войны и инвалида войны заключается в том, что инвалидов мы обязаны обслуживать вне очереди. Вы понимаете, как это упрощает задачу тем, кто замкнул на себя потоки держателей крупных сумм в чеках и валюте?

– Схема понятна! – внял Руст, не проявив к данной теме интереса. – Яков Ильич! У нас к вам бытовой вопрос. Вы затопили квартиру многоуважаемой Людмилы Васильевны. На протяжении полугода она безуспешно пытается добиться от вас восстановительного ремонта. У нас к вам компромиссное предложение в виде настоящей рекомендации: обеспечьте нас приличными обоями, клеем, кисточками и другими подручными средствами, а мы сами в ближайшие дни сделаем ремонт и снимем эту проблему. А то, знаете ли, дела в Москве не ждут. Установить площадь затопленной спальни труда вам не составит. Она идентична вашей. Поэтому, пожалуйста!

– Конечно, конечно! – взволнованно заверил Иткин. – Уже сегодня вечером у вас всё будет. Простите, мне очень неловко, что так получилось! Может, я всё же дам вам рабочих?

– Мы бы не хотели перекладывать эту почётную миссию на посторонних людей и с удовольствием выполним её сами. Так что только материалы! – с улыбкой заключил Руст, переглянувшись с друзьями.

На этом тема восстановительного ремонта была закрыта. В завершение обеда за чаем и десертами Яков Иткин положил руку на плечо Кире Вайсман и горделиво попросил:

– Душа моя! Спой нам, пожалуйста, мой любимый.

Дива с готовностью встала из-за стола и, взяв со специальной подставки акустическую гитару, начала играть перебором и меццо-сопрано исполнять романс «Белой акации гроздь душистые»:

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролёт нас сводили с ума.

Все слушали, наслаждаясь божественным голосом и исполнением, всецело согласующимся с её внешностью. Когда романс был завершён, все дружно захлопали.

– Восхитительно, ничего не скажешь, – оценил Сидор. – А можно мне сыграть одну из наших? – предложил он.

– Ну конечно! – охотно согласился заинтригованный Иткин и передал ему гитару.

Руст и Костёр переглянулись. Сидор провёл пальцами по струнам и запел песню барда-афганца Игоря Морозова «Я братьев двух когда-то знал»:

Я братьев двух когда-то знал,
С одним в Афгане воевал,
Ходили к чёрту на рога и к ведьмам в зубы.
Стрелять он был большой мастак,
С десяти шагов менял пятак,
Был по натуре весельчак, хоть с виду грубый.

А старший был обществовед,
На все вопросы знал ответ,
Имел отдельный кабинет, машину, дачу,
Жил то в Париже, то в Москве,
Имел семь пядей в голове,
Но дело даже не в уме – поймал удачу.

И вот, когда, окончив срок,
Мы все покинули Восток,
Домой вернулись те, кто смог дойти до цели,
Явился к старшему меньшей,
Всё ж как-никак, а брат родной.
Тот накрывает стол большой – мол, ждал и верил...

После этого куплета Людмила Васильевна утёрла слезу, сосредоточив на себе сострадательные взгляды Костра и Руста.

... Там спирт окопный глотки жёг,
А здесь – французский коньячок,
Икорка, сёмга, балычок, язык телячий.
И почему-то вспомнил я,
Как провожали нас друзья:
Чеснок, четыре сухаря и фляжка чачи.

Меньшой сидел и молча пил,
Тут старший тост провозгласил
И выпил из последних сил «за тех, кто в море».
И, повертев на свет стакан,
Сказал, икая: «Слышь, братан,
Да брось ты свой Афганистан, он не в фаворе.

Пройдёт каких-то пара лет,
Его забудут – был и нет,
Твой автомат и пистолет – глупцам забава.
Иные нынче времена, другие мерки и цена,
Кому нужна твоя война, ну что ты, право.
Бери пример – ну вот с меня.

На фронте не был я ни дня,
А посмотри – моя семья в шелках и славе.
Имею в обществе престиж,
То в Лондон езжу, то в Париж,
То в Риме с месяц погостишь, а то – в Оттаве».

Тут младшего тяжёлый взгляд
Его прервал: «Отставить, брат.
Я не политик, я солдат, и мне до дверцы
Вся философия твоя
И золотая чешуя гнилых сентенций.

Да что ты знаешь о войне?
Вы здесь погрязли в баракле,
И лозунг – «я тебе, ты мне» – как песня вам,
А на иного подлеца
Вполне хватило бы свинца,
Неполных девять грамм.

Иной до титулов дорос,
А как дорос – ещё вопрос.
Здесь главное – по ветру нос держать умело.
А я хотел бы посмотреть,
Какие песни станет петь
Он под обстрелом.

Чтоб ты в Европу ездить мог,
Дань кровью брал с меня Восток.
Я больше износил сапог, чем ты – штиблетов.
Ты здесь в арабскую кровать
С женой ложился почивать,
А там привык на камне спать, я с пистолетом».

Мой друг – не мастер говорить,
Умел он в спорах трезвым быть,
Но вижу, начал заводить его браточек,
И друга я увёл к себе во избежание ЧП.

Мы с ним бродили по Москве до самой ночи.
Какая б ни была беда, мы слёз не лили никогда.
Обиды горькая вода бойцу опасна.
Друг, стиснув зубы, соль глотал.
Что думал он, о чём гадал?

Я думал так же и молчал – всё было ясно.
Потом судьба нас развела,
Его на Север позвала,
Меня замучили дела, работа, дети.
А брат его, общественник, в Париж уехал на пять лет,
Он там большой авторитет, в посольстве третий.

Сидор закончил петь, повисла мрачная тишина.

– Ну, нам пора идти! – произнёс Руст.

Друзья и Людмила Васильевна дружно встали и, поблагодарив за вкусный обед, вышли из-за стола.

– Я провожу, – вызвался Иткин.

Когда гости подошли к порогу, Руст пропустил всех вперёд и, прикрыв за ними дверь, обратился к Иткину:

– Яков Ильич! Людмила Васильевна – мама нашего погибшего в Афганистане друга. Она нам как мать. Хотелось бы, чтобы вы приняли это к сведению.

– Я уже всё понял! – заверил Иткин.

Перед тем как уйти, Руст крепко сжал его руку и, поглядев пронзительно в очи, дал понять, что скрепил этим достигнутой договорённостью. Уже вечером в дверь квартиры Людмилы Васильевны позвонили уполномоченные Иткиным люди и сообщили, что привезли необходимые для ремонта материалы. Обои оказались той же фирмы, что и у Якова Иткина, – финской Sandudd, и не на одну комнату, а на всю квартиру. К ним прилагались клей и инструменты. Через три дня квартира Людмилы Васильевны была обклеена новыми обоями, а друзья, Руст, Сидор и Костёр, с чувством выполненного долга убыли в Москву.

Проза

Людмила Семёнова

Людмила Анатольевна Семёнова родилась 20 октября 1977 года в городе Челябинске. В 2001 году окончила Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Печаталась в журнале «Наследник», Интернет-журналах «МОЛОКО» и «СОТЫ», «СЛАВЯНСТВО», изданиях Союза писателей «День литературы» и «Российский писатель», журнале «Роман-журнал XXI век», альманахах «Пересвет», «Неизбывный Вертоград», неоднократно автор «Русской народной линии», «Русского Воскресения» и художественно-литературного журнала «Осиянная Русь». Участвует в конференциях по творчеству поэтов Николая

Рубцова, Юрия Кузнецова, Николая Тряпкина. Активный участник ежегодных Ирнарховских чтений в городе Борисоглебске. Мама шестерых детей. Живёт в Москве.

Весна Ванюшкиной жизни

Для неё он всегда был Ванюшкой. Так когда-то называла его мама, четырёхлетнего мальчика, по воспоминаниям его детских впечатлений. Вот они с мамой возвращаются из магазина по пыльной просёлочной дороге. В руках у мамы капроновая авоська с бутылками кефира, батоном и крупами в целлофановых пакетах. Рука Ванюшки выскальзывает из маминой ладони, чтобы пальчиком нарисовать узоры на дорожной пыли. Мама торопит его, застрявшего на корточках посреди пути: «Ванюшка, пойдём уже». – «Угу», – соглашается Ванюшка и продолжает ковырять пальчиком дорожную грязь. Это маме кажется, будто он балуется, на самом деле он лепит из пыли морские волны и представляет себя качающимся на этих волнах. Мама достаёт из кармана запасную капроновую авоську, скручивает её жгутом и поддаёт Ванюшке по мягкому месту. Только тогда он понимает, что море далеко, а впереди долгая дорога к дому под палящим солнцем, и понуро шагает рядом с мамой, иногда стараясь задержаться в жидкой тени одинокого деревца на обочине с мелкими сухими листьями на тонких, как паутина, ветках. И через несколько метров опять останавливается, заметив муравьишку на земле. «Я же не мог объяснить маме, что хотел сделать домик-норку для этого муравья, чтобы случайный прохожий его ненароком не затоптал! – объясняет он, смеясь. – Она бы не поняла. Поэтому я больше молчал, но поступал по-своему. А вот тебе мне хочется всё-всё рассказывать, всю свою жизнь с самого начала». Она взбивает две перьевые подушки, укладывает их к атласной спинке кровати, откидывается на них, устраивает его голову у себя на коленях и начинает слушать. Медленно перебирает сидящие уже, мягкие, влажные от физической слабости и болезни волосы, скользит подушечками пальцев по чуть колючей щеке, поднимается, приподняв кончик носа через горбинку ко лбу, чтобы прикоснуться, понять и успокоиться – лоб холодный, температура нормальная. В тусклом комнатном освещении его вытянутые ноги и раскинутые руки между холмиков одеяла похожи на узловатые корни дерева, растущие в сухую землю его южной родины. И она вплетается гибким своим телом в эти корни, вливается свежей струёй воды в теплоту тела, чтобы защитить, оживить, напитать силой, энергией, материнской нежностью и заботой. Он уже почти засыпал, хотя продолжал рассказывать, невнятно шевеля пересохшими губами, вспоминал... В десять лет мама заявила, что теперь он взрослый и обязан сам ухаживать за собой, стирать одежду. И ещё его обязанность – ходить на рынок за мясом. Однажды недобросовестный продавец подсунул мальчишке мясо некастрированного хряка. Вернувшись обратно к прилавку, он стоял и плакал на рыночном пятачке. Другие торговцы заставили продавца заменить некачественный кусок, а в довесок насыпали ребёнку в сумку гостинцев: орехов, фруктов, сдобы. Она свободной рукой нащупывает на полу гладкую округлость бутылки с водой, чтобы дать ему напиток. Но он вдруг останавливает рассказ, вспоминает, что утром сплеснул кофе на её юбку. И, не принимая возраже-

ний, уходит в ванную застирывать. Руки у него всегда мелко вздрагивали – будто осенние листья трепыхались от стылого ветра.

Кофе стал важным ритуалом их совместной жизни. В утренней сонливой неге она чувствовала мимолётное прикосновение к своей руке и ощущала, как он уходит, выскользнув из-под тёплого одеяла. Потом сквозь отверстие в заботливо притворённой двери она слышала хлопотанье на кухне, и вслед за тем в комнату вливался сильный, яркий аромат кофе, подправленный запахом сигарет. Услышав приближающиеся шаги в комнате, тревожно приподнималась, перехватывала тонкую фарфоровую чашку из дрожащих рук, боясь, как бы он не опрокинул её на себя и не обжётся. Снова устраивалась на постели, а он опускался коленями на пол, чтобы, прищурив левый глаз, пострадавший от ранения в Луганске в 2014 году, наблюдать с блуждающей улыбкой, как она дурачится, дует на коричневую пенку в чашке, придумывая незатейливые картинки из этой пенки. Кофейную гущу, оставшуюся на дне, она сбивала в одну сторону, создавала что-то вроде подобия улыбки или сердечка, показывала ему и благодарила, протянув обратно пустую чашечку с тонкой трещинкой на боку, с золотым ободком на внутренней поверхности и букетиком скромных полевых цветов на внешней.

Она любила полевые цветы. Летом на даче специально уходила в поле, чтобы нарвать букет разнотравья и увитый плющом букет поставить в центре старинного, ещё бабушкиного, из тёмного ореха овального обеденного стола. Он дарил ей белые розы. Нежными крупными бутонами они возвышались на колючих длинных ножках. Она аккуратно раскрывала упаковку, приподнимала кольцом пальцев бархатные, откиннутые лепестки, едва притрагивалась губами к кружевной сердцевине цветов и бережно помещала их в широкую стеклянную вазу. Подаренные цветы она никогда не забирала домой. В её просторной, современно обставленной квартире достаточно было комнатных, в расписных керамических горшках: причудливые бабочки орхидей соседствовали на широких подоконниках с пышной синей фиалкой, а яркая герань оттеняла бледные цветы розочек, рассыпанные по чахлым веточкам домашнего кустарника. Когда розы увядали, она прихватывала их с собой и оставляла под окном в палисаднике, пряча в вакханалию весенней зелени. Выбросить их в мусорный бак она просто не могла. Ранним утром у себя дома она так же пила кофе из фарфоровой чашки с греческим орнаментом. Смотрела в окно на блестящие золотом неровные купола Рождественской церкви, слушала отголоски звона колоколов, сзывавших на раннюю Литургию. Пылесосила бархатную мягкую мебель и проходила щёткой по гляncу дорогого паркета, принимала утренний душ под массажными тугими струями, натиралась ароматными маслами. И садилась за работу к ноутбуку – править чужие тексты. Но мыслями всё время возвращалась к нему, в неприбранную тесную квартиру на первом этаже кирпичного сталинского дома. Так было уже не раз. Всё повторится завтра, когда она закончит работу, поедет к нему, откроет дверь домофона подаренным им ключом с брелоком в форме миниатюрного снаряда, поднимется по истёртым ступеням на площадку первого этажа, мимолётно ощущая запах подвальной сырости и кошачьих меток. Толкнёт пыльное широкое полотно двери и шагнёт в уютную родную квартиру со старой прихожкой, треснувшим зеркалом и обвалившейся лепниной, с советским выцветшим полированным буфетом и с картиной штормового Чёрного моря – копией мариниста Айвазовского, неровно висящей в центре стены с обшарпанными обоями. Он, как обычно, прижмёт её к себе, потом откинется к дверному проёму, боясь не удержаться и упасть от болезненной слабости. Пока он убирает на плечики её мутоновую шубу, она облачится в свободные байковые домашние штаны, закатанные по росту снизу, подтянет тесёмку на талии в узелок, накинёт на плечи кофту, поношенную, но с таким родным запахом. Они отправятся на кухню, распахнут форточки для свежего воздуха, включат конфорки для тепла и съедят что-нибудь вкусное, что он приготовил специально для неё. Она каждый раз фантазировала по пути, пытаясь угадать, каким блюдом он удивит её сегодня. Может, мясом, запечённым под горчицей в рукаве, сочным внутри и с хрустящей корочкой сверху? Может, взбитым творогом с зеленью на чуть подсохшей краюхе паляницы? Может, айвой, начинённой в сердцевине ветчиной и сыром? А на десерт – густой банановый коктейль, с лопающимися и исчезающими пузырьками на поверхности. Он очень радовался, глядя, как она с аппетитом уплетает приготовленную им замысловатую еду. Не сразу принимался за обед сам, и все равно отвлекался, и опять задумчиво поглядывал на неё. Однажды, завернув по пути с мероприятия, она заскочила неожиданно и застала его врасплох. Он смущённо открыл дверцу холодильника, пытаясь на пустых полках отыскать то, чем её можно покормить. А на вытертой до неясного рисунка клеёнке одиноко стояла миска с недоеденным гороховым супом.

Они тогда пили чай, ароматный, жасминовый, и закусывали крепкими прозрачными дольками корицевики с сиропом. Варенье передали с родины, возврата куда для него нет. В тот вечер Ванюшка рассказывал ей о своём участке, о саде, который посадил и вырастил, об удивительной сливе, выведенной им: плоды её настолько сладки, что при приготовлении варенья не нужно добавлять сахар. «Я не только садовод, я ещё и знатный козовод, – шутил он. – Молоко моих коз никогда не пахло, потому что я смастерил подмости наверху сарая, козы взбирались и спали там». Она смеялась, представляя картину из коз, вповалку спящих на полотах, тормошила и целовала его. «Мы когда-нибудь попробуем слив из твоего сада», – мечтательно грезил она. «Не получится, – отвечал он. – Сад в Луганске сгорел вместе с домом в 2014 году. Тогда в дыму задохнулась и мама. А я ведь ещё и печник знатный, – стараясь отвлечься от грустных мыслей, продолжал, – я печь сам сложил. Какие мама пироги пекла – объеденье! И молоко томила...» – «Ты был когда-нибудь счастлив?» – спрашивала она, разглаживая глубокие морщины на его лбу, щеках. «Я осознаю, что был счастлив, уже потом, по прошествии времени, когда возвращаюсь в воспоминаниях к некоторым моментам моей жизни». – «Расскажи», – допытывалась она, втайне надеясь, что он вспомнит какой-нибудь эпизод их общей судьбы. Тогда он рассказал о трёхлетней девчужке, припавшей к ноге ополченца-отца, вернувшегося по обмену из украинского плена. «Я наблюдал тогда эту встречу в аэропорту и ясно осознал, что рисковал не зря, идя на переговоры об его обмене». – «А я счастлива сейчас!» – восклицала она и кружила его в вальсе по тесной кухне, натываясь на открытую для тепла дверцу духового шкафа, спотыкаясь о колченогие табуреты, выброшенные кем-то за ненадобностью и отремонтированные им для своего нового жилища в Москве. Огибая в этом кружении углы обеденного стола с двумя мисками горохового супа на потёртой от времени скатерти.

Он любил затащить её, сопротивляющуюся, в ванную, спрятать за плотной двойной тканью душевой занавески и, предварительно обрызгав волосы, чтобы не сбежала, выкупать, словно маленького ребёнка. Приказывал зажмуриться, намыливал шампунем волосы и долго бережно перебирал их, смывая обильную пену. Она ловила эту пену и хлопала мыльными скользкими ладошками по его спине. Понемногу подталкивая поближе к горячей струе душа, чтобы не замёрз. Потом они сидели напротив деревянного подоконника с облупившейся масляной краской, он расчёсывал ставшие мягкими после мытья, но всё равно непослушные волосы и пытался пригладить и соорудить из них косички. Через мутную оконную раму проглядывало солнце, просачивалось тёплыми лучами сквозь нарождающуюся весеннюю зелень. «Твои волосы теперь пахнут жасмином, – говорил он, зарываясь лицом в ещё влажные волосы. – У себя дома в Луганске я посадил несколько кустов жасмина. Я открывал окна в доме, когда они зацветали. И наш жасмин здесь, в палисаднике, тоже скоро зацветёт. Я открою окно. Прилетят соловьи и разбудят тебя когда-нибудь утром своим пением». В тот вечер он нарисовал пастелью на акварельной бумаге ветку жасмина с крупными, розовеющими в утренней дымке раскрытыми уже цветками. Она приколотла рисунок на стене, рядом с картиной Чёрного моря Айвазовского. «Ты видела когда-нибудь, как цветёт жасмин?» – «Нет», – смущённо призналась она. «Мы вместе понаблюдаем это чудо!» – пообещал Ванюшка.

Уже под утро, разгорячённые доверительными разговорами, они решили выйти на улицу, подышать настоящим весенним воздухом, побродить по московским улочкам. Город спал, освещённый одиноко горящими окошками и жидким светом ночных стражей-фонарей. Где-то далеко монотонно и глухо шумела трасса. Они завернули на детскую площадку, мерцающую горбатыми спинами стальных горок, с нагромождением пластиковых конструкций, лестниц, башенок. Она присела на качели, а он стал раскачивать их всё сильнее и сильнее, выше и выше. Опрокидывались деревья, наклонялись дома, переворачивались игрушечные шпили башен. Голова кружилась от вернувшегося на мгновение близкого ощущения детства. И он кричал, всё сильнее раскачивая: «Придурки, да?» Она кивала, мысленно соглашаясь со всей нелепостью ситуации, ещё крепче вжимаясь в сиденье, в полёте снова отрывалась, вспотевшими от страха ладошками удерживала скользкие пластиковые цепи. Только когда порывом ветра с неё сорвало лёгкую вязаную шапочку с пушистым белым помпоном, он остановил качели. Поднял из лужи намокшую шапку и бережно спрятал на своей груди. Накинул на голову ей капюшон, плотно утянув завязки под подбородком. Неожиданно вихрем налетела большая лохматая собака, вскочила передними лапами на грудь Ванюшки, опрокинула их обоих, побарахталась с ними на земле и снова умчалась по зову хозяина. Они ещё полежали какое-то время, глядя в сереющее утреннее мирное небо, не исчерченное огненными стрелами ракетных

залпов, как на родине Ванюшки, в Луганске. Потом, озябшие от земляной сырости, направились к домашнему очагу. На тротуаре он вдруг развернул её к себе, внимательно заглянул в глаза и запел песню Высоцкого про бабье лето и ветреную женщину. «Чудо ты моё, откуда же ты взялась и почему не появилась тогда, до войны, когда я ещё был почти здоров?» Так стояли они ранним утром, обнявшись, на фоне многоуровневой современной высотки на мокром московском асфальте, уже искрящемся бликами восходящего солнца: пожилой, много переживший, раненный войной на Донбассе, больной диабетом и онкологией луганчанин и полная радости, энергии и молодых сил, не познавшая большой беды московская барышня.

Проснувшись посреди ночи в своей московской квартире от неподдельной тревоги, она поняла, что хочет услышать его голос. Пометавшись в сомнениях, опасаясь потревожить его сон там, на другом конце Москвы, она всё же решила позвонить. Ответом стали монотонные гудки. А ведь он отвечал ей, несмотря ни на что, отвечал всегда: рано утром, поздно вечером, выходил для связи с совещаний или концертов. Снова и снова рвущие душу гудки. В безотчётном страхе она набрала смс другу, живущему поблизости от него. Пусть придёт, проверит, разбудит, убедится, что всё в порядке. И опять звонки ему. И ответ – голос слабый, чужой, почти безжизненный: «Мне очень плохо, Варенька». – «Слышишь: вызывай “скорую”, срочно». В последнее время у него резко ухудшилось зрение, офтальмолог выписал препараты со снотворным действием. Во сне сахар резко упал, а проснуться он никак не мог, потому что выпил по схеме все лекарства с побочным эффектом – сонливостью. Превозмогая себя после Вариного звонка, дополз до кухни, съел банку стужёнки. В больницу отвёз разбуженный Варенькой друг. Она приехала к нему, опасаясь самого худшего – комы. Утопая худым лицом в пожелтевшей от частых стирок наволочке больничной подушки, он улыбнулся светлой улыбкой, притянул к себе её руку и поцеловал.

В ту ночь ему опять было очень плохо: бил озноб, предметы плыли перед глазами, и он хватался за неё, пытаясь остановить движение. Она укутала его двумя одеялами, сверху ещё накрыла пледом, подоткнув с боков и снизу. И всё равно он мёрз. Перед глазами всё время стоял образ товарища, ополченца Юрия, которого страшно морозило в окопе в сорокаградусную жару. Ванюшка накидал на него ватников, но тот так и не согрелся. Через несколько часов умер. Варенька об этом ничего не знала, но немного успокоилась только тогда, когда судорожные приступы кашля прошли и Ванюшка спокойно и ровно задышал. Она прикоснулась губами к влажному лбу, тёплому, как хлеб из печи. Нужен свежий воздух, в комнате душно и пахнет лекарствами. Она встала, приоткрыла створку деревянного окна. С улицы через железную решётку в комнату сорвалась и проскользнула ветка жасмина. Варенька подумала, что кустарник не зацветёт в этом году. Излишне хозяйственные соседи слишком усердно подрезали жасмин, и у него не хватит сил на цветение – так сказал Ванюшка. Она вдохнула свежий аромат листьев, погладила веточку и отвела её назад через решётку. Ванюшка обещал показать ей удивительное цветение жасмина. Он всегда сдерживает свои обещания. Значит, впереди у них ещё хотя бы один год жизни вместе. Можно выдохнуть до следующей весны, когда зацветёт окрепший кустарник. Она вернулась к нему, забралась под бочок и, успокоенная, уснула. Среди ночи иногда просыпалась, нащупывала рядом живое тепло, гладила, целовала, растирала прохладные ноги с ампутированным большим пальцем на левой и снова засыпала.

Это была последняя весна Ванюшкиной жизни...

Проза

Анна Козырева

Анна Александровна Козырева родилась в городе Краснокамске Пермского края. Образование: Литературный институт им. М. Горького и сценарный факультет ВГИК. Призёр Литературной премии благоверного князя Александра Невского за книгу «Тайны крещения Руси» (2008). В 2013 году на IV Международном Славянском литературном форуме, который проводится в рамках Международного кинофестиваля «Золотой Витязь» при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Анна Козырева за рукопись «Путешествие со звездой. Рождественская история» получила от РПЦ специальный приз «Дорога к храму». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Память-пуповина

Рассказ

Воскресный день начался в суматохе и долгих сборах.

– Ты готова? – громко поинтересовался из кухни Сергей у Дины, появившейся в прихожей.

– Угу... – отозвалась та.

Весна была запоздалой, промозглой: апрельское ненастье угнетало, и раздражали бесконечные дожди... Одно радовало, что машин на столичных улицах мало.

...Быстро миновав Центр, они неслись по Ярославке, и, чем дальше оставалась Москва, тем свободнее становилось шоссе, растворившееся в мокрой дали. Вдоль скучной и длинной дороги пронеслись голые деревья, до дрожи исполосованные порывистыми ветрами.

Дорога совсем обезлюдела, и их «жигулёнок» одиноко катил по Ярославке всё дальше вперёд, где ничего не менялось ни в картинке, ни в настроении. Дождь, плотно затуманив влажной пылью мир, лил и лил, и без устали монотонно щёлкали, бегая туда-сюда по широкому стеклу, «дворники».

Продолжал одичало метаться за окнами ветер-сквозняк и, всколыхнув волглый туман, рванул врзлёт, и тут же сквозь дождевую хмарь увиделся у бровки дороги высокий, в длинной хламиде до пят старик. Держа спину прямо, он стоял на отлёте и зорко смотрел в их сторону.

– Куда он прёт?! – обомлев, дико закричал Сергей, а жена судорожной рукой уцепилась за него.

Старик с широко раскинутыми руками внезапно бросился им навстречу и через миг плашмя упал на капот. Березин резко повернул руль, и стреноженное авто, взвизгнув колёсами по сырому асфальту, откатилось к обочине. Откатилось вместе со стариком, выбросившим клешнятые ладони поверх мокрого железа.

В Березине всё клокотало и бурлило. Мгновенная злоба подхлестывала: Сергей резко открыл дверцу, выскочил. Старика на капоте не было.

– Его нет... пропал... – дрожащим голосом подсказала Дина, появившаяся около мужа.

– Ну, дед... – Сергей был неприятно ошеломлён.

Заглянул под машину. Огляделся. Нет нигде и не видно. На обочине – голое место с чернеющей, размытой дождём почвой. Не мог же тот за секунду скрыться в лесу, угрожающей стеной вытянувшимся вдоль трассы? Непостижимо...

Явление старика длилось доли секунд, но Березин отлично запомнил и костлявое, заострившееся лицо безумца; и спутанную, в тон длинных, матово-серебряных волос, бороду; и долгий-долгий взгляд – глаза в глаза; и большой крест на груди...

– Промокнешь... – Сергей торопливо открыл дверцу, чтобы усадить в машину беременную жену, но отвлёк нарастающий звук...

Тревожный свистящий звук надвигался стремительно, и вот из-под взгорья, куда проваливалось

шоссе, появился летящий на предельной скорости тяжёлый «мерседес». Следом, взвизгивая мокрой резиной, вылетел второй. Поднимая столбы водяной пыли, оба бешено пронеслись мимо.

Чёрные, грозно блестящие от воды автомобили, приковавшие взгляд, оглушительно всколыхнули волглый воздух и один за другим помчались по пустому шоссе в сторону Москвы. Пропали за пеленой дождя так же, как и появились, мгновенно...

Когда окончательно осела влажная взвесь, пришло осознание того, что неслись оба «мерседеса» по встречке... и, не стой их машина у обочины... Сергей и Дина, боясь и помыслить о том, что могло бы случиться, оцепенели...

Длинный прогон проехали в напряжённом молчании, переживая мистический смысл случившейся странной встречи. Мираж?.. Однако, подбираясь с периферии потрясённого сознания, оголённая мысль о том, что явление старика с крестом на груди – реальность, была ясной и единственно верной.

Через узкое зеркальце зацепился взглядом за побледневшую Дину, и его, понявшего причину взволнованности жены, впервые забеременевшей только к тридцати годам, до озноба прошиб, перекатывая под онемевшим сердцем, страх за будущего ребёнка...

– Тебе плохо? – спросил Сергей, приглушая бег автомобиля.

– Нет-нет, дорогой... Всё нормально!.. – прошептала жена. Добавила: – Кажется, дождь прекратился...

И точно: прекратился.

По небу ходко плыли, подгоняемые быстрыми влажными ветрами, серо-жемчужные облака, а в вышине, где образовалась широкая синяя прорубь, появились птицы и, загребая плотный воздух крыльями, вольно носились по очистившемуся от мзги простору.

Просветлело.

Прояснились дали, где покоем дышали мокрые поля и щетинистые перелески перемежались с осторожно зеленеющими взгорьями.

Сергей медленно подкатил к обочине. Остановил машину. Вышел наружу. Тщательно протёр стекла от мокрой капли и грязных пятен. Неожиданно зацепился взглядом за указатель «На Загорск». Мимходом отметил про себя, что городу успели вернуть старое название, а указатель всё ещё не поменяли.

Сев за руль, Березин поймал себя на мысли, что непонятое чувство не просто встревожило, а настойчиво подталкивает к неожиданному действию, – и, хотя конечная цель поездки была иной, он вырулил по указателю.

Дина, расслабившись до лёгкой дрёмы, не заметила, как «жигулёнок» свернул с прямой трассы, а когда панорамно увиделись монастырские стены и до слуха донёсся звон колокола, с недоумением посмотрела на мужа.

– Загорск... Сергиев Посад... – произнёс, наконец, Березин и остановил машину вблизи монастыря, в распахнутые ворота которого встречными потоками тянулись люди.

– Я зайду... – негромко сказал Сергей, испытывая перед женой-татаркой некоторую растерянность. – Я скоро... Ты в машине посиди...

– Я с тобой... – живо отозвалась на то Дина.

В ворота входили под густое гудение колокола, а когда, пройдя под надвратной церковью, вышли, стояла уже тишина.

В Лавре Березин был только в детстве. Лет шести. С бабушкой Нюсей. Поездка из памяти с годами выпала, однако сейчас он уверенно шагал вперёд, хотя совершенно не мог до конца понять, что могло так разбередить душу, рвавшуюся сквозь рёберную клетку.

Необъяснимым было и возникшее чувство непонятной потери: чего? кого? И только чей-то смутный образ становился более чётким и осязаемым. Образ возник из детства, когда бабушка Нюся, стоя у раки преподобного Сергия, наставительно говорила внуку:

– Запомни, Серёженька, что имя дадено тебе не просто так... В честь преподобного оно... И прадед твой это имя носил... Преподобного всю жизнь чтил, и ты, Серёженька, не забывай его...

И вот, приближаясь к Троицкому храму, Березин боялся сознаться себе, что лелеет дерзновенную надежду о том, что тем стариком сам преподобный и был...

Окунулись в полумрак древнего храма, где было тихо-тихо, лишь монотонно звучал речитатив монаха, стражем стоявшего в изголовье раки.

Березин встал в очередь, благоговейной вереницей текущей к мощам преподобного Сергия. Дина рядом. Осторожно поставил её впереди себя, и сам, не чуя ног, медленно двигался за женой. Вот она ступила на первую ступеньку... вот робко шагнула вдоль Царских врат... вот подошла к раке... И, следуя всему тому, что внимательно выглядела со стороны, Дина сделала поясной поклон и, прижав разлохмаченные волосы рукой, низко склонила простоволосую голову над ракой... Сергей видел, как, шагнув в сторону, жена неловко, но перекрестилась...

И повторилось забытое чувство радостной тихости на душе, как в детстве. Упал на колени. Перекрестился. Поднявшись с колен, со смущением и трепетом приложился к мощам, – и нечто тёплое и ласковое коснулось его сердца. Сергей, подняв голову, глаза в глаза столкнулся со светоносным ликом святого на большой иконе... – и, внимая внутреннему голосу «Не он!..» – растерялся...

Направились к выходу. Невольно Березин задержался перед тёмной иконой Спасителя и припал сухими губами к тёплому стеклу: вдруг вся его жизнь пролетела перед мысленным взором живой картинкой, – и взмолился тогда, зашептал просительно:

– Господи, помоги!.. И прости, Господи... прости...

Небо очистилось, и вешнее высокое солнце торжественно осветило золотые купола монастырских церквей.

Не проронив ни слова, Березины подошли к часовне на площади, где попили из святого источника воду, и направились в сторону ворот. Навстречу шёл высокий монах с большим искрящимся солнечно крестом на груди. Он прошёл мимо, когда Сергей одернул его:

– Простите! Можно вас на минутку!

Слова выскочили произвольно, что Сергей и сам растерялся, но монах, задержав шаг, оглянулся, вежливо откликнулся:

– Что угодно?

И тем «что угодно» лишил уверенности, однако, подавив робость, Сергей осмелился заговорить. Только описать то, что произошло с ними на дороге, никак не получалось. Говорил сбивчиво... путано... торопливо...

Всё это раздражало, а тут ещё и монах смотрел так невозмутимо, что, казалось, внимает рассказу Сергея в пол-уха.

– Кто-то сильно молится за вас... – сказал он, явно подводя итог.

– И кто же? – нервно выдал Березин, высказавшись перед тем, что, как думал, помощь пришла от самого преподобного: – Но это был не он!.. Я ошибся...

Монах тихо произнёс: – Душа сама видит истину... подскажет... – Спросил: – Я могу идти?

– Да уж... идите... – недовольно буркнул Березин.

В машине Сергей язвительно передразнил монаха:

– Я могу идти?.. Вежливый какой...

Дина, не проронившая ни слова, тихо-тихо проговорила:

– Какой тёплый свет был от человека...

Сергей пристально посмотрел на жену и, промолчав, вырулил со стоянки. Покидая городок, машина покатила вниз, под горку.

– Ты был тут уже, да? – спросила осторожно Дина, когда миновали последние дома на окраине.

– Один раз... мальчишкой... с бабушкой Нюсей... – охваченный странным чувством возбуждения, ответил не сразу.

– Это которая в Казахстане жила?

– Она... – Сергея удивила осведомлённость жены: потеплело на сердце. – Баба Нюся редко приезжала... В последний раз тогда как раз и была... Мы с ней здесь несколько дней прожили... Это был большой деревянный дом... с высоким крыльцом... Забор помню... Калитку: я её открою-закрою... открою-закрою... а она скрип-скрип... Утром и вечером ходили на службы на монастырь... Мне нравилось... тихо... свечные огоньки светятся... хор звучит... а ещё был старенький-старенький монашек... После службы подходил к нам... гладил меня по голове... и просфоры мягкие давал... Я съем... он мне новую даёт... И всё улыбался и улыбался... – Березин не заметил, как радостно погрузился в прошлое, которое, казалось, избыто памятью напрочь. – А потом... они куда-то поехали. Дорога была ужасной. Маленький автобус бросало на ухабах из стороны в сторону.

Наконец, вышли из автобуса и долго-долго шли полем. Затем по сельской улице. Подошли к двухэтажному дому, нижний этаж которого белел кирпичной крашеной кладкой, а верхний был деревянным, с рядом окон, украшенных старыми наличниками.

В дом входили и выходили люди, а бабушка всё молчала. Серёжа стоял рядом, изучая всё, что видел вокруг. Недалеко, на утопающей в грязи площади стоял похожий на огромный куб дом с плоской крышей. В школу он ещё не ходил, но читать умел, – и вот прочитал «СЕЛЬМАГ».

– Это поповский дом? – спросила вдруг бабушка, задержав рукой проходившую мимо женщину.

– Откуда?! – отпрянув, возмутилась та: – И никогда не был!

И заспешила к крыльцу, у которого на скамейке сидела старуха. Она что-то спросила у женщины и, когда та скрылась в подъезде, тяжело поднялась и медленно подошла к ним.

– О чём спрашивашь, а?

– Этот дом не поповский будет? – громко повторила бабушка.

– Ишь, чё вспомнила? – старуха грузно навалилась на толстую клюку. – Э-ээ!.. так то, милая, когда было? Я девчонкой была... – и она вперилась в них подслеповатыми глазами. – И что за интерес такой?

– Просили посмотреть: цел ли? – ответила пунцово вспыхнувшая бабушка.

– Кто и помнить может? – старуха не отступала.

– Девочка одна... которая жила тут... – тихо произнесла бабушка и резко потянула внука за ручку: – Пойдём, Серёженька...

– Девочка, говоришь?.. Все мы девочками были... – бросила старуха вслед, но никто на её слова не оглянулся, и тогда она визгливо крикнула: – Ну чё, увидела? Цел-целёшенек стоит – так своей девочке и скажи!

– Бабуль, пойдём в магазин... – заканючив, внук потянул бабушку в сторону. – Вон стоит...

– Вижу, Серёженька... вижу... – отозвалась она и добавила скороговоркой: – Нельзя туда, Серёженька... Не магазин то... Это храм Божий... Пресвятой Троицы храм... – и бабушка заплакала, чем сильно напугала внука, цепко ухватившегося за её мелко-мелко дрожавшую руку.

Снова шли и шли.

Вначале по длинной сельской улице. Потом, выйдя за околицу, через голое поле (весна ли это была? осень ли? – он не помнил) вышли на трассу, где утомительно долго стояли на остановке, над которой носилось скучное воронье.

Они с трудом втиснулись в набитый плотно салон появившегося, наконец, пузатенького автобуса.

Автобус дёрнулся и попыхтел, громыхая и дребезжа, по ухабистой, в колдобинах и рытвинах дороге, а Серёжа, стиснутый со всех сторон, стал вдруг задыхаться, хватая открытым ртом спёртый воздух.

– Ребёнку плохо!.. Ребёнку плохо!.. – всполошились вокруг, и чьи-то крепкие руки с усилием пропихнули Серёжу к приоткрытому окну...

Тихим, ясным вечером Березины возвращались в Москву.

Дрожал и плавился в потемневшей небесной купели последний луч исчезающего за горизонтом пунцово-красного солнца.

Угасал день.

Столь странный день... День, как смутный сон, встревоживший сознание...

Удивительный случай тот не забылся, хотя со временем и приглож в деталях. Не раз и не два, вспоминая происшедшее апрельским днём, Сергей пытался постигнуть суть его. И если смысл врезавшейся в память диковинной встречи объяснению не поддавался, то пробудил в нём веру – ту давнюю-давнюю, детскую... Сергей стал заходить в церковь, где, испытывая тайное родство с незнакомыми людьми, в упорном молчании мог простоять когда минутку-две, когда и целый час...

Втихую стала бывать в церкви и Дина, и однажды удивила мужа тем, что высказала пожелание креститься. Их вскоре с годовалым Сергей Сергеевичем и окрестили торжественно.

А лет через десять, благодаря сынишке, пришла отгадка тому странному случаю на дороге.

Ученикам в школе было дано задание: записать родословную и нарисовать генеалогическое древо. Притягательность задания оказалась столь сильной, что и Сергей, и Дина увлеклись. И если жена свою татарскую родню сумела легко перечислить до четвёртого колена, то Сергей, с ходу на-

звав отца-мать и вспомнив московских дедушку-бабушку с их родителями, о родню с материнской стороны споткнулся: кроме бабы Нюси, его память никого больше не подсказала.

Мать радостно встретила родных гостей, но рассказ начала только после того, как накормила и напоила их. Начала скомканно, издали:

– Я ведь далеко не всё знаю... Это сейчас стали интересоваться, кто каких родителей сын-дочь... А раньше интереса такого и не было. Про отца, что? Какие-то смутные намёки, что был да сплыл... Мы всегда, сколько помню, жили втроём: бабушка Поля, мама и я. Я мало что и знала... Всё скрытно... Однажды как-то мама попытается что-то рассказать, но я, честно сознаюсь, особого интереса не проявила... – глубоко-глубоко вздохнула-выдохнула. – Ведь память – та же пуповина... Только, выходит, я её сама и оборвала... В последний приезд мама фотографии привезла. Тогда же открыла, как они в Казахстане оказались. Я всегда думала, что они по призыву приехали целину поднимать... Ну да... приехали... в ссылку только... Баба Поля задолго до войны в тюрьме сидела, а мама, девочкой, жила у каких-то людей в Загорске... То ли родственников, то ли хороших знакомых, – я не поняла. Может, и говорила что, только я мимо ушей пропустила... Сейчас, конечно, жалею, что не узнала подробно, а тогда... – глубокий вздох-выдох. – Тогда, как мегера, набросилась на неё, что внука в Загорск поволокла и что пробыла там с ним неделю целую... Я ж переживала – уехали и как сквозь землю провалились...

– А я хорошо помню ту поездку... – слова сына мать меж тем пропустила.

– Когда бабу Полю в Казахстан сослали перед войной, мама успела уехать к ней, – продолжила мать. – Там и я родилась... А бабу Полю я, грешным делом, боялась... – снова глубоко вздохнула. – Да-а... минувшее оживает – сердцу больно становится... Бояться стала не сразу, а взрослея... Знала, что все дети боялись её... пугали ею... а мне было стыдно, что это моя бабушка... Она была мытницей... мыла покойников... – связывая прошлое с настоящим, мать, повлажнев глазами, потемнела осунувшимся вмиг лицом. – Как ссыльную, её куда на работу не брали, а за мытьё полов она сама не бралась... Так и провожала в последний путь, пока в силах была... Она и Псалтырь читала...

– А почему в ссылке оказалась? – перебил рассказчицу сын.

– Так я ж сказала, что в ссылку её после тюрьмы сослали... – негромко ответила мать.

– А в тюрьму за что? Она не из репрессированных была? – Дина вопросом опередила мужа.

– В тюрьму?... – рассеянно повторила мать. Выдохнула: – В тюрьму её... как попадью... забрали...

– Прадед что, священником был? – пытаюсь то ли угадать, то ли осознать глубинные коды своего бессмертия, осторожно спросил Березин.

– Был... священником... да... – тихим-тихим голосом произнесла мать.

Она извлекла на свет Божий потускневшую от времени плоскую жестяную коробку, плотно пережатую бельевой резинкой. Открыла и веером выложила на стол с десятков старинных фотографий на толстом картоне. Взяла одну из них. Окинула долгим взглядом. Протянула сыну:

– Это она и есть... баба Поля... Полина Алексеевна... Гимназисткой тут...

Березин несмело принял фото из дрогнувшей руки матери. С фото на него необычайно весёлыми глазами смотрела юная девушка с ямочками на пухлых щёчках и длинной косой, перекинутой через плечо на грудь. Не произнеся ни слова, Сергей бережно передал старый снимок жене, а мать подала следующее фото:

– Это они с дедом... Молоденькие... только-только поженились...

Всё с теми же весёлыми ямочками на щеках, Полина смотрела прямо и уверенно. Сидела в изящном креслице, а рядом стоял муж в длинном сюртуке. Он был под стать жене – высок и красив. Лица их искренне светились счастьем и радостью – оба широко и приветливо улыбались Сергею...

Меж тем маленький Серёжа, наблюдавший молча за взрослыми, не выдержал и сам взял со стола одну из фотографий. Подняв для всеобщего обзора, заинтересовано спросил:

– А это кто?

Обомлев, сердце Березина учащенно забилось: пристальным прямым взором – глаза в глаза – с фото на него смотрел строгий священник, удивительно похожий...

– Серёжа... это он! – осторожно обмирающим голосом выдавила Дина.

* * *

Позднее Березины узнают, что протоиерей Сергей (N-ский), настоятель Троицкого храма в селе, за долгие годы лихолетья окончательно потерявшем прежнее название, был расстрелян...

Поэзия

Хизри Асадулаев

Основоположник современной каратинской литературы, Народный художник Чеченской Республики, Народный художник Республики Дагестан, скульптор, поэт, переводчик, композитор и общественный деятель. Родился 1 апреля 1956 года в селе Карата Ахвахского района Дагестанской АССР (ныне Республика Дагестан). Учился в Дагестанском художественном училище им. М. А. Джемала и Орловском художественном училище им. Г. Г. Мясоедова. Состоит в Белорусском союзе художников, Союзе писателей Беларуси, Союзе писателей России и Белорусском союзе музыкальных деятелей.

* * *

Земля моих предков... Святые могилы...
Здесь первый мой вдох Карата подарила.

Глоток молока из груди материнской –
Он тоже, конечно же, был каратинским.

Я ползал ещё, ушибаясь о камень,
Но отчую землю пощупал руками.

И радуги первой своей семицветье
Я над Каратою впервые заметил.

И слово, и книги волшебная сила –
Всем этим меня Карата наградила.

Быть сыном земли – это тоже искусство,
От первого танца до первого чувства.

Я вырос... Художник... Объездил полсвета,
Но без Караты мне не нужно всё это.

* * *

Где радуется сердце больше глаз?
Лишь в Карате, где воздух чище света,
Где Красота над Мудростью воздета,
Где видишь сердцем в сумеречный час.

Гляжу на небо, будто в гладь пруда,
И в тёмный пруд гляжу, как будто в небо.
Нет ничего вкуснее корки хлеба,
Когда одарит хлебом Карата.

Здесь колыбель моя среди чёрных скал,
Мой оберег от сумрачности мира.
Вовек не сотворял себе кумира...
Ты – мой кумир, родная Карата!

* * *

Дрожит звезда в осенней темноте...
Гляжу в окно – такая ж в Карате.

Весной округа зелени полна,
И в Карате, конечно же, весна.

Деревья гнутся, ёжась от ветров,
И в Карате ветра качают кров.

Лютует стужа, будто озверев,
И в Карате сугробы меж дерев.

Я дома, в Минске... Чту свою мечту.
Гляжу в окно и вижу... Карату.

* * *

Во всём этом мире убогом,
Где дали от горя пусты,
Лишь ты мне дарована Богом,
Лишь ты моё счастье, лишь ты...

Когда захлестнёт лихолетье
И горе смыкает уста,
Вдвоём мы с тобою на свете,
А значит – и даль не пуста.

А значит – могу поделиться
Добром, что осталось в суме,
С бродягой, с прохожим, с жар-птицей,
Что путь озаряет во тьме.

А значит – и в бурю, и в слякоть,
Забыв про узду и коня,
Готов я поститься и плакать –
О Боже, ты есть у меня...

* * *

Весна... Весна... Росой несёт с полей.
Под вечер горизонт прозрачно-светел.
И небеса от радуги светлей –
Звенят от озорного семицветья.

Как девушки весною хороши!
На бабочек их платица похожи.
И веет светлым праздником души
Красавиц юных утренняя кожа.

А пальчики волнительно дрожат,
Зачем-то локон снова поправляя.
И взор смешливый бросив на ребят,
Девчонка тут же в сумраке растает...

Бурлит казан в камине над огнём,
Бунтует кровь... Дыханье веселее.
И эта же девчушка – завтра днём –
На год себя почувствует взрослее...

* * *

Когда поутру ты стучишь каблучками –
Расслышит глухой и растопится камень.

Так что говорить о здоровых и зрячих –
Конечно, влюбляются, как же иначе.

Хоть ты на любовь отвечаешь не слишком,
Все взгляды цепляются к чудным лодыжкам...

Господь, не суди за словцо озорное –
Спасибо Тебе, что я вижу такое!..

* * *

Чтобы к тебе хоть на миг прикоснуться,
Ласковым ветром мечтал обернуться.

Или снежинкою... Помня, что та ведь
Может на лбу твоём медленно таять.

Полночью – быть полуночной луною,
Чтоб до утра ты шепталась со мною.

Иль отражаться в июльской запруде
Звёздочкой, тихо ласкающей груди...

Как я наивен был в юности пылкой!
Нынче о том вспоминаю с ухмылкой.

Юность скупую слезою огромною,
Но и звезду, и слезиночку помню.

Всё, как мечталось, моя дорогая.
Только другая со мною, другая...

* * *

Греховны ли мои персты –
Я ими яблока касался?..
Мне здесь Всевышний показался,
И стали дали золоты.

И не считаю, что во грех
Я впал средь яблочного сада...
Струилась сонная прохлада,
И доносился женский смех.

Кто не изведаль рай земной
На этой матушке-планете,
Пусть не твердят, что я в ответе
За мир небесный, мир иной...

Мы все там будем... Но во мгле,
Нас уносящей в рай небесный,
Им не понять, что эти бездны
И стали раем на земле.

Греховен я?.. Один, как перст,
Стою... Наверное, греховен.
Я нынче глух, как глух Бетховен,
И Ева яблока не ест...

* * *

Идут, бегут гурьбой,
неся в портфелях книжки,
По улицам прямым
и горною тропой,
Беспечно-веселы,
девчонки и мальчишки,
Забыв про страшный век,
Про этот рок слепой.

Вдруг рядом ухнет взрыв...
Вчерашний забияка,
худющ и большеглаз,
Шиит или суннит,
Весёлый, разбитной
мальчишка из Ирака
Останется лежать –
Убит...
Убит...
Убит...

Но детство озорно,
но детство так беспечно,
Что тянет малышню
смеяться и играть.
Весёлою гурьбой
бегут под небом млечным,
Чтоб вслед смотрел отец,
Чтоб улыбалась мать...

Но тут опять разрыв...
Качается планета.
И рухнув головой
на злую серость плит,
Мальчонка замолчал...
В живых мальчонки нету...
Из Сирии пацан
Убит...
Убит...
Убит...

О, как кричала мать!
Но толку в этом крике,
когда заткнули слух
Обамы всех времён...

И материнский крик,
беде равновеликий,
Лишь в прорези небес
Бедою вознесён.

А значит, снова взрыв...
От горя гнутся спины.
Почти звериный вой
над кладбищем стоит.
Двенадцати годков
пацан из Украины
Наёмником шальным
Убит...
Убит...
Убит...

О, женские глаза –
Мне им ответить нечем...
В них отсветы смертей
неправедных времён.
О, двадцать первый век!
И к власти рвётся нечисть,
Своих детей спеша
Отправить за кордон...

РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

Не веривший ни лжи, ни подленьким посулам,
Божественной строки великий пилигрим,
Воистину не зря ты назван был Расулом*,
Как Лермонтов – велик, как Пушкин – уязвим.

Огромный шар земной прижав к сердечной ране,
Умел не замечать своих сердечных ран.
Весь мир с твоей строкой узнал о Дагестане,
Промолви вслух «Расул», услышишь – «Дагестан».

Вся жизнь твоя была не прожита – пропета,
Когда полёт мечты превыше всех невзгод.
Народ боготворил народного поэта,
А если есть поэт, то, значит, есть народ!

Душа тогда душа, коль песня в ней клокочет,
И лишь пройдя огонь, кинжалом стал металл.
Вот путник... У него искрящиеся очи –
Наверное, твою он строчку прошептал.

Ты Родине служил «во славу» и «во имя».
Поэту лишь одно неведомо – покой.
И чудятся птенцы мне песнями твоими,
И чудится цветок расуловой строкой...

* Расул (с араб.) – посланный Богом.

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

По отцовской земле столько вёрст безустанно протопав,
В суете серых будней поняв, как страшна суета,
Я заметил не раз – много было великих потопов,
Смыло целые страны, но так же стоит Карата.

Научился дружить... И мой самый надёжный товарищ,
Стоя вместе со мною у древних кладбищенских плит,
Удивлённо изрёк: «Столько было великих пожарищ,
А твоя Карата, молодея, в огне не горит!»

Знаю, много аулов исчезло и горных селений:
То война, то пожары, то скалы трясутся – беда!
Но на отчей земле будто не было землетрясений,
И, Всевышним хранимая, гордо стоит Карата.

И когда засыхали поля и не знали соседи,
Чем кормить в лютый голод своих разнесчастных детей,
В Карате находилась хоть горстка какой-нибудь снеди,
И беда отступала в безудержной злобе своей.

Отчего ж так ведётся, что вечно здесь всё – честь по чести,
Что здесь дышится вольно и хочется снова вздохнуть?
Каждый мыслит своё... Но давайте подумаем вместе,
Если думают вместе, скорей проясняется суть!

Может быть, потому, что все люди – из разного теста,
И когда для гнездовой себе выбирали места,
Побродив по земле, предки выбрали райское место,
Каратою назвали... Не в этом ли есть правота?

Ну а если враги к Карате приближались со злобой
И бряцали оружием... Помня про горскую честь,
Поднимались мужчины:
«Травинку здесь тронуть попробуй!..»
Как один поднимались... Секрет, может, в этом и есть?

А красавицы наши?! – Нет женщин нежней и вернее,
Что очаг сохраняли со скорбною складкой у рта.
Пусть заботы сгибали их хрупкие плечи и шеи,
Только пламя не гасло... А в этом и есть правота!

Каратинский язык, на обычаи предков помножен,
Пронесли сквозь века, а в нём слово высокое «Честь!»,
Нам родимое слово в беде и в удаче поможет,
Только помни его... А секрет, может, в этом и есть?

Все три тысячи лет каратинцы характер ковали
И не знали позора... И в Лету струилась вода...
Старики, уходя, молодым свою честь завещали –
Так идёт сквозь столетья... А в этом и есть правота!

Снова ветер шумит... Снова звёзды гуляют по крышам.
Снова аист приносит в селенье счастливую весть.
Так давайте же мы и потомкам об этом напишем –
Больше нету секретов, лишь память и Родина есть!

Поэзия

Евгений Юшин

**Редакция журнала сердечно поздравляет Евгения Юшина с юбилеем!
От всей души благодарим за огромный вклад в литературу России,
за неиссякаемое творчество! Оставайтесь таким же
замечательным, неповторимым и обаятельным!
Новых книг и новых читателей!**

Евгений Юшин родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужски. Школу и пединститут (историко-филологический факультет) окончил в Улан-Удэ.

С 1978 года работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников города Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешёл на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2014 год. Стихи Е. Юшина широко публиковались в центральных изданиях, транслировались по радио и телевидению, переведены на болгарский, немецкий, французский, сербский, азербайджанский языки. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России.

РЮКЗАК

Лет двадцать ещё поцарапать планету
Примятым литым каблуком,
А там уж отправиться к горнему свету
С потёртым своим рюкзаком.

В нём сложены зори, и песни, и радость,
Любовь и потери мои,
И всё, что по яростной жизни досталось:
Бураны, луга, соловьи.

Но в нём и грехи. Тяжела моя ноша...
За то ли, что в детстве грачонка я спас,
Мне светит в пути родниковая роща
И бабушкин иконостас.

И мама печёт «жаворонков» весенних.
Отец – ордена на пиджак.
Скребётся мышонок под ворохом сена,
Скрипит под сосною лешак.

Брусничные угли – у края болота.
Заря – костерком по реке.
И всё, что копил я от года до года, –
В потёртом моём рюкзаке.

Сгорает в руке у отца папираса,
Как думы о счастье земном.
Хлопочут скворцы, и трепещут стрекозы,
И сливы запахла вином.

И молится поле моё Куликово,
И молится Бородино
О всех, кто сберёг наше русское слово,
О каждом, ушедшем давно.

Гуляй! Под звездою ничто не возвратно!
Я тоже однажды уйду.
Ложатся заката родимые пятна
На вешние вишни в саду.

Былинка дрожит на ветру – затухает.
Лодчонка скользит по реке.
А прошлое кается, любит и тает
В потёртом моём рюкзаке.

* * *

Нас меняют годы и невзгоды,
Но с тобой останутся всегда
Облаков пыхтящих пароходы,
Что плывут неведомо куда.

Навсегда с тобой родные лица.
Острый месяц – брошкой на сосне.
И когда леса роняют листья,
То шумит их память о весне.

На луга ещё слетают песни
Из дымком подёрнутых садов.

Но осенней, схолодавшей весью
Не сдержат стремительных ветров.

И теперь уже почти без грусти,
О весне припомнив, о тепле,
Я смотрю, как улетают гуси.
Не впервые это на земле.

* * *

Сергею Щербакову

Листья слетают с деревьев – свобода, свобода!!!
Остановилась... Покоя желает природа.

Оторопели, свиваются жёлтые листья,
Рыжим хвостом заматают дорогу по-лиси.

Смотрит старуха. Глаза голубы, словно вёсны.
Чавкает под сапогами удрёмная осень.

Заговорила старуха: – Я всё уж видала.
Было и больно, и сладко, а всё-то мне мало.
– Хочешь пожить?
– А и как не хотеть-то? Весёло!
Эко скуласта картошка, укропны рассолы!

– Будет зима. Как прожить-то тебе в одиночку?
– В печке урчит огонёк, что мой котик в носочках.

Я напеку пирогов – по соседям, по дали...
Там и весна уж, а с солнышком – нету печали.

Так вот иду, и в пыли под стопою моею –
Скифский кафтан и потёртый колчан Челубея,

Ржавый палаш бородинского дымного ада
И черепа уцелевших домов Сталинграда.

– Ну и куда ты идёшь по разбитой дороге?
– К Богу иду я, покуда шевелятся ноги.

УРАГАН

Кусты – в узлы! Вонзает ливень пули
В берёзу, в крышу, хлещет по двери!
Во тьме шныряют молнии-ходули.
Стихия!!! Ничего не говори!

Молчи, ничтожный! Ты ещё не знаешь,
Гордынею объятый человек,
Что эти ураганы ты рождаешь,
Враждой и злобой засевая век.

Вот отчего природы потрясенье!
Кардиограммы молний – знак суда.
Молись, несчастный, о своём спасенье.
Господь – простит. Природа – никогда.

* * *

Очень медленно надо идти,
Чтоб увидеть живущее рядом.
Дремлет шмель у цветка на груди,
Строят дом муравьи у ограды.

Если вдруг побежишь –
промелькнут
Очи милой и яблоки сада.
Мимо сердца дожди упадут,
Мимо сердца – любовь и утраты.

И ничто не затеплит груди:
Мамин взгляд, журавли над отчизной,
Друг желанный, погост на пути...
Словно ты и не встретился с жизнью.

* * *

В Новый год иду неторопливо.
Поклонюсь божнице, прошепчу,
Чтобы все родные были живы,
Ничего иного не хочу.

Разве б только донеслись до слуха
Песни вёсел по речной волне,
Разве б только, чтобы внук Илюха
Помогал скворечник ладить мне.

Чтоб травинку гусочка щипала
Неторопко около ворот,
Чтобы внучка куклу одевала,
Пела так, как мама ей поёт.

Просто всё, когда без потрясений.
С Богом в сердце так идти, идти
По весенней тропке, по осенней,
По снегами сбитому пути.

* * *

Смотрю на реку, как в окошко –
Берёзы в ней и облака.
Растянет ветер волн гармошку
И всё сотрёт наверняка.

Всё переменчиво, всё скоро.
Наземный век людской, как миг.
Вот солнце прилегло на горы,
А вот и кануло за них.

И потому ценю мгновенье:
На глади волн – листок луны,
Любимой шёпот откровенный,
В бородке моха – валуны,

Ручья серебряные трели,
По большаку спешащий МАЗ...
Заря припала на колени
И смертно молится о нас.

НА ПОКРОВ

Бор певучий, бор колючий,
Снега раннего посол.
Но светло в ночи дремучей
От мерцанья дальних сёл.

Ветер голосом утробным
Дышит в трубы – снега свист.
Разворачивает рёбра
У гармошки гармонист.

«Покрова! – поёт хрипато. –
Выйди, милка, обними!
Мы и пряником богаты,
И богатые плетью.

Как глаза твои голубы!
У меня душа – в разбой.
Постели медвежью шубу
Полюбится нам с тобой!

Пьёт просторы ветер дикий.
Осветила сердце Русь!
Я умоюсь земляникой,
А метелью оботрусь.

Мне по сердцу наша местность
В золочёном блеске зим.
По дороге скачет месяц –
Волки гонятся за ним.

От полей простором веет,
Дышат снедь погребца.
У меня, что крест на шее, –
Деревянная изба».

Гармонист о кнопки точит
Пальцы грубые – а-ха! –
И гармонь горит, клокочет –
Задыхаются меха.

ГODOVЫЕ КОЛЬЦА

Я колю дрова – не поддаются.
Жила к жиле – скрученная прядь.
Вот присяду малость раздохнуться,
Годовые кольца посчитать.

Круг – потоньше, а другой – потолще,
А в ином – дожди и холода.
Это значит, у деревьев тоже
Разные сбываются года.

На ветру просушатся поленья,
Наберут последний солнца свет.
Вот и я стал крайним поколеньем:
Ни отца, ни мамы больше нет.

С думами о всех моих утратах
Брошу в печь полено, вздёрну бровь.
Ярко полетит огонь крылатый,
Запоёт про первую любовь.

И ему невольно подпевая,
Загрущу о юности всерьёз.
Изумрудным, захолустным маем
Бьются в небо родники берёз.

И гудят поленья, тянут выи.
Огонёк играет гребешком.
Догорают кольца годовые
Петушиным трепетным пушком.

Гляну в угол. Строгие иконы
Безотрывно смотрят на меня.
И поёт огонь, гудит и стонет,
Как гудит и стонет кровь моя.

Людмила Свирская

Людмила Александровна Шабанова (Людмила Свирская) родилась в 1976 году в Алма-Ате (Казахстан). После окончания школы переехала в Барнаул (Алтайский край), где училась (1990–1995) в Алтайском государственном университете, на факультете филологии и журналистики. В 1999 году переехала в Чехию. Первая книжка вышла в Барнауле в 1995 году в серии «Авторский альманах Август». Автор семи поэтических сборников: «Дамское седло» (1995), «Без четверти век» (1998), «Пражские стихи» (2001), «Конец весны – начало лета» (2003), «Между снегом и дождём» (2005), «Когда-то Обь, а ныне – Влтава» (2008), «Опоздавший Дон-Кихот» (2015) – последние пять вышли в Чехии. Публикации в альманахах и журналах: «Алтай», «Барнаул», «Сибирские огни», «Московский литератор», «Волга – 21 век» (Саратов), «Новая волна» (Санкт-Петербург), «Настоящее время» (Рига), «Простор» (Алматы), «Рюкзак» (Минск), «ЛитЭра» (Москва), «Южное сияние» (Одесса), «Литературная среда» (Томск), «Русское слово» и «Пражский Парнас»

(Прага), «Венский литератор» (Вена), «Европейская словесность» (Кёльн), «Под небом единым» (Хельсинки), «Эмигрантская лира» (Брюссель). Призёр фестиваля «Эмигрантская лира» (2009). Финалист конкурсов «ИнтеРеальность», «Русский стиль», «Славянская Лира» (2017).

* * *

Бывает так: в ладони целый мир,
Триумф надежды и любви премьеры...
Изнашивайте молодость до дыр,
Чтоб не пылилась в хламе шифоньера!

И день и ночь – на все сто пятьдесят!
Успеть, найти, понять, узнать, влюбиться...
А зрелость, старость – важные – висят,
Чтоб с вешалок на плечи опуститься...

Устроим счастья бесконечный пир
И будем спорить, петь и целоваться!
...Изнашивайте молодость до дыр,
Чтоб с ней не страшно было расставаться.

МАЛИНОВЫЙ СВИТЕР

Теперь мне по ночам так горько спится:
Потрескивает сердце, как свеча...
Молитвы шепчут тоненькие спицы,
Серебряными клювами стуча.

Нет бабушки давно. Но кто-то вяжет
Мне свитер, повторяя: «раз» и «два»...
И тянется малиновая пряжа
Со дна души, которая – права...

К чему e-mail и номер телефона,
Коль здесь любовь, в моих руках уже?..
И музыка малинового звона
Не затихает в дремлющей душе.

КОЛОКОЛА

Когда печаль, божественно-светла,
Глухой тоской становится упрямо,
Иду я с сыном «на колокола»
К подножию стареющего храма.

И на краю испытанной весны,
Под небом – ослепительно-бессонным,
Впадаю в продолжение тишины,
Паря над Прагой колокольным звоном.

Мы оба замираем не дыша:
От изумленья – сын, а я – от боли...
Во все колокола звонит душа,
Надеясь, что услышат... поневоле.

* * *

Я успела в последний вагон,
Задыхаясь, стою на подножке.
Позади расставания звон,
Поцелуев прилипшие крошки.

Я в последнем вагоне! Жива,
Переведшая дух с облегченьем...
Дрогнув, тронулся поезд едва,
А куда – не имеет значенья.

* * *

С каждым годом весна –
Всё родней, ощутимей, понятней.
И всё чаще зима –
Как мотив в заколдованном сне...
Выпускаю стихи
Я из старой своей голубятни,
Хоть и знаю, что им
Никогда не вернуться ко мне.

Выпускаю стихи –
Навсегда прирученные мною:
Как клевали с руки!
Как ласкались, садясь на плечо!
Что возьмёшь с них? Увы...
Даже птицы в ковчеге у Ноя
Тосковали и бились
И к небу рвались горячо.

Ощутимей тепло.
Осязаемей с выдохом каждым.
Ощутимей любовь –
Многоточием. Не запятой.
Что же будет со мной,
Коль весна не наступит однажды,
И, продрогнув, приду
Я к своей голубятне пустой?

* * *

Август жизни. Катиться к прозе
Моим дрожкам из чаши рифм –
Это первый намёк на осень...
Нерешаемый логарифм,
Подвернувшийся на дороге,
Возведённый в миллионы крат
Основаньем моей тревоги –
Показатель моих утрат.

Август жизни. Всего лишь август:
Надышаться, напеться – всласть!
И горячий от солнца пандус,
Чтобы к осени – прямо в пасть,
Чтобы жёлтые листья прели
Под моею ступнёй босой...
Ведь щедрее сентябрь – апреля:
Между инеем и росой.

* * *

У меня здесь – ни дома, ни храма, ни отчества.
Видно, я в своих прошлых грехах недокаялась.
Но навеки с тобою – моё одиночество,
И навеки со мною – твоя неприкаянность.

Наши души причудливо вогнуто-выпуклы,
Так пришлись друг ко другу, что даже не верится...
Я б из этой любви обязательно выплыла,
Зацепившись серьгой за прохожее деревце...

Но зачем без тебя эта жизнь сухопутная?
Чтоб прослыть симметричною, равностороннею?
Ртом хватаю я счастье своё... беспробудное,
Что на доньшке сердца навек похоронено...

* * *

Мужчин не соблазняла, не курила,
Пила – на праздник рюмочку вина...
Я безупречна, как конспект зубрили,
И, значит, неминуемо скучна.

Я в двадцать три ноль-ноль – уже ни звука:
В судьбе порядок. Сердце под замком.
Чуть-чуть сутула, сильно близорука,
С двумя детьми и тощим кошельком.

Жизнь, в общем, состоялась. Получилась.
Всё как у всех: работа и семья...
В какую щель ты всё же просочилась,
Любовь неугомонная моя?

Откуда налетела ураганом?
Мир тих был и безветрен до сих пор...
Как будто я всю жизнь играла гаммы –
А тут вдруг – Баха. Фугу ре-минор.

* * *

Боишься, что с судьбой уже не справимся?
Твердишь, что я всё время не права?..
Давай с тобой в Венецию отправимся,
Пока у нас любовь ещё жива.

Каналы упоительно-печальные,
Как жест прощанья, грустный взмах весла...
Потерянная тувелька хрустальная
Ещё одной гондолой уплыла...

Вдали Сан-Марко – площадь голубиная...
Как в детстве, птицам хлеба накроши,
И слово подзабытое – «любимая» –
Метнётся, словно голубь, из души.

Чтоб руки без объятий не истаяли,
Цепляясь за любовь едва-едва,
Бросай дела! Поехали в Италию,
Пока ещё Венеция жива!

ВОКЗАЛ

*Памяти
Людмилы Гурченко*

И этот ушёл. И платформа навеки пуста.
Навеки? Да нет! На мгновенье!
(А я без билета...)

По руслам сверкающих рельсов текут поезда,
Как многая лета. Вернее, как многие Леты.

Текут поезда и увозят с собою мечту,
Которую в сердце почти не удержишь отныне...
Едва ли уже я Рембо по-французски прочту
И вряд ли сыграю на скрипке
концерт Паганини.

В какой же состав режиссёр моё имя вписал?
Ещё один поезд уходит тягучим *andante*...
И ладно! И пусть! У меня остаётся вокзал,
Рембо, и любовь, и надежда,
и пропасть таланта...

Живу, как могу. И не ставьте мне это в вину.
В набате судьбы я расслышала
колокол главный...
А вот мой экспресс. Я с подножки рукою махну
Вокзалу, что с места – мне кажется –
тронулся плавно.

* * *

Я просто дочка и сестра.
Меня там холят и лелеют
И так отчаянно жалеют
За всё: за ливень до утра,
За недопитое вино
И кучу фантиков конфетных:
Мол, в ваших даях заповедных
Ни съесть, ни выпить – всё равно.

Да, горше пирога с тоской
Заморских сладостей замазка...
И огурцов сибирских сказка
Хрустит на сердце день-деньской!

Я просто дочка и сестра:
Меня там холят и лелеют.
И кудри облаков белеют
В пылу рассветного костра...
(Я улетала в шесть утра...)
(Россия – Чехия)

СЕРАЯ ШЕЙКА

На юг улетела крикливая стая моя,
А мне с перебитым крылом зимовать одиноко.
Всё уже, страшней и тоскливей в пруду полынья,
И старый охотник случайно увидит в бинокль,
Как я, чтоб не дать ей замёрзнуть, туда и сюда
Нырять без устали, словно в игрушечной луже...

Лиса каждый день прибегает на берег пруда
И чутко топорщит свои треугольные уши.
Всю зиму мне кажется, будто судьба – не моя,
А я проживаю чужую в угоду кому-то...
Всё уже, страшней и тоскливей
в пруду полынья...
Глядишь – и затянется намертво через минуту.

БЕТХОВЕН

Пыль с мёртвого рояля деловито
Сметает фрау Мюллер день за днём.
Как он звучал, рояль мой! *Dolce vita!*
Моё ль остановилось сердце в нём?

Не морщась от щелчков и зуботычин,
Я накрепко, до хруста, сжал кулак:
Угрюм и одинок. Косноязычен.
И по губам читаю кое-как.

Клубок судьбы давно уже размотан,
Уплачен долг ещё одной весне.
Проросшими фасолинами ноты
Разбухли в абсолютной тишине –
Заношенной, затянутой, затёртой...

И если с губ срывается упрёк,
Теснятся пирамидами аккорды
На чёрном небе вдоль и поперёк.

А впереди – бемоль, как белый парус.
Квартет “*d-moll*”. Душа идёт ко дну...
Я вытяну всю музыку из пауз
И до последней ноты вам верну.

Поэзия

Виталий Даренский

Виталий Юрьевич Даренский родился в Луганске. Член Союза писателей России, доктор философских наук. С 1999 года преподаёт в университетах Луганска, в 2017-м – в Дальневосточном федеральном университете. Первый сборник стихотворений «Тропа у обрыва» вышел в 1999 году. Автор поэтического сборника «Притяжение неба» (Владивосток, 2017; Москва, 2019, 2-е изд.), монографии «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века» (СПб.: Алетейя, 2017). Публиковался в журналах «Подъём», «Москва», «Грани», «Родная Ладога», «Дон», «Голос эпохи», «Александръ». Лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва».

ВДОХНОВЕНИЕ

Неуловимые слова
В уме проносятся, как ветер, –
Душа волнуется едва,
Задумчива, как зимний вечер.

Внезапно озарённый смысл
В слова слагается украдкой, –
Как туча грозная, повис
Над этой маленькой тетрадкой.

И грянет стих, как летний гром,
Прольётся животворным ливнем –
Слова стоят, как прочным дом,
И отзовутся эхом дивным.

И где-то вспомнится потом
Через года – как сон, как ветер –
Этот чужой случайный дом,
И этот стих, и этот вечер.

Когда дорога далека,
В душе тоска, судьба случайна –
Непритязательна, легка
Струится тихая строка
И начинается жизнь сначала.

* * *

Бессилье слов – изысканная мука!
Как описать тот придорожный куст
Или как то, что мы зовём «разлука»,
Когда бокал души так ядовито-пуст?

Куст – это мир, им создано пространство,
В нём течёт время по своим часам,
Цветение, плоды и их непостоянство –
Вселенная, которую он создал сам.

Бессилье слов – счастливый дар поэта:
Осознавая сердца немоту,
Он лишь меняет направленья света,
Чтобы увидеть в сложном простоту.

* * *

Ночь. Стоит тишина неземная,
И по комнате ходят коты.
Сплю ли я, или лишь вспоминаю
Моей жизни ушедшей черты?

И покажется вдруг на мгновенье –
Так уверенно, точно, всерьёз –
Эта жизнь лишь была сновиденье,
Лишь мечта, наваждение грёз.

А в чём разница? Было – и нету,
Каждый миг мы рождаемся вновь.
Жизнь – как сон. Но возносятся к свету
Жизни вечной душа и любовь.

* * *

Сверкает весеннее солнце
Сквозь мартовский поздний мороз,
Пронзает лучами оконце,
Всё мокрое, словно от слёз.

Вот так же холодную душу
Лучами пронзит благодать
И злые оковы разрушит,
В которых ей трудно дышать.

Она, приобщённая к свету,
Но так возлюбившая тьму...
Всё в прошлом! И Светом согрета,
Душа вознесётся к нему.

ВИДЕНИЕ

В вечернем сумраке больницы,
Где видел смерть накоротке,
Привидятся родные лица
В своём нездешнем далеке.

Но не зовут они, безмолвны,
А только смотрят в тишине,
Тепла невидимого волны
Опять идут от них ко мне.

И в эти краткие мгновенья
Почувствуешь – границы нет:
Где эти горние селенья,
А где земной наш, здешний свет?

Мы словно где-то заблудились
И не найдём друг друга вновь –
Как будто сумерки сгустились
И в них потеряна любовь.

Бродим во тьме, ища друг друга,
То будто рядом, то вдали –
Но вы, смотрящие оттуда,
Меня от смерти вновь спасли.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 1

Благо тебе, если в совете
Дел грешных ты не обсуждал,
Не шёл путями зла по свету,
Других в грехи не вовлекал.

В законе Божьем свою волю
Ты воспитал, учась всегда;
Душа твоя – живое древо
У родника, в плодах труда.

Нетленные плоды святые
Да умножат твои дела!
Увы, не так живут другие,
И ветер прах их разметал...

И в день последний Воскресенья
Ты не пойдёшь на Страшный Суд.
А тех, несчастных, из забвенья
На суд и горе поведут.

Путь праведных велик у Бога.
Путь грешных – страшная дорога.

ГОМЕР

Поёт гекзаметр – шум волны,
В ритме строки звучит прибой,
Плывут слова морской волной,
Виденьем неземным полны.
Полны суровой простотой
Летят над нашей суетой,
Гости из сказочных времён –
Видения священных снов
В дыханье этих древних слов.
В туманном зареве времён
Мы видим наш далёкий путь,
В котором радостная жуть,
Который был пройден и для нас:
Как многомудрый Одиссей,
Плывёт душа над жизнью сей
И встретит смерть урочный час.

ОКТЯБРЬ

Нет в мире большей тишины,
Как в эту пору листопада –
Как будто воплотились сны,
И ничего уже не надо.

Стоят деревья, как во сне,
Как облако, как наважденье,
И отражаются во мне,
Словно забытое виденье.

Как дымка, жёлтая листва
Мир снова сделала чудесным,
И шелест мокрого куста
Струится в сердце, словно песня.

Что сердцу в этой желтизне?
Зачем от счастья обмирает?
Мир в жёлтой дымке, как во сне,
Блаженно, тихо засыпает.

Скоро замёрзнет он в снегах,
Потом придёт весна и лето,
Но целый год я буду ждать
Опять октябрь – блаженство это.

Поэзия

Владимир Подлuzский

Владимир Всеволодович Подлuzский родился 5 июня 1953 года в селе Рохманово Брянской области. С отличием окончил Санкт-Петербургский государственный университет, Академию государственной службы и управления при Президенте РФ, Брянский сельскохозяйственный институт. Поэт и публицист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. За роман в стихах «Тарас и Прасковья» удостоен звания Лауреата Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества». Печатался в журналах: «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Юность», «Берега», «Родная Ладога», «Подъём», «Александръ», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Днепр», «Новая Немига литературная», «Десна», «Глаголь», в «Литературной России», «Дне литературы», «Российском писателе» и в других изданиях. Его подборки вошли в «Антологию русской поэзии. Век XXI» и в «Антологию военной поэзии», «День поэзии». Живёт в Сыктывкаре.

Стародубская пророчица

Поэма

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тепло из оранжевой дежки
Ползёт, превращаясь в хлеба
Озимой зелёной замешки,
Которую ждёт молотьба.
За мной стародубские улки,
Старинной России ключи.
Хоромы, как белые булки
И красные, как калачи.
Врастают в замочек озёрный
И в свадебный парка замок.
Закрытый на слог непокорный,
Стоит на дубах городок.
Гуляет в неведомом веке,
Где горлинка вместо часов
Своим воркованьем сусеки
Времени заперла на засов.
Сиянье церковей и пророков,
Чья неоспоримая власть,
От самых корней и истоков
До крон голубых разлилась.
В канун Вознесенья Господня
Молился тут царь Александр.
И архимандрит, как угодник,
Из прошлого смотрит на чад.
Намедни, в день грозной охоты

Ильи на зловещих врагов,
Служил для крылатой пехоты
Обедню отец Куликов.
.....
Гадает здесь дед на планету
И прокликает солох,
Что ступу вдруг на лисапету
Сменили под переполох.
Аж в Киеве начался шабаш
Сородичей их в декабре.
А ныне собираются замуж
За чёрта на Лысой горе.
.....
Сюда забредали поляки,
Тут шведы ложились костью.
И с Фаустом шли забияки,
Не зная, что с Фёдором мы.
Что лучше им в день Стратилата
В колодцы Руси не плевать.
Коль каждая здешняя хата,
Из брёвен сложенная рать.
Плетень здесь отважный опричник,
Покрытый глазурным горшком.
Фигурный кленовый наличник
Вражине грозит кулаком.
Тут разные бродят идеи,
У каждой родной диалект.

И носят кресты иудеи
 На всякий удобный момент.
 Сюда брёл с товаром Чернигов,
 Бил Киев старшинам челом.
 Торговлю России град двигал
 На Запад, порой напролом.

 Древнейшее всё, и не надо
 Бояться себя и людей.
 Язычество тоже ограда
 Церквей и весёлых затей.
 В нём нрава добро не иссякло,
 Помельче не стала душа.
 И правильно б было, двояко
 На всё поглядеть не спеша.
 К попам утекают обряды
 Из майских берёзовых рощ.
 В церковные требы-цитаты,
 По-русски звучащие сплошь.

 Сто лет украинскую степу
 Мир мерял на здешний аршин.
 Ведь гетман, сменивший Мазепу,
 Был из стародубских старшин.
 Сюда убежали из Сечи
 И в Сечь отправлялись отсель.
 Смешались тут речи и плечи
 И соки славянских земель.
 Молодки одеты по-бабьи,
 Над городом солнца венки.
 И рынок стихийный, как табор,
 От сглаза вкушает чеснок.
 А мимо проносятся фуры
 Со здешним зерном для сябров.
 И буквицы, как партитуры,
 Симфонии русских хлебов.
 Во всём поединок сердешный
 Язычников и христиан.
 Коль самый бессмертный и грешный,
 Российский мужик, а не пан.
 На улицах «Слова» потомки;
 Бывал тут князь Игорь и Пётр.
 Уже никакие ермолки
 Не скроют двухвратный киот.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Цепляя тенетник, во вторник,
 Судьбой нам отпущенный день,
 Мы к родичке едем, и дворник
 Спит после дождливых недель.
 Бегут, обгоняя пригорки,
 Румяные клочья дубрав.

И аисты ищут иголки
 В стогах засыпающих трав.
 На гусли похожие веси,
 Звон струн и цветных проводов.
 Помазано жиром Полесье
 Гусиным в канун холодов.
 У самой окраины смерчи,
 Без бород пока, малыши.
 От куц Суража и Унечи
 Мы катим наш камень с души.
 Дымится дорога-рокада,
 Леса, будто замерший фронт.
 Я чувствую, как будет рада
 Сестра от своих же щедрот.
 Давно приглашала, волнуясь;
 Я всё же двоюродный брат.
 У каждого вещая юность
 Кормила растущий талант.
 Мне муза приснилась, а деве
 Мудрец, зарифмованный в нимб.
 Мы поняли сразу, что делать
 В то время гнилое, как гриб.
 Да Господу слава, грибница
 Ждала пробужденья в листве.
 Лишь стоило ей помолиться
 О новом святом Рождестве.
 Осталось волшебное чувство,
 Что ей был знаком тот старик.
 Вдруг вспомнила Оптину Пустынь
 И с белой бородкою лик.
 Потомок церковных фамилий,
 Она там дрожала как лань.
 И на руку старец ей Илий
 Тепло возлагал свою длань.
 К ней ангелы вскоре прислали
 Болезненного земляка.
 С избранницей вместе читали
 Акафист, чтоб наверняка
 Встал вместе с Россией и в славу,
 С небес снизошедшую вдруг,
 Поверил, как будто в Варавву,
 Простой арамейский пастух.
 А ей образины и лики
 Привидились там, на тропе,
 Где вещая баба в тунике
 Рыдала в голгофской толпе.
 Да кто же она и откуда –
 Из Библии или баллад –
 Наперсница высшего чуда
 Из славной плеяды Кассандр.
 Все ищут заветное имя,
 Как в Книге какой перемен.
 Его обозначу простыми

Латинскими знаками N...
 Нет даже приличного сайта,
 Зачем – вся Россия портал.
 И каждый по мере таланта
 На небе хоть раз побывал.
 Вчерашняя алгебраичка;
 Задачки на игрек и икс.
 Пока что не тройка, а бричка
 Несётся то ль вверх, то ли вниз.
 Вон чуточку не обернулась
 Меж порванных русских страниц.
 Где речка до Киева вздулась
 И ждёт крови рыжих телиц.
 Библейская жертва-корова
 Не только еврейский кумир.
 Моё пограничное слово
 Услышит ещё Русский Мир.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гай вдоль Украины, дорога,
 В штакетниках синих село.
 Сестрица, заложница слога,
 Заране всё знает зело.
 Гостей обнимает натужно,
 Вся сила ушла в естество.
 Я думаю, мудрым не нужно
 Стих долгий читать про родство.
 К нам из оцифрованной клетки
 На плечи слетает: «Ку-ку»!
 Пускай посудачат соседки,
 Сжигая в ладонях клюку.
 На грудь я кудесницы нашей
 Склоняю свою седину.
 Когда-то с ней пшённою кашей
 Кормили мы душу одну.
 Да что я про прошлые сыты,
 Стол ломится ныне от яств.
 У самой границы событий,
 Заветная встреча сбылась.
 Лишь сладкие льются названья
 Из горьких хозяйкиных уст.
 Коль русские цену свиданья
 Всегда ощущают на вкус.
 Мой зять громоздится от чарки
 Подальше, мужик за рулём.
 Унюхают тут же овчарки
 Двух родин, чем пахнет приём.
 Хозяйка – простая вещунья,
 Бог знает – чей слушает зов.
 Что видит она в полнолуны
 Меж ангелов белых и сов.

Хотя я сомнеюм измучен
 В канун Рождества в январе.
 Никто до конца не изучен
 На этой проклятой земле.
 Сколь всяких налогов и пошлин
 Взимает и царь, и дьячок.
 Чтоб сахар почуять горошин,
 Солёный лушу я стручок.
 Не надо взамен мне ни денег,
 Ни всяких почётных чинов.
 Ведь рамкой сумел академик
 Прощупать меня до основ.
 Назвал био сотые доли
 Полковник из супер НИИ.
 Услышал потайные боли
 И жалкие думы мои.
 Я счёл бы осмотр балаганом,
 Коль мэтр не служил бы врачом
 В отряде, где славой Гагарин
 Сравнялся с вторым Ильичом.
 Немало имел оснований
 Икаров любить тот Дедал.
 Увы, и под лаврами званий
 От знаний он страшных страдал.
 Мыслители тоже букашки
 С упрямой гордыней своей.
 На даче его барабашки
 Визжали, как стадо свиней.
 Пока на Алтае у ламы
 Учился летать без крыла.
 По чёрным законам рекламы
 Там буйная нечисть жила.
 Наука совсем не наука,
 История – сказка и ложь.
 С того человечество скука
 Бросает в оккультную дрожь.
 Я видел подвыпивших бабок
 И трезвых, как стёклышко дня.
 Сколь всяких болячек и скабок,
 Они извлекли из меня.
 Доселе невиданным слогом,
 Что вводит как будто бы в транс.
 Насколько рифмуется с Богом
 В народе бытующий глас.
 Гнездятся святые кордоны,
 И каждый из нас Маковой.
 Мы разных калибров патроны
 В подсумках общин и церквей.
 Наш час лобызаний стораёт
 Быстрее, чем зятев бензин.
 Всё чаще звонок заставляет
 Сестру жать на жёсткий режим.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Народ к ней съезжается всякий;
 В мундирах, куфайках, джинсе.
 Срывающий розы и маки,
 В базарном крутятся колесе.
 Нагрянут случайные охи,
 Никак не скрываемый стон.
 Являются местные боги,
 С трудом вспоминая канон.
 Везут на коляске подростка,
 Не кровь, а сплошной промедол.
 Пацан чрез минут девяносто
 Забить уж старается гол.
 А бывший бездетный водила,
 Кого половина вконец
 Упрёками ночь изводила,
 Теперь и супруг, и отец.
 Ещё он шофёр добровольный
 Лекарихи, должный по гроб.
 Над ним на селе толоконный
 Лишь может потешиться лоб.
 То в церковь, а то и в больницу
 Доставить соседку готов.
 Кто ловит чужую Жар-птицу,
 Тот сам-то потом не здоров.
 Вбирая наветы и хвори,
 Спасая от слов и косы.
 Он знает, проклятия воры
 Уж шепчут в платки и усы.
 Стоит перед солнцем босая,
 Сникает пред полной луной.
 Пока что обходит косая,
 Хоть трётся о стену спиной.
 Все мерзости шушеры чует,
 (Был заговор даже на кровь).
 В больничной палате врачует
 Пришедших с мольбой докторов.
 Кто тут пациент, а кто лекарь,
 Сам чёрт уже не разберёт.
 Мир отдан на откуп калекам
 На тысячу жизней вперёд.
 Хотела бы чуда для сына,
 Чтоб беды сумел превозмочь.
 Жаль, знахарка напрочь бессильна
 Наследникам кровным помочь.
 Когда-то, почти как у Ванги,
 У дома с утра номера.
 С Урала приехали шанги,
 С Кавказа – вино хванчкара.
 То кольца, то ромбы, телеги,
 Подшипниковый самокат.
 Тут точно свихнулся бы Гегель
 И ногу сломал бы сам Кант.

Гадалка не глупая птица,
 Гребущая груди к себе.
 Тут главное не возгордиться
 Назло золотой голытьбе.

 Сегодня не те оболочки
 И страждущий путник не тот.
 За рабицей вянут цветочки,
 Отава желта у ворот.
 Другие плоды и пристройки,
 Веранду увил виноград.
 Ушли её Кости и Кольки
 Искать свой зарытый талант.
 От прежнего целая четверть
 Отмерена громких годков,
 Сжевавших под пьянь *Пиночета*
 Страну, будто стадо быков.
 Подобранных нам конституций
 Под диким забором европ.
 Так жалко людей и настурций,
 Увядших и загнанных в гроб.
 Пред нами священный экватор,
 Иль лучше по-русски – порог.
 Сюда заезжал губернатор
 И в дом заходил без сапог.
 Прознал – проявлялась Матрёна,
 Свечой восходил Николай.
 От слов розовела икона,
 Как самый святой каравай.
 Стоял он в молельне с супругой,
 Поймавшей счастливый свой миг,
 Измученный внутренней мукой,
 Код новой эпохи и штрих.
 С тех пор губернатор в фаворе
 У самых блестящих вершин.
 С огнём окунается в море
 Финансов, людей и машин.
 Народ, как ни странно, доволен;
 Есть польза и даже прирост.
 И угол, что предком намолен,
 Давно не спешит на погост.
 Остались сомненья в клетушке,
 С теплом изразцов и икон.
 Вы б знали, в какие игрушки
 Играет и власть, и закон.
 Уверены даже вельможи,
 Владельцы дубрав и грунтов.
 Сторожа всё ж лучше ворожи,
 Как с детских я знаю годов.
 От мамы Натальи Петровны,
 Ушедшей в иные края.
 Блюла и в гоненья церковный
 Обычай родная семья.
 Хранила тайком в шифоньере,

По местному – в жёлтом *шкапу* –
 Хоругви, по собственной вере,
 Не дав изрубить их в щепу.
 А в голод поболее комбеда
 Делилась с народом куском.
 За то, что священника деда
 Хотели сожрать целиком.
 Все эти пустые прохвосты
 С ворованным златом-тряпьем.
 Вот русские вам холокосты
 И войны все наши потом.
 Возможно, сперва трепетали,
 Но, чуя, где зиждется дух,
 Мы уж не боялись опалы
 Взбесившихся красных старух.
 Не храмом в канун оглашенный,
 Кричал, промокая, хомут,
 Висевший с печатью на шее
 И сельских ногах вместо пут.
 Пред крыл непорочных по фене,
 Вновь пьяный, *как кажут тут – в хлам.*
 Где ныне теперь те портфели,
 Столетье вредившие нам.
 Отсюда возможность сестрѣнки
 И мой поэтический дар.
 Бог бросил свои нам страховки
 Чрез весь обомлевший пожар.
 Осыпанный вволю стихами,
 Молюсь на славянский кордон
 О самом вместительном храме
 На сто миллионов персон.
 Мне родичка вряд ли поможет,
 Поэту не нужно подпор.
 Коль муза моя всё моложе,
 И вещей всё пристальней взор.
 Направо в пригорках дуброва,
 Налево дымится стерня.
 Осколки зеркальные Слова
 Впиваются чудом в меня.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Поэт современный, не Нестор,
 Перо окунаю в вирь,
 В которых замешано тесто
 Пророчеств не только сестры.
 Туда просочились грибницы,
 Как древних компьютеров связь,
 Подземной глубокой темницы
 И неба слезящихся глаз.
 Московских берѣз и окраины
 В лихих оселедцах дубрав.
 Виров не зажившие тайны

Полны панацей и отрав.
 Стекаются синие жилки
 В них прямо из Северских стран.
 Пьянящие пуще горилки
 Язычников и христиан.
 У тех и других слышу примесь
 Шипящих глотаемых слов.
 Тут унией подлой на вынос
 Литва вела торг, будь здоров.
 С тех пор с балалайкой напряга
 У вечно ослепшей кобзы.
 Бурлит буряковая брага,
 Ячмень дует пиву в усы.
 Хоть ближний хохол не католик,
 За стойкой в шинке не кацап.
 Но всё ж на Ивана, как кролик,
 Глядит с подозреньем Остап.
 Вон небо белеет от злости
 Над будто засечным жнивьем.
 И лезут с картошкой кости,
 Пылая таким же огнем.
 Ужами тут ползают меж
 Раз в век под гудящий галоп.
 То русским становится Нежин,
 То в мову вобьют Конотоп.
 Сражаются братья за гумус,
 Лоснящийся жиром глубин.
 А всё остальное лишь глупость,
 Придуманная для былин.
 Всегда выставляла нам дуло
 Украина за лакомый кус,
 Губа у соседа не дура,
 Как, впрочем, не дура и Русь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пора бы с главой в сонм пророчеств
 Нам броситься, будто в огонь.
 Пока без имѣн и без отчеств,
 На кои наложена бронь.
 Всех мистиков предупреждаю,
 Шлю бабам базарным привет.
 В поэме своей оглашаю
 Прозрения множества лет.
 Россия столетья сокрыта
 Под спудом не сказанных слов.
 Боясь превратиться в корыто
 Из пушкинских вещей стихов.
 Приблизилось важное время,
 Обещанный явлен нам вождь.
 Уж можно потайное бремя
 Сказаний пролить через дождь.
 Пускай напоятся грибницы

И тайны свои отдадут,
 Что густо у русской границы
 С годами всё более прут.
 Ведь в сказках чудесных не даром
 Волхв явлен герою как гриб.
 Природа пропитана паром
 И заговоров, и молитв.
 То сущности лишь мироздания,
 У каждой архангел в верхах.
 Страна без святого преданья,
 Избушка на курьих ногах.
 Цари и правители в курсе
 (Полковник мне сделал намёк).
 Да что говорить, коль бабуси
 И те понимают зарок.
 За Богом поэтому смело
 По скользкой дороге иду.
 Чтоб родина не овдовела
 Ещё на одну вдруг звезду.
 Сам многое видел и чуял,
 Крещённый в посёлке Бытошь.
 Порой выживающий чудом,
 Попав под патроны и нож.
 Рвал крупноячейные сети,
 Плевал я на злую золу.
 Да так, что все местные ведьмы
 Боялись вновь сесть на метлу.
 Ко мне звали бабку Киргизку,
 Лечившую мир испокон.
 Я даже вступал в переписку
 С казахской Верой Лион.
 Её мировые прогнозы
 На многих гуляют волнах.
 Боятся её мафиози
 И лысый, как чёрт, олигарх.
 Призналась, пророку под дубом
 Легко от подлузских поэм.
 Что ждёт меня под Стародубом
 Какой-то особый тотем.
 Повела мне от начала
 Весь путь мой, до... скажем, ага...
 С душевным подъёмом вещала
 Про будущие берега.
 Да в каждой газетной поездке,
 Откуда-то, только держись,
 Поэту строчила повестки
 Другая наука и жизнь.
 В эпоху духовных объедков
 Крест мой был тяжёл, как бетон.
 Лежал среди выцветших предков,
 Впечатанных в толстый картон.
 Чем больше тогда проявлялась
 Сквозь тину словес параллель.

Тем чаще душа озарялась
 Сияньем небесных земель.
 Есть чем поживиться зоилу.
 Взойдя на Владимирский тракт,
 Который ведёт не на виллу,
 А в тихие странности хат.
 За синий весёлый штaketник,
 Где на перекрёстке дилемм
 Кой год обитает советник
 Моих оглашённых поэм.
 Читатель, прости мне; всё ближе
 К тебе приближаю я суть.
 Искал её в северной Ижме,
 Взрастившей ушедшую чудь.
 На юге степном у Одессы,
 Где что ни старуха – яга.
 Служили лихие повесы
 Ей, спрятав под кепки рога.
 Был там я, где грохнул Чернобыль,
 Аж ногу России свело.
 Светил на Урале мне соболю
 Глазищами от НЛЮ.
 Печора горела от взрыва,
 Ветвась и сгибаясь, как рог
 Олений; сколь видел я дива
 На углях кюри-катастроф.
 Ну, словом все стороны света
 Хранят и беспечность, и страх.
 Русь точно сильнее Тибета
 С печатью богов на устах.
 И если неправильно буквы
 В пасьянсе разложены вирш.
 Рождаются мрачные буки,
 Иль песни про ночь и камыш.
 Чтоб рифма моя расцветала,
 По-пушкински, будто заря,
 Мне главный редактор прислала
 Вид псковского монастыря.
 Священный рождественский случай
 Добавил добра чудесам.
 Век зная, насколько измучил
 Стопу, я иду к образам.
 О чём мне просить, Вседержитель,
 Всё есть; и перо, и кусок.
 И слава тебе, что я житель
 Твоих золочёных чертог.
 Гляжу на души отпечатки,
 С узорами льда и огня.
 Боюсь, что поэма на святки,
 Посмеет прищучить меня.
 Конечно, срывается с клавиш
 Опасность уйти через чур.
 Но ты ведь давно меня знаешь,

Врага всевозможных халтур.
 С того и петляю, как заяц,
 Пред носом творений своих.
 Власть радуясь, мучаясь, каясь,
 От лёгкой иронии рифм.
 Ищу занимательный стержень
 За гулкой стеною примет.
 И чувствую небо, понеже
 Я посланный им же поэт.
 Сейчас за труднейшую тему
 Я взялся, как вол тот за гуж,
 С молитвами лезу на стену
 Меж светлых и стонущих душ.
 Прошёл и прополз испытанья,
 Где вузы лишь отдых от дум.
 Ах, знала бы мама Наталья,
 Как сын её брался за ум.
 Зачем объявлялись погони
 За ним по дерзанию бонз.
 И чёрные хищные кони
 Впрягались в страдальный обоз.
 Поэмы теперь уже проще
 Коснуться, набравшись речей,
 К ней я продирался на ощупь
 Сквозь толщу проклятых ночей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Поэзия тоже морока,
 Улаживай это и сё.
 Как хочется мне без упрёка
 Взять в руки перо как косьё.
 Коса, да не та, а живая,
 Кусает хлеба и былё.
 Останешься без каравая,
 Коль сунешься под остриё.
 Ложатся валки вдоль границы,
 Не вовремя выдалась сушь.
 Колосья отборной пшеницы,
 Как символы русские душ.
 Уходят одни урожаи,
 Другие бегут в закрома.
 Вся жизнь у границы стяжанье
 И славы твоей, и ума.
 О том много раз мы с сестрою,
 Как ныне, вели разговор.
 И часто по-русски, не скрою,
 Чуть-чуть подпускали мажор.
 – В Исландии кончились саги,
 Во Франции умер Роланд.
 А мы до морковкиных загвен
 Ещё покрасуемся, брат.
 – Скажи мне хотя бы, кто Путин,

От Бога, иль может быть, так...
 И быстро ль его мы забудем
 В пылу интервенций и драк?
 Уж больно и справа, и слева
 Распелся невысказанный хор.
 И странно молчит королева,
 Глотая парламентский вздор.
 Всё больше в России Китая,
 Всё меньше славян на крыльце.
 И тень уж царя Николая
 Мерещится в Зимнем дворце.
 Неужто великая смута
 Преступит завет – не убий.
 А ближний украинский хутор
 Купить вдруг осмелится Вий.

 – Начну с Украины, пожалуй,
 С подбритым её гребешком.
 Яна, як там кажуть, пужая
 Россию дырявым мешком. –

 Я мовы не шибкий ценитель;
 Желая народ свой сберечь,
 Решил упразднить сочинитель
 Прямую сестринскую речь.
 Отпетые украинизмы
 По-своему тож хороши.
 Но всё ж не для русской харизмы
 И образной нашей души.
 Хотя тут на оба простора
 Единых словечек и слов
 Хватает для общего хора
 И даже на общую кровь.
 Откуда ж взялась беспощадность,
 Истребованная на бис.
 Тут жалость в фаворе, там жадность,
 С того не рифмуется жизнь.
 А злая ухмылка – побачим,
 Кой в праздник богат макогон.
 А лишний на свадьбу кабанчик,
 Как лычка хохлу на погон.
 Всё ж киевское материнство
 От мата, а не *от титьки*.
 Какое быть может ехидство,
 Когда у границы полки.
 И факельщики у Бандеры,
 Касаясь огнём его лап,
 На Брянск и на Курск бэтээры
 Послать заставляют генштаб.
 А тот хладнокровно потери
 В железный забил ноутбук.
 Совсем уж глухие тетери
 Отбились от собственных рук.

Упёрлись соседи-бараны,
 На узком кленовом мосту.
 Наносят глубокие раны
 Рогами, в кошарном бреду.
 Руно одного победнее,
 До моря свисают клоки.
 И чешет Европа-Медя
 В Карпатах свои кулаки.
 Согнулись кленовые доски,
 Не трудно скопытиться в щель.
 Таскают овечки обноски
 По странам, не слыша свирель.
 Собирают вселенскую зелень
 И пастбищ родное былье.
 А искры от сшибки бьют в темень
 И падают мне на косьё.
 Сейчас бы наведаться в Лавру,
 И в «Повести временных лет»
 Увидеть грядущую славу
 И князем убитый обет.
 Возможно, предсказывал Нестор,
 Что свадьбу начнут с топора.
 И брошена будет невеста
 В пучину седого Днепра.
 Пять лет продолжается пытка,
 Добьются братаны-враги:
 Украина, как белая свитка,
 Уйдёт по частям на торги.
 На биржу к румынам и венграм
 Примчится с бумагами лях.
 Как пахнет уже прошлым снегом
 На малороссийских полях.
 К таинственной *антивечёре*
 Лопатки уйдут и филей.
 Останутся кости и череп
 С зубами гнилых кораблей.
 Мудрёный развёрнутый образ
 Похож, но не так уж и мил.
 Услышав пророческий голос,
 Я целый сюжет сочинил.
 Как долго мы будем бодаться,
 Не знаю ни я, ни сестра.
 По-прежнему в силе там Вацман
 Под маской святого Петра.
 Теперь пару слов о Китае;
 Пред ним даже Трамп мелковат.
 Катает и не обкатает
 На пошлинах пошлый контракт.
 Весь свет, как китайский болванчик,
 Смиренно глядит на Пекин:
 Что скажет на съезде докладчик

Товарищ и друг Си Цзиньпин.
 Когда-то пугали нещадно
 Востоком родную страну.
 Вещунья почти обещала
 В те годы большую войну.
 Да выдохся слух понемногу,
 Как гостем возделанный лук.
 Подобный в норе осьминогу,
 Он краски меняет и дух.
 России Китай уж не страшен,
 Хоть в силах оттяпать кусок
 Давно обихоженных пашен,
 Забредших на Дальний Восток.
 Дракон нам показывал зубы,
 И огонь на Уссури-реке.
 Теперь курит синие трубы
 И пьёт на границе сакэ.
 Причина простая, свой кормчий
 Есть ныне у древней Руси.
 Тут хочешь войны иль не хочешь,
 Пощады потом не проси.
 Подправил историю Путин,
 Великим став в ней и благим.
 Он в Киев ещё, как Вагутин,
 Войдёт под отеческий гимн.

.....
*– Поэт уже стал улыбаться,
 Не веря в реальность рассуд.
 Послушай-ка, милый мой братец,
 Меня ещё десять минут.*

Ты видишь пока лишь ошмётки
 Бушующих в мире страстей.
 На каждом земные колодки,
 Подарки не званых гостей.
 Всего никогда не расскажешь;
 Россия сама не своя.
 С её нескончаемым стажем,
 Помноженным на векселя.
 Поможет в свой день чудотворец
 Народу, святой Серафим.
 Дохнёт от Москвы до околиц
 Теплыню Рождественский Крым.
 Сестре не завидуй особо,
 Тяжёлую лямку тяну.
 Ведь вещие сны и хвороба
 Стоят на едином кону.
 Не надо нам слава и почесть,
 Жизнь вся отдана под залог.
 Мы жрицы и жертвы пророчеств,
 От светлых Матрён до солох.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

У речки бурливое устье,
 У встречи с порога свой слог.
 До самых последних напутствий,
 Таящих неведомый вздох.
 Слезливые речи и сборы
 Остались за синей чертой.
 Блуждающие светофоры
 У будки из плёнки литой.
 Внутри оператор в жилете,
 Как в банку засунутый шмель,
 Жужжит, выжигая, на Жече
 Вчера не зажёванный хмель.
 В песке ковыряются боги
 Дорог, закатав рукава.
 Им сахарная для подмоги
 Цистерны дана голова.
 В щегольской приплюснутой кепи,
 Орёт по привычке прораб
 У поля, где строится кемпинг,
 Похожий на русский корабль.
 Завидуя сельским конягам,
 Пьёт грейдер из мутных лощин.
 Неровно дышу я к бродягам,
 Дорожный имеющим чин.
 Шипя, расширяется трасса
 Московская на Беларусь.
 (Во все европейские царства,
 Лишённые вкуса и чувств).
 Распробуют хлеб пусть наш русский,
 Такой же святой до сих пор.
 Вон Велес, купец стародубский,
 С улыбкой открыл светофор.
 Фурычат довольные фуры,
 Сигналил огнями фургон.
 И зятя из литературы
 Ждёт выгнанный мной самогон.
 Пора бы уже килотонну
 В торговый ввести оборот.
 В кабину святую икону,
 И лучший бензин под капот.
 О чём и сказала ведунья,
 Блеснувши нательным крестом.
 Не может душа стародубья
 Спокойно висеть над мостом.
 У новых ворот, где бараны
 Крошат кольцевые рога.
 Под кнопки рычат автобаны,
 Летя к ним с куском пирога.
 Подмаслишь, так дальше поедешь;
 В политике всё как в миру.
 А та упоает на ересь
 И лезет в любую дыру.

Мне сказано, кончится разом
 В печёнках застрявший раздор.
 Жаль, срок на камнях не указан
 Московских и киевских гор.
 То правда – взойдёт избавитель
 Во свете сияющих глав,
 Всерусский верховный правитель,
 На стогны злачёные лавр,
 Вернутся единые скрепы;
 Прольётся державный елей
 На сей Стародуб и на степи,
 Как ручки у чаши морей.
 На Русь половецкие бабы
 Вернутся; плод давит скафандр.
 Скитания их лишь этапы
 Рожденья космических чад.
 Не знаю, кем станут младенцы,
 Коль рот зажимает сестра.
 Все западники-западэнцы
 Ощупывали их не зря.
 Везде проявляется сера,
 Где дан долгожданный обет.
 Насколько сильна наша вера,
 Ответит дорожный просвет.
 Такие летят рассужденья,
 Начертанные на шоссе.
 Мы все накануне рожденья
 Второго на той полосе.
 Святой, пограничной и спорной,
 Поющей и плачущей вдрызг.
 На этой моей лукоморной
 Частице молитвенных риз.
 Тепло из оранжевой дежки,
 Ползёт, превращаясь в хлеба.
 И белка на ёлке орешки
 Грызёт, как Перуна раба.
 А горлица рядом воркует:
 Всё та же – совет да любовь!
 И сердце поэзию чувствует,
 Во всём, что касается слов.
 И шутку я вижу сестрицы
 Вдруг в том, что в одном городке
 Мелькнули из юности спицы
 И руль в недоступной руке.
 Конечно, придумывать глупо
 Червовый мне свой интерес.
 Хотя за дверьми Стародуба.
 Полно и молитв, и чудес.
 Пророчества тянут поводья
 И русского шпорят коня.
 Россия с времён Беловодья
 Столица земного огня.

4–16 января 2020
 г. Сыктывкар

Берега Памяти

Владимир Вахрамеев

Член Союза писателей России (СПР), Международной Ассоциации писателей и публицистов (АРИА), Союза журналистов России (СЖР) и Международной федерации журналистов. Автор трилогии «Опалённые ложью» (2009–2012), книг: «Лики Балтии» (2017) и «Мои друзья на книжной полке» (2019). В 2014 году Владимир Вахрамеев в содружестве с талантливой Эльвирой Поздней подготовил и издал сборник «Я не хотел бы всех печалить». Имеет звания «Золотое перо Европейской Академии искусств и литературы (AGAAL)» (2017) и «Золотое перо МАПП(АРИА)» (2019), лауреат премии «Журналист года – 2014» в номинации «Память». В 2018 году писатель и журналист был награждён Чрезвычайным и Полномочным послом РФ в Литовской Республике А. Удальцовым

Почётной грамотой «За большой вклад в сохранение и развитие русского языка и русской культуры в Литве», Благодарностью мэрии города Вильнюса «За интеграцию русской литературы и культуры в Литовское общество».

Наш легендарный Командующий

В своей книге «Небо войны» прославленный воздушный ас – маршал авиации трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин так пишет об одном из своих боевых товарищей, с которым неоднократно встречался и воевал бок о бок на различных фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: «Там (за столом. – Прим. В. В.) я увидел этого скромного, молчаливого, державшегося как-то в стороне капитана, имя которого в эти дни было самым популярным среди лётчиков. Эту славу он добыл не только своими воздушными боями, которых провёл десятки, но и героическим поступком». Известный стране военный лётчик имел в виду бой в районе села Александровка Ростовской области, где самолёт капитана, о котором упомянул в книге прославленный ас, потерял управление после того, как таранил немецкого корректировщика FW-189. Лётчик покинул кабину истребителя и попал, потеряв сознание при приземлении, в плен, бежал от конвоиров из вагона движущегося поезда, воевал в партизанском отряде, затем вернулся в авиаполк и продолжал воевать под известным нашим и фашистским лётчикам позывным «Сокол-17». Об этих, как и других, героических страницах фронтовой биографии лётчика-истребителя более подробно можно прочитать в книге Д. Я. Зильмановича «На крыльях Родины» (Алма-Ата, 1985).

Имя советского аса стало невероятно популярным среди лётно-технического состава по обе стороны фронта, обросло небылицами, легендами, мифами и, по мнению вражеских радиоголосов, служило «наиболее ярким примером русской кровожадности, агрессии и коварства».

Боевым мастерством однокурсника по Чугуевскому военно-авиационному училищу восторгался и Маршал авиации трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб в своей книге «Верность Отчизне». Через четверть века после описанной Маршалом авиации А. И. Покрышкиным встречи командир полка «Нормандия – Неман» Луи Дельфино пришлёт письмо герою моей публикации, в котором будут и строки о том, что встреча ветеранов их авиаполков «кроме удовлетворения принесла ещё и сердечную радость: снова встретил тебя, вспомнил с тобой несколько эпизодов из жизни, когда мы были вместе на фронте. Дружба, возникшая во время войны, вечна. Она настолько крепка, что не нуждается в каких-либо дополнительных заверениях. Между тем, кто станет отрицать полезность личных контактов с друзьями, которые в годы тяжёлых испытаний никогда не теряли надежды на лучшее будущее!»

Как мне кажется, было бы целесообразно упомянуть имя ещё одного воздушного аса – это генерал-майор авиации Герой Советского Союза Михаил Андреевич Живолуп, который на завершающем этапе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. командовал 126-м гвардейским Молодечнен-

ским ордена Александра Невского бомбардировочным авиаполком. В 70-е годы предыдущего столетия мне посчастливилось проходить офицерскую службу в этом соединении, унаследовавшем Боевое Знамя, Почётное наименование, награды знаменитого авиаполка. В период работы по созданию Музея боевой славы этого соединения имел честь встречаться со многими ветеранами-фронтовиками, в том числе и с генералом М. А. Живолупом. Как-то во время беседы он упомянул фамилию командующего нашим 2-м оперативным объединением Войск ПВО

СССР, в состав которого входила и наша зенитно-ракетная бригада ВПВО. «Сдержанный в словах и решительный в действиях», – так коротко охарактеризовал своего фронтовика-собрата мой визави. Необходимо заметить, что прославленные воздушные асы А. И. Покрышкин, Луи Дельфино, М. А. Живолуп и многие другие, среди которых находился и ещё пока неназванный мною герой этой публикации, относились к числу тех, кто были участниками воздушных боёв над территорией Восточной Пруссии. Частью этой земли сегодня является наша Калининградская область, или, как её чаще любовно называют жители и гости региона, – Янтарный край.

Вот теперь настало время назвать имя того, кто стоял у истоков становления и развития военно-воздушных сил ПВО и был в 60-е годы прошлого столетия командующим 2-й отдельной армией Войск ПВО (г. Минск), а затем и 8-й ОА ВПВО (г. Киев). Моё первое знакомство с тогдашним командующим 2-й ОА ВПВО СССР дважды Героем Советского Союза генерал-лейтенантом В. Д. Лавриненковым (1919–1988) произошло в начале осени 1966 года, когда наша небольшая группа молодых лейтенантов-политработников прибыла для дальнейшего прохождения службы в столицу БССР. Там, в г. Минске, в те годы размещался штаб объединения Войск ПВО. Все мы тогда были выпускниками Вильнюсского радиотехнического училища Войск противовоздушной обороны страны, которых после завершения учёбы и присвоения офицерских званий, встреч и собеседований с кадровиками, представителями ГлавПУРа и затем полуторамесячной переподготовки направили в объединения, соединения и части Войск ПВО СССР. Задачей же этого объединения, куда мы получили назначение, было «осуществление прикрытия западного и северо-западного стратегических направлений, защита от нападения с воздуха городов и стратегических военных объектов на территории БССР и Прибалтийских республик». Состояло объединение из двух корпусов ПВО и 3-й дивизии противовоздушной обороны страны. Как выяснилось из беседы с членом Военного совета генералом В. Д. Кулигиным, в кабинет которого нас сопровождал дежурный офицер штаба, каждый из нас, выпускников-виленцев, уже был распределён для дальнейшего прохождения офицерской службы либо в 11-й корпус (штаб г. Барановичи), или в 27-й корпус (штаб г. Рига). Моя же фамилия числилась с одним из сокурсников в числе тех, кого назначили для дальнейшего прохождения службы в 3-ю дивизию ПВО (штаб этой дивизии был к тому дню уже переведён из г. Балтийска в г. Калининград). После знакомства и короткой беседы с каждым из нас член Военного совета пригласил молодых лейтенантов пройти в другой кабинет для представления командующему объединением генерал-лейтенанту В. Д. Лавриненкову. Несмело, «гуськом», или, говоря точнее, – в колонну по одному, мы последовали за генералом Кулигиным по широкому коридору в другой кабинет. Ненадолго задержались в приёмной, куда вслед за генералом вошли и расселись на стульях, стоящих вдоль двух стен. Генерал Кулигин и адъютант исчезли за дверями, ведущими в кабинет командующего. Через несколько минут мы услышали голос его хозяина: «Пригласи, дорогой, наших комиссаров!» Услышав это вышедшее из употребления ещё в годы войны должностное звание, мы между собой переглянулись и с облегчением сбросили с себя чувство возникшей с первых минут нахождения в штабе объединения некоей робости и даже боязни от предстоящей встречи. И это было не столь уж удивительно, ибо от многих офицеров и сверхсрочнослужащих нам ранее доводилось неоднократно слышать рассказы о суровом нраве командующего. Но реальность оказалась иной и, более того, совершенно противоположной. Разговор получился невероятно откровенным, душевным и обоюдно заинтересованным.

За более чем часовую беседу с прославленным асом и известным военачальником в кабинет неоднократно заглядывал адъютант, сообщавший генералу о телефонных звонках или неких посетителях. Однако командующий на его доклады неизменно повторял одно, что считает встречу и беседу с нами наиболее значимым событием дня. Конечно, друзья моего детства – это дети войны, чьими учителями, первым воспитателями, а потом и первыми командирами были фронтовики. Для нас, как и для большинства ровесников и товарищей по школе, институту, военному училищу и дальнейшей офицерской службе, поколение офицеров-фронтовиков всегда было не только преподавателями, но и личным жизненным примером соблюдения морально-нравственных принципов, отношения к таким высоким понятиям, как честь, долг и мужество. Этому способствовала и вся государственная система воспитания, образования, культуры. В те теперь уже далёкие 50–70-е годы предыдущего столетия почти в каждом доме можно было увидеть книги из серии «Военные мемуары» (ВМ), поэтические сборники поэтов-фронтовиков или «лейтенантскую» прозу.

С волнением и восхищением просматривая замечательные фильмы тех послевоенных лет, повествующие о героизме советского народа в годы Великой Отечественной войны, невозможно было представить, что не пройдёт и полвека, как наступит вакханалия беспамятства, что вновь на историческую арену выйдет фашистская нечисть и их сателлиты, что цивилизованные европейцы станут сносить памятники погибшим воинам СССР, принёсшим им свободу и независимость от фашистской чумы, что народы некогда единого содружества через прицелы орудий начнут смотреть друг на друга...

У моего талантливого друга – поэта и актёра, советника губернатора края по культуре, сценариста и журналиста Валерия Петровского (1941–2011) в сборнике «Какая формула у смеха и у плача?!» есть замечательное стихотворение (стихотворение было написано в начале 80-х годов предыдущего столетия), которое частенько вспоминаю и привожу на встречах с молодёжью, особенно в связи с 75-й годовщиной Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Оно не столь уж велико, но невероятно правдиво и точно отражает отношение «детей войны» к поколению родителей-фронтовиков: «В сороковых мы родились, / И нам самим давно за 40. / Не просто эхом в нашу жизнь / Войны врывались дым и всполох... / В нас живы все её бои / Невозвращеньем самых близких. / Стоят, как храмы на крови, / В их честь и память обелиски!.. // В сороковых мы родились, / Отцов погибших старше вдвое... / Мы их мечты свершить взялись. / А это дело непростое: / Не всё нам в жизни удалось, / И мы за многое в ответе. / А что сбылось и не сбылось – / За нас оценят наши дети... // «Сороковые – роковые!» – / Эпитафия наших детских лет. / А мы наследники живые / И всех потерь, и всех побед!»

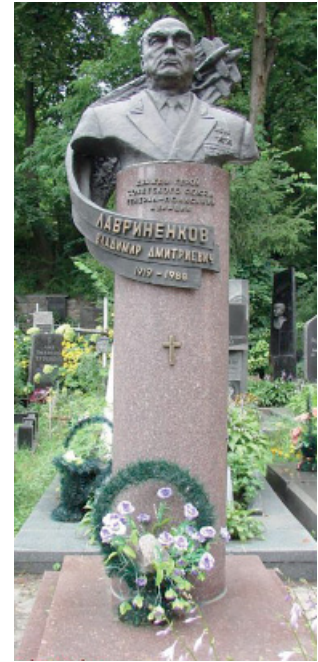
В приведённых стихотворных строках моего замечательного друга нет описания батальных сцен и тяжкого быта войны. Уверен, что он, как и я, не так уж много слышал живых рассказов и воспоминаний от старшего поколения, прошедшего дорогами войны. Не помню, чтобы мой отец-фронтвик когда-либо, несмотря на все просьбы детей или родных, рассказывал о войне. Так же вели себя и однополчане отца, собиравшиеся за праздничным столом в нашей квартире. Лишь изредка кто-либо из боевых друзей-офицеров Сергея Вахрамеева, по какому-либо поводу, упоминал некий смешной эпизод фронтовой жизни, и мгновенно вся квартира сотрясалась от оглушительного хохота этих молодых ещё людей, прошедших через горнило войны. Вероятно, не только я, но и сослуживцы-офицеры поколения, рождённого в конце 30-х – начале 40-х годов, не в силах будут вспомнить рассказы о боевых подвигах из уст дважды Героя Советского Союза генерал-полковника В. Д. Лавриненкова. По своей скромности и сдержанности в воспоминаниях о фронтовых буднях он напоминал мне отца и его боевых друзей. Однако это не мешало нашему командующему объединением быть человеком общительным и невероятно активным. Он постоянно лично инспектировал соединения и воинские части, принимал участие в занятиях, подведении итогов учёбы и боевого дежурства, вместе с членом Военного совета принимал активное участие в партийно-комсомольских конференциях и сборах актива. Но больше всего меня поражала его феноменальная память на людей, уважительное отношение к подчинённым независимо от их званий и должностей. Так, через год после нашей первой встречи мне довелось принять участие в партийной конференции объединения. К тому времени подразделение, в котором проходил службу в должности заместителя командира, завоевало, в числе одного из первых в объединении, звание отличного, отличилось на тактических учениях стран – участниц Варшавского Договора. Командующий во время вручения Почётной грамоты публично напомнил мне и делегатам, заполнившим великолепный зал Окружного Дома офицеров столицы Белоруссии, некие, на мой взгляд, весьма незначительные детали нашей первой встречи...

Уверен, что военнослужащие, проходившие воинскую службу в Войсках ПВО страны, и члены их семей, а с ними жители республик и областей, находившихся на западных рубежах СССР, помнят напряжённые недели и месяцы 1968 года, которые завершились вводом наших войск в ЧССР в конце августа. Среди воинских частей, расквартированных на территории Чехословакии, была и наша радиотехническая часть, в которую меня накануне ввода войск назначили заместителем командира. По возвращении на родину командующий 2-й ОА ВПВО дважды Герой Советского Союза генерал-полковник В. Д. Лавриненков организовал встречу с командирами частей, подразделений и их заместителями, на которой вручил мне медали СССР и ЧССР за образцовое выполнение интернационального долга. Были и ещё несколько коротких встреч с легендарным военачальником. Однако после тяжёлой болезни, операции и продолжительного лечения наш командующий был переведён на равнозначную должность в Киевскую отдельную армию Войск ПВО страны.

Своим чередом в те 60–70-е годы шла и моя офицерская служба: с партийно-политической работы в радиотехнической части состоялся перевод на культурно-просветительскую работу в прославленное зенитно-ракетное соединение. С невероятным энтузиазмом я окунулся в работу по созданию первого военного оркестра в нашем соединении и музея боевой славы гвардейцев. Открытие музея совпало с инспекторской проверкой боевого дежурства, состояния воинской дисциплины, боевой и политической подготовки соединения, по завершению которой комиссия ознакомилась с его экспонатами. В одной из комнат музея внимание члена Военного совета 2-й ОА ВПВО генерала Р. Ф. Вертаева привлекли стенд и витрина, посвящённые Героям Советского Союза, чьи судьбы были связаны с нашим гвардейским ордена Александра Невского соединением. После завершения экскурсии генерал приказал построить личный состав оркестра, поблагодарил всех и вручил Почётные грамоты. Более того, он передал в дар музею книгу уже бывшего нашего командующего дважды Героя Советского Союза генерала-полковника В. Д. Лавриненкова. Но самой приятной неожиданностью было вручение мне второго экземпляра книги «Возвращение в небо». На титульном листе этой книги, вошедшей в популярную в те 70-е годы серию «Военные мемуары», он оставил памятную запись: «Гвардии капитану Вл. Вахрамееву с пожеланием всегда помнить слова А. В. Суворова, что храбрость, бодрость и мужество будут тщетны, ежели не будут истекать от искусства».

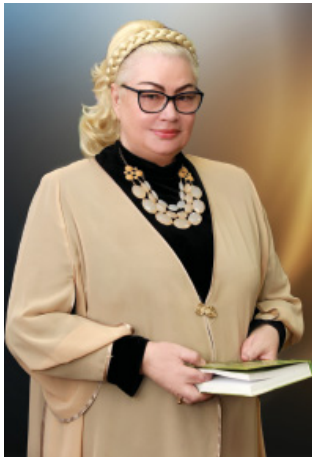
Сегодня, когда некоторые западные политики стараются извратить или замолчать правду о победителях в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., особенно актуальны стали рассказы и воспоминания участников тех кровавых дней и событий. Вот как писал Владимир Лавриненков об экскурсии лётчиков его полка накануне штурма г. Берлина в польский город Познань: «В тот день впервые прогулялись по улицам заграничного города. В Познани не было никаких разрушений, будто война обошла её стороной. В городе уже открылись магазины, кинотеатры, базары, костёл звал к себе верующих утренним звоном. Мы с интересом осматривали дома, витрины магазинов, вглядывались в лица местных жителей. Интересно, что они думают о происходящем, как относятся к нам? Позже мы имели возможность убедиться, что пострадавший польский народ, как и народы других освобождённых от фашизма стран, видел в нас своих спасителей, которые принесли им покой, мир, счастье. Это очень окрыляло нас, помогало глубже понять значение великой освободительной миссии советского народа» (*Лавриненков В. Д. Возвращение в небо.* – М.: Воениздат, с. 223–224).

Необходимо заметить, что перу нашего бывшего командующего 2-й ОА Войск ПВО дважды Героя Советского Союза генерал-полковнику В. Д. Лавриненкову принадлежат несколько книг, среди которых такие, как: «Без войны», «Сокол-1», «Сокол-2» и др. Кроме этих книг, Лавриненков совместно с журналистом Беловолом написал и издал такие произведения, как: «Колокола памяти», «Шпага чести: Повесть о полке “Нормандия – Неман”». Среди моих журналистских записок сохранился эпизод, вошедший в одну из книг писателя и знаменитого воздушного аса, о встрече с однополчанином Героем Советского Союза А. Н. Карасёвым, который при прощании сказал: «Хочу одного... Хочу, чтобы им (т. е. будущим поколениям) никогда не пришлось пережить то, что выпало нашему поколению... Думаю, ради этой цели любой из нас, ветеранов, не пожалеет жизни».

Берега Памяти

Тамара Краснова-Гусаченко

Поэт, прозаик, публицист, детский писатель. Автор 24 книг и участник более 50 альманахов и коллективных сборников, многочисленных публикаций в литературных журналах и СМИ Беларуси, России, Украины, Латвии, Северной Осетии, Канады, США и др.

Лауреат многих международных литературных конкурсов, первой Национальной литературной премии Республики Беларусь в номинации «Поэзия», полный кавалер государственных наград – медали Франциска Скорины и ордена Франциска Скорины, всероссийских литературных премий: «Русский путь» им. Ф. И. Тютчева, «Прохоровское поле», «Я вижу сны на русском языке», «И помнит мир спасённый», «Золотое перо», обладатель медали и Памятного Знака «Золотое перо “Тютчевъ”», лонг-лист (полуфинал) литературного конкурса ЛГ «Золотой Дельвиг», многократный дипломант республиканских литературных

премий «Лучшая книга года», победитель литературных конкурсов имени Владимира Короткевича, Петруся Бровки и др.

Почётный член Союза писателей Беларуси, член правления Союза писателей Союзного государства и Союза писателей Беларуси, член Союза писателей России. С 2005 года – председатель Витебского областного отделения «Союз писателей Беларуси».

Фронтовые письма

Трилогия к 75-летию Победы

ПИСЬМО ПЕРВОЕ: С ФРОНТА ЖЕНЕ – ИЗ ИЮЛЯ 1944 ГОДА

О, как я вернуться хотел живым...
Увидеть тебя пытаюсь,
За этот единственный сладкий миг
Свой пропуск отдал – от рая.
С утра и до ночи каждого дня
Ждала почтальона, бежала...
Но... встретился с пулей я, пуля меня
В сердце поцеловала.

Она целовала на склоне дня,
О, как она нас выбирала!
Но выбрала, сволочь, тебя и меня,
Чтоб ты больше не ожидала.
Ожог был смертельным, но крепче огня,
Смерти сильней и ада
Воля моя – возвратиться – была...
Домой мне вернуться надо.

Я видел, как ты, моя радость, бежишь
К калитке, и дети – рядом,
Жадно на почтальона глядишь
Невыносимым взглядом.

Я плыл высоко через снег и мглу,
Кричал вам: «Живой я!» – громко,
А ты за иконы в Красном углу
Прятала похоронку...

Никто не услышал, как я кричу
Сквозь ветер, снега и ливни:
– Я с вами... С портрета гляжу, молчу...
Навек – молодой, счастливый.

ПИСЬМО ВТОРОЕ: ЖЕНЕ ИЗ НЕБЫТИЯ ОТ 9 МАЯ 2019 ГОДА

Я знаю, как тебе – одной,
как холодна твоя подушка,
никто не постучит в окно,
боль – твой помощник и подружка –
неиссякаемая боль,
нет сил, а жить-то всё же надо:
детей оставил я – с тобой,
всё, что имел... Ещё – награду
дадут: посмертную мою
медаль за битву под Варшавой,
когда Победу запоют

и зацветут сады... Я знаю,
всё знаю: как тебе – одной,
какая стылость дней большая,
всё – на тебе, моей родной,
я так любил вас, но – истаял
в чужой земле, среди берёз,
в песках, спелёнутый корнями,
и даже всех на свете слёз
не хватит, чтоб вернулся к вам я
из холода могильной тьмы.
Как я спешил – домой вернуться,
чтоб дождались меня с войны
с Победой! Нет меня. Проснуться
мне не дано. И ты – одна.
Детей поднять... Ведь сил – не стало,
одеть, обуть... Моя война
закончилась. Твоя – осталась.
А я... Давно не больно мне,
ушёл в бессмертье... Говорят,
что всем, погибшим на войне,
писать любимым разрешат.
Ты там не рвись и не спеши,
не переделывать дел, послушай
в рассветах – крик моей души:
не бойся, скоро – станет лучше!
И обо мне ты не реви,
боль не буди... Как я оставил
вас, без защиты и любви?
Теперь вот – смог: письмо отправил
по Троице – через сирень,
гудят, шумят рассветы мая,
я – море нежности моей
тебе и детям посылаю.

Любящий вас Иван

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ: В НЕБЫТИЕ...
ИЗ 9 МАЯ 2020 ГОДА

Я знаю, что ты не получишь письма,
Но не писать нет силы.
Нашествие злобы, пурга, зима
Засыпать спешат могилы.
Из космоса видно же всё давно:
Спутники всё откроют,
К тебе – в чёрно-белом бегу – кино

Навстречу – по полю боя.
Здесь корни берёзы все семьдесят пять
Лет – твоим телом обвиты...
О, сколько в земных колыбелях качать
Берёзам – своих – убитых!
Шуметь по весне молодой листвой...
Не мне тебя гладить рукою,
Склоняться ветвями... Любимый мой!
Да я ль не любима тобою?
Зачем – под Варшавой, песок обняв,
Лежишь ты в чужих объятьях?
Зачем тебе город, где нет – меня,
Нет родненькой старой матери
И дома родимого твоего,
Отца-старика и сада,
Где кровно родного нам – ничего?
Зачем нам твои награды?
Молчишь... Видно, нечего говорить...
А если бы мог ответить,
Сказал бы, как жить, чтоб живыми быть,
Как выжить на этом свете?
Я не понимаю уже давно:
Где правда, где ложь, где сила?
Чёрная ночь мне глядит в окно...
Скажи хоть словечко, милый!
Там обелиск твой разбит, забыт,
Выходит, ты зря нас бросил?
Кого ты спасал? И за что убит?
Лишь эхом ответит осень,
Отхлещет кровавой рябины гроздь,
Багрово займутся клёны,
Где жаждет распятия каждый гвоздь
Ненависти спасённых...
.....
Но, за спиною – встаёт – трава,
Вселенная трав – на раны,
Баюкает память любви – листва,
Бинтует рассвет лучами,
Любовь распрямляется над бедой
Ради спасения жизни,
Ведут Победители вечный бой
За истину... За Отчизну...

*Навеки застывшие в своей любви и скорби
у калитки, где мы ждали почтальона,
любящие тебя: жена и дети.*

От автора: Почему никто ещё не додумался поставить памятник ждущим почтальона...

Берега Памяти

Ирина Мишина

Ирина Мишина родилась и выросла в Калининграде. Окончила университет по специальности психология, 40 лет педагогического стажа, лауреат профессиональных конкурсов: «Учитель года», «За нравственный подвиг учителя». Участник движения КВН области, организатор и ведущая фестиваля авторской песни «Балтийска Ухана» на протяжении 35 лет. Стихи пишет со студенческих лет. Печаталась в журналах: «Берега», «Запад России», «Остров Вдохновения», «Хозяйка жизни», поэтическом сборнике «На самом западе России...».

Когда я стану взрослой...

В какой момент мысленно произносишь эту фразу впервые? О чём таком сильно беспокоящем или недостижимо-желанном думаешь? Я точно не помню. Про мороженое и конфеты? Их в моём детстве было достаточно, а если было меньше, чем требовалось, то я всё равно считала ограничения родителей правильными. Игрушки были как у всех, лет с шести более интересными стали настольные развивающие игры: самая любимая – зоологическая викторина. Жёсткая коробка имела двойное дно, где пряталась электрическая схема, и, если ты правильно угадывал название животного, его среду обитания, приложив электроды, можно было увидеть загорающуюся маленькую лампочку. Чудо, которое ты сотворил сам, и радость победы. Ещё было лото! Играли всей семьёй, выкрикивая прозвища для цифр: 11 – «барабанные палочки», 33 – «богатыри», 12 – «дюжина». А рисованные куклы и наряды для них!? Позже одежда для маленьких пупсов, сшитая самостоятельно, – повод для гордости.

Может, мне хотелось стать взрослой в ту минуту, когда младшую сестру надо брать всюду с собой, а не хочется? Так я же понимала, что, когда стану взрослой, она тоже вырастет. Вот одно детское, «когда я стану взрослой», было точно: никогда не буду спать днём! А вот в отношении самих взрослых? Что ж меня не устраивало? Что хотелось улучшить в своём будущем, что подкорректировать? Меня любили. Или память вытолкнула негатив? Самый страшный детский опыт – опыт унижения, ощущение стыда без понимания вины. Вот! И именно с этим связан дневной сон.

Воспитательница водила меня в подвал за то, что я не сплю. Это было однажды, но помню всё в деталях по сей день. Отодвинув мою раскладушку в угол, «чтоб не с кем было болтать», она периодически спрашивала: «Ты ещё не спишь?» Потом, когда все встали, отвела меня в подвал, показывала на старые матрасы, сложенные стопкой, где я буду спать, а я представляла, как крысы грызут матрасы и добираются до меня. Но не этот страх пролился жгучими слезами, а опыт унижения. В подвале работали электрики, и прощение просить при незнакомых было стыдно. И наверное, своим детским умишком я понимала, что наказывают в общем-то НИ ЗА ЧТО. Это и оскорбляло моё уже взрослое достоинство. Я, конечно, ни о чём не сообщила маме. И позже, когда эта история всплыла в моей памяти, на вопрос мамы «Почему ты не рассказала, ты боялась моего непонимания?» я не нашлась, что ответить. Пожалуй, просто верила в правоту и непогрешимость взрослых. Иерархичность в процессе воспитания...

То, чего давно нет...

Бабка Семькина

Мой калейдоскоп памяти выдаёт временами яркие обрывочные картинки из детства. Та, которую отчётливо можно идентифицировать по дате – поступление в детский сад: меня не хотели брать, потому что на 1 сентября не было трёх лет, только два года и восемь месяцев. Но беседа со мной,

по рассказам мамы, убедила заведующую в моей готовности к детскому учреждению. Я же помню старинное здание, крыльцо со львами, красную ковровую дорожку с зелёным орнаментом по краям в кабинете и высокий стул, на который меня усадили. Я даже потом в юности нашла этот особняк на улице Тельмана.

И ещё довольно ранние воспоминания, думаю, тоже до трёх лет (в сад ещё не ходила): я в лёгком пальтишке одна посреди двора, брожу под окнами в послеобеденное время. Во дворе нашего четырёхэтажного дома вообще никого нет из двух имеющихся подъездов. Взрослые на работе или заняты домашними хлопотами, школьники на учебных занятиях, малышня спит после обеда. А я никогда не спала, несмотря на свой покладистый характер, как уверяли домашние. И мама, уговаривая меня хотя бы прилечь, показывала в окно пустой двор: «Видишь, там никого нет». Но я упрямо отправлялась на площадку. Одна.

Только иногда на скамейке восседала бабка Семькина. Бабка Семькина, по моим тогдашним представлениям, не могла сама забраться на скамейку, об этом говорили её болтающиеся ноги в истоптанных тапках, не достающие до земли, и вся она, напоминающая пельменное тесто или блудного колобка до выпечки. Кто-то непременно должен был усадить её на скамейку, но этой картины мне видеть не довелось, поэтому я хотела застать обратный процесс и стояла рядом, наблюдая маятники коротких ножек. Если кто-то выбегающий из подъезда здоровался с ней, она отвечала почти всегда одинаково: «Богдаст». Мне было очень любопытно, но отчего-то стыдно спросить, кто этот «Богдаст».

Загадочность бабки Семькиной с течением времени для меня усиливалась. Надо сказать, что в этой семье было три женщины разных поколений, но имён в моей памяти не сохранилось, всех звали по фамилии: бабка Семькина, младшая – дочка Семькина, и та, что между ними – просто Семькина. Ещё был мальчишка дочки Семькиной, чуть старше меня, тоже безымянный, но интересовавший меня мало. А вот вопрос, который меня волновал, – это как у такой тестообразной бабки могло быть такое продолжение?

Дочка Семькина была стройной черноволосой красавицей с собольими бровями и карими, почти чёрными, с неясной дымкой глазами, с какой-то тревожностью в лице, что меня просто завораживало. Было непонятно, куда она смотрит – на мир или в себя. И мне, крохе малолетней, чудилась в этом, наверное, какая-то сказочная тайна. Теперь я, возможно, её сравнила бы с Софи Лорен, или Татьяной Самойловой, или какой-то другой кинодивой. А тогда это была просто дочка Семькина, проходящая по двору в тот момент, когда всё замирало и заглядывалось. Мамаши очень медленно вешали бельё на верёвки, промахиваясь прищепками, костяшки домино зависали в руках играющих над дворовым столом, и даже девочки, прыгающие на скакалках, застывали над землёй в полёте.

Эти киноэффекты довольно часто используют режиссёры, но я-то это видела в жизни и именно так запомнила: проплывающую по тропинке дочку Семькину и медленно качающиеся ножки

бабки Семейкиной. Позже я отважилась на вопрос о непонятном «Богдаст», и бабка была вдруг словоохотлива и добра ко мне. Она поведала о Всевидающем и Всемогущем и любящем всех-всех, парящем над нами где-то там, за далью облаков и ярчайшего света, от которого слезились глаза.

Но потом сколько бы раз я ни запрокидывала голову, всегда видела одну и ту же картинку. На пушистом белом облаке при любой погоде восседала бабка Семейкина и беззаботно болтала короткими ножками в штопаных тапках, которые, как я потом узнала, тачал мой дед-фронтвик (мамин отчим) из старых валенок для стариков нашего двора в небогатые послевоенные годы.

Неродной дедушка

Сколько вспоминаю детство, в этих картинках всегда есть дедушка, дед Вася. Да и как ему там не быть, ведь он был моей нянькой и сиделкой, и товарищем по играм, и проводником в странный мир взрослых.

Надо пояснить, почему именно он меня нянчил. Бабушка отбывала наказание за преступление, которое по нынешним временам, наверное, называлось бы частной торговлей или индивидуальным предпринимательством. Работала она в организации, которая называлась Мортрансфлот, и по роду деятельности общалась с рыбодобытчиками. На судах во время удачной путины не всю рыбу удавалось заморозить или обработать до возвращения в порт. Точно не знаю, но небольшую часть, чтобы не пропадать добру, моряки солили в пяти- или трёхлитровых бочонках, что называется, для себя. Вот такой бочонок селёдки и купила моя бабушка у знакомого моряка, поставила покупку на хранение в общем подвале, простодушно поделившись с кем-то из соседей. Время, когда за собранные в колхозном поле колоски можно было получить немалый срок, ушло не так уж далеко, и информация соседей «куда следует» привела бабушку «в места не столь отдалённые». Отсутствие её было недолгим, по-моему, около года, но пришлось именно на время моего рождения. Декретный период составлял всего два с половиной месяца, и мама вышла на работу, а посему с новорождённой в няньках оставался дедушка.

Вспомнилось, на одном из психологических тренингов было предложено нарисовать картинку семьи из раннего детства, какая всплывёт. Я увидела себя, стоящую посреди большой комнаты, а в уголке на низком табурете в тёмно-синих брюках-галифе сидел дедушка Вася и что-то мастерила, он всегда был чем-то занят. Кстати, эти брюки он тоже шил сам. Да, и по документам он был вовсе не Вася, а Давыд Васильевич, но это я узнала позже. Имя Василий он заслужил на фронте за игру на гармошке, с которой не расставался, как герой Твардовского Василий Тёркин. Но как я, школьница, ни просила рассказать о его участии в войне, никогда не рассказывал, отвечая, что девочке этого знать не нужно, так он хотел защитить нас от всего страшного.

Невысокий, худощавый и очень застенчивый, по-моему, он мог всё. Не мог только просить для себя чего бы то ни было, никогда не пользовался ветеранским удостоверением и даже награды, находившие его ещё через много лет после войны, получать водила его в военкомат моя мама. Только теперь я сознаю, сколько талантов было отпущено этому скромному человеку или сколько старания он проявил, чтобы овладеть многими ремёслами. В Калининграде 1946-го многое надо было восстанавливать или развивать заново, но жили-то здесь и сейчас, и мой дед сам делал мебель. Шкафы, столы и комоды в комнате моего детства были его произведениями. Ещё он был прекрасным сапожником и, при сохранившейся тогда моде на всё военное, шил сапоги даже на заказ.

Любил он нас с сестрой самозабвенно, заступаясь перед родителями и выгораживая даже тогда, когда этого, может, и не следовало делать, неизменно повторяя: «Они больше не будут». И эта его святая вера в наше исправление, наверное, воздействовала больше, чем родительский гнев. Совершенно забавно выглядела сцена, когда мою повзрослевшую сестрицу распекала мама, и дедушка, вечный заступник, произнёс: «Полина, нельзя маленьких девочек ругать». Моей сестре, обладающей «модельным» ростом и стоящей на каблуках, он едва доставал до плеча. Отчего гнев сменился хохотом, он не мог взять в толк.

У нас была традиция, заведённая дедом Васей, – сладости в день полочки, а позже – с пенсии. Дед покупал каждой из нас по плитке шоколада и по килограмму «щиколадных», как он говорил, конфет. Сестра уплетала конфеты незамедлительно на радость деду, моя же экономность почему-то его обижала. И вот уже будучи студенткой, увидела я сон: дед приносит, как водится, два уве-

систых кулька и отдаёт их моей младшей сестре. На мой немой вопрос он так прокомментировал свои действия: «Раз ты брезгуешь моим подарком, то всё достанется сестре». Проснулась я, великовозрастная дылда, в слезах, до такой степени это поведение дорогого человека казалось мне невозможным.

Ещё одной дедовской присказке я не могла долго найти объяснения. Не помню уж при каких случаях, но он иногда мог сказать: «Я ведь вам не родной». Наше недоумение, непонимание, аргумент «ты же нас вырастил» и протесты против такого утверждения он резюмировал: «Лисица сказала, что старый хлеб-соль забывается». Диалог этот повторялся не однажды. Мне было искренне непонятно происхождение этих дедовых мыслей, у нас с ним никогда не было конфликтов или ссор. И даже когда бабушка на него, подвыпившего в День Победы и усиленно эксплуатирующего любимую гармонию, ворчала и одёргивала, у нас он вызывал только тёплые чувства, даже сильно охмелевший.

Дед умер раньше бабушки, хоть и был моложе её на два года. Когда с ним случился удар и мы с сестрой, навещая его в больнице, перестилали постель, смущался до слёз. Ведь мы его, сухонького и сильно постаревшего, вдвоём буквально поднимали на руках, мы нянчили его, хоть и совсем недолго, как он нас когда-то. И я вспомнила про эту его лисицу и поняла. Говоря нам, что он не родной дед, он как бы заранее оправдывал наше возможное забвение по отношению к нему, снимая все претензии к внукам. Он любил нас любых и прощал за всё, даже за то, чего мы совершить не успели.

Берега Памяти

Татьяна Голоненко

Татьяна Максимовна Голоненко родилась на Кубани. Филолог, учитель русского языка и литературы. Более 30 лет преподавала в школе. В настоящее время – библиотечкарь Калининградской ЦБС. Руководитель детского литературного клуба «Янтарика». С 2012 года – председатель литературно-творческого объединения «Возрождение» микрорайона Чкаловск. Публиковалась в журналах: «Берега», «Балтика», во всероссийском литературном журнале «ЛиФФт», в альманахах: «Живая музыка стиха», «Живая вода» и др. Лауреат областного конкурса-фестиваля «200 лет Победы в Отечественной войне 1812 года» в номинации «Малая проза» (2-е место). Лауреат 10-го областного конкурса-фестиваля поэзии и авторской песни «Тёркинские чтения» в номинации «Поэзия» (1-е место).

Береги честь смолоду...

Рассказ

Поезд замедлял ход... Я стоял у окна в тамбуре и любовался красотами проплывающих мимо деревень, жадно ловил запах первой свежескошенной травы. Этот запах разнотравья навевал какие-то ностальгические воспоминания о моём детстве...

- Двадцатый километр, – объявили по радио. Поезд остановился, проводница открыла дверь.
- Быстрее, папаша, залезайте, минуту стоим, – поторопила она седого старика.

Вагон был набит битком. Проводница принесла постельное бельё и голосом, не терпящим возражения, прогремела:

- Молодёжь, нижнюю полку уступите деду!

Мальчуган лет двенадцати моментально вскочил и, потянув старика за рукав, сказал:

- Присаживайся, дедушка, а я на верхнюю!

– Не смей! – вдруг откуда-то сверху раздался зычный голос матери. – Это законное место ребёнка! У нас билет! Би-лееет!!!

Мальчишка сник и виновато посмотрел на старика. Тот обнял его, повернулся к матери и сказал:

- Хорошего парнишку воспитала! Душевного!

Потом достал из кармана шоколадку и протянул мальчонке со словами:

- Молодец, внучек, береги честь смолоду.

При этих словах я вздрогнул.

Береги честь смолоду... Эти слова были сказаны мне двадцать лет назад одним замечательным человеком.

Я подошёл к старику, взял его нехитрые пожитки и подвёл к своей нижней полке.

- Располагайся, отец, устал, поди.

Поблагодарив меня, он снял плащ. Тысячами солнц заиграли ордена и медали на груди у старика. Встреча с ветераном напомнила о моём детстве и о самом дорогом мне человеке, благодаря которому изменилась вся моя жизнь.

Давно это было... Лет двадцать назад. Жил я тогда у бабушки в деревне. Мать померла, когда мне было лет семь. Отца я никогда не видел. Бабуля была единственным родным человеком. Маленькая, круглолицая, она ходила, смешно переваливаясь с ноги на ногу, приговаривая: «Пирожки стынут, а этого охламона днём с огнём не сыщешь!» Потом, не выдержав, снимала фартук, заворачивала ещё горячие пирожки в белое вафельное полотенце и шла через всю деревню на пустырь, где я с друзьями играл в футбол. Мы налетали как саранча, обжигая губы ароматной клубникой и запивая парным молоком.

– Петровича-то угостите, – говорила бабушка, укоризненно покачивая головой, и присаживалась к сухощавому седому старику.

Петрович был единственным нашим зрителем. Появился он в нашей деревне осенью. Поселился в пустующем домике напротив. Собака и кот – вот и всё его хозяйство.

– Пойду покормлю «живность», – говорила каждое утро бабушка, отправляясь к Петровичу, не забыв при этом прихватить горячих пирожков старику. Он благодарил её, любезно приглашал попить с ним чаю, и они подолгу о чём-то беседовали. Я видел, как бабушка вздыхала, вытирая глаза платком.

Вечером мы лазили к нему в сад, воровали яблоки и персики, а он, выходя на крыльцо, делал вид, что нас не видит, хотя Федька, как только замечал его, орал на всю округу:

– Агас, Костяная Нога идёт! – Так между собой мы называли старика. Все знали, что одной ноги у Петровича нет, вместо неё – протез.

Учебный год подходил к концу. Майские праздники вносили какое-то радостное волнение. Сегодня в классе встреча с ветераном – героем Великой Отечественной войны. В белой рубашке с букетом душистой сирени я спешил в школу, боясь опоздать на классный час. Прозвенел звонок. В класс вошла учительница и сказала:

– Ребята, сейчас к нам придёт заслуженный лётчик, генерал-майор Соколов Николай Петрович. Прошу вас вести себя достойно.

И вот в сопровождении директора в класс вошёл ветеран. Я не поверил своим глазам! Петрович? Да это же он, наш сосед! Не может быть!

Вся грудь старика была увешана орденами и медалями. Я не мог оправиться от шока. Петрович – лётчик, да ещё и генерал? Мне стало жарко. Лицо покрылось испариной. Ветеран, поздоровавшись с нами, окинул взглядом класс. Я втянул голову в плечи и затаил дыхание. Федька, взглянув на меня как-то растерянно, стал что-то искать под партой.

Рассказ Николая Петровича о его боевом пути в морской истребительной авиации окончательно сразил меня. Оказывается, он прошёл всю войну, освобождая нашу Родину и другие страны от фашистских захватчиков!

– Лётчики-истребители – гордость России! И тот, кто хочет стать лётчиком, должен быть стойким и мужественным, дисциплинированным и организованным, беззаветно любить Родину. Но кем бы вы ни стали, мои юные друзья, берегите честь смолodu так, как мы её берегли, – такими словами Николай Петрович закончил своё выступление.

Федька вылез из-под парты и, пригнувшись, шёпотом спросил у меня:

– Честь смолodu беречь, это как?

– Яблоки воровать не надо и обзывать, – скорчив дурацкую мину, прошипел я.

Классный руководитель, поблагодарив ветерана, вдруг посмотрела на нас с Федькой и неожиданно сказала:

– Николай Петрович, я хочу прикрепить к вам двух хороших мальчиков. Они будут ухаживать за садом, помогать по дому. Ребята, подойдите сюда. Эти минуты показались мне самыми трудными в жизни. От стыда я готов был провалиться сквозь землю. В этот момент я, кажется, начал понимать, что значит беречь честь смолodu. Но Николай Петрович, видимо, не заметив моего смущения, приветливо улыбнулся нам, пожал руки и пригласил в гости.

Домой я летел как пуля. Всё перемешалось во мне: и стыд, и одновременно радость. Я честно рассказал всё бабуле. Она, к моему удивлению, не стала меня ругать, а только сказала:

– Ну, вот и правильно, помогайте ему, никого у него нет. Жена и дети умерли от голода в блокадном Ленинграде, а ногу он потерял при штурме Берлина.

Вечером мы с Федькой собрали все сухие ветки в саду, которые сами и поломали, когда воровали яблоки, подмели двор, натаскали в бочку воды.

– Как ты думаешь, Санька, мы честь свою уже поправили? – спросил Федька, заглядывая мне в глаза.

– Поправили, Фитиль, поправили, – забыв, что нельзя обзывать, устало проговорил я.

В этот момент на крыльце появился Николай Петрович.

– Спасибо вам, ребята, я сейчас поставлю чай, а вы нарвите персиков, да побольше, чтобы и домой взяли.

Мы пили ароматный чай с бабушкиными пирожками, смотрели альбомы с фотографиями, а Николай Петрович рассказывал нам о своей жизни. На одной из фотографий мы увидели мальчика, играющего в футбол.

– Это внук. Он попал под бомбёжку. Ему было двенадцать лет, – грустно проговорил Николай Петрович. – Когда смотрю на играющих мальчишек, как будто вижу среди них его.

Мы с Федькой переглянулись. Так вот почему он не пропускал ни одной нашей игры...

Зима подкралась незаметно. Бабуля заболела и уже не выходила во двор. Дрова колол Николай Петрович, а потом мы вместе растапливали печь, заваривали чай, как могли, веселили бабушку. Но к весне её не стало.

Я хорошо помню этот день... Суетились и бегали туда-сюда женщины в чёрных платках, мужики таскали столы, во дворе на брёвнах сидела притихшая деревенская ребятня. Вечер опустился незаметно. Все разошлись. Я ушёл в сарай, зарылся с головой в сено. С уходом бабушки мир для меня рухнул...

Вдруг скрипнула дверца, и на пороге сарая с большой бутылкой самогонки появился местный пьяница Гошка.

– Не реви, Санька, надо помянуть Ивановну, вставай!

Он достал гранёный стакан, обтёр его рукавом своей давно не стираной рубахи, налил в него самогонки и трясущимися руками протянул мне.

– Пей до дна, Санька, поминай!

Я отхлебнул глоток мутной жидкости и почувствовал, что теряю сознание.

Голос Николая Петровича привёл меня в чувство.

– Ты зачем мальчика спаиваешь? Ну-ка быстро иди отсюда, и чтобы я тебя рядом с ним никогда не видел!

Он выхватил стакан из рук Гошки и отшвырнул его вглубь сарая. Гошка, ругаясь, на четвереньках выполз во двор. Николай Петрович взял меня на руки и отнёс в дом.

Проснулся я только к обеду. В печке весело потрескивали поленья, а на столе аппетитной горкой были сложены пирожки. Николай Петрович, весь перепачканный мукой, наливал в кружки молоко.

– Пробуй, Санька, для тебя старался. – Он сел рядом со мной и потрепал меня за волосы. И в этот момент мне показалось, что нет на свете никого роднее и ближе этого человека...

Всю неделю приезжали какие-то люди из района, грозилась отправить меня в детский дом, на что Николай Петрович говорил им, что никогда не допустит этого и что у него уже почти готовы документы для опеки. Слово своё он сдержал, нас оставили в покое, и началась для меня новая, полная впечатлений и событий жизнь.

Каждое утро мы с Петровичем начинали с зарядки, потом обливались прохладной водой, завтракали, и я бежал в школу. Не за горами экзамены на аттестат зрелости, поступление в лётное училище. Николай Петрович то ли в шутку, то ли всерьёз часто твердил:

– Вот сделаю из тебя настоящего защитника Родины – и умирать не страшно...

Школу я окончил с золотой медалью, поступил в лётное училище, что было большой радостью не только для Николая Петровича, но и для всех наших односельчан.

Пять лет пролетели как один день. И вот я еду к единственному в моей жизни родному человеку. Под равномерный стук колёс проплывают в моей памяти одна за другой картины детства... Следующая остановка моя. Я слезаю с верхней полки и, к моему удивлению, вижу, как мальчик с матерью сидят рядом с ветераном и рассматривают его награды. Встретившись со мной взглядом, мать опустила глаза...

«Слава Богу, – подумал я, – совесть, видно, есть...» – Я обнял ветерана, попрощался с ним, подмигнул мальчонке и пошёл к выходу.

Деревня встретила меня тонким ароматом первых весенних цветов и запахом только что испечённого хлеба. И чем ближе я приближался к дому, тем сильнее стучало моё сердце. Я влетел во двор, не чувствуя под собой ног.

В кресле под яблоней, укрытый шерстяным пледом, сидел Николай Петрович, а чуть поодаль два мальчугана наводили порядок во дворе. Увидев меня, одетого в форму лётчика, они радостно закричали:

– Николай Петрович! Ваш сын-лётчик приехал!

– Да, это мой сынок, – дрожащим голосом произнёс Николай Петрович, – мой мальчик приехал! Я крепко обнял его и почувствовал, как бьются в унисон наши сердца, сердца двух любящих людей...

Последнее время Николай Петрович перестал выходить в сад. Я чувствовал, что силы покидают его. Однажды он подозвал меня и сказал:

– Я рад, что сумел воспитать тебя настоящим человеком. Береги свою честь и помни: на земле много стран, а Родина у тебя одна, люби её и служи ей верою и правдой.

Я взял его руку и почувствовал слабое биение пульса...

С уходом Николая Петровича я как будто осиротел. Дни казались мне похожими один на другой. Я листал альбомы с фотографиями, подолгу рассматривал доставшиеся мне в наследство ордена и медали. Рыжий Федька по старой дружбе часто заходил ко мне, пытаясь скрасить однообразие моего затянувшегося отпуска. Он окончил школу милиции и работал местным участковым. Давно женился и воспитывал сына Ромку шести лет, забавного мальчугана, такого же рыжего, как и он сам.

– Завтра пойдём на парад. День Победы всё-таки, – сказал Федька. – Пусть малой посмотрит на ветеранов.

Утро девятого мая выдалось свежим и солнечным. По всей округе стоял необыкновенный запах сирени. Я срезал несколько веточек и отдал их Ромке.

– Поздравишь ветеранов, – сказал я и, посмотрев на Федьку, заулыбался. Тот в ответ подмигнул мне, давая понять, что хорошо помнит тот классный час.

Вся площадь была забита людьми. Рядом с трибуной на длинных лавках с красными гвоздиками в руках сидели ветераны.

– В этом году их намного меньше, – сказал Федька и тяжело вздохнул.

– Уходят... И их уход мы не в силах остановить...

Когда зазвучал гимн России, все ветераны, даже те, кто держался за костыли, встали. Я смотрел на них, полных беззаветной любви к Родине, и думал:

– Поистине героическое поколение! Откуда в них эта невероятная сила воли и выдержка? Победили фашизм, подарили нам и нашим детям мирную жизнь, восстановили разрушенную страну. А скольких ребятишек, таких, как мы с Федькой, научили уму-разуму, сделали настоящими людьми. Как же им удавалось всё это? И вдруг понял я до конца смысл слов Николая Петровича:

– Берегите честь смолodu, как мы её берегли...

Берега Памяти

Андрей Иванов

Андрей Иванов – коренной светловчанин, поисковик и краевед. Поисковой работой начал заниматься с выходом на пенсию. До этого служил в органах государственной безопасности и таможенных органах. Является одним из создателей электронной Книги Памяти Калининградской области и членом общественной организации «Наследие Калининградской земли». Печатался в газете «Светловские вести».

Битва под Циммербуде (город Светлый Калининградской области)

Это основанный на документах рассказ о трагических, ещё не до конца исследованных событиях начала февраля 1945 года, произошедших в 5 километрах северо-западнее Циммербуде (Светлый) за 69 дней до взятия посёлка нашими войсками. Долгие годы считалось неpolitкорректным повествовать о поражениях, тем более о поражениях последних месяцев победоносной войны. Лишь ставшие доступными архивы позволили приоткрыть суровую правду о тех далёких боях, которые для многих солдат и офицеров Красной армии стали последними в жизни. Стали днями их подвига и славы.

В результате стремительного зимнего наступления Красной армии в Восточной Пруссии уже в ночь с 29 на 30 января 1945 года части 39-й армии генерала Людникова штурмом овладели важными узлами коммуникаций немцев Зеераппен (пос. Люблино) и пригородом Кёнигсберга Метгетен (пос. им. А. Космодемьянского), а на следующий день перерезали единственную оставшуюся в руках немцев шоссеюную дорогу, идущую из Кёнигсберга на запад вдоль северного побережья залива Фришес-Хафф (Калининградский залив) к военно-морской базе Пиллау (Балтийск), Гросс Хайдекруг (пос. Взморье) в 14 километрах западнее Кёнигсберга, отрезав город от Земландской группировки противника. В это время с юга 11-я гв. армия генерала Галицкого вышла к заливу в районе посёлка Хайде-Вальдбург (пос. Прибрежное), завершив оперативное окружение крепости.

Положение немецких войск на начало февраля 1945 года на Земландском (Калининградском) полуострове становилось критическим. Именно поэтому части и соединения 39-й армии продолжили своё наступление на запад.

В это время оборонявший г. Мемель (Клайпеда) 28-й армейский корпус вермахта скрытно оставляет город и выходит по Куршской косе (Курише Нерунг) на северную часть Земландского полуострова. Попытки по блокированию и уничтожению корпуса провалились. Эта 20-тысячная сохранившая боеспособность группировка немцев внезапно обрушилась на тылы нашей 39-й армии, смела их и в одночасье перехватила стратегическую инициативу в пользу вермахта. В результате уже к вечеру 7 февраля 91-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Кожанова оказалась в полном окружении в районе посёлка Гермау (пос. Русское). Возникла реальная опасность окружения всех передовых частей 39-й армии генерала Людникова.

Начало февраля, окрестности Циммербуде

Наступающая на левом фланге 39-й армии 24-я гвардейская стрелковая Евпаторийская Краснознамённая дивизия полковника Домрачева, выполняя задачу по овладению северным берегом залива Фришес-Хафф на участке Неплекен (ныне не существует), Циммербуде, Видиттен (пос. Ижевское), 2 февраля атаковала противника в направлении Циммербуде, но только к утру 4 февраля, преодолевая упорное сопротивление противника, смогла овладеть посёлком Видиттен. 5 февраля после повторной безуспешной атаки в направлении на Циммербуде, встретив сильный перекрёстный огонь с берегов реки Ляуке Флис (Чёрная речка), части дивизии начали вынужденный обходной манёвр вдоль отводного канала по направлению на Неплекен. К концу дня после ожесточённого боя дивизия овладела местечком Коббельбуде (лесничество) и вышла в район западной опушки леса между Кёнигсбергским отводным каналом, заливом Фишхаузенер Вик (бухта Приморская) и рекой Форкенер Флис (Нельма).

Впереди было пересечённое мелиоративными каналами и небольшими дамбами-дорогами ровное заснеженное поле с одиноким покинутым хуторком (хутор Крагау). Сквозь вечернюю дымку в отдалении через бинокли были отчётливо видны черепичные крыши Пиллау и Фишхаузена (Приморск), замёрзший залив идвигающаяся по дамбе одиночная повозка гонимых войной беженцев. В эту ночь перед боем бойцы, измотанные тяжёлыми двухмесячными боями, отдыхали, кто-то спал чутким солдатским сном, кто-то дописывал письмо маме, а кто-то всматривался в глаза любимой на потёртой пожелтевшей от времени фотографии. Командиры не спали: в дивизии сильнейший некомплект личного состава – по 9–15 активных штыков в стрелковых взводах, тылы отстали, обескровленные механизированные части завязли на других участках. А в это время совсем рядом, на северном фланге дивизии, в ночь с 5 на 6 февраля разгорелось настоящее сражение за населённый пункт Форкен (ныне не существует), находившийся восточнее Блюдау (пос. Кострово), который трижды за ночь переходил от противника к нам.

По приказу командования 39-й армии в течение ночи 6 февраля 24-я гвардейская дивизия перешла в наступление в направлении залива Фишхаузенер Вик (бухта Приморская). В тот момент, когда до залива оставалось около сотни метров, яростный артиллерийско-миномётный и пулемётный огонь противника с дороги-дамбы, ведущей вдоль берега залива, остановил продвижение.

План операции по окружению и дальнейшей ликвидации прорвавшихся на запад вглубь полуострова советских частей 39-й армии был тщательно разработан немецким командованием. Основная роль отводилась частям 548-й дивизии народных гренадеров и механизированной бригаде штурмовых орудий «Земланд». В результате сходящегося удара немецких частей с севера из района Блюдау и с юга из района восточнее Неплекена уже утром 6 февраля прорвавшиеся к заливу наши полки оказались в полном окружении севернее населённого пункта Неплекен, зажаты между Кёнигсбергским отводным каналом и рекой Форкнер Флис.

Схема действия частей 24-й гв. сд 6–8.2.45 г.
ЦАМО, Фонд: 1099, Опись: 23919а,
Дело: 3, Лист начала документа в деле: 21

Из журнала боевых действий

24-й гвардейской стрелковой Евпаторийской Краснознамённой дивизии:

В 9.00 противник силой до батальона пехоты при поддержке 4-х танков из роуци в 1 км южнее Блюдау контратаковал наши подразделения в направлении хутора Крагау в юго-западном направлении, одновременно силами до двух рот пехоты контратаковал в южном направлении. В 10.00 противник силой до батальона пехоты при поддержке 3-х танков из района роуци восточнее Неплекен контратаковал боевые порядки частей дивизии на север, и силой до батальона пехоты и 5 танками с запада. Вследствие превосходящих сил противника ему удалось потеснить боевые порядки дивизии и отрезать с востока в районе хутора Крагау 72-й гвардейский стрелковый полк и один батальон 71-го гвардейского стрелкового полка, которые заняли круговую оборону и под сильным артиллерийско-миномётным огнем в течение дня 6-го февраля отражали яростные атаки противника, нанося ему большой урон в живой силе и технике. Полки по приказу комдива с боем прорвались из окружения к основным силам дивизии на рассвете 7 февраля, захватив при этом четырех пленных немецких солдат. В этом бою потери дивизии составили убитыми – 106, ранеными – 197 человек.

Этот неравный бой стал последним для многих наших бойцов. В этот день пали смертью храбрых парторг полка гвардии майор Абрамчиков Алексей Андреевич, не щадя жизни личным примером

На месте боя 9 мая 2020 года на берегу бухты Приморской состоялось открытие памятного места, посвящённого трагическим событиям февраля 1945 года и окружению группировки немецко-фашистских войск в апреле 1945 года на полуострове Пайзе. Памятное место сооружено усилиями клуба «Восход» города Светлый с разрешения властей Зеленоградского городского округа при участии неравнодушных меценатов.

погиб смертью храбрых в рукопашном бою (награждён орденом Отечественной войны 2-й степени посмертно)... Тяжело раненного заместителя командира полка гвардии майора Черепенина Михаила Петровича, за этот бой награждённого орденом Красного Знамени, бойцы вынесли на руках из окружения вместе с другими ранеными. Гитлеровцам удалось взять в плен только одного контуженного, израненного и потерявшего сознание гвардии сержанта Рыбалко Игната Васильевича, прикрывавшего выход из окружения основных сил полка. После Победы освобождён частями 48-й армии, ошибочно увековечен на воинском захоронении пос. Русское.

В период с 19 по 25 февраля 1945 года немцы на Земландском полуострове перешли в наступление по всему фронту и силами нескольких пехотных и 5-й танковой дивизии нанесли по частям 39-й армии генерала Людникова одновременные встречные сокрушительные удары со стороны Фишхаузена и Кёнигсберга (операция «Западный ветер»). 19 февраля 1945 года, во избежание окружения нашими войсками, оставлен Гросс Хайдекруг. 20 февраля немецкие части встретились у населённых пунктов Зеераппен и Метгеттен. В результате этих боёв Кёнигсберг с запада был полностью деблокирован.

Послесловие

Сегодня установлены имена 49 не вышедших из окружения героев, в том числе 11 офицеров. Похоронить во время боя смогли лишь четверых: гвардии младшего сержанта Лукиенко Н. Г. и гвардии красноармейцев Ермоченко М. И., Упорова П. А., Михайлецкого Н. С. Тела остальных воинов так и оставались лежать на поле боя под серым чужим небом на кроваво-грязном немецком снегу, пока жители Неплекена по распоряжению коменданта не захоронили их в ближайших свежих воронках. Шли годы, холмики на могилах постепенно разрушались, порастая бурьяном и кустарником, да и само поле долгие годы оставалось бесхозным и заболотилось, здесь уже ничто не напоминает о тех трагических днях. А забытые всеми, принявшие здесь смертный бой солдаты, видимо, как в той песне, стали просто землёй и травой да полевыми цветами, а разговаривают они с нами голосами прилетающих сюда каждую весну птиц. Так уж получилось, что сегодня практически невозможно отыскать и установить точные места всех этих первичных захоронений. Но сегодня открываются архивы и появляется возможность назвать поимённо всех павших смертью храбрых в том страшном бою. Наш долг – увековечить память о них, обо всех...

Ведь без памяти о прошлом не может быть будущего.

Земля под ногами гитлеровцев содрогнулась, когда в апреле 1945 года 24-я гвардейская стрелковая Евпаторийская Краснознамённая дивизия штурмовала Кёнигсберг и принимала участие в Земландской операции, наступая на Пиллау... *«И это поле снова наше, и мы с тобой смогли дожить!»*

Берега Новороссии

Ольга Блюмина

Родилась в шахтёрском городе Селидово Донецкой области. Окончила Институт иностранных языков в Горловке, в котором много лет работала преподавателем филологических дисциплин на кафедре общего языкознания и славянских языков.

Кандидат филологических наук. Докторант кафедры русского языка Донецкого национального университета. Занимается изучением творчества Николая Ивановича Тряпкина в рамках лингвоконцептологического подхода. Автор порядка сорока исследовательских работ в области лингвистики и литературоведения. Член Комиссии по сохранению культурного наследия выдающегося русского поэта Николая Тряпкина. Все годы гражданской войны в Донбассе оставалась в Горловке. Гражданка ДНР. А с недавнего времени – и России.

Мелодия преображения

(Рассказ Алексея Полуботы «Предзимье»)

Самое первое вполне осознанное чувство, которое испытываешь после погружения в мир прозы Алексея Полуботы, – чувство естественной музыкальности этого мира. Мелодия ритма и образности создаёт концептуальную динамику смыслового развёртывания в рассказе «Предзимье».

На наш взгляд, мелодика в рассказе выступает именно как «одно из проявлений фундаментальной закономерности природы – её ритмичности, как факт, который служит целям текстообразования вообще и основой эстетической организации художественного произведения в частности» [9]. Речь повествователя устроена особым образом, что «слово обрастает дополнительными смыслами, по своей семантике, приближаясь к стихотворному» [6, с. 290].

Сокрытая символика рассказа для меня разворачивается в образ речушки, которая в беспокойном своём, прерывистом, перекатном потоке, чередующемся с плёсами, набирает силу, становясь всё шире и уверенней в своём течении. **Преображённая** таким образом, она, тем не менее, продолжает оставаться всё той же небольшой речонкой, пробивающей себе путь к широким просторам.

Ощущение многоуровневого пластического движения, актуализированного лексико-семантическими, грамматическими, выразительными языковыми средствами, овладевает читателем с самого начала произведения. Развитие сюжета уже с первого абзаца задано опорными **временными** точками течения человеческой жизни. И расположены они в **обратном порядке**. Для заглянувшего в эту воронку времени читателя едва различимо начинает проступать мотив **возвращения**, мотив **обретения** утраченного. Сначала герою «запомнился **пожилой человек, несущий полную корзину... грибов**». Далее повествователь делает акцент на собственном возрасте: «**Это был первый грибник, которого я увидел за восемь лет жизни в столице**». Последнее же звено в этой цепи «**двухлетний сынишка**». И эта единственная пора, которая предваряется параллельным антропоморфным перифрастическим наименованием молодых подосиновиков – «**весёлый выводок**». «**Весёлый выводок**» подосиновиков и «**двухлетний сынишка**» образуют точку пересечения двух взаимодействующих начал – природного и человеческого, мотив пути определён не только ближайшей целью – выбрать-ся в лес за грибами (в первых строках, где тема о грибах – полнозвучна, рассказчик и не говорит о том, что он собирался по грибы), к ближайшей видимой границе начатого движения, но и к чему-то более отдалённому, отражающему внутренний мир героя.

Первая строка «**год выдался щедрым на лесные дары**» очерчивает круг читательского восприятия, устанавливая соотнесённость с некоторым циклом. На первый взгляд, городское простран-

ство обрисовано в первых четырёх абзацах всего лишь несколькими словами. Основными: «жизни в столице», «московская зима», и дополнительными: «отсыревший за день асфальт», «духота переполненных электричек». Но это только на первый взгляд, потому что описание столицы аранжировано лексемами из негородского семантического поля: «отборных, крепких даже на вид грибов», «выбраться в лес», «азарт тихой охоты», «весёлый выводок... подосиновиков», «грибы-переростки», «осклизлые, почти обесцветившиеся тела». Характеристика московского временного отрезка жизни героя, переданная словами из другой тематической группы, усиленная лексико-семантическими и корневыми повторами, синонимией: «грибной», «грибник», «грибов», «лесные дары», «благодатной поре» и проч., изменяет городское пространство, оно даже отдалённо не похоже на то, каким является в действительности. Внутреннее чувство героя устанавливает его очертания. И в них очень мало городского шума, зато ясно слышится слабый, но не умолкающий голос леса, природы, живого простора. Лёгкое незатихающее журчание ручья, шёпот ветра в верхушках свободных деревьев, или в «просветах между деревьями мелькает глянцевитый блеск чёрной, быстро бегущей воды».

Лето, мелькнувшее в начале повествования, как пространственно-временной мостик, транзитная станция на пути к конечной цели путешествия, продолжает поблёскивать среди заполярного осеннего ландшафта: «И всё-таки лето не до конца ушло отсюда».

Поэтическая цветопись рассказа – одна из мелодических линий, осуществляющих гармоническое единство текста. Вообще, использованию цветообозначений и слов с неконкретным цветовым значением в рассказе Алексея Полуботы «Предзимье» следует посвятить отдельное исследование.

В пределах рассматриваемой темы мы коснёмся лишь нескольких ключевых моментов.

Тональность цветовой палитры осенней тундры – светлая, солнечная. По этому основному тону и сделан рисунок, причём наполненные светом блики и мазки преобладают.

До последних абзацев оттеночные значения лексемы «светлый» создают некий ценностный ориентир мировосприятия, берущий начало в русской этнокультурной цветовой картине мира, в которой с представлением о солнечном свете сочеталась идея красоты: первоначальное значение у слова красный – «светлый, яркий, огненный»: «бледно-жёлтый разлив заполярной осени»; «сверкающие солнцем мокрые ячеи»; «драгоценные форели и кумжи, сверкнув золотом»; «защеленная мглой позолота берегов»; «мягкое золотое сияние ранней осени»; «тундра улыбается в лучах выглянувшего солнца»; «царство светлой воды»; «ярким всплеском»; «её тело, вобравшее солнце, само излучает свет». А «чёрный» и «нецветные» тёмные слова словно добавлены к солнечной краске, только не смешаны с ней, а точками и прожилками, сквозистой резьбой чертят светлый простор: «опускаются на холодное, чернеющее илом дно озера»; «по водной глади скользят, замирая, отражения пепельных облаков»; «защеленная мглой позолота берегов»; «мелькает глянцевитый блеск чёрной, быстро бегущей воды»; «тёмным осколком неведомо когда разбившегося зеркала», «избушку легко принять за большой, тёмный валун»; «чернеющей равнине озера»; «на тёмной, мягко мерцающей гальке». Деривационные, лексико-семантические, синтагматические средства экспликации колоративных слов подчинены идее образа чёрного на белом, а не наоборот. Сопротивопоставление светлого и тёмного скорее похоже на сопротивопоставление света и тени, нежели света и тьмы. «Драгоценные форели и кумжи, сверкнув золотом в тёмной глубине воды, через мгновение оказываются на мокром в грязных разводах дне лодки». «В голубой тишине над сопками беззвучно скользит чёрный вороний силуэт». «Солнечные лучи проникают до самого дна, играют на золотистом песке, на тёмной, мягко мерцающей гальке». В двух последних примерах антонимичные образы соединяют две грани бытия, но не контрастирующие, а имманентные. И лишь к концу повествования, к минуте прощания, светлая символика уступает место тёмной: «Низкие облака свинцовыми космами задевают сопки», «озеро чернеет строго и непроницаемо», «Из провисающих хмурых туч начинает сыпаться снег», «Голубые лопасти лихорадочно окунаются в беспокойную, чёрную, как смола, воду». Вполне очевидно, что момент прощания представляет собой одновременно и момент возвращения. Поэтому не увеличивается тень и нет ни капли печального чувства ни у героя рассказа, ни у читателя.

Особую ритмику создают двойные эпитеты, одна из моделирующих характерных особенностей, организующих художественный мир Алексея Полуботы. В этом рассказе с бликующим преломляемым пространством двойной эпитет помимо функции детализации художественного мира становится

«композиционно-смысловой доминантой» [3, с. 243], каждое его употребление имеет символическое значение, формирует причинно-следственные соотношения между смысловыми частями текста, даёт ключ к пониманию информации подтекстовой, текст рассказа словно бы прошит двойными определениями, создающими концептуальную сетку произведения. С эпитета *«бледно-жёлтый»* начинается описание заполярной осени. Уходящая, но ещё не ушедшая солнечность усилена не только двучленной семантикой колоратива, но поддерживается односложными прилагательными: *«маленькие жёлтые листья»*, *«сверкающие солнцем мокрые ячеи»*. Оценочность же отчётливо проявляется в связке *«бледно-жёлтый»* – *«бледно-зелёный»* в соседствующих абзацах. Ослабленная насыщенность **жёлтого** (цвет солнца, цвет золота) и **зелёного** (цвет надежды, цвет возрождения) проявляется как отношения **всеобщего** и **единичного**: *«Бледно-жёлтый разлив заполярной осени уже идёт на убыль»*; *«На склонах сопок ещё попадаются островки бледно-зелёной листвы. Я благодарен стойкости неизвестных мне деревьев»*. Трёхцветное предложение *«Маленькие жёлтые листья падают на иссиня-чёрную воду»* придаёт законченности этому небольшому пространственно-идеологическому слепку. *«Я и отец»* вписаны в пейзажную рамку, цветовая символическая гамма которой зрительно предопределяет направление читательского восприятия. Солнечный цвет опускается на тёмную (не чёрную) гладь озера. Цветовое движение образует **крестообразную** пространственную модель мира, являющуюся, на наш взгляд, одним из ключевых образов рассказа. То, что происходит в лодке, происходит меж двух скрещённых цветовых рубежей: **«жёлтого»** – **«иссиня-чёрного»** и **«голубого»** – **«чёрного»**.

Первая строка рассказа, настраивающая читателя на представление о цикличности времени, – *«год выдался щедрым ...»*, почти сразу приобретает ценностное значение сакральности повторяющегося события, и прямая линия мотива пути сплетается с временным круговоротом, чтобы сойтись в священной сердцевине – **осеннем заполярном озере**. Цикличность времени вписана в цикличность ритмического рисунка: следом за обобщающим **«год»** каждый новый абзац начинается с соединительного союза или частицы: *«Да ещё достались вот эти, не раз схваченные ночными заморозками, разбухшие от влаги грибы-переростки»*, *«Ещё в феврале я загрустил о лете»*, *«И вот лето прошло»*, однако ход мысли, похожий на равномерные удары пульса, сбивается употреблением наречия **«порой»**, вносящим некоторое волнение в гармонические смысловые колебания: *«Порой под шум дождя я щекотал себя мыслью, что неплохо бы провести осенний отпуск на Чёрном море...»* Такое плавное нанизывание абзацев синтаксически продолжает движение, которое уже началось, – внутреннее движение лирического героя (см. временные этапы жизни в начале).

Волна времени выносит нас к *«бледно-жёлтому разливу заполярной осени»*. Лето, продолжающее бросать свои блики, утрачивает значение поры года: приметы лета в рассказе – это воплощение солнца, представление о солнце, переживание его присутствия. Память о солнце становится языком для выражения эстетических и тонких нравственных категорий: *«Отец метр за метром приподнимает сверкающие солнцем мокрые ячеи»*, *«Царство светлой воды»*, *«Солнечные лучи проникают до самого дна, играют на золотистом песке, на тёмной, мягко мерцающей гальке»*. В художественной системе цветообозначений Алексея Полуботы поле цветолексемы **«золотой»** является сквозным и маркирует высшие ценностные категории [см. Блюмина О. В. Семантика цветописи в лирике Алексея Полубота; 10].

С этого момента глаголы в форме прошедшего времени сменяются глаголами в форме настоящего, окончательно утверждающими читателя в том, что дальнейшее повествование – это и есть главное, основное; то, что будет и должно повторяться в человеческой жизни. Не случайно герой возвращается к не так давно пережитому: *«Когда-то, года три или четыре назад, мы рыбачили здесь. Я оживал тогда после тяжёлой испепеляющей любви. Заново открывал для себя мягкое золотое сияние ранней осени»*, и, как вариант **обратимости необратимого**, – воспоминание о детской рыбалке с отцом. Интересно, что прошлые события жизни героя обозначены прошедшим временем, но прошедшим длительным, **имперфектным**, в очередной раз размыкающим пространственно-временные рамки.

Однако пространство, в котором мальчик рыбачил с отцом, «не простое». Пространство это не бытовое, но **«волшебное»** (классификация Ю. М. Лотмана), мифичность его обусловлена лексикой с заданной семантикой **нереальности**: *«загадочным названием Дракон»*, *«причудливо изогнутых»*, *«заколдованной бледно-голубой тишиной»*, *«завораживающей отчётливостью»*, и не явными, но поддерживающими ощущение некоторой запредельности происходящего словообразовательными и синтагматическими средствами: *«причудливо изогнутых»*, *«ледок... потрескивал»* – слабо

выраженная степень интенсивности проявления действия (по– + -ива-) неожиданно соединяется с противоположной характеристикой того же действия – «с замораживающей **отчётливостью**», а в следующей фразе «**потрескивание нетронутого ледка**» становится **самым громким** звуком в заколдованной тундре: «*Мы шли тогда к скалистому озеру с загадочным названием Дракон. Прозрачный воздух искрился солнечной позолотой... На тонких ветвях причудливо изогнутых деревьев ещё светились золотые и медно-багряные листья. Нетронутый ледок под сапогами потрескивал с замораживающей отчётливостью. Не считая редких весёлых восклицаний отца, это были самые громкие звуки в заколдованной бледно-голубой тишиной тундре*». Происходит семантический сдвиг: основной прерывисто-смягчительный компонент семантики глагола «**потрескивать**» затухает, проявляя значение, приобретённое «при совместной реализации с семантически ключевым словом» [5], – «в заколдованной... тундре», которое и обеспечивает смысловую эквивалентность разнонаправленным значениям.

Тематическое поле «волшебной» лексики, представляющее собой ассоциативный семантический повтор, предопределяет непрерывность трансформируемого образа. В этом таинственном мире главные и неглавные детали легко смешиваются, меняются местами. Смысловые колебания получают значение **звукописи**, начинают звучать; речь не идёт о собственно звуковой инструментальной речи, эвфонии, или об использовании слов-звукообозначений, акцентирующих художественную мысль автора, или выступающих в символической параллельной роли образов и событий (например, **ручей**, который по-разному шумит в разные периоды жизни героя рассказа «Предзимье», или **ветер**, который **стихает** под вечер). Контекстные метаморфозы **потрескивающего ледка** совсем иного плана. Так же, как и **говорливость** старика, хозяина **избушки**, это не просто дополнительная портретная характеристика его личности. В **тепле** человеческого жилища, посреди тундры, **тёплый** разговор в конце концов «**затухает**», «**словно пламя костра, в которое лень подбросить дров**», и рассказчик «**потеплей**» укрывается «**ватником**» и засыпает. Главное в созданном эмоциональном поле, безусловно, ощущение **тепла**. И «**говорливость старика**» сливается с голосами осенней природы, замирающей на время перед надвигающейся зимой. **Говорливость** хозяина **избушки** в тёплом замкнутом пространстве сменила звук того самого ручья, к которому герой уже прислушивался. А наутро **избушка** не проронила ни слова, зато в забытой на валуне кружке «**весело позвякивают льдинки**». Так вот, на наш взгляд, здесь мы имеем дело с **семантической звукописью**, когда семантика звука, вплетённая в идеологическое текстовое полотно, является одним из узлов развёртывания идеи, мотивирующем её развитие, и представляет собой элемент структуры более высокой организации, чем фоника художественного слова, поскольку при всём многообразии функций звуковой организации речи они все, так или иначе, не выходят за рамки функции описательной. В ритмической же составляющей плана содержания эти звучащие слова наделены функционально-образной нагрузкой и имеют «лейтмотивный характер».

В рассказе волшебное пространство детской рыбалки с отцом представляет собой точку, место, откуда ясно, но по-другому видится обыденный мир, ток времени; сиюминутность наполняется всеобщностью: «*Всех этих воспоминаний детства не могло быть без отца. Поэтому я не осуждаю его*». Волшебный мир вкраплён, как островок, в художественное полотно произведения. А в бытовом пространстве вторит ему **избушка**, в которой остаётся на ночь герой и его отец: «*В темноте избушку легко принять за большой, тёмный валун*». И это единственное, замкнутое и вполне бытовое пространство рассказа всё же является тоже своего рода островом, местом, куда можно причалить и откуда предстоит двинуться дальше. На следующее утро, последнее утро рыбалки, из **избушки** героя встречает новое состояние природы: «*Открыв глаза, я вижу, как струится в приотворённую дверь рассеянный, но необыкновенно ясный свет. Я вскакиваю и выхожу из избушки. Так и есть – первый осенний снег. Верхушки сопки свежо белеют на фоне пасмурного неба. Замершая над оконченившим болотцем сосна протянутой лапой ловит редкие промельки снежинок... Мне вдруг вспоминается ранняя юность, такая же ясная, отзывчивая на новые впечатления, как это утро*». Новое это состояние тут же поселилось в сердце рассказчика: «*И хотя ещё вчера мне казалось, что жизнь ушла из ручья, сегодня, глядя на его весёлые, переливчатые струи, мне не хочется верить в это*». В приотворённую дверь **реальной** **избушки** заглянуло **иное** мироощущение.

В рассказе происходит постоянное взаимодействие миров. Находясь в одном из них, чувствуешь присутствие другого – **иного** – мира. Но миры эти, невзирая на свою несхожесть, не противопоставле-

ны. Перемещение героя в обладающем реальной протяжённостью внешнем пространстве – плавное, постепенное, похожее на сменяющие друг друга пейзажи по берегам реки для наблюдателя, плывущего в лодке. Такая плавность сродни музыкальной гармонии. Мир этот целостен в первую очередь внутренними своими связями, которые непросто разрушить, но и постичь нелегко. К их постижению и направлено пространственное движение в рассказе, ибо «для того, чтобы стать возвышенным», художественное пространство «должно быть не только обширным (безграничным), но и направленным» [2, с. 342]. Читатель выходит за пределы городского бытия (которое, как мы уже видели, не имеет чётких границ с негородским) так, как будто лодку, в которой он плывёт, качнуло, и вот за поворотом реки открывается желанный окоём. Из московской осени герой попадает в заповедное время – осень на озере, в тундре. И это очевидное восхождение к следующей ступени в иерархии пространств, пересечение двух движущихся миров: **внутреннего** и **внешнего**. Типизация ситуации, космичность ощущения «своего» и «всеобщего» во многом основаны на **неупотреблении** в тексте **имён собственных**. То есть роль собственных имён в художественном произведении, которые «характеризуются наибольшим отождествлением имени и обозначаемого объекта» [2, с. 112], в рассказе не релевантна эмоциональному, психологическому, идейно-эстетическому подтексту. Текст для читателя всегда одновременно является частью действительности и средством объяснения эмпирической реальности, и может быть, поэтому человеческие взаимоотношения в свете отсутствия у персонажей собственных имён задают для читателя некоторую жизненную модель этих самых взаимоотношений.

Личные местоимения и существительное «отец» определяют тональность читательского восприятия. Описание рыбалки начинается с объединяющего «Мы»: «*Мы проверяем сети*». И уже в следующем предложении общность «мы» разбивается на «я» и «отец»: «*Я и отец в небольшой резиновой лодке*». И дальше: «*Вдыхающие ветром берега кружатся вокруг нас*». Я и отец, переживаемое как отдельность в маленьком колеблемом пространстве (*в небольшой резиновой лодке*), естественно и оправданно. Однако как только пространство расширяется, две раздельные точки снова сливаются в одну. Причём позиция наблюдателя неподвижна, *кружатся берега* – первый рубеж отдаляющегося горизонта: «при бескрайности... пространства передвижение наблюдателя будет проявляться как движение неподвижных предметов, заполняющих простор» [2, с. 312]. «Я», «отец» и «мы» постепенно устанавливают своеобразную гармонию движения. Действия отца и сына порознь напоминают ритмичность пасов в парной спортивной игре (например, в теннисе), правила которой не предполагают участия одного, но и тандем в ней – это не пара, а противостояние: «*Отец метр за метром приподнимает сверкающие солнцем мокрые ячеи. Я осторожно работаю вёслами, стараясь, чтобы лодка не уходила в сторону*». Однако объединённая множественность «мы» возникает не только для проявления совместных усилий: «*Мы проверяем сети*», или в момент, когда пространство сужается до границ лодки (см. выше), «*Время от времени мы наплываем на сеть*», но также в совместном **предстоянии** перед **вечностью**, ощущением безмерности окружающего пространства: «*Над нами проплывают лёгкие зовущие облака*». Слияние «я» и «отец» в «мы» теперь происходит по вертикали: «*я смотрю вверх*», точно так же, как оно произошло в абзаце рассказа, сгруппировавшем образы в смысловом фокусе – описания осенней рыбалки с отцом. Общность «мы», таким образом становится закреплённой точкой пересечения двух бесконечностей мироздания – вертикальной и горизонтальной. Такое **крестообразное** осмысление пространства делает естественным переход между двумя мирами: реальным (сегодняшним) и сказочным (см. выше воспоминание о детской рыбалке с отцом).

Спецификой пространства в рассказе является доминирующий принцип его разомкнутости, стремление к отсутствию внутренних разграничений. И у героя, и у читателя, даже в замкнутом (избушка) или огороженном более широко (город) локусе, ощущение границы размыто, и горизонт расширяется по мере перемещения героя – здесь речь о мотиве **дороги** как физического движения и мотиве **пути** в значении внутренних изменений. При таком всё усиливающемся звучании принципиальной бескрайности, открытости как универсальной модели бытия только единожды появляется отражённый пейзаж: «*По водной глади скользят, замирая, отражения пепельных облаков. Закат малиновыми разводьями тает в сиренево-сизой глубине озера*». Между тем именно отражение неба, когда образ его словно спускается, «снимает ограничительную поверхность...» и является... выражением инвариантной пространственной модели безграничности» [2, с. 325]. Разовость появления перевернутого неба – характерная пауза, минута на размышление между двумя минувшими: **волшебным** и **объективным**, ещё одна ритмическая сбивка, ещё один узелок, связывающий зримое и смутно различимое: «*Ради этих*

минут я согласился пойти на рыбалку» и озеро *«с безоглядной щедростью открывает» «мне, единственному зрителю на его берегах, вечерние сокровища своей души»*. Не случайно именно с этого момента всё рельефней проступает тема **возвращения, обратимости** как непреложного качества жизни. В буквальном смысле мы делаем это вместе с героем: *«В сумерках я возвращаюсь к избушке»*. И более того, благодаря *«закату»*, который *«ещё пытается удержаться за вершушки сопок»*, читателя уже начинает томить неясное, таинственное понимание, что всё возможно. *«Года три или четыре назад»* герой *оживал* здесь, *«заново открывал для себя мягкое золотое сияние ранней осени»*.

В тесном взаимодействии с природой раскрывается внутренний мир героя: вот *«чахлые берёзовые кусты»*, которые *«покорно приготовились»* к *«долгому, тяжёлому оцепенению в снегу»* непременно дождутся *«двух месяцев прохладного зыбкого лета»*, для этого им *«надо перебороть, пережить»* долгую трудную зиму. Принципиальная зыбкость внутренних и внешних границ обнаруживается при постепенном заполнении пространства: *«стая куропаток»*, *«они, вжавшись в сырой мох»*, *«неподвижно»* дожидается *«рассвета»*. Сгущение грамматических компонентов, актуализирует значение повторения, возобновления: префикс *пере-* элементом лексического значения имеет: *«– повторное действие, – перемещение через препятствие, преграду»* (! – О. Б.) [7], глагол *«дождаться»*: *«пробыв какое-то время в ожидании, получить, обрести, воспринять что-н. Д. известия. Д. родных. Д. поезда. и проч.»* [8]. Необратимость физического времени, но обратимость внутреннего состояния человека отзывается антиномичным завершением – оформлением общей идеи текста *«Не знаю, увидимся ли мы вновь»*. Здесь стоит коснуться вопроса о материализации идеи в художественном мире произведения.

В художественной литературе идея может реализовываться в идеологических установках персонажа, в последовательном сюжетном развёртывании её, когда в дальнейшем течении она уточняется, детализируется и, в конце концов, проявляется. Идея может быть представлена авторскими высказываниями, но, так или иначе, она имеет тенденцию к законченности, утверждённости. Эмоциональной и твёрдой, как у Толстого, или идеологически «полифоничной», как у Достоевского, всё равно она стремится к своему онтологическому разрешению [6, с. 261]. Я бы назвала линию идеи рассказа *«Предзимье»* прерывистой, нельзя говорить о принципиальной идейной адогматичности, но диктата её, конечно, нет и в помине. Идея разлита в смысловой ритмической организации повествования, речевых её реализациях и отдельных репликах главного героя, которые, кажется, вот-вот натолкнут читателя на основную мысль, но они, словно брошенные, так и остаются висеть в воздухе, без дальнейших комментариев, и автор вновь соединяется с миром, окружающим его: *«Я знал эти места с детства, но только сейчас по-настоящему сроднился с ними. Не знаю, увидимся ли мы вновь»*. *«Мне кажется, что мы плывём навстречу долгой, трудной зиме. Однако уныния, тоски по ушедшему лету нет во мне. Как нет их в суровой, окружающей нас природе»*.

Отсылка к мотиву засыпающей на долгое холодное время и жадно встречающей короткое солнечное лето природе Севера: *«а потом, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, два часа идти до ближайшей дороги»* и *«Мне кажется, мы плывём навстречу долгой и трудной зиме»* образуют единое смысловое целое с фрагментами: *«Крохотные оранжево-жёлтые листья на ветках изъедены ржавчиной... Видно, как покорно приготовились они к промозглому ненастью поздней осени, к долгому, тяжёлому оцепенению в снегу, без солнца, без тепла, без ласки. Всё это надо перебороть, пережить ради того, чтобы дождаться двух месяцев прохладного зыбкого лета, вырасти на каких-нибудь полсантиметра и снова впасть в оцепенение»*. *«Не первый раз я замечаю, как перед самым наступлением ночи, мелькая в темноте уже по-зимнему белыми крыльями, на болото бесшумно опускается стая куропаток. Я представляю, как они, вжавшись в сырой мох, неподвижно дожидаются рассвета, и мне кажется, что это сама жизнь замерла, затаилась перед грозной мощью надвигающейся зимы»*. Такая образная переключка лишь удлиняет многоточие, давая возможность читателю дорисовать свой рисунок. Тем не менее, за рамки предложенной канвы читатель уже не волен выйти, и размышления его плывут в русле течения, заданного автором, меняются только пейзажи по берегам, и остаётся ощущение этого плавного движения посреди знакомого мироздания к какой-то неизвестной, но, несомненно, истинной цели. Даже направление этого движения не указано. Река сама знает свой путь.

Такое оценочное многоточие сродни музыкальному произведению, когда только **мелодия**, инструментовка рождает неопределённое чувство, неясное рождение мысли, поэтому *«свидимся ли*

мы вновь» звучит как необязательная формула: вернётся сюда герой или нет, не имеет теперь большого значения – важнее, что рыбалка с отцом состоялась. Разобщённость человека и природы **преодолена**, похоже, что герой на пути к себе, истинному.

При видимом отсутствии довлеющего авторского суждения идея проявляется в голосе повествователя, слившемся с пейзажем: «*Вещи собраны, уложены в лодку. Нам предстоит переплыть Большое озеро, а потом, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, два часа идти до ближайшей дороги. Погода испортилась. Низкие облака свинцовыми космами задевают сопки. Озеро чернеет строго и непроницаемо. Я отталкиваюсь от прибрежного валуна и на ходу запрыгиваю в лодку. Старик ещё долго смотрит нам вслед. Вся жизнь – прощание. Неисповедимый замысел судьбы привёл меня к двум озёрам, подобных которым десятки тысяч в нашем краю. Я знал эти места с детства, но только сейчас по-настоящему сроднился с ними. Не знаю, увидимся ли мы вновь»*. Как будто сама окружающая рассказчика природа и есть выразитель главной, невысказанной мысли. Оказывается, этого вполне достаточно: «*Нам предстоит переплыть Большое озеро»* – вновь объединяющее «нам» открывает тему преодоления в абзаце созвучием семантических оттенков глаголов **предстоит** и **переплыть**.

Так же и неожиданная остановка, синкопа: «*вся жизнь – прощание»* выводит на неопределённость вывода в предпоследнем абзаце, когда на волне чувства онтологической всеобъемлющей цикличности неуловимость окончательного суждения усиливается неожиданной, содержащей авторскую оценку репликой. Мотив **возвращения** наполняется новой нюансировкой. Не получившая разрешения внешнего, проблема тем не менее внутренне разрешена. Во взгляде героя вокруг – невозможно понять, что для него важно в данную минуту, а что – второстепенно. Бесчисленность и разнообразие бытийных связей определяет нераздельность внутреннего и внешнего, жизни физической и духовного изменения.

Заканчивается рассказ непрямой антитезой: **суровая природа**, в которой нет **тоски**. «*Однако уныния, тоски по ушедшему лету нет во мне. Как нет их в суровой, окружающей нас природе»*. Хотя причины, объясняющие такое противопоставление, в самой фразе не просматриваются, да и предыдущая фраза не содержит указания на то, что природа не грустит, что в ней нет **тоски** по ушедшему лету, указания, которое объясняло бы чувство рассказчика. Наоборот, кажется, состояние героя отзывается тому, «*что из провисающих хмурых туч начинает сыпаться снег»*, «*мокрые снежинки залепают глаза»*, «*неуютными каплями стекают за шиворот»*, вёсла окунаются в «*чёрную как смола воду»*. Все эти «**хмурые»** образы, оказывается, подготавливают более ясное восприятие самой последней фразы рассказа. Предчувствие обновлённого переживания героя предусмотрено, пожалуй, тем, что отец **усиленно** работает **вёслами**, и их **голубые** (на фоне **серых** оттенков) лопасти «*лихорадочно окунаются в воду»*. Словно бы торопятся сообщить нам о том таинственном главном, ради чего «*неисповедимый замысел судьбы привёл»* главного героя к «*двум озёрам, подобных которым десятки тысяч в нашем краю»*.

Литература:

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407. [Режим доступа <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html>].

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю. М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с.

Михеева С. Л. Цветовые прилагательные в художественном тексте: семантика и прагматика (на материале произведений А. Грина) // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума (8–12 июня 2019 г.). В 2-х томах. Т. 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – С. 322–328.

Полубота А. В. Предзимье // Литературно-художественный альманах Братина. Выпуск 6. – М.: Московский институт социально-культурных программ, 2006. – С. 73–79.

Телия В. Н. Метафора в языке и тексте / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988. 176 с. – С. 37.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с. – С. 29.

Интернет-ресурсы: <https://ru.wiktionary.org/wiki/пере-> (дата обращения: 04.11.2019.)

<https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-7230.htm> (дата обращения: 04.11.2019.)

<http://www.book.lib-i.ru/25filologiya/352454-1-1997-potapova-prokopenko-opitu-izucheniya-semantiko-sintaksicheskoy-ritimizacii-tekstov-hudozhestvennoy.php> (дата обращения: 04.11.2019.)

Блюмина О. В. Семантика цветописи в лирике Алексея Полубота. Режим доступа: <http://moloko.ruspole.info/node/10334> (дата обращения: 04.11.2019)

Берега Новороссии

Светлана Тишкина

Светлана Эдвиговна Тишкина – поэт и прозаик, публицист и драматург, член СП ЛНР, МСП и СП России, председатель Православного литературного объединения «Свете Тихий», составитель Международного православного альманаха «Свете Тихий».

Лауреат литературной премии «Олега Бишерева». Автор поэтических сборников: «Народом можно пренебречь?» (2007); «Как начинается весна?» (2009); «Рождение Новороссии» (2016). Автор книг (крупная проза): романов «Ольга» (2010); «Красноречивое молчание» (2009); повести для детей «МИРАЖИ на дорогах + детские ШАЛОСТИ», (2011); исторической книги «Тайны Александровска» (2011); повести о детях войны «Гутенька» (2019); повести «Сказ о том, как казаки за Правдой ходили» (2019).

Автор пьесы о В. И. Дале «Напутное на все времена» (2009); пьесы в стихах «ПсевдоСоветь нашего времени» (2010); пьес «Ради мира на земле» (2015); «Отвоёванный выбор Донбасса» (2016); пьесы – рождественской сказки «Вернуть папу»; пьес «С верой в Победу – за хлебом!»; «Родные небратья» (2018).

Я в храм святой вхожу с благоговеньем

Прежде чем состоялось интервью с настоятелем Свято-Покровского храма пос. Новосветловка в октябре 2014 года, мне дважды выпало проезжать по дороге в Краснодар. Как и у всех, кто видел страшную картину разрушений в пос. Хрящеватое и Новосветловка, на душе остались неизгладимые, удручающие впечатления. Мои переживания, мысли неотвратимо отразились в лирическом отступлении, которое дополнило немалый поэтический цикл «Рождение Новороссии». Но через какие жертвы, как же тяжело она – Новороссия – рождалась!

НОВОСВЕТЛОВКЕ

Осень с запахом будущей стужи
Стережёт золотые врата.
Был здоров, а теперь вот простужен
Узник совести – тень от Креста.

Где ты, лето топлёного цвета?
Где весна синеоких прудов?
Зачеркнули тебя в кабинетах
Охладевших к Любви городов.

В синяках от гигантских «кротовин»^{*}
Поле – навзничь – бугрит в горизонт.
Убран хлеб, но забыть не готовы
Те, кто выжил, расстрелянный фронт.

У дороги берёзки и сосны
Будто срезаны острым ножом,
И лежат их засохшие косы
Неказистым густым шалашом.

^{*} Воронки от взрывов.

Дуло танка сгоревшего смотрит,
 Не страша уже больше, в глаза.
 – Всё, что мог, ты давно уж испортил,
 И тебе кто-то врезал под зад...

Новосветловской церкви руины
 Среди многих и многих руин...
 От стыда сжали душу пружины –
 Без покрова стоит Исполин...

Осень с запахом завтрашней стужи
 Стережёт золотые врата...
 – Не скупись, новый купол им нужен.
 Тем, кто выжил, – нужней красота!

В следующий раз я приехала в Новосветловку в октябре 2014 года. Попросив благословение на беседу у настоятеля Свято-Покровского храма протоиерея Владимира Гвоздецкого, я передала скромный листочек с этими строками. В ответ получила подарок – внушительный сборник, выпущенный в 2012 году к 110-летию Свято-Покровского храма, включающий в себя сведения об истории прихода, воспоминания духовенства и прихожан, а также множество стихотворений, с Любовью посвящённых Богу и храму.

«Я в храм святой вхожу с благоговением» – бросается в глаза строка-эпиграф на обложке (автор Е. А. Юшина). И ещё один эпиграф под названием на первой странице:

«Русь святая, храни веру православную,
 В ней твоё утверждение».

Тут же открыла сборник и нашла первоисточники строк и продолжение стихотворения О. П. Оноприевой, написанное в честь 110-летия Свято-Покровской церкви.

Вот и я, перекрестившись, вхожу с благоговением в воспетый поэтами храм. Он теперь не такой, каким изображён на обложке сборника. Там он запечатлён ещё довоенным, обрамлённым такими же золотыми вратами осени, но в него ещё не попадали снаряды братоубийственной войны...

А сегодня у меня перед глазами – купол храма, разбитый прямым попаданием снаряда, но с устоявшим, даже не покосившимся крестом наверху. Ещё несколько попаданий в крышу сделали бед как снаружи, так и внутри здания. Широленную брешь в куполе над амвоном уже заполнила новая кирпичная кладка. Значит, ремонтные работы уже начаты. Во многих местах видны трещины, до основания осыпалась штукатурка, нарушив иконную роспись стен. Следы войны повсюду. Оконные проёмы затянуты плёнкой. Прикладываюсь к иконе «Покрова Пресвятой Богородицы», лежащей на центральном аналое. С левой стены на меня умиротворённо смотрят святые мученицы, за Христа отдавшие свои жизни, три маленькие девочки – сёстры Вера, Надежда, Любовь, и твердыня веры – их мать София. Отец Владимир обращает моё внимание: «Именно Вера пострадала от осколков более всего».

Во дворе – именно! – три берёзки, будто срезаны острым ножом. Разве что кроны не лежат шалашом, а давно убраны. За их белыми стволами открывается вид на разрушенное здание. Крыши нет совсем. Стены – руины, многократно прошитые осколками. Внутри – всё выгорело. Это, как пояснил о. Владимир, была красавица-крестильная и просфорная. За остатками ограды виден сгоревший танк ржавого цвета. Утешением служат разве что уцелевшие пышные ели, пять лет назад посаженные возле храма. А за ними спрятался, опять-таки, разрушенный гараж.

Запечатлев нерадостную картину разрушений на фотоаппарат, возвращаюсь с батюшкой в храм. Просфорница раба Божия Ольга приглашает в трапезную, которую из-за оформления (множество ликов святых, изображённых на стенах) хочется назвать более уважительно, по-монастырски – трапезный храм. Чашка горячего чая в это морозное утро приятно согревает, располагает к обстоятельной беседе с духовным отцом этого старинного белокаменного храма, построенного в 1897–1899 годах на пожертвования прихожан. С 1991 года протоиерей Владимир Гвоздецкий служит Господу и людям, а в Свято-Покровском храме – со Сретения Господнего 1996 года.

После разговора с протоиереем Владимиром и жительницей посёлка Ольгой, работающей профсоюзницей и поваром в храме, благодаря сопоставлению новых сведений с теми, что были известны ранее, сложился рассказ и последовательность событий.

Весь ужас заключается в том, что посёлки Новосветловка и Хрящеватое, без особого сопротивления впуславшие на свою территорию украинскую нацгвардию и батальон «Айдар», довольно долгое время находились под их оккупацией. Украинская армия отказала жителям в просьбе расположиться вне жилых массивов, чем сознательно подвергла население опасности. Все понимали, что посёлки Хрящеватое и Новосветловка находятся на стратегически важной для ЛНР трассе, соединяющей Луганск с российским пограничным пунктом пропуска «Изварино». Бои за возврат территорий были неизбежны, как неизбежны были людские жертвы и разрушения.

Жители свидетельствуют о том, что та половина Новосветловки, которая находилась под нацгвардией, жила относительно спокойно. Но вторая половина посёлка, к которой относится и Свято-Покровская церковь, на себе испытала фашистские методы усмирения населения боевиками батальона «Айдар». Они расстреляли тех, кто был связан с ополченцами. Расстреляли отца и сына только за то, что те отказались рыть окопы. Пленному снайперу отрезали руки. Жителям нельзя было собираться в группы. По ночам боевики часто ходили по улицам, стреляли из автоматов, заходили в дома, мародёрничали, унижали жителей, для устрашения бросали гранаты в подвалы, где от них пытались спрятаться семьи. Люди получали множественные ранения, погибали. Жители из той половины села, где стояла нацгвардия, это район больницы, не верили, что такое творится в их посёлке. Они даже подкармливали солдат-срочников. Отсюда и разница в показаниях жителей Новосветловки. И это служит ещё одним подтверждением тому, что война идёт не между русскими и украинцами, а именно с воинствующим нацизмом, расплзающимся по всей Украине.

Отсюда стреляли по Луганску из дальнобойных орудий. Население Новосветловки слышало выстрелы, но не получало пока «ответок». Посёлки оставались относительно целыми, поэтому их жителям было довольно трудно представить, насколько сильно в это самое время страдали от обстрелов Луганчане. По-видимому, боевики «Айдара» понимали, что в скором времени им придётся отступить. Поэтому перед самым наступлением армии ЛНР они принудительно согнали жителей Новосветловки в Свято-Покровскую церковь, оставив при этом танки сторожить выходы из храма, чтобы люди не разбежались, а сами совершенно беспрепятственно в это время ринулись грабить опустевшие дома.

Люди в невыносимой духоте и скученности провели до трёх суток в стенах храма. Среди них находился и семимесячный младенец, и другие дети. В это время, как и предупреждали бойцы «Айдара», начались бои за освобождение Новосветловки. Силовикам стало не до жителей. Некоторые из узников, рискуя жизнью, уже в первую ночь стали покидать храм, другие – оставались ждать освобождения и молиться. «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным твоим омофором» – эти слова из Акафиста Покрову Пресвятой Богородицы повторялись в храме многократно.

Кирпичные стены метровой толщины выдержали залповые обстрелы, несмотря на прямые попадания снарядов. Храм выполнил главную свою миссию. Покрова Пресвятой Богородицы спасли людей, которые были здесь. Через две недели массированных обстрелов пришло долгожданное освобождение. Батальон «Айдар» сам взорвал свои танки и бежал, прихватив награбленное. Но стала ясна и реальная картина произошедшего: Новосветловка и Хрящеватое обрели свободу от нацистов, пожертвовав собой. Многие строения здесь после тех ожесточённых боёв превратились в руины.

– Отец Владимир, о чём хотелось бы поведать людям в связи с этими прискорбными событиями? Как это пережили люди?

– Да, все плачут, кто приходит сюда. Страшное люди пережили. А почему это всё произошло? Потому что человек потерял Любовь. Другого объяснения нет. Без любви ты и нитку в иглоку не проденешь. Так и здесь: потеряли Любовь – и всё разрушилось. И наоборот: обретём Любовь – всё наладится. Так что если Господь нас учит, лечит (ведь учение – это «наказ» в церковно-славянском языке), если каждый вынесет свой урок из произошедшего, то всё это будет обращено во благо в будущем. Даже воевать нужно с Любовью. Когда читаешь, как русская армия в Первой мировой

войне вела себя во Франции, уважение просыпается. Вроде завоеватели приходят, а они с детьми общаются, их кормят, жалеют. Скромность украшает воина. Всё нужно делать с Любовью. Духовность, человечность нужно возрождать в обществе прежде всего.

Так что нужно не винить, не судить, если Господь нас учит, а со смирением делать выводы, ведь каким судом судишь, таким и тебя самого осудят. Всё промыслительно. Без воли Божией и волос с головы не упадёт. Мы же не обижаемся на то, что хирург делает нам больно. Не обвиняем скальпель в жестокости. Мы ведь сами идём на операцию. И никто не говорит при этом: «Ты что, ненормальный? Там же больно тебе будут делать!» Для того чтобы избавиться от болезни, мы идём на эту боль. Вот так и здесь. Особенно мне на приходе ничего другого и не остаётся, как принять то, что произошло, и жить дальше – но! – меняясь, прежде всего, в покаянии. В Библии слово «покаяться» значит «измениться». И сказано человеку через Угодников Божиих: покаешься – продлю, а нет – укорочу.

И я вижу, что новые люди сейчас приходят в храм. Под бомбёжками побывали, было время задуматься о жизни и перестать думать, что человек – это всё, что человек – это звучит гордо. Был такой лозунг, что человек у нас – венец творения. А если человек не знает, что будет с ним через минуту, то какой же это венец творения?

– Батюшка, это богословское толкование того, что произошло. Но разрушен купол, крыша, крестильная. У людей разрушены дома. Кто ответит за это преступление?

– Давайте не будем судьями всем сразу. Знаете, в чём разница между «осудить» и «обличить»? Если человек украл, и ты говоришь, что он украл, то ты его обличаешь. Но если ты сказал о человеке, что он вор, ты его осудил. Всего человека в своё время будет судить Бог. А мы давайте не будем судить: ни народ, ни, в данном случае, «Айдар», тем более весь «Айдар». Там ведь тоже не все люди одинаковые были. И цель у них была двоякая, когда людей в церковь сгоняли: вроде как оградить от обстрелов, но в то же время и мародёрством заняться. Возможно, кто-то из них искренне хотел сделать добро, а кто-то – воспользоваться ситуацией. Но по какой бы причине не сгоняли жителей (видимо, так было Господу угодно), тот, кто был в храме, те остались живы. И вот на то, что было, мы говорим – было, а того, чего не знаем, говорить не будем.

Люди наши поднялись на борьбу только тогда, когда те, кто стоял на Майдане, очень плохие слова начал говорить в сторону русских людей, в сторону жителей Донбасса. Не будем их повторять. Они известны. Дальше начались и плохие действия. Это привело к войне. К большим человеческим жертвам. Кто в чём виноват, Господь каждому скажет в своё время. Но вот к чему я призываю сейчас жителей Донбасса, это к тому, чтобы мы не уподоблялись противоборствующей стороне. Нельзя допустить ожесточения сердец наших, нельзя пользоваться терминами, унижающими достоинство человека, и унижать противника. Давайте стараться исполнить Заповедь Божию о Любви не только к ближнему, но и к врагу своему. Давайте проявим наше православное великодушие и даже воевать будем с Любовью, будем отстаивать свои принципы и право на самоопределение, уважая позицию врага и сочувствуя ему. Этим мы докажем, что мы хорошие люди, что мы сильны, а не слабы. Сильны Правдой – и только потому, что мы с Богом. Не на словах, а во Истину с Богом.

А храм мы постепенно восстановим. Иначе нельзя. Людям нужна красота. Купол должен засиять, даря людям надежду на возрождение нашего края. У меня только одна просьба к нашей новой власти. Не оставьте пострадавших людей без помощи! Они нашли в себе мужество принять действительность. Многие из тех, кто не смог вернуться в свои дома, теснятся у родственников. Но они все надеются на то, что им помогут восстановить их любимый посёлок, их собственные дома. Не убейте в них святые ВЕРУ, НАДЕЖДУ И ЛЮБОВЬ!

Берега Новороссии

Александр Савенков

Родился в 1964 году в Горловке. Специальностей несколько: океанолог, шахтёр, повар-кок, менеджер, строитель. Работал в Крыму, на Каспии, в Прибалтике, Москве, Донецке. В настоящее время живёт в родном городе. Начинал с авторской песни, стихи стал писать с 33 лет. Печатался в Москве, Санкт-Петербурге, Донецке, Енакиево, Горловке, Каневе, Курске, Хабаровском крае, Германии, международных сборниках «Междуречье», «Славянские колокола», «Злато стремя», «Злато слово», «Крещатик». Лучшая поэтическая подборка за 2011 год в Интернет-издании «Лексикон» (Чикаго). Лауреат городской горловской премии им. Павла Беспощадного. Лауреат литературно-музыкального конкурса «Неизбывный вертоград», посвящённого столетию со дня рождения Николая Ивановича Тряпкина. Три года оставался в прифронтовой Горловке, отражая в стихах происходящее.

Из цикла «Стихи о военной Горловке»

1

думает, дикий, из камня и глины он,
а взглянуть в дома и арки –
город подвешен на нити рябиновой
чьей-то молитвы жаркой.

2

война, брат, война...
на небесной таможене –
аншлаги!
прогоркла земля...
и даже ромашки
цветут осторожной
на минных полях...

3

дни на крови из былого восстали:
сталь разрывает морок:
люди сбиваются в пёстрые стаи –
невыносимо порознь
в дни на крови, дни коротких наречий,
правды в краюху с ближним
преполовиненной, чтобы на плечи
век свой взвалить и выжить.

4

К последнему звонку

хороший день, до одури простой:
цветёт сирень, слеза судьбу не точит,

и греются ежи у блокпостов,
и школьный сторож драит колокольчик...
над городом, распаханном в боях,
врастают души в голубинность рая,
и бродит ветер с запахом дождя
дворами мая...

5

затишье... в оцеплении минут,
когда ничто не рвётся и не жалит,
ты слушаешь живую тишину
везде: в доме, на улице, в подвале,
ты слушаешь её до немоты,
до хруста пальцев, до ушного звона
и чувствуешь: меняются черты
и тишина становится иконной.

* * *

Город без имени – в мареве дачном.
В городе – дом.
В доме –
окна с решётками, столик невзрачный,
с письмами к никому.
На терпеливо-ленивой бумаге –
болиголовы слов:
тропы степные, курганы, овраги,
реки без рукавов...
Мальчик с отцовским биноклем на шее –
бронзов, светловолос –
машет и машет бумажному змею.
Горькое чудо слёз.
Длинная нота оборванной нити,

слышная лишь ему..
Ветренный вечер – и свитер забытый,
ветхая даль и – в дому
алые маки усеяли стены..
Сколько в них ни кружи,
быт омрачит ощущение подмены,
правдоподобной лжи
в кресле, под лампой, в ещё один вечер.
Мошки на свет летят..
Дни, как матрёшки.
И в каждый –

всё меньше –
втискиваешь
себя.

* * *

Мне мало надо!
В. Хлебников

День случился тихим и нежарким.
Небо – в белотканых облаках.
На степной ковёр июльский, яркий
опускался вечер, и легка
показалась жизни перспектива:
август будет щедр на звездопад,
от упавших звёзд займутся ивы
и, как мы с тобою, отгорят.
А потом бездымные пожары
выполощет стужа добела,
и снегов взошедшую опару
март с дождём замесит пополам..
И когда впадут в истоки устья
и мгновенья сложатся в века,
в нас уже не будет прежней грусти –
только небо,
только облака.

* * *

(Троицкая поминальная суббота)

звони, звонарь, весь век со мною
чужие сердцу берега,
и небо майское больное
готово обронить снега..
по ним, по ним, ещё не падшим,
на край, за край, сквозь чёрный лес
к холму, где мне руками машет
родительский могильный крест..
под ним, под ним, теряя слоги
в словах нелепых, как судьба,
живые притчи о дороге
читать по солнечным губам.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Апрель истачивал снега..
С землёй, налипшей на подошвы,
хотелось броситься к ногам
цветущих верб,
грошовым прошлым
вплотную стоя к сорока..
А день струился, чист и значим,
и небо в редких облаках
лакал из лужи пёс бродячий.

* * *

В подстаканнике – крепкий сон,
на стекле – чешуйка луны,
два дыхания в унисон:
виновато и – без вины.
Ночь как ночь: голова да хвост –
поезд сонной ползёт змеёй,
да часовенка, да погост,
разделённые колеёй.

АВГУСТ В КРЫМУ

С виноградной лозы опускаются
гроздьга тумана,
начинается день незатейливым танцем песка;
дети солнечных снов просыпаются тихо и рано,
дети тёмных надежд спят, печаль отведя
от виска.

На последнем витке оборвалась совиная песня,
затаилась в листве, сумрак цепко сжимая
в когтях;
в незнакомую жизнь, как в любимую книгу,
отвесно
загляни и листай пересказов солёный костяк.

Весь посёлок пропах шашлыком,
разнотравьем и морем,
по двору ходит птица с подрезанным
белым крылом;
ты налей ей воды, я насыплю гранатовых зёрен:
ей недолго ходить меж добром
и содеянным злом.

Да и нам не с руки наряжаться
в одежды бессмертных,
встретим вечер в беседке из дикого камня,
игру чёрно-белых фигур
освежая тягучим десертным,
и отложим опять, и оставим стоять на ветру...

ТРОПАМИ ЗНАКОВ

*меркнут знаки зодиака...
Н. Заблоцкий*

В столпотворенье знаков через пробелы в днях
сердце бежит собакой чуть впереди меня.

Рвутся дворы на митинг в брошенные сады,
рвутся наитий нити – рядом лишь поводырь.

Дремлет похмельно дворник, не закрывая глаз,
и дождевые корни цедают по капле нас.

Улицы топчем, степь ли, между добром и злом
нас дождевые стебли стягивают узлом

в томик стихов и притчей, но и таких, без доль,
мокрые стаи птичьи перелистают вдоль

и поперёк: ковыльим судьбам недолог срок
стать дождевою пылью и оседать меж строк

в столпотворенье знаков через пробелы в днях
там, где бежит собакой чуть впереди меня сердце...

ГОРЬКОЕ

Докурим злую нашу скуку,
что жизнь – одна,
и смерть – одна,
что каждой фразе, слову, звуку
не избежать двойного дна,
наполним дымом горькой правды –
одной из многих горьких правд –
стихи и спрячем их в тетради,
как прячут в ящик путь назад,
туда, где рвань – что было тонко –

сшивает вера, как скорняк,
где ветер треплет распашонкой
цветы жасмина у плетня,
и лепестки слетают в зыбку,
что и взаправду так зыбка,
где носят траур, как улыбку,
и ждут вестей издалека.

* * *

Странный печальный мальчик
чашку с горячим чаем
к сердцу прижал и плачет,
ближних не замечая.
Тихая соль каплет прямо на цыпки,
маленькому предтече
слышно: на улицах города скрипки
голос вочеловечен.
И в подтверждение таинства первым
цветом взошли фиалки
прежде, чем майское солнце, как дервиш,
скрылось в Железной Балке.
Сколько ему? По глазам – уже тридцать.
Страшно подумать, что, может быть, сорок.
Время крадёт наши детские лица,
но нет – и не будет – вора,
чтобы из сердца любовь пуповинную...
Две вещи воспринял он, как мужчина:
то, что бывают холодными ночи и длинными,
и то, что сегодня её годовщина.
Странный печальный мальчик
чашку с горячим чаем
к сердцу прижал и плачет:
«Чаю воскресения, чаю...»

О НЕЙ

Осенью – дороги длинней, осенью – протяжнее вздох,
осенью – все мысли о ней, уходящей в белый пролог,
а душа – темна и странна, словно не родня никому,
и указа нет – начинать наводить порядки в дому:
день убитый – в ящик стола, память – горсткой специй в вино,
горьким смехом быт пополам разорвать и бросить в окно,
и сидеть в сырой темноте, выключив и сердце, и свет,
словно бы давно так хотел: обнулить все счётчики лет,
и дышать по-рыбьи начать, и, звериным слухом едва
различая звуки в речах, привыкать к их дырам и швам
как вещам, что в темени вод обитают тысячи зим
и уводят в безвесть того, кто решил довериться им,
а когда холодный рассвет поднесёт предметы к глазам,
выбрать самый яркий – в ответ на попытку что-то сказать,
роясь в пожелтевших словах, что с небес в отточие дней
катится моя голова и все мысли – только о ней, уходящей...

Берега Новороссии

Сергей Прасолов

Сергей Николаевич Прасолов – публицист, писатель, заведующий Русским центром ЛРУНБ имени М. Горького.

Мир постправды: технологии разрушения разума

Перефразируя известные слова Андрея Платонова о бережном и медленном чтении книг народом, можно сказать, что весь свой умственный словарь род человеческий создаёт бережно и медленно, потому что «знает, сколько надо претворить, испытать и пережить действительности, чтобы произошла настоящая мысль и народилось точное, истинное слово». «Претворение» действительности требует опоры на что-то истинное в ней самой, что подобно болотным огонькам не ведёт в болото неопределённости, а служит для нас зеркалом бесконечного мира, делающим наше сознание сознанным бытием.

Владимир Даль определяет слово «правда» как «истину на деле». Словарная статья, конечно же, не является философским определением понятия, но всё же указывает на то, что различие между разными «правдами» лежит не в головах, как бы убедительно каждая из них ни отстаивала свою, а вне их – в самораскрытии объективной реальности. Чья правда оказывается истиной на деле, то и есть правда. Правда в головах или на словах, чтобы быть правдой в собственном смысле, ещё должна стать истиной на деле, истиной в действительности, а не только в нашем воображении.

Мы живём в мире, где манипуляции общественным сознанием изощёренно заглушают голос самой действительности, а спонтанные коллективные реакции приобретают характер эпидемий. Поэтому не удивительно, что современные рефлексии, столкнувшись с подобным явлением, попытались найти замену такому пониманию правды. Рафинированный скептицизм, считающий «истину на деле» тоталитарной догмой, способной заморозить всегда свежий цвет свободной мысли, ходит кругами вокруг да около неё в поисках чего-то настолько неопределённого, что препятствовало бы декретированному единомыслию, и настолько определённого, чтобы всегда оставался стратегический простор для двоемыслия. В рамках этой философии, философии постмодернизма, приобрело популярность слово «постправда».

В источниках встречаются его различные определения, но в целом они сводятся к тому, что постправда – это нечто, обозначающее ситуации, когда эмоции и личные убеждения в общественных настроениях оказываются влиятельнее фактов. Изобретённое понятие торжественно шагает по планете, и в 2016 году Оксфордский словарь отметил его как слово года.

Проблема, однако, в том, что человеку и человечеству не удаётся избавиться от «истины на деле». К тому, кто не хочет мириться с её «тоталитарностью», жаждет жить иллюзиями, она входит «со двора» – как бессмысленное и беспощадное действие «обратных сил», круша взлелеянный воображением мир. И снова возникает вопрос о ясности общественного сознания, о его способности быть сознанным бытием.

Приближает ли использование понятия «постправда» к пониманию объективного смысла ситуаций, в которых эмоции и личные убеждения оказываются решающим фактором? Позволяет ли последовательно и с достаточной степенью определённости проводить дифференциал между их действительным содержанием и превратными интерпретациями, или, наоборот, запутывает, смешивает в одно разнородные, лишь внешне схожие явления?

Нельзя не обратить внимание на то, что понятие постправды не только обозначает некое явление, но и содержит в себе очевидный «концепт»: между объективностью фактического, с одной стороны, эмоциями и личными убеждениями, с другой, лежит пропасть. Фактическое в действительности не складывается в целостность, которая обладает собственной субъективностью, заряжая людей высокой общественной энергией. Любые личные убеждения или коллективные эмоции, наоборот, суть чистая субъективность, не способная нести в себе что-то действительное, что не сводится к тому

или иному количеству «объективных фактов». Общественный подъём или разочарование – сфера коллективного солипсизма, объективность фактического доступна только холодному «экспертному» рассудку.

В понятии живая диалектика «претворения действительности» с её сложнейшими переходами реального в идеальное и обратно подменяется сначала абсолютным размежеванием двух полюсов общественного бытия, а затем их иррациональным соединением на основе некоей силы. «Концепт» понятия не допускает, что носителем идеального (реального в пределе, во всей полноте) может быть как фактическое, так и то, что до поры существует только в сфере эмоционального или личного сознания. Наличное бытие, фактическое положение дел, вечное сегодня объявляются единственным критерием «истины на деле».

Между тем, познание и тем более изменение окружающего мира в его фактическом состоянии невозможно без эмоций и личных убеждений. Не может человек страстно, напористо, даже жертвенно искать «истину на деле» и примыкать к ней, если убеждён, что её не существует. «Эврика!» – закричал, по легенде, Архимед. Его эмоциональное состояние выражало сопричастность человека объективному миру, в котором случайные обстоятельства сложились так, что стали для ищущего человека счастливым случаем. Архимед открыл то, что открылось ему – дало подсказку его личному убеждению в существовании законов природы.

Слияние субъекта с объектом ещё более очевидно, когда речь идёт о явлениях общественного порядка. Завершив трагедию «Борис Годунов», Пушкин, подобно Архимеду, воскликнул: «...ай да Пушкин! ай да сукин сын!» Эта ситуация является классическим примером гармонического тождества противоположностей, раскрывающего и способность «факта» – литературного произведения – вызывать **подлинные** эмоции, и способность развитого человеческого сознания воспринимать с восхитительной личностной глубиной свой труд как **объективный** факт литературы, как **истинное** явление искусства.

Два полюса – объективные факты и личные убеждения – не являются абсолютной противоположностью, если их объединяет истинное в самой действительности. При определённых условиях они способны переходить друг в друга.

Выдающийся философ-марксист Михаил Лифшиц заметил, что «при известных обстоятельствах целое или всеобщее может быть в одном месте, а фактическое и материальное, в более узком смысле, как простое количество, – *в другом*. Такое выделение целого, действующее как бы из самого себя и вдохновляющее сознание людей, вопреки их непосредственным материальным возможностям, есть величайший факт нашего мира, который не может игнорировать самый последовательный материализм».

Например, рабство было объективным фактом одной из исторических эпох и выражало объективно сложившиеся взаимоотношения между людьми. Но борьба против него, основанная первоначально на личных убеждениях в возможности установления более справедливого мира, стала более объективным фактом истории, её собственным законом. И мы рассматриваем рабство как искривление истории, пусть и закономерное.

Если бы не было «личных убеждений» и эмоционального накала, противостоящих фактическому положению дел, то рабство и сегодня оставалось бы реальностью. Преобразующую «фактический» мир силу человеку придаёт как раз то всеобщее содержание, которое может озарять светом правды, «истины на деле» даже утопические представления.

Личные убеждения способны быть носителем более объективным, чем относительная объективность существующего миропорядка, если исторически ограниченная кривизна действительности искривляет её всеобщее содержание. И тогда ясные отражения кривизны в личных убеждениях становятся более объективными фактами, чем сами факты, несущие на себе печать исторической условности или социальной мифологии.

Нетрудно заметить, что «концепт» понятия лишает мир «объективных фактов» качественной определённости, понимая под объективностью их индифферентность, бескачественность для сознания или общественных настроений. Между тем, **фактом действительности** становится только тот её момент, который актуально или потенциально её изменяет, он – момент преображения, рождения чего-то, что изменяет или способно изменить данность. Это непрерывный процесс, поэтому даже журналистика, имеющая дело с фактами, всё-таки является духовной деятельностью. Она

отличается от пропаганды тем, что, во-первых, пытается уловить момент отличия действительности от самой себя (от существующего положения дел) и, во-вторых, установить действительность факта (что он не является продуктом игры нечистого воображения, иллюзий или предрассудков общества и пр.).

Журналистика не «освещает» факты, явления, события, а извлекает их действительное содержание, их реальное место в общественном целом, и одна из важнейших для неё проблем – найти верные пропорции между фактическим и всеобщим, ту живую диалектику жизни, в которой фактическое переходит в общее, а целое является в наглядном, зримом образе факта.

«Объективные факты» обретают относительную самостоятельность, свою автономию, когда «субъект в своей деятельности во внешнем мире вызывает ситуации, раскрывающие определённую субъективность самого объекта». Предмет нашего сознания, чтобы быть верно отражённым, понятным и одновременно проникнуть в «плоть и кровь» человека, должен достичь «определённого уровня рельефности, модальности, логизма, фабульности».

Только **при этих условиях** – когда «объективные факты» несут в себе всеобщее содержание и возбуждают активность, а человеческая субъективность развита настолько, что готова схватить «объективный факт» во всей его полноте, наше сознание становится равным себе. Другими словами, любой «объективный факт» становится для нас объективным, если он выражает собой всеобщее содержание, превосходящее его единичное содержание, когда он репрезентирует всеобщее содержание, не ограниченное его фактическим бытием. И именно эмоции и личные представления зачастую открывают окошко в объективный мир – как его субъективное требование, которое и позволяет нам понимать его.

Применение «понятия» к различным ситуациям зависит не от их объективного смысла, а от личных убеждений тех, кто его применяет. Поэтому нет никаких оснований для приобщения модного термина к умственному (в том числе понятийному) словарю человечества, позволяющему дифференцировать различные явления по их объективным свойствам. Скорее, его можно отнести к разряду симулякров.

Симулякр – это не симуляция реальностью одномерного подобия самой себя, это реальность без объективности, исчезнувшая, растворившаяся в неопределённости – нечто неразличимое и потому не допускающее различия, по словам Ж. Бодрийяра, между «магией концепта и обаянием реального». Симулякр – знак, в котором нам является нечто, он не рационален, но и не иррационален, он ни с чем не соизмеряется, но оказывает «ядерное и генетическое» действие.

В переводе с постмодернистского языка на человеческий, лжец, убеждённый в том, что говорит правду, не является ни лжецом, ни «правдорубом», потому между его «концептом» и «реальностью» различий нет. Определить, что он есть, тоже невозможно, так как истины не существует. Испытывая на себе ядерное и генетическое воздействие симулякра, мы не только погружаемся в неопределённость, мы трансформируем её в новые симулякры, ибо любое наше суждение есть только мнение.

Эта почва коллективного солипсизма легко удобряется любой удобной «системой ценностей» и условных словесных конструкций, выступающих в конечном счёте тем абсолютном, который превращает набор внушений в мощный, «ядерный» генератор действий. Одни готовы пожертвовать собой, чтобы мир действительно стал истинно человеческим для всех и каждого, даже если цена искупления вековых «грехов» оказывается непомерно высокой. Другие пророки нового мира кормят чудовищной ложью о правах и свободах, чтобы реальность не мешала им владеть вашими жизнями, судьбами, историей. Но разницы между ними нет. Потому что и те и другие – всего лишь знаки чего-то неопределённого, симулякры, вокруг которых человечки со своими мнениями имеют право свободно плясать, потому что и в одном и в другом случае обращение к эмоциям и убеждениям взрывает «объективность фактов».

Зачем нужна эта неопределённость в анализе явлений жизни и истории? Почему понятия, требующие определённой строгости использования, подменяются симулякрами? Чтобы оторвать представления от критерия истинности. Любое спонтанное или управляемое общественное движение можно назвать либо волей народа, «революцией достоинства», либо заговором с вездесущей рукой известных тиранов – в зависимости от того, какие взгляды необходимо навязать обществу. Поэтому конструкт «постправда» представляет собой не только симулякр, но и рабочую технологию манипулирования общественным сознанием, технологию оболванивания.

Следовательно, постправда – это ситуация, которую создаёт мир постмодернизма, утвердивший себя в качестве новой реальности, а не инструмент, добавляющий нашему сознанию вменяемости.

«Когда знакомишься с литературой о постмодернизме и деконструктивизме, то возникает впечатление, что разум в XX в. окончательно потерпел поражение, – пишет известный российский философ и искусствовед В. Г. Арсланов. – В самом деле, чем определяется чрезвычайная популярность этого ведущего направления современной философской, эстетической и искусствоведческой мысли? Основные характеристики постмодернизма в различных его проявлениях и направлениях примерно таковы: абсолютный релятивизм, нигилизм, отрицание истины как метафизической ложной ценности. Все эти черты были известны, разумеется, и раньше, но в постмодернизме они приобрели гипертрофированный характер».

Потерпевший поражение разум сегодня стал в умелых руках изощрённой, претендующей на разумность и даже научность технологией абсолютного разрушения разума и расчеловечивания человека. Мир так стремится к свободе личной мысли, что готов лишить себя сознания.

Берега прочтения

Сергей Воробьёв

Сергей Воробьёв родился в Ленинграде. Длительное время ходил на морских судах разного класса и назначения. Принимал участие в трёх Советских Антарктических экспедициях. В 2005 году из печати вышел документальный роман, посвящённый зимовке в Антарктиде. Автор нескольких книг прозы. Сопредседатель рижского Общества литераторов «Светоч» и нового Союза русских писателей Латвии. Состоит в СП России. Редактор и составитель литературного сборника «Русская проза XXI век». Живёт в Риге.

Борис Орлов

Бориса Александровича Орлова я повстречал в 2005 году. Зашёл «на огонёк» как представитель рижского Союза литераторов. Он тогда был (и остаётся до сих пор) председателем Петербургского отделения Союза писателей России. Фигура неоднозначная для многих. Но для меня понятная и прямая. У него морская закалка. У меня тоже. Поэтому общаемся мы, что говорится, без переводчика: моряк моряка видит издали. Хотя в званиях у нас большой разрыв: у него погоны капитана 1-го ранга, у меня старшины 1-й статьи. Но на Северном флоте служили параллельно: он на атомной подводной лодке, я в базе подплава. В обращении он прост и конкретен. Как старому подводнику, ему постоянно нужна цель и образ врага. И он находит и то и другое. Врага он чувствует интуитивно, определяет по слову, поведению и делам. Борется с врагами жёстко и бескомпромиссно. Поэтому и врагов у него много. Под его горячую руку и крутой нрав лучше не попадаться. Молодые литераторы, коих в Петербурге не счесть, его побаиваются и встают на дыбы: он редко их журит, в основном ругает и воспитывает, как матросов на военном корабле. Стиль его руководства военный, но по-другому, пожалуй, нельзя. Литераторы – народ ревнивый, амбициозный, нередко раздражительный, иногда завистливый, эгоистичный, эгоцентричный – разный. Их может сплотить только военная дисциплина, даже если это сплочение направлено против самого руководителя. Поэтому-то питерская организация (одна из самых многочисленных в России) и держится, и работает, и, в конечном итоге, существует.

Я как-то высказывал ему мысль о том, что борьба эта может отвлекать от самого творчества, ослабить поэтический дар. А этот дар у него безусловно есть. Может быть, в силу внутренних симпатий я переоцениваю его, сравниваю его с продолжателем русских поэтических традиций, связанных с такими именами, как Сергей Есенин, Николай Клюев, Сергей Клычков. Поэзия его проникнута болью за Россию, за русскую деревню, за наш флот – опору нашей самостоятельности и независимости. А простой философский итог жизни вылился у него в такие строчки:

Шаг тяжёл. И постарело тело.
Чаще ждём нерадостную весть.
В детстве мир мечтаем переделать,
В старости – оставить всё, как есть.

В нём явно и не манерно, без надрыва проявляется русская самобытность и не израсходованная до конца богатырская сила. Он прост в общении, даже иногда слишком прост в частной разговорной речи, но найти и сказать вовремя нужное слово он умеет. Бьёт всегда в точку, в цель, как при торпедной атаке. И враги его ничуть не отвлекают от творчества, а, похоже, придают даже новый поэтический импульс. Это его держит на плаву. Он сам признаётся в своих стихах: «Но знаю, что вам без меня спокойней жилось бы и тише».

– Я, – реагировал он как-то на мой посыл о «внутриполитической борьбе» в писательской среде и её отвлекающих факторах, – даже во время боевых дежурств, когда уходишь в поход, как на

войну, раскладывал чистые листы на атомном реакторе и – писал. И то были не самые плохие стихи, а возможно, и лучшие. Так что состояние конфронтации для меня привычно. Для меня это рабочая атмосфера. В конфронтации познаются не только враги, но и друзья.

У меня с ним тоже была «сцепка». Ему страшно не понравилось моё одномоментное сотрудничество с его нелюбимым питерским Альманахом, а скорее всего, – с его редактором. Сколько было упрёков и укоров на мою голову!

– С кем ты связался?! – напал он на меня. – Ты вообще знаешь, кто он такой?! На лодке таких на пушечный выстрел не подпускают...

Я даже не защищался, а апеллировал просто и доходчиво, мол, твоих мотивов я не знаю, войю с ним сам и меня в эти военно-морские игры не вмешивай...

– Да ты знаешь... – продолжал Орлов...

Пришлось его прервать – не знаю и знать не хочу...

Какое-то время он «держал на меня зуб». Это было видно по натянутым с его стороны отношениям. Но поскольку с моей стороны я ничего на себя не тянул и сохранял к нему прежнюю приязнь и уважение, он это почувствовал и постепенно оттаял. Прослужите десять-пятнадцать лет на подводной лодке, и я на вас посмотрю. Поскольку знаю эту службу не понаслышке. Моряк-подводник – это особый статус. На нём лежит (говорю это без пафоса) мир на нашей планете. Он держит в узде весь остальной западный союзнический анклав, оскалившийся на Россию, как свора бездомных собак. Когда субмарина приходит из дальнего похода, пробыв полгода под водой, моряков качает от ветра, а сами они похожи на бледнолицые привидения, до конца не осознающие реальность встречи с долгожданным берегом. Потом их здоровье восполняется обязательным отдыхом и почти месячным лечением в лучших санаториях. Но походите вот так хотя бы с пяток лет, вы по-хорошему заматерееете, приобретёте навыки бойца и непримиримость к фальши и лжи. Всё это Орлов приобрёл, и от него этого уже не отнимешь.

С Борисом Орловым не всё так просто. Потому что он и сам не прост, а бывает, и недосыгаем. В него надо вчитаться. Понять его может только человек русской души. Как-то в разговоре с одной петербургской поэтессой, чья необыкновенная стилистическая палитра привлекает внимание немалого круга читателей, речь зашла о Борисе Орлове. Поначалу она скептически отнеслась к этому имени, припомнив совместное выступление на одной из поэтических площадок. Её не привлекла ни форма морского офицера, ни чёткие «рубящие» строки его патриотических стихотворений. Да и говорили о нём в поэтической среде самое разное.

– Что есть стих? – спросила она не то у меня, не то у себя, и продекламировала:

Поэта стих – обрывки разговора,
песчинки смеха – хрусталя...

Мне, к сожалению, пришлось её прервать:

«Я понимаю вашу поэтическую воздушную стихию, но и вы постарайтесь понять его стихию – стихию моря, родной земли, стихию грусти и боли за свою Родину, стихию Богом данной нам жизни. И кстати, его стихи о России очень созвучны с вашими...» – «Моими? – удивилась она. – Не может быть!» – «Что-нибудь можете прочесть из своего?» – попросил я. «О России? Ну, хотя бы вот это». И она своим приятным грудным мелодичным голосом стала читать:

Я принимаю в дар дыханье лёгкое полей,
медлительность просёлочной дороги,
всеблагодатную отверженность монастырей
и в прорези лесов – глаза озёрной
глади-недотроги.
Смиренная, приму смиренность ноября
и мерность времени вне веденья полёта,
привычку матери – калитку отворя,
перекрестить вослед, оберегая
от кого-то.
Всевышнего немилость, Русь моих скорбей,
приму без слёз, без вздоха укоризны...

Но золотых всевластие цепей? –
Как не вольна душа твоя в них,
бедная ОТЧИЗНА...

– А теперь открываем томик Орлова, и я вам зачитаю то, что вам наверняка должно понравиться:

Скорее бы добраться до ночлега,
Пока в деревне люди не уснут.
Скрипит моя разбитая телега
И щёлкает лохматым длинный кнут.
Живём на горе, а не на потеху,
Как двести лет назад... И грязь, и жуть.
Бежит лошадка там, где не проехать
Машинам, – позабытый русский путь.
Смеркается. Но шаг лошадки пегой
Короток. Впереди слышна гроза.
Скрипят деревья. И скрипит телега.
И жизнь течёт, как двести лет назад.

– Это Орлов?! – спросила с удивлением поэтесса.

– Это Орлов! – подтвердил я.

– Да-а, – протянула поэтесса и тихо добавила: – прав Фёдор Михайлович – широка русская душа.

Метапрозаик Юрий Серб

О Георгии Александровиче Лебедеве мне, признаюсь, писать боязно. По моим представлениям, он человек безупречной культуры, ревнитель русского языка, о сохранности и возрождении которого печётся всей душой и всеми своими силами. А в последнее время, именно возрождая наш упрощающийся родной язык, обращается к почти забытой дореволюционной орфографии.

Вот что он сам пишет о себе в прилагаемом для одного журнала анонсе:

«Юрий Серб (Г. А. Лебедев) считает, что реформаторы сознания и алфавита произвели недопустимое насилие над языком и отечественной культурой, переиздавая русских классиков в “облегчённой” орфографии образца 1918 года, потому что буквы “ять” (ѣ), і (да и твёрдый знак в конце слова) несли важную смысловозначительную и фонетическую функцию в тексте. В значительной мере из-за этой “реформы правописания” современные журналисты искажают падежные окончания и нарушают синтаксис, “не говоря уже о том, что при каждом современном переиздании Пушкин, Гоголь, Чехов переворачиваются в гробу”».

Ю. Серб издаётся с 1989 года. Участник последнего в СССР Всесоюзного совещания молодых авторов (1989). Член СП России с 1996 года. Был делегатом XIV съезда СП России (2013). Лауреат Всероссийской премии им. А. К. Толстого за книгу «Страна Эстремагвай» (2012).

Дебютировал сборником рассказов «Годовщина прошлой листвы» (1995). Основные произведения: повести «Наказ Каламбургеру», «Речка Нача», «Агевлиада», диалогия «Солнце вдоль проспекта», романы «Площадь Безумия», «Топот, хохот и тьма», «Шумь».

Первая книга трилогии «Мы только шумь колосьевъ на вѣтру» опубликована в литературном Интернет-журнале «Молодое око» и является, по-видимому, «первым прозаическим произведением, написанным и опубликованным в Российской Федерации в соответствии с правилами русского правописания».

Родился Георгій Лебедевъ (Юрій Сербъ) въ 1944 году на Волыни, окончилъ филологическій факультетъ Ленгосуниверситета въ 1970 году, живётъ, по собственному признанию, въ Петроградѣ.

Этот анонс не был опубликован, формат журнала не предусматривал никаких предупреждений перед публикацией авторских текстов. А жаль. Но в любом случае Георгий Александрович остаётся для меня образцом самого бережного отношения к нашему языку как отражению души народа. Упрощается, опрощается язык, замещаются понятия, уходит и мистическая сторона жизни, его трансцендентная метафизическая составляющая. Только посмотрите дореформенные тексты: какая

красота письменного рисунка! В нём заложена и вязь древнеславянских писаний, и корневая основа пришедших извне слов, и эстетика самого письма, где всё взаимосвязано, сцеплено незримыми нитями логики изложения. Действительно, наши дореволюционные классики пришли бы в ужас, увидев свои «реформированные» произведения в современных книгах – это урезанная, оскопленная письменность, потерявшая первоначальную чистоту, идущую от Творца.

Георгий Александрович совершил своего рода подвиг: он каким-то образом выискал компьютерную программу, дающую возможность писать старорусским шрифтом, и уже написал им одну из своих книг, где в предисловии предупредил своего читателя следующим сообщением: «Ввиду того, что записи князя Петра сдѣланы въ традиціонной русской орфографіи, авторъ нашѣль сугубое удовольствіе въ томъ, чтобы привести весь текстъ къ нормамъ исконнаго русскаго правописанія».

И действительно, при одном только взгляде на оживленную старую письменность получаешь именно изысканное удовольствие. И ещё Георгий Александрович пишет по этому поводу: «Совѣтую вамъ поискать въ “Старой книгѣ” (или въ Интернетѣ), напримѣръ, “Дворянское гнѣздо” Тургенева или “Обрывъ” Гончарова (*имеется в виду – в старой орфографии*). Хватить питаться фальсификатами! Это вредно, это душевредно».

При встречах с Лебедевым (после бомбёжек Югославии он взял себе псевдоним Юрий Серб) я всегда стараюсь контролировать свою речь, боясь ошибиться падежом или неправильно поставить ударение в слове, чем мы почти все грешим. Я даже не знаю толком, чем мне оправдать его пиетет по отношению ко мне – человеку с неполным высшим образованием? Возможно, он меня переоценивает или принимает не за того. В любом случае я робею и стараюсь не произносить длинных речей, чтобы не запутаться в сетях довлеющего над всеми нами новояза, коварно проникшего в наше сознание.

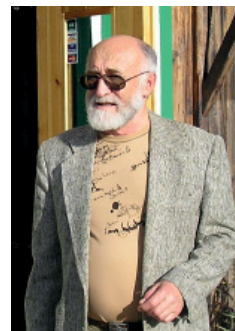
В этом отношении Георгий Александрович олицетворяет (по крайней мере, для меня) образ идеального литератора. И его метапроза, которая несёт в себе глубокий смысловой подтекст и является давним явлением в мировой литературе, заставляет читателя задуматься над многими вещами, мимо которых мы пробегаем в спринтерском запале, не останавливаясь и не переводя дух, а в итоге пробегаем мимо самой жизни. Метапрозу в произведениях Юрия Серба можно представить как синтез мысли, воображения и конкретных ассоциаций (Георгий Александрович здесь уж точно упрекнёт меня за употребления заимствованного латинского слова), замкнутых в реальные или условные рамки романа.

Берега прочтения

Геннадий Литвинцев

Родился 14 сентября 1946 года в Китае в семье русских эмигрантов. Десятилетним с родителями переехал в Россию. Окончил исторический факультет Уральского госуниверситета (Екатеринбург). Работая журналистом, представлял в Прибалтике газеты «Советская культура» и «Известия», позднее – в Центральном Черноземье «Российскую газету». В настоящее время живёт в Воронеже. Пишет прозу и публицистику. Публикуется в журналах и Интернет-изданиях. Издал три книги прозы. Лауреат российских и международных литературных конкурсов.

Глазами сердца

Алёна Даль. Хождение по Млечному пути. – М.: Вече, 2019. – 352 с. – (Серия «Любимые»).

«И вот теперь, расчистив пространство жизни, раскидав важные дела и судьбоносные решения, женщина стояла в замешательстве перед образовавшейся в её жизни пустотой, не понимая, что делать дальше. В поисках ответа она выбрала веками проверенный способ – путешествие». Так Алёна Даль, автор «Хождения по Млечному пути», объясняет истоки и причины появления своей книги.

«Кого нынче удивишь путешествиями?» – может сказать читатель. Едва ли не каждый студент после каникул «грузит» приятелей снимками, нащёлканными за границей, в экзотических странах и городах, которых и названия он не пытается удержать в измученной голове. Едут чаще всего на Запад: какой русский не желает ощутить себя европейцем, хотя бы на время отпуска. Что ж, в Европе комфортно, чисто, уютно, сытно. Плывёшь в толпе по площадям и закоулкам, смотришь туристские объекты, ешь, пьёшь, развлекаешься в пределах банковской карточки. Но на второй-третий день ощущение зависимости от могучей силы, соединившей невесть за чем тысячи людей со всего мира, начинает перерастать в чувство раздражения и протеста.

Да, тут торжество комфорта и сытости, ликование потребителя, стирающего подошвами ног «священные камни», поглощающего попутно с едой и питьём памятники, предания, верования европейских народов, их обычаи, этнографию и историю, само пространство и время. И как бы вы ни были развиты, самостоятельны, не подвержены влияниям рекламы и моды, становится страшно потерять себя, слиться с массой и пропасть в толчее. Не достигнут ли тут идеал антиутопии, о котором предупреждали нас отечественные и западные прозорливцы, начинаете вы думать, не конец ли истории видим мы тут в самом деле, когда всё желаемое свершилось, окуклилось и нечего больше ждать, некуда дальше стремиться? Не придётся ли и нам принять это за окончательный итог цивилизации, смириться и обезличиться? Вы кожей начинаете чувствовать, что необходим духовный отпор, отрицание, очищение, чтобы не поддаться, вместе со всеми не поклониться всеядному божку сытости, не принять его за нечто высшее, сохранить стержень внутренней свободы.

Важно, с каким духовным багажом человек отправляется в путь. Читая «повесть-странствие» Алёны Даль, видишь, что автор шаг за шагом приходит к такому же выводу, что на «древнюю дорогу пилигримов» его привело отнюдь не легкомысленное желание новых впечатлений и подорожных приключений. И становится понятно, почему автор нигде не называет себя туристом, но постоянно и твёрдо – пилигримом или паломником. Разница существенная. «Глазами сердца мы видим», говорит Ориген, великий путеводитель по духовным тропам. Отсюда и «Хождение...» в названии книги вместо обиходного «тур».

С напряжённым интересом шёл я вслед маршрутом писателя, удивлялся её смелости и терпению, умению разглядеть во встретившихся предметах и приметах нечто сущностное, в случайных попутчиках вроде рыбака Эррандо, бывшего гонщика Эмилио или русского госпиталяра Вик-

тора – добрых самаритян. При этом автор не претендует на «открытие Америк», она заявляет: «Разрозненные кусочки знаний, приоткрывшиеся мне в Пути Сантьяго, – лишь малые крупички, позволяющие незначительно приблизиться к пониманию того, чем и как живёт Испания. Что питает её корни? Кто вдохновляет сердца людей? И чем обусловлены национальные особенности её характера?»

Повествователь, задающийся такими вопросами и ищущий на них ответы, думаю, по праву может рассчитывать на серьёзное внимание читателя, даже и побывавшего во всех концах света. Но лёгких ответов на эти вопросы ждать не приходится. Автор проясняет нам своё понимание современности: «Цивилизация сегодня – это мир индексов, рейтингов, брендов и трендов. В нём почти не осталось места для сказки, природы, вдохновения и мечты... Я убеждена, что нам нужны мифы и сказки, нам нужны настоящие герои, а не звёзды и медиа-персоны, нам крайне показано верить в чудеса и воодушевляться примером тех, кто их уже встретил. Только ради этого одного стоит отправляться по следам кем-то написанных книг и снятых кинофильмов, по стопам мифических героев, по звёздам и по картам, по дорогам земным и небесным, что не кончаются никогда».

Дороги-то не кончаются, но заканчивается маршрут, время, отведённое автором на общее с ним и с его отзывчивыми собеседниками увлекательное путешествие по дорогам Испании, по тропам исторической памяти, по духовным обителям. Кто из нас, хоть изредка путешествующих, не знает лёгкой горечи разочарования по возвращении домой, как часто ожидания не совпадают с увиденной реальностью. Бывало, и у меня после поездки стирался в душе образ города или страны, созданный живописью и поэзией. Боюсь подобных разочарований. Пусть останется со мной образ Camino de Santiago, любовно и чутко написанный Алёной Даль: «В это краткое мгновение наедине с духом Сантьяго я остро ощущаю быстротечное торжество момента и одновременно осознаю непостижимую вечность жизни, состоящую из бесценных минут, таких, как эта. Замыкается круг. Завершается виток. Переворачивается лист моей истории. И я смело и бесстрашно делаю этот шаг – переход от себя прошлой к себе будущей через неуловимый миг настоящего».

Берега прочтения

Вячеслав Ложко

Вячеслав Ложко родился в 1940 году. Образование высшее, окончил Ленинградский институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта. Член Союза писателей России.

Заслуженный деятель искусств Автономной Республики Крым. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Гумилёва, премий «Традиция» и «Золотая осень имени С. А. Есенина», награждён памятной медалью Государственной Думы Российской Федерации «За особый вклад в книжное дело» (Москва, 2015 год), Почётной грамотой Министерства культуры Российской Федерации «За большой вклад в развитие культуры, многолетнюю творческую деятельность».

Неизвестный Гумилёв

2020 год. Ближится очередной Международный Гумилёвский поэтический фестиваль «Коктебельская весна». Это будет юбилейный, XV фестиваль

Собираются писатели, поэты не только России, но едут писатели и поэты из Украины, Белоруссии. Едут, чтобы ещё раз порадоваться творчеству Великого русского поэта, воина, учёного, путешественника, исследователя.

Сколько ещё мы не знаем о Николае Степановиче Гумилёве. Именно с Н. Гумилёвым связаны неизвестные страницы изучения древних языков и рукописей, уходящие в глубину веков, буквально тысячелетий. Это письменность шумеров и аккадцев.

В конце 4-го тысячелетия до н. э. шумеры, племена неизвестного происхождения, освоили болотистую, но плодородную долину рек Тигра и Евфрата. Они осушили болота, справились с нерегулярными, а иногда катастрофическими разливами Евфрата. Создали сложную систему ирригации и образовали первые в Двуречье города-государства.

Среди разнообразных достижений цивилизации, приписываемых шумерам, наиболее значительным признаётся изобретение в конце 4-го – начале 3-го тысячелетия до н. э. письменности.

С самой глубокой древности соседями шумеров были семиты-аккадцы. Они находились под сильным влиянием шумеров.

Учёные засвидетельствовали появление собственно аккадской культуры с середины 3-го тысячелетия до н. э.

Но языком науки, религии, литературы в течение всего тысячелетия оставался шумерский язык, даже тогда, когда жители Двуречья перешли полностью на аккадский язык.

Учёные-историки утверждают, что история Двуречья во 2-м тысячелетии – это уже история народов, говоривших на семитских языках. Из них значительную роль играли вавилоняне – народ, образовавшийся от слияния шумеров и аккадцев и говоривший по-аккадски.

На исторической арене появляется объединённое государство Ассирия.

В XIV веке до н. э. и уже в конце IX века до н. э. становится могущественным государством Передней Азии.

Они распространили своё влияние на части Малой Азии и Ирана и на Восточное Средиземноморье.

В 538 году до н. э. Вавилонию завоёвывают персы. Разговорным языком Вавилонии в конце 1-го тысячелетия до н. э. делается арамейский. На нём ведутся деловые документы и частная переписка. Аккадский язык становится языком литературы.

Значительная часть литературных текстов, как шумерских, так и аккадских, попала к современникам из дворцов ассирийских царей, главным образом из знаменитой библиотеки царя Ашурбана-

пала (669–636 до н. э.). Из писем царя к храмовому управляющему в городе Борсиппе известно, что царь повелел создавать копии текстов, которые он собирал по всем землям своей державы, для того чтобы составить царскую библиотеку. В библиотеке находилось более семисот сочинений. Двести из них обозначены термином «научные», более трёхсот текстов гаданий, предсказаний. Остальные тексты значились как литературные.

Изучением аккадской литературы занимаются уже более ста лет. Некоторые литературные памятники, такие, как эпос Гильгамеш, прочно вошли в обиход мировой культуры.

Почему я пишу об этом. По мнению большинства специалистов, вся древневосточная поэзия написана топическим или близким к топическому стихом. При переводе аккадских литературных текстов на русский язык переводчики обычно исходят из предпосылки топической системы стихосложения аккадского языка. Это оказалось очень удобным для передачи этих стихов в топической русской системе.

В России традицию переводов памятников клинописной литературы начали поэты Николай Гумилёв и Валерий Брюсов. Они переводили памятники с французских подстрочников.

Николай Степанович Гумилёв был первым, кто познакомил в 1919 году русских читателей с эпосом о Гильгамеше.

Помощь в работе над переводом оказывал Гумилёву крупнейший шумеролог и ассириолог В. К. Шумейко. Он был талантливым поэтом и переводчиком. Шумейко написал предисловие к переводу Н. С. Гумилёва. Часть переводов В. К. Шумейко были опубликованы в 1920-х годах в журнале «Восток». Жаль, многое затерялось, в том числе его перевод об эпосе Гильгамеш. Но в заказниках сохранились переводы Н. С. Гумилёва.

У большинства аккадских мифологических и эпических персонажей существовали шумерские прототипы. Герой знаменитого аккадского эпоса Гильгамеш – шумер. Ему посвящено несколько шумерских поэм-сказаний. Шумерский царь-мудрец Сиузудру, означающий: «нашедший жизнь дальних дней», – оказывается предтечей сразу двух вавилонских героев: Атрахасиса – «превосходящий мудрость», и Утнапиштим. Они пережили потоп благодаря покровительству бога Эйи. Они введены в эпос о Гильгамеше. А такой герой, как Адапа, принадлежал к числу знаменитых шумерских «семи мудрецов», к которым древняя традиция причисляла также и Гильгамеша.

В древней литературе заимствовано большинство сюжетов и мотивов аккадских сказаний. В стране безвозврата – Куре, откуда вернуться на землю уже никто не может, даже Бог, если он не оставил замены себе, о создании людей из глины, смешанной с кровью убитого божества, сказания о всемирном потопе и многие другие уходят корнями в шумерскую мифологию.

Не все шумерские сказания вошли в эпос. Нет рассказа о сражении Гильгамеша с царём Киша – Агой. В то же время самостоятельное шумерское произведение – сказание о потопе – органично влилось в эпос.

Образ Гильгамеша дан в развитии. Гильгамеш в начале повествования – буйный молодец, наделённый разрушительной силой. Он не знает, на что направить её. От его буйства страдают его сограждане. Но под влиянием облагораживающей дружбы с Энкиду характер героя меняется, он готов служить добру. Он отправляется в поход на Хумбабу, чтобы всё, что есть злого, уничтожить на свете. Отчаянье, тоска по безвременно погибшему другу обрекает его на скитания. На поиски «Цветка молодости», который так и остаётся ему недоступным. А Энкиду? В сказаниях он раб Гильгамеша, и его история всего лишь фон, оттеняющий подвиги главного героя. О существовании Энкиду становится известно из фразы: «Гильгамеш уста свои открыл, рабу своему Энкиду слово молвил». Смерть Энкиду даёт толчок к прозрению Гильгамеша: «И я так же умру, как Энкиду?»

Плач Гильгамеша по Энкиду, описание бегства в пустыню тоскующего Гильгамеша и многие другие эпизоды делают эпос о Гильгамеше одним из шедевров древневосточной эпической поэзии.

Сказания о Гильгамеше «относятся к вершинам вавилонского поэтического творчества».

И Н. С. Гумилёв с особой тщательностью переводил знаменитый эпос на русский язык.

Из переводов известно о сотворении людей, о том, как присудили им «бремя божье», о бедствиях, насылаемых на людей богами, постоянно недовольных ими, о вечном страхе людском перед богами, об их зависимости от гневных, капризных, неуловимых божественных сил, построенных необыкновенно искусно, с ритмическим нарастанием действий, объединённых рефреном, соединяющих начала и концы песен-глав: «Не прошло и двенадцать сотен лет, земля разрослась, расплодился люди»...

Каждое новое бедствие, уготованное роду людскому, превосходит предыдущее по своей разрушительной силе, и потоп, который должен был уничтожить всё человечество, становится завершающим весь эпос событием, наиболее драматичным и самым ярким.

Повествование о потопе в Гильгамеше ведётся от первого лица, и потоп видится глазами очевидцев. Это придаёт рассказу образную силу и выразительность.

Прямых доказательств в подлинности авторов эпоса нет. Важен был не конкретный автор, а стоящий за именем авторитет. Текст, вышедший из уст бога Эйи. В шумерской литературе часто встречаются гимны и плачи о гибели городов и династий. Молитвы, псалом – уже средство индивидуального общения с Богом. Гимн был рассчитан большей частью на хорошее исполнение, эмоции, которые он вызывал, – коллективные, объединяющие людей. Это же говорили и о плачах. Обряд очищения могли совершать и дома. Большинство заклинаний строилось стереотипно. Но первоначальный образец обладал высоким художественным достоинством, а для царей составлялся по специальному заказу. В тексте молитвы оставлялось свободное место, чтобы можно было вставить туда имя человека, обращающегося к Богу.

Существование светской лирики казалось несовместимо с понятием литературы культовой, канонической или учебной. И всё же этот жанр существовал и дошёл до современников.

Две тысячи лет существование письменной традиции, равно как и развитой системы школьного преподавания, сделали аккадскую литературу «книжной» и замкнутой – она развивалась как литература высокой тайной премудрости, изощрённой игры ума: «Я открою тебе Гильгамеш сокровенное слово...» Интересен процесс развития месопотамской словесности, собственно литература и её становление было длительным и почти неприметным. Однако уход аккадской литературы от своих истоков – литературы шумерской, развитие возможностей, заложенных в самой литературе, как в самостоятельном виде искусства, привыкание к чтению глазами «про себя», к процессу размышления и чистого эстетического удовольствия прослеживается в развитых аккадских памятниках отчётливо.

Такая литература решала довольно сложные задачи, создавая произведения, композиция и стилистика которого полностью подчинена его идейному замыслу и «сверхзадаче». Имеется в виду космогоническая поэма «Когда вверху». Вся композиция её искусна и продуманна, подчинена единой мысли: прославить величие и мощь бога Мардука, который стал центральным божеством вавилонского пантеона. Мардук – «Дитя солнца», с которым никто не может сравниться.

Николай Степанович Гумилёв глубоко вникал в исследование аккадской поэзии. Обнаружено, что в её развитой форме совершенно явно выделяются строфы, образованные выделением и подчёркиванием какой-то единой мысли. Ещё более показательное явление – акrostих. До современников дошли семь акrostихов, все из библиотеки Ашурбанапала.

По мнению большинства специалистов, вся дальневосточная поэзия написана топическим или близким к топическому стихом, где главную роль играет счёт ударных слогов, а число неударных ничего не значит. Стихи произносились нараспев или просто пелись.

При переводе аккадских литературных текстов на русский язык переводчики исходили из предпосылки топической системы стихосложения аккадского языка, что оказалось очень удобным для передачи этих стихов в русской топической системе.

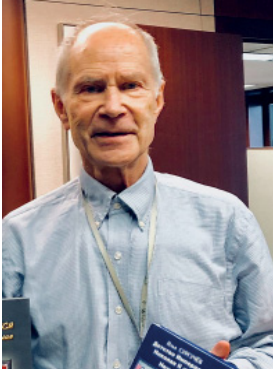
Особенно преуспели в этих переводах Н. С. Гумилёв и В. Брюсов. В 1897 году вышел сонет Брюсова «Асаргадон». Он является стихотворным переложением надписи царя, обнаруженной вместе с его изображением в Сирии, в Нахр-Эль-Кельбе. Работы над древними переводами не прекращались.

В 1961 году на русском языке был опубликован «Эпос о Гильгамеше» в переводе И. Н. Якунова, и с этого времени над художественными переводами шумерского и аккадского языков работала вместе с ним группа его учеников, которые стремились в своих переводах, по возможности приближаясь к размерам подлинника, передать средствами русского языка своеобразие и выразительность древних памятников.

В 1981 году в издательстве «Художественная литература» вышел первый сборник на русском языке, в котором представлены почти все жанры аккадской поэзии и ассирийской прозы. В этом сборнике есть произведения, которые в своё время переводил Николай Степанович Гумилёв. Издатели сборника постарались быть верными шумеро-вавилонской традиции, сохранив заглавие произведения по первой строке. Эта деталь в сборнике воздавала деталь достоверности, оказывалась тем ключом, который отмыкал читателям дверь в тысячелетия.

Берега прочтения

Владислав Краснов

Владислав Краснов, бывший американский профессор и доктор философии, с 1992 года возглавляет общество Российско-Американской Дружбы «Добрая Воля» (www.raga.org) и сотрудничает с Глобальным Союзом Гармонии (Global Harmony Association).

От Николая Гумилёва к Александру Солженицыну

Ленин о двух культурах в России

Ленинская теория «двух культур» открыла шлюзы для вмешательства государства в культурную и, прежде всего, литературную жизнь страны, как русскую, так и любую другую национальную культуру народов Советской России. Это был курс на политизацию культуры и перенос марксистского понятия о классовой борьбе из узкой политической сферы на всеохватную культурную.

Ещё в 1913 году Ленин писал: *«Есть две нации в каждой современной нации... Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, – но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»*. Так идея раскола русской национальной культуры на два враждебных лагеря стала внедряться в головы «прогрессивной» общественности ещё до узурпации власти большевиками в Октябре 1917-го. Но, захватив власть переворотом и разогнав Всероссийское Учредительное Собрание, большевики вцепились зубами в органику культурной жизни России и продолжали терзать её до самого обвала СССР в августе 1991 года.

Во всех партийных документах, касающихся литературных вопросов, монистической концепции советской литературы, так называемый «социалистический реализм», проводилась как цензурными, так и чекистскими средствами. Она дала основание для определения типа советского государства как тоталитарного. Лишь введение гласности под напором открытых и скрытых диссидентов среди читающей публики подточило «Берлинскую стену» да и весь «железный занавес», который чуть не три поколения отделял советских людей не только от мира, но и от собственной истории и культуры.

«Философские пароходы»

Пожалуй, самым ярким, зримым и трагическим актом разделения культур была высылка Лениным «философских пароходов». На борту этих пароходов – и за бортом русской культуры на родной земле – оказались Николай Бердяев, Иван Ильин, богослов священник Сергей Булгаков, Валентин Булгаков (друг и последователь Льва Толстого), философы Николай Лосский и Лев Карсавин (последнего советские власти извлекли из оккупированной Литвы и отправили на ГУЛАГ, где он и умер) и сотни других.

Иван Бунин: Миссия Русской Эмиграции

«Философы» отнеслись к своему изгнанию философски: ведь сотни других «неугодных» власти были просто убиты или отправлены на Соловки. Они стали светочем трёхмиллионной русской эмиграции, состоявшей из белых воинов, солдат, офицеров, священников и учёных, казаков, калмыков и других инородцев. Изгнанники просветили весь мир осознанием масштаба Российской трагедии. В 1924 году выдающийся русский писатель и будущий лауреат Нобелевской премии Иван Бунин (1870–1954) провозгласил, что Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия.

Бунин продолжил: «В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, я приводил слова великого русского историка Ключевского (1841–1911): “Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата Его Лавры”. Великие слова, ныне ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты и лампы погашены. Но без этих ламп не бывает русской земле – и нельзя, преступно служить её тьме».

Левый марш дома и за рубежом

Между тем, на улицах Москвы и Ленинграда революционные отряды, подзадоренные большевиками, продолжали скандировать магические заклинания:

Довольно жить законом,
Данным Адамом и Евой:
Клячу Историю загоним
–левой, левой, левой!
Ну а если кто-то шагнёт невпопад?
Дело поправимо!
Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе!
Кто там шагает правой?
– Ваше слово, товарищ Маузер!

«Клячу Историю» загнали уже в 1921 году, когда восстали не «белые», а красные кронштадтские матросы и по всей стране полыхали крестьянские восстания. Через пару лет Маяковский, «лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи» (Сталин), упрекнул Сергея Есенина за (якобы?) самоубийство: «В нашей жизни умереть не трудно: Сделать жизнь – значительно трудней!»

И как в воду глядел: в 1930-м Маяковский сам покончил с собой. Или кто-то приказал «товарищу Маузеру» ещё раз шагнуть налево?

От инакомыслия до того берега!

Так случилось, что в 1962 году – не столько «по шучьему велению», сколько по моему хотению – я оказался на «том» берегу. Сначала в Швеции, потом в США. В статье-некрологе «Памяти Ильи Глазунова» я поделился своими воспоминаниями об учёбе на историческом факультете МГУ и о начале инакомыслия в стране в 1950-е годы. Кстати, имя художника Ильи Глазунова (1930–2017) здесь не случайно, ибо в 1959 году он был в чести среди инакомыслящих студентов МГУ именно потому, что впервые поднял русскую тему своими иллюстрациями к романам опального Достоевского, принадлежавшего, по Ленину, к реакционно-консервативному крылу русской культуры. А осенью 2019-го, побывав на «Камском берегу» в родной Перми, в интервью под названием «От Александра Солженицына к Михаилу Второму и Махатме Ганди» я несколько осветил и начало моей карьеры на Западе.

В Швеции: от Гётеборга до Лунда

Перед советским человеком, попавшим на Запад, первая и самая важная задача была получить убежище. Вопреки распространённому мнению, многие западные страны давали его не всегда и не весьма охотно. Свои мытарства в Швеции я уже кратко описал в 2017 году в статье «Жажда правды». А получив убежище, стоишь перед вопросом: на что жить? как и какую работу получить? И тут двойная задача: (1) адаптироваться к языку и культуре принимающей страны и (2) не растерять, а то и приумножить свою собственную русскость.

Прежде всего я постарался получить шведское образование. Моё советское образование как историк-этнограф здесь не пригодилось. Правда, моя дипломная работа в МГУ касалась книги последнего католического архиепископа Швеции – Олафа Магнуса (1490–1557), который после перехода Швеции в лютеранство оказался в изгнании в Риме. Там он и написал на латыни ностальгическую «Историю Северных народов». Позднее книга была переведена на шведский язык, и в дипломной работе я и дал оценку той её части, которая касалась России. Однако, поступив в 1963 году в Гёте-

боргский университет, я перешёл на лингвистику и филологию с расчётом получить работу преподавателя русского языка.

Мне повезло: после двух семестров в Гётеборгском университете открылась вакансия на преподавателя русского языка и литературы в Лундском университете. Я переехал из Гётеборга на юг Швеции, в Лунд, и сразу же попал в русскую стихию.

Предварительное окунание

Окунуться в эту стихию я успел ещё в стокгольмской тюрьме, куда меня поместили до решения вопроса об убежище. Когда охранники спросили, не хочу ли я что-либо почитать? «Доктора Живаго», – ответил я, ничтоже сумняшеся, ибо, хотя кое-какой самиздат я читал, будучи студентом МГУ, обычно это были перепечатанные на машинке страницы таких авторов, как Милован Джилас (1911–1995), дореволюционные издания Фридриха Ницше, непротивленческие памфлеты Льва Толстого да разрозненные страницы стихов Николая Гумилёва. О «Докторе Живаго» опального Бориса Пастернака мы и мечтать не смели.

А тут любезные шведы предлагают целую книгу! Правда, книга была в шведском переводе. Но я и этому был рад, надеясь убить сразу двух зайцев: и шведский подучить, и узнать о выживании духа живаго в советской литературе, в то время как многие из коллег врача Юрия Живаго, даже понимая, что происходит, предавались искусству «мимикрии», чтобы выжить. Доктор отмечал, что советские вожди любили щеголять русскими пословицами, кроме одной: «Насильно мил не будешь!» Меня поразило, как искусно Пастернак извлёк историю СССР из диалектических кувырканий экономики и классовой борьбы и вернул её на столбовую дорогу духовного роста и возмужания человека, по крайней мере, со времён Голгофы Иисуса из Назарета.

Очень кстати пришёлся и подарок от русской белоэмигрантки, которая приставлена была мне переводить на допросах, но вскоре убедилась, что – несмотря на отличное владение как шведским, так и русским языком – она совсем не в курсе тонкостей новой «совковой» культуры и её новояза. А подарила она мне не что иное, как Библию, то есть «Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета». Она и сейчас передо мной. Издатель: «Объединённые библейские общества», Нью-Йорк, Женева и Лондон. Тексты «канонические» и перепечатаны с Синодального издания. А год издания не указан. Наверно, потому, что книга вечная и неизменная. Правда, на внутренней обложке проштамповано: БЕСПЛАТНО. Думаю, подарок этот несёт на себе и посильно выполняет ту самую «Миссию русской эмиграции», о которой так пламенно говорил Иван Бунин.

Этот подарок запал мне в душу ещё и потому, что, в отличие большинства «совков», это не была моя первая встреча с Библией. Во-первых, в 1944 году мои родители благостно крестили меня, хотя и тайно, но пользуясь тем, что решение Сталина вернуть Патриархат давало хоть какое-то оправдание. И это я уже описал в своих «шведских» мемуарах по-русски в книге «Когда я родился. Генезис инакомыслия».

Во-вторых, в Библию я уже заглядывал, когда проходил обзорный курс о религиозных верованиях в истории человечества. Курс вёл заведующий кафедрой этнографии профессор Сергей Александрович Токарев (1899–1985). Он настоятельно рекомендовал нам «хотя бы взглянуть на первоисточники». Что я прилежно и сделал. Правда, для этого надо было получить специальный пропуск в аспирантскую библиотеку МГУ на ул. Карла Маркса (сейчас она опять Моховая).

В Лундском университете

Получив должность экстренного иностранного преподавателя русского языка и литературы, я наконец-то получил возможность и в шведском практиковаться, и углубиться в русскую литературу. Прежде всего, хотелось почитать стихи запрещённого в СССР певца Музы Дальних Странствий Николая Степановича Гумилёва (1886–1921). В годы «оттепели» среди студентов МГУ ходили восторженные слухи о нём, но стихи его в самиздате появлялись лишь на разрозненных машинописных страницах. Прочитав одно или два, я сразу же проникся его героическим благородством. Привлекал тот факт, что он был убит, как Пушкин и Лермонтов, только во сто раз хуже.

Мне не казалось важным, участвовал ли он в Деле Таганцева или нет. Ясно было одно: он был убит за ПРАВОЕ ДЕЛО, ибо объективно, даже оставаясь вне политики, он тормозил «Левый марш» страны в пропасть произвола и насилия.

Что значила Швеция для Николая Гумилёва

Попав в Швецию, я первым делом набросился на один эмигрантский сборник его стихов и сразу же напал на цикл стихотворений, посвящённых Швеции. Вот одно, ключевое, так и называется:

ШВЕЦИЯ

Страна живительной прохлады,
Лесов и гор гудящих, где
Всклокоченные водопады
Ревут, как будто быть беде.

Для нас священная навеки
Страна, ты помнишь ли, скажи,
Тот день, как из Варягов в Греки
Пошли суровые мужи?

Ответь, ужели так и надо,
Чтоб был, свидетель злых обид,
У золотых ворот Царьграда
Забыв Олег медный щит?

Чтобы в томительные бреды
Опять поникла, как вчера,
Для славы, силы и победы
Тобой подъятая сестра?

И неужель твой ветер свежий
Вотще нам в уши сладко выл,
К Руси славянской, печенежьей
Вотще твой Рюрик приходил?

https://slova.org.ru/gumilev/shvetsiya_strana/

Варяжская концепция русской истории задела мои историософские струны. Ещё по школьным учебникам меня увлекал приключенческой романтикой «путь из варяг в греки». Этой концепции придерживался и мой научный руководитель на историческом факультете МГУ профессор Михаил Владимирович Витов (1923–1968). Я участвовал в нескольких этнологических и антропометрических экспедициях под его руководством: от Белоруссии и Украины на западе до просторов Русского Севера – от Великого Устюга, Княжпогоста и Потьмы до Соликамска и Перми. Более того, он же познакомил нас с теорией проникновения викингов не только к Царьграду на юге, но и до Уральских гор и Перми на востоке, и что якобы сам этноним «пермь» попал не только в русскую «Повесть временных лет», но и в исландские саги, как *Biarmaland*, то есть «страна Беармия».

Вопросительный призыв к русским в последней строфе «Швеции» Гумилёва всегда отзывался благодатным эхом в русской душе. Тут и желание проплыть по «пути из варяг в греки» до самого Царьграда. Тут и признание Петра Великого, что в жестоких битвах на суше и на море мы учились военному искусству у шведов. Вероятно, и теперь судьбоносный вопрос поэта – не вотще ли к нам Рюрик приходил? – берedit не одну отзывчивую русскую душу. Не случайно Николай Оцуп (1894–1958), один из первых исследователей творчества Гумилёва, находил важной для поэта веру, что именно варяги принесли на Русь «внешнюю организующую силу».

«Иван Денисович» открывает Новый Мир

Порадовал меня Лунд и богатой университетской библиотекой, где я сразу же разыскал журнал «Новый мир» № 11 за 1962 год, чтобы прочитать там сенсационную повесть некоего нового советского писателя, о которой узнал из шведских газет. Это был «Один день Ивана Денисовича» неизвестного автора и даже бывшего зэка Александра Исаевича Солженицына. Мало сказать, что

повесть мне понравилась. Это был голос не мальчика, а мужа, который многое уже сказал, но сдерживал себя, чтобы суметь сказать в будущем и больше, и острее. Поскольку его повесть вышла в ноябре 1962 года, когда я уже оформлялся на побывку в Швеции, это показалось мне судьбоносным.

А я открываю Америку: от Чикаго до Сиэтла на гончей собаке!

Летом 1965 года я получил стипендию на один год при Славянском комитете Чикагского университета (University of Chicago). Накануне нового, 1966-го я был уже в Чикаго. В мои обязанности входило общаться со студентами и преподавателями на русском языке. А для этого надо было почаще ходить на любые лекции о России и СССР. То есть я был в свободном плавании, чем я и воспользовался. Кроме специальных разговорных уроков по-русски с полудюжиной студентов, ходил на лекции по русской истории и литературе, которые велись по-английски. Это была блестящая возможность расширять мои элементарные пассивные познания в английском, слушая лекции на знакомые мне темы. И это было важно, ибо, хотя мне в Швеции нравилось, я чувствовал, что за три года я освоил страну достаточно, чтобы опять поклониться Музе Дальних Странствий и отправиться на очередное «хождение за три моря».

Весной 1966 года я повёлся на рекламу компании маршрутных автобусов Greyhound (гончая собака). Предлагалось купить за 99 долларов единый билет на путешествия по всем штатам в течение 99 дней. Поскольку на летние каникулы у меня не было никаких обязательств перед студентами, осмотреть за лето всю страну за 99 долларов показалось мне идеальным вариантом. Что я и сделал: я объехал всю страну чуть не дважды. Побывал в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Монтерее, Лас-Вегасе, Денвере, Новом Орлеане, Вашингтоне, Филадельфии, Бостоне и, конечно, в Нью-Йорке. Не только ради туристического любопытства. Моя главная задача была – подобрать университет, в котором я мог бы продолжить свою карьеру.

Выбор пал на Вашингтонский университет (University of Washington) в городе Сиэтле в штате Вашингтон. В других университетах я мог устроиться преподавателем русского языка, ибо потребность в таковых была высока из-за обострения в Холодной войне. В Сиэтле же меня привлек вариант, когда я мог учиться в аспирантуре и одновременно преподавать несколько часов русского языка в неделю, чтобы быть в состоянии платить за учёбу. Мой советник в Чикаго порекомендовал пару профессоров политологии и русской литературы в Сиэтле, у которых было чему поучиться. Сиэтл привлек меня близостью к Канаде и Аляске, прекрасным видом на великолепную гору Рэйнир, зелёным и мягким климатом и горнолыжными базами. А ещё Сиэтл славится статуей крестителя Гренландии и первооткрывателя Америки Лейфа Эриксона (970–1020), установленной здесь ещё в 1962 году. И – что было символично – он был удалён от родной Перми ровно на половину Земного Шара, и Пермь была одинаково близка, ехать ли дальше на Запад или вернуться на Восток! Я очию убедился, что Земля круглая.

Платиновый век русской поэзии

Одним из моих профессоров стал д-р Юрий Павлович Иваск (1907–1986), русский белоэмигрант, некогда проживавший в Эстонии, получивший докторат в Гарвардском университете за диссертацию о поэте Вяземском. Он и сам был поэтом, но себя не выставлял. Лекции вёл по-английски, ибо большинство студентов русского языка не знало, интересуясь лишь литературой. Главным учебником была «История русской литературы с древнейших времен по 1925 год» князя Дмитрия Святополка-Мирского (1890–1939). Она была переведена на многие языки, в том числе английский. Хотя автор был и князь, даже Рюрикович, и сражался в гражданской войне на стороне белых, в эмиграции он начал симпатизировать сначала евразийству, потом и коммунизму. В 1932-м вернулся в Советскую Россию, но в 1937-м был арестован и обвинён в шпионаже, а в 1939-м погиб на ГУЛАГе в Магадане. Реабилитирован в 1963 году, наверно, не без помощи «Ивана Денисовича», который сделал замалчивание ГУЛАГа невозможным.

Д-р Иваск хорошо знал русскую литературу Серебряного века. Он так восхищался ею, что предлагал переименовать её в «Платиновый Век». Сам поэт, Юрий Павлович высоко ценил творчество Гумилёва. Но его любимцем был Иннокентий Анненский (1855–1909), поэт-символист, которо-

го Иваск ставил в один ряд с Тютчевым и Блоком. Будучи директором Царскосельской гимназии, в которой учился Гумилёв, Анненский благосклонно относился к начинающему поэту!

И опять Струве

Что касается современной русской литературы советского периода, главным учебником была книга Глеба Петровича Струве (1898–1985) «Истории русской советской литературы». Профессор Струве преподавал русскую литературу в Калифорнийском университете в Беркли. Но иногда приезжал с лекциями в Сиэтл. Его познания были обширны. Именно он подготовил к изданию труды Б. Пастернака, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, Н. Клюева. Издал письма М. Цветаевой с комментариями. Подготовил к печати и опубликовал «Лебединый стан», «Перекоп» М. Цветаевой и «Реквием» А. Ахматовой. И – что особенно важно – опубликовал книгу «Неизданный Гумилёв».

Однажды, узнав, что я родом из Перми, он вдруг потеплел и спросил: «А сохранился ли дом губернатора Струве в Перми?» Я рот разинул: «Какого губернатора? Какого Струве?» Единственный Струве, которого нам полагалось знать, был тот бывший легальный марксист, которого Ленин заклеил «социал-предателем». «Нет, губернатором Перми был мой дедушка Бернард Васильевич Струве (1827–1889), а мой отец родился в Перми, но именно его Ленин невзлюбил». Я обещал ему разузнать в «будущем» о судьбе дома губернатора в Перми, и у нас завязалась дружеская переписка. «Будущее» наступило сразу после Августовского путча в 1991-м, когда я впервые вступил на Пермскую землю после 29 лет добровольного изгнания. Я дождался, а Глеб Петрович скончался в 1985-м, так и не дождавшись посмертной реабилитации своих предков. Позднее центральная улица Карла Маркса в Перми стала опять Сибирской, а на вновь покрашенном бывшем доме губернатора Струве появилась достойная мемориальная табличка.

Когда пришло время писать магистерский тезис, то читатель едва ли удивится, что он был посвящён Николаю Степановичу, певцу Музы Дальних Странствий. Озаглавлен он был по-английски “Gumilev’s Late Poetry”. Вопреки мнению некоторых литературоведов, что, якобы, акмеизм как особое литературное течение, основанное Гумилёвым в 1911 году, так и не сумел обособиться от символизма и стал сходить на нет даже в поздних стихах самого основателя. Я же старался показать на примерах стихов его сборника «Огненный столп», что и при Советах Гумилёв остался верен тем принципам, которые он провозгласил в 1911-м. Разумеется, ситуация в России после революции 1917 года изменилась радикально для России вообще и для самого Гумилёва в особенности. Но поэт не сдал своих позиций, как гражданских, так и творческих.

Более того, находясь в 1917 году во Франции с военной миссией по поручению Временного правительства, он легко мог остаться за границей, когда после большевистского переворота офицеры попали под надзор, а то и под обстрел чекистов. «В Африке я охотился на львов, а большевики не могут быть такими свирепыми», – говаривал Гумилёв. И вернулся в Советскую Россию в апреле 1918-го, чтобы возродить «Цех поэтов» и учить молодое поколение россиян как искусству стихосложения, так и мужественно жизнеутверждающему отношению к жизни вообще, то есть учил начинающих поэтов философии акмеизма. Наиболее ярко его дело в СССР продолжал его сын Лев Николаевич Гумилёв (1912–1992) – разумеется, не в поэзии, а в создании историософской концепции *пассионарности*! А его бывшая жена Анна Ахматова (1889–1966) и единомышленник Осип Мандельштам остались верны поэтическим идеалам акмеизма даже под хомутом «социалистического реализма».

Безотносительно к его роли в Таганцевском заговоре, слово Гумилёва не расходилось с делом. Неслучайно одну из лучших книг о нём автор Юрий Зобнин назвал «Слово и дело».

Николай Гумилёв жил, и писал, и погиб, стоя во весь рост. И в этом он был достойным наследником Пушкина и Лермонтова. Как писал первый:

Есть упоение в бою,
И страшной бездны на краю.

В отличие от его предшественников, Гумилёв сознавал перед расстрельным Маузером, что и его Родина стояла на краю бездны.

От магистерской к докторской

При всём восхищении Гумилёвым, магистерский тезис был последним, что я о нём написал в 1968-м. В это время фигура Солженицына всё ярче всплывала на горизонте и высвечивала идейную борьбу как в СССР, так и на Западе. После магистерской я включился в докторскую программу и сразу же решил писать о релевантности Солженицына, его для сего дня и для всего мира. Но какой выбрать подход, чтобы сказать о нём самое главное по-английски, то есть для западного читателя? Однажды я прочитал в новостях, что ещё в 1967 году ставший опальным в СССР писатель дал интервью о своём творчестве какому-то словацкому журналисту, ибо у советских он был уже не в чести. Журнал оказался *Kultúrny život* в Братиславе. Журналист Pavel Licko, а статья называлась “*Jedneho dna u Alexandra Isadevica Solzenicyna: Literna tvorba a umelecke nazory*” и датирована 31 марта 1967 года.

Вот самая важная часть интервью. *«Какой жанр я считаю наиболее интересным? Полифонический роман, чётко определённый по времени и месту. Роман без главного героя. Если роман имеет главного героя, автор неизбежно уделяет ему больше внимания и отводит больше места. Каким образом я понимаю полифонию? Каждый человек становится главным героем, как только действие переносится на него. Тогда автор чувствует себя ответственным за всех тридцать пять героев. Он не оказывает предпочтения ни одному из них. Он должен понимать каждого персонажа и мотивировать его действия. В любом случае, он не должен терять почвы под ногами. Я применил этот метод при написании двух книг, и я намерен использовать его при написании третьей».*

Назвав свой «любимый жанр» и «метод» полифоническим, Солженицын придал этому понятию исключительное значение для понимания своего творчества. Он применил именно полифонический метод в романах *«Раковый корпус»* и *«В круге первом»*, которые я уже прочитал и по-русски, и в английском переводе. Третий роман создавался им как цикл о революции, первый «узел» которого был назван *«Август Четырнадцатого»*.

Хотя Солженицын не упомянул в интервью словацкому журналисту ни Достоевского, ни Михаила Бахтина (1895–1975), он явно воспользовался понятием, которое имело широкое хождение среди советских литературоведов после «реабилитации» в 1963-м новаторских исследований Бахтина о *полифонической поэтике Достоевского*. В 1929-м Бахтин был арестован и приговорён за свои взгляды к пяти годам Соловецкого лагеря, заменённого на ссылку в Кустанай и в Калининскую область. Однако его книга 1929 года *«Проблемы творчества Достоевского»* была переиздана в 1963 году как *«Проблемы поэтики Достоевского»*, и понятие полифонический метод прочно вошло в культурный обиход в России и за рубежом.

Между тем популярность Солженицына на Западе набирала обороты. Его романы стали бестселлерами. В 1970-м он был удостоен Нобелевской премии, что означало всемирное признание.

Из докторской вышла книга

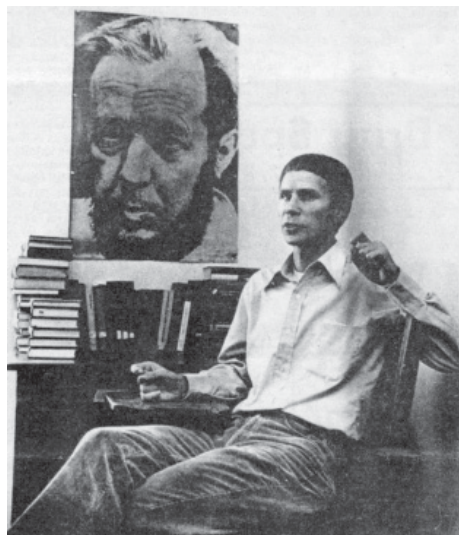
Несмотря на семейные хлопоты и переезд в другой университет (University of Texas), в 1975-м я защитил докторскую диссертацию о применении полифонического метода в романе *«В круге первом»*. Неубывающий интерес к писателю после его изгнания из СССР в 1974 году побудил меня расширить своё исследование на романы *«Раковый корпус»* и *«Август Четырнадцатого»* и превратить его в книгу. В 1979 году она вышла под названием “*Solzhenitsyn and Dostoevsky: A Study in the Polyphonic Novel*”, вышла в издательстве университета штата Джорджия (University of Georgia). В 2012 году её перевод на русский язык *«Солженицын и Достоевский: Искусство полифонического романа»* был опубликован Пермским государственным университетом, и теперь её можно купить или скачать бесплатно на сайте университета.

Сейчас я приглашаю читателя к отрывку из последней – 13-й – главы этой книги, которая называется *«“Август Четырнадцатого” как анти-Толстовский роман»*. Известно, что Анна Ахматова дала

очень высокую оценку творчеству и личности Солженицына, когда он навестил её в конце 1962 года. И Солженицын относился с любовью и восторгом к её поэзии. Хотя они не говорили о Николае Гумилёве, не трудно предположить, что Солженицын был знаком с творчеством Гумилёва и высоко ценил его. Это заметно и в отрывке из моей книги, который я сейчас предлагаю. Именно здесь акмеист Гумилёв скажет своё слово о трагедии революционных помыслов.

***Николай Гумилёв в 13-й главе книги
«Солженицын и Достоевский»***

Солженицын начитает с того, что похвально отзывается о поэзии символистов, но только для того, чтобы проиллюстрировать культурную атмосферу того времени. Какую другую функцию в романе выполняют, например, две строфы, приведённые в середине и в конце 57-й главы?

Созидающий башню – сорвётся,
Будет страшен стремительный лёт,
И на дне мирового колодца
Он безумье своё проклянёт.
Разрушающий – будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, всевидящим Богом оставлен,
Он о смерти своей возопит.

Эти строфы приводятся в главе, где события видятся глазами Агнессы Ленартович (вдовствующей матери Саши Ленартовича) и её сестры Адалии. Это семья революционеров-народников, в которой портрет дяди Александра, совершившего теракт, почитается как икона. По терминологии Бахтина, Солженицын пользуется в этой главе «двуголосым словом» (см. главу 10 этой книги), причём его второй, разнонаправленной разновидностью. Взгляды революционно-настроенных сестёр пародируются. Агнесса недолюбливает Елю, новую школьную подругу Вероники, её дочери. По мнению Агнессы, Еля отвлекает Веронику от революционной «ненависти». «То и дело она декламировала (...) своих этих модных поэтов, туманный бред». Так вводятся процитированные выше стихи.

Когда революционные тётушки Агнесса и Адалия упрекают Елю в увлечении «тёмной невнятицей» и «кощунством» модных стихов, интерес читателя к стихам только повышается.

Ирония тут в том, что невежественные про-революционные тётушки называют эти стихи «символическим вздором». В самом же деле их автором был известный акмеист Николай Гумилёв, который как раз и осуждал символистов за темноту и туманность их образов. В своей статье «Наследие символизма и акмеизм», опубликованной за год до войны, Гумилёв отверг туманный и декадентский символизм в пользу более чёткого и мужественного АКМЕИЗМА. То, что тётушки сочли стихи Гумилёва за «символистический вздор», больше говорит об их невежестве, чем о поэте. Неспособность отличить акмеистские стихи от символистских намекает на культурную ограниченность тётушек, помешанных на «прогрессивной» революционной политике, включавшей симпатию к террористам.

Две процитированных строфы взяты из стихотворения «Выбор». Написанное Гумилёвым до того, как акмеизм вошёл в обиход читающей публики, оно уже несёт в себе героические, мужественные, «адамические» черты акмеизма. Разумеется, это стихотворение можно назвать и символистским, тем более что Гумилёв считал себя учеником Валерия Брюсова, одного из мэтров символизма. Тем не менее знатоки символизма были бы шокированы тем, что Солженицын в качестве иллюстрации символистских пристрастий юных барышень выбрал акмеиста Гумилёва. Вероятно, помимо иронического намёка на невежество «революционных» тётушек, Солженицын имел и другие причины для выбора этих двух строф.

Не намекает ли первая строфа на историю Библейской Вавилонской башни? Наследники Ноя, размножившиеся и говорившие на разных «языках», в своей гордыне захотели, во что бы то ни

стало, превзойти самого Господа Бога. Чтобы показать своё могущество, они решились на строительство такой огромной Башни, чтобы она поднялась над «старым городом» и «вершина которой достигала бы небес». Но Господь покарал их за высокомерие. Смешав их «языки», он лишил строителей возможности общаться. Посрамив их строительный проект, Господь ещё и рассеял их по всей земле (Быт. 11: 1-9).

У Гумилёва «созидающие башню» претенденты на соперничество с Богом несут ещё более суровое наказание. Как и Библейская, «башня» в поэме Гумилёва «ВЫБОР», *символизирует тщетность попыток современного человека превзойти Создателя*. В контексте русской литературы гумилёвская башня наводит мысль на башню Великого Инквизитора Достоевского, которую атеисты-социалисты старались воздвигнуть под эгидой католической церкви.

Вторая строфа поэмы сначала кажется прямой антитезой к первой, ибо речь теперь идёт о «разрушающем». Однако «разрушающий» герой поэмы разрушает не башню, а «старый город». Ради чего? Да чтобы превратить его в стройплощадку для Новой Башни. Тогда «созидающий» и «разрушающий» не противостоят друг другу, но ставятся на одну доску богоборческих потуг атеистической русской интеллигенции. Поэтому «разрушающий» наказан «всевидящим Богом» не менее сурово, чем «созидающий».

Не содержат ли эти две строфы завуалированного ответа молодых девушек (Вероника разделяет вкусы Ели в поэзии) докучающим им тётушкам-революционеркам? Не сделали ли девушки свой выбор в пользу неучастия в разрушении Российской империи? Не пойдёт ли разрушение «города» на расчистку места для строительства социалистической Вавилонской башни? Тётушки просто не понимают скрытого смысла этого «символистического вздора». Но чувствуют, что «кощунственность» стихотворения направлена на их собственную веру в атеистический социализм.

Две строфы содержат ответ Толстому на его выпад против поэзии в разговоре с Саней Лаженицыным, и сделан он – в соответствии с полифоническим методом романного искусства – от лица его юных современниц. Без этих двух стрóf Ликоня и Вероня (как гимназисты называли Елю и Веронику) остались бы в романе бессловесными и безгласными.

Но не выражают ли эти строфы также и мысли самого автора? Думается, что да. Солженицын специально вставляет их в первый узел, чтобы оттенить идейную направленность всего романного цикла «*Красное колесо*» против большевицкого плана построения Вавилонской башни на обломках «старого мира» Российской империи, разрушенного в огне войны и революции.

Хотя главный упор первого узла эпопеи Солженицына «Красное колесо» направлен на процесс, приведший к разрушению царской России, всего старого мира, или «старого города» в поэме Гумилёва, русский читатель отдаёт себе отчёт, что на горизонте уже маячили планы «созидателей» Богоборческой Башни коммунизма. *Учитывая то, что Солженицын закончил роман на рубеже 1971-го, когда идея коммунизма была в апогее на всей Планете, можно сказать, что его слова и образы, взятые из Гумилёва, его искусство усиливало пророчество поэта-акмеиста.*

[ВСТАВКА: Пророчество оказалось если не буквальным, то очень и очень очевидным. В 1931 году по приказу Лазаря Кагановича был взорван храм Христа Спасителя, построенный в Москве в память о всенародной победе России над Наполеоном. В котловане собирались построить высокую башню Дворца Съездов, увенчанную статуей Ленина. Планы кончились тем, что построили плавательный бассейн под открытым небом. После развала СССР сподобились восстановить храм Христа Спасителя, который теперь и является главным духовным центром Новой России.]

К моменту выхода Первого Узла читатель уже знал, что тысячи самых жестоких разрушителей старого режима, как и наиболее рьяных строителей Новой Башни, стали жертвами массовых репрессий при Сталине. Знал он и то, что позднее, в 1973 году, Солженицын заклеит всю систему как «Архипелаг Гулаг». И хотя в момент написания «узла» «Вавилонская Башня» коммунизма казалась прочнее, чем когда-либо, Солженицын предрёк её падение вскоре после изгнания из своей страны в 1974 году. Наверное, не только ему, но и другим советским диссидентам и объективным западным наблюдателям было очевидно, что «рассеянные по всей земле» коммунисты, будь то в СССР, Китае, Вьетнаме, Камбодже или на Кубе, уже не говорили на одном языке Третьего Интернационала.

Возможно, Солженицын сознательно выдал «анонимные» стихи известного акмеиста за символистские, чтобы отразить путаницу в головах «прогрессивной», а точнее, про-революционной интеллигенции. Но скорее он и сам отдавал ПРЕДПОЧТЕНИЕ АКМЕИЗМУ по сравнению с туман-

ным, субъективным и болезненным символизмом Блока, Брюсова или Бальмонта. Так, символика стихотворения «Выбор» более земная, более мужественная и более жизнеутверждающая. (Неслучайно Солженицын хвалил акмеистку Анну Ахматову за лаконичность и плотность её образов.)

Вот две заключительные строфы этого стихотворения, которые Солженицын не поместил в роман:

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасёшься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право –
Самому выбирать свою смерть.

Заключительные строфы ещё больше оттеняют трагическое и стоическое мироощущение Гумилёва. Не только два первых выбора, но и желание уйти от выбора, охранить нейтралитет и остаться в стороне неминуемо ведут к трагической смерти. Но само право выбора не ставится под сомнение. Даже уход «в ночные пещеры» или к «заводям тихой реки» есть выбор, хотя и пассивный. Тон поэмы типичен для Гумилёва: он настолько демонстративно мужественный и стоический, настолько в духе ницшеанского сверхчеловека, что критики порой обвиняли его в позёрстве.

Но Гумилёв не однажды доказал, что они ошибались. Когда в 1914-м разразилась война, он – единственный из признанных поэтов – пошёл на фронт добровольцем. Дважды награждённый Георгиевским крестом, высшей наградой за храбрость, он и в окопах писал стоические стихи, отстаивая право «выбирать свою смерть»:

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь.

В момент захвата власти большевиками в октябре 1917 года он оказался за границей как офицер связи Временного правительства с союзниками Антанты. Он опять сделал мужественный выбор. Заявив, что он охотился в Африке на львов, а большевики не могут быть опаснее, он вернулся в Россию в апреле 1918 года – и ошибся. Летом 1921 года он был арестован якобы за участие в антикоммунистическом заговоре, и 26 августа расстрелян среди других 56.

Обвинения были, вероятно, сфабрикованы. Несомненно то, что Гумилёв умел делать мужественный ВЫБОР и выполнить взятую на себя миссию до конца. Выбора, который он сделал, нет в поэме. Он не примкнул к «разрушителям» старого режима; не присоединился к «созидателям» Новой Социалистической Башни. Не скрывался он и в темноте, не искал убежища от революции. Он стал обучать юных пролетарских поэтов стихосложению и акмеистическому взгляду на мир, то есть мужественному и жизнеутверждающему.

Таким образом, он получал шанс напомнить пролетарской молодёжи как о мудрости «старого города», так и о судьбе Вавилонской башни. Его трагическая смерть, а также тот факт, что он долго не был реабилитирован в СССР, вполне могли подтолкнуть Солженицына на ВЫБОР именно его стихотворения, чтобы ввести в роман одну из важнейших тем исторической судьбы России. Анонимно, но ярко и весомо в своём пророчестве поэт-акмеист Николай Гумилёв присутствует в романе «Август Четырнадцатого» и во всём цикле «Красного колеса» как один из учителей и пророков России.

Включив строфы из поэмы Николая Гумилёва в свой роман, Солженицын показал, что, вопреки мнению Толстого, искусство прозы сродни искусству поэзии. Во всяком случае, они не являются пересекющимися прямыми, какими их воображал Толстой. Словесное искусство в обоих наполнено смыслом. Но, в отличие от художественного метода Толстого, особенно его историософских монологических глав, этот смысл не подаётся читателю на блюдечке, но может быть угадан его собственным творческим усилием: или интуитивно, или в соответствии с его интеллектом и воображением.

ПОСТСКРИПТУМ

Мой интерес к Солженицыну не ограничился его художественным творчеством. В свою следующую книгу, “Russia Beyond Communism: A Chronicle of National Rebirth”, которая вышла за несколько месяцев до развала СССР, я включил анализ его статей и публицистических сочинений, в том числе «Письмо советским вождям» и «Как нам обустроить Россию». Эти его статьи задавали тон всей книге, в которой я представил широкий диапазон «голосов гласности», которые звали к посткоммунистическому будущему. Я успел подарить свежий типографский экземпляр Борису Ельцину сразу после подавления путча ГКЧП в августе 1991 года.

По существу это была та самая полифония разных мнений, а иногда и диалог противоположных мнений, которые лежали в основе художественного метода Солженицына, как и Достоевского. Я старался представить широкий спектр советских и эмигрантских авторов, и главным критерием для отбора был патриотизм как любовь к родине, без деления людей на классы, идеологии, религии или этнические группы. Единственное исключение было для авторов, которые произносили ПАТРИОТИЗМ как ПАРТИОТИЗМ, то есть с упором на партийную исключительность. В 2014-м книга была переведена на русский и напечатана под названием «Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению» в Москве в издательстве «Литературная Россия».

Осенью 2018-го мне посчастливилось участвовать в праздновании 100-летия со дня рождения Солженицына как в США, так и в России. Сначала была международная научная конференция в Северном Вермонтском университете, с посещением дома Солженицыных в Кавендише, что было особенно памятно для меня, поскольку я побывал там ещё в 1979-м. Потом был торжественный вечер в Государственной библиотеке в Москве с участием Натальи Дмитриевны Солженицыной. Памятным было и посещение выставки «Солженицын и журнал “Новый Мир”». Там мне особенно запомнился стенд с воспоминаниями Анны Андреевны Ахматовой о писателе:

«Вошёл викинг. И что вовсе неожиданно, и молод, и хорош собой. Поразительные глаза. Я ему говорю: “Я хочу, чтобы вашу повесть прочитали двести миллионов человек”. Кажется, он с этим согласился. Я ему сказала: “Вы выдержали такие испытания, но на вас обрушится слава. Это тоже очень трудно. Готовы ли вы к этому?” Он отвечал, что готов. Дай Бог, чтобы так» (цитируется по Давиду Эйделману <https://davidaidelman.livejournal.com/656757.html>).

Именно такими словами описал эту встречу Лев Копелев, друг писателя, с которым они вместе работали на шарашке. Это была первая из двух встреч Солженицына с Анной Ахматовой. Произшла она осенью 1962 года вскоре после опубликования его повести «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир». Думаю, она сказала бы то же самое о других романах Солженицына.

А в память о невинно убиенном Николае Степановиче хочется сказать словами его собственного стихотворения «ПАМЯТЬ»:

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

Думаю, что многие русские люди за рубежом, выполняющие по заветам Ивана Бунина *Миссию русской эмиграции*, откликнулись бы на зов Гумилёва словами самого эрудированного поэта-символиста и одного из первых «невозвращенцев» Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949):

Там, где соборно
Строят незримо
Храм,
Там и корни
Руси родимой.

Мир без границ

Берега Беларуси

Михаил Баранчик

Михаил Баранчик (Минск, Беларусь) родился в городе Лида в 1961 году, но с 1980 года проживает в Минске.

Выходили подборки стихов в «Лидской газете» и «Авив», в журналах «Мишпоха», «Приокские зори», «Нёман», в альманахах в России и на Украине. В 2019 году подборка стихов напечатана в двухтомной Антологии современной русскоязычной поэзии Беларуси «Поэзия русского слова». Автор сборников стихов «Джаз для двоих» (2013, совместный с питерским автором Татьяной Багаевой), «Мои стихи – лишь письма в никуда» (2016), «Четыре времени чувств» (2019). Финалист и лауреат различных международных литературных фестивалей – в том числе финалист Международного литературного фестиваля «АРФА ДАВИДА – 2019» (Израиль). Лауреат литературной премии имени Симеона Полоцкого (2017). Член Беллитсоюза «Полоцкая ветвь».

* * *

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Я не по Торе жил, не по Корану,
Своей эпохи не ценил масштабы.
Но сильным мира я не пел осанну
И не смеялся никогда над слабым.

Я верил, что зима сменяет осень,
Что море, несомненно, лучше суши,
Что Бог, конечно, этот мир не бросит,
И Свет придёт в больные наши души.

Что этим миром мир давно заслужен
И что любовь – не вымысел, не байки.
Я верил, что стране любимой нужен
Не только в виде болтика иль гайки.

Наверно, знал, что молодость не вечна.
Но думал – ну какие наши годы?
Когда-то я уверовал беспечно,
Что нету ничего ценней свободы.

Я верил в то, что счастье бродит рядом,
Что мы с годами станем все мудрее.
И лились строчки звонким водопадом,
Мир хоть немного делая добрее.

Казалось, мне диктует кто-то свыше.
И я открыть смогу любые двери...
Но Тот, кто выше нас, – давно не пишет.
Поскольку сам в себя уже не верит.

Коробку с фото старыми возьму –
И сердце затрепещет вновь в азарте.
Где эти фото сделаны? В Крыму.
И в той стране, что нет давно на карте.

А это – Кромань. Лес ночной притих,
Мечты в туман предутренний укутав.
Палатка, общий спальник на двоих.
И звёздный ковш, и сотни ждут маршрутов.

Ждёт Нарочь, Страча, пуши и леса,
И нам не надо никаких Америк.
И ждут в пути из сказок чудеса,
Ждёт ближний плёс, и ждёт далёкий берег.

Нам Визбор про ночную песню шин
Пел песню. И Высоцкий пел про горы.
То было время взятия вершин,
Пора надежд, кухонных жарких споров.

И билось сердце с сердцем в унисон.
За счастьем вслед с тобой брели по лету.
Теперь всё это – как прекрасный сон,
И разметало всех друзей по свету.

Как это было всё давным-давно,
Как наше братство было нерушимо.
Смешное чёрно-белое кино
«Вреён Очакова и покоренья Крыма».

Господи, спасибо за мечту,
И за то, что ярко солнце светит,
Что послал Ты мне когда-то ту,
Ставшую единственной на свете.

Господи, спасибо за друзей
И за то, что их не так-то много.
Не беда, что нет среди них ферзей –
Но зато у нас одна дорога.

Господи, спасибо за пути,
Пусть, конечно, неисповедимы.
За неверье, Господи, прости
Глупого седого пилигрима.

РЕКА

Река плывёт куда-то за закат,
День провожает птичье песнопенье.
Я жил то второпях, то невпопад,
И плыл туда, куда несло течение.

Плывут в края иные облака –
А я останусь в этой глухомани.
Я не по ногам пел наверняка,
Бродил по жизни ёжиком в тумане.

За ближним лесом ухает сова –
Кого – пугает, а кому – пророчит.
Вступает ночь уже в свои права –
Я тоже полноправный житель ночи.

Ночь солнце запирает на засов,
В своё всеилье верюя беспечно.
Мне шепчет лес на сотню голосов
О счастье. И ещё о чём-то вечном.

А ночью сосны плачут янтарём.
Но лес, как и Москва, слезам не верит.
Я шёл по жизни вечным бунтарём
И бился лбом в незапертые двери.

Пусть звёзды с изумлением глядят –
Но я не поддаюсь уже лечению.
Нам завтра плыть. И нет пути назад.
И что с того, что снова по течению?

Уже луна исчезла вдалеке,
И звёзды в небе тают постепенно.
Нам снова плыть куда-то по реке,
Затерянной навечно во вселенной.

Мир без границ

Берега Беларуси

Наталья Алейникова

Наталья Алексеевна Алейникова родилась 5 апреля на Полесье (Республика Беларусь), живёт в Минске. Поэтесса, писательница, художник-иллюстратор. Окончила факультет прикладной психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка. Стихи опубликованы в еженедельнике «Літаратура і Мастацтва», журналах «Нёман», «Маладосць», «Берега», коллективном сборнике стихов «Мы – Маладыя», газетах «Гомельская праўда», «Маяк Палесся».

Изданы книги: поэзии и живописи «Ажыццяўляюся табою...» (Осуществляюсь тобою...) в серии Минского городского отделения Союза писателей Беларуси «Минские молодые голоса», на белорусском и русском языках с авторской идеей оформления (2018); «Мысли вслух...», афоризмы и... размышления с цветными авторскими иллюстрациями (2019).

Афоризмы

Вечность – фундаментально действующий двигатель времени!..

~ Добродетель побеждает каждый раз тогда, когда человек сам выбирает сторону добра.

~ Доброжелательность – благословление на добродетель и благородство.

~ Благородство – это начало развития личности или итог, предел в своём совершенстве?..

~...Даже когда благородные поступки являются периодическими у одной и той же личности, всё равно их ценность постоянна.

~ «Я» в индивидууме – слияние разума и души, – присутствие личности, которой далеко не всё равно.

~ Истину ли желают люди? ...Или, зачастую, именно своё мнение они предлагают на её роль.

~...*Благодаря Маме*, в жизни ровно столько тепла и света, сколько нужно для воспроизведения счастья, ровно столько жизнерадостного и диковинного, сколько требуется для осуществления творческих идей, ровно столько мудрого и созидательного, сколько необходимо для продолжения мира и гармонии! *Благодаря...*

~...Немедленно перестань думать о том, что твоих мыслей совершенно не требует. Немедля думай о том, что преображает эту жизнь.

~ Сдержанный человек скорее осознаёт, что он может совладать с эмоциями, оттого его сила воли стопроцентная.

~...Важно, когда у человека есть то, что привносит гармонию в жизнь, – важнее вдвойне, что это созвучие с миром...

~...Ваша светлость, самокритик собственного «Я», не одичал ли в закоулках оправданий каждого из нас?

~...Ваше благородие, самородок собственное-«Я», – выйди из светлицы – народу представься...

~...Ваше просветительство, самонаставник личностного-«Я», овладев талмудом знаний, собственноручно продолжи его.

~ Люблю водить знакомство с детьми... Любуясь их яркостью, уже только от этого сам становишься ярче.

~ Время – это момент откровения настоящего, несмотря на прошлое и будущее.

~ Время – пунктуальность Вечности.

~ Начало мира... Где это? ...Начинаясь с каждого из нас в отдельности и сливаясь в общий поток общественного строя, устремляется по дорогам века идущего.

Теперь помни, что начало мира в каждом из нас.

~ Вечность – состояние эффективного продолжения, зависящее от наличия формы, в которой ей необходимо постоянно перерождаться. Она – естество всех космических галактик; и также, несомненно, многозначительно присутствует внутри каждого из нас – в образе загадочной души...

Вечность – есть совокупность всех имеющихся жизненных очертаний Вселенной во взаимодействии с природой окружающего мира. Из чего следует, что Вечность – это условие элементарного присутствия в предопределённой многогранно-содержательной форме внешней и/или внутренней стороны чего-либо конкретно выражающегося в состоянии материи, и/или духовно-нравственном виде.

Сущность Вечности – существовать, переходя из поколения в поколение грядущими веками, продолжаясь в новой цивилизации простой жизнью, – будучи реальным человеком или являясь цветущим деревом, шедевром творчества, звездой на небе, моралью общества...

~ «Куда катится Мир?..» (общеизвестная фраза). Ответ очевиден, – в будущее.

~ Мир – есть путь к Богу прямой.

~ Берёт (заимствует, перенимает) – ученик. Отдаёт (вручает) – учитель. Передаёт (даёт, транслирует) – мудрец.

~ То, что истинно, – вне времени.

~ И преломлённый сквозь даты столетий, изгиб современности с устойчивыми классическими традициями и всевозможными курсами мышления всех времён и народов увлекает и дальше людей совершать моцион по шоссе «Настоящее время»...

~ Праздник по-настоящему – состояние «пир на весь мир» и счастье во весь аллюр для души и всецело самого человека.

~ Интуиция – точь-в-точь «волшебный клубок» из сказки, брошенный на дорогу, ведущую к цели.

~ Вечность – присутствие жизни с отсутствием возраста.

~ Возобновление – стремление к возрождению фрагмента из прошлого, желание перекрыть по-новому фасон времени.

~ Эволюция Вселенной – справедливое распределение ресурсов макро- и микромиров всего существующего.

~ Книга, говорящая красноречивым талантом автора, – есть импульс, дающий жизнь новым мыслям.

~ Мировая поэзия – масштабная точка зрения поэтов всех национальностей и временных периодов на устроенность жизни как есть, с естественным ходом событий; колоссальный простор вдохновения мастеров искусства стихосложения, передающий философско-галантливыми мыслями из поколения в поколение главную духовную суть культуры письменной ценности в неповторимых произведениях, созданных литературными классиками разнообразных государств и эпох.

~ Мудр тот, кто сложную задачу решает простым способом.

~ Когда вы встречаете мыслителя, его должно узнать по взгляду. Его взгляд видит впереди вас.

~ Точка зрения гениального индивидуума есть русло маститое.

~ Мыслительные процессы сверходарённого человека, в результате достигая своего масштаба явления, в отправной точке сродни своеобразному протесту – радикально не желая мириться с обыденным ходом вещей, всё естество внутренних устремлений такой личности всецело сосредоточивается приносить новшество в эпоху века настоящего и грядущего.

~ Безусловно, каждый из нас излагает «свою философию», чужая нам не предоставлена, невзирая на то что мысли известных личностей различных времён и народов преподаются в высших учебных заведениях.

~ В любви есть мера?.. Говорят, во всём должна быть мера.

~...И в сюжете, когда девушка откровеннее откровенности, шлейф загадочности всё равно увиливается за ней в мужских глазах.

~ Жена – это женщина, знающая о муже всю подноготную. С ней стоит выдерживать дружеские отношения.

~ Вторжение свободным мужчиной в личное пространство целомудренной девушки зачастую оборачивается свадьбой.

* * *

...Верит сердце, да так!.. с новой силой
открывается дверь в твою жизнь, –
время мудрое нас пригласило!..
За знамение крепче держись...
Белой лентой является новость,
...доверяем друг другу мы, да?
снова чувство волшебное, снова
повторяется ход, как тогда.
Верит сердце, да так! С новой силой
открываю тебя для себя,
я об этом мечту и просила –
ты впервые сказал мне: «Люблю тебя...»

Берега в маске

Александр Ралот

Автор пятнадцати книг. Публиковался в периодических изданиях: «Смена», «Берега», «Южная ночь», «Огни Кубани», «Земляки», «Метаморфозы», «Созвучие» (Беларусь), «Зарубежные задворки», «Эдита» (Германия), «Новый континент», «День литературы», альманахах: «Чайка», «Westi US» (США), «Что есть истина?» (Великобритания), «9 Муз» (Греция), «Лира», «Таврия», «Русский перелёт», «Камертон», «Приокские зори», «Таврия литературная», «Огни над Бией» и других. Член Союза писателей России. Победитель конкурсов: «Золотое перо Руси – 2018, 2019», «На пути к гармонии», «Мирная война» (Беларусь), «Плавская осень», «Венок Победы», лауреат международных конкурсов: «Кавдория», «Белая акация», «Ты цвети, моя милая Родина», «Ключи от счастья», «Герои великой Победы», «Волошинский сентябрь», конкурса имени Сергеева-Ценского, «Славянская лира», «Русский стиль» (Болгария, Франция), памяти Али Герасимович, Международного литературного конкурса имени Де Ришелье – 2019 «Алмазный Дюк». Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Награждён медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе».

Удалённый доступ

Рассказ

Известная (в узких кругах) поэтесса Элеонора Лерура, из популярного (у некоторых) южного города, закусив губу, нервно теребила смартфон. «Надо же! Угодила в Обсерватор! Слово-то какое неприличное. На две недели! Прилетела в столицу чин-чинарём, по приглашению, на семинар “Мужчины как объект женской мысли. Поэтической”. И нате! Коронавирус! Его вообще кто-нибудь видел? Только рисунки и аниме с утра до вечера по телеку крутят». Женщина замерла, ошарашенная догадкой: «Мама! Она же там! Ей же больше шестидесяти пяти! Ой! И с утра до вечера ящик смотрит! А там! Надо её срочно занять. Пусть срочно начинает чему-нибудь учиться. Английскому, например. Нет. Этот язык не захочет. Хинди? Тем более. Грамотность. Но не русского языка, а компьютерная. Пусть хотя бы азы осваивает, раз я её внуками не удосужилась загрузить». Палец, без команды из привлекательной головки, уже давил на цифру быстрого набора любимых номеров.

– Муль, привет. У меня всё хорошо. Нет, мужика ещё не подцепила. Я же в маске. Кто на такую бандитку покусится? Питаюсь крабами. Конкретно, их палочками. Дай же, наконец, слово молвить. Помолчи, пожалуйста, минутку. В общем, так. Требуется файл из компьютера. Пришли его по мылу. Срочно.

Трубка вещала тишину. Секунд двадцать. Потом рыкнула голосом далёкой близкой родственницы.

– Доча! С каким мылом послать? С «Земляничным» или лучше с «Дегтярным»? Может, и шампуньку в ящик кинуть? В столице, почитай, всё уже смели, вместе с гречкой, солью и спичками. Тока не знаю, как нынче почта работает.

– Мамуля, по мылу – это значит по электронке, то есть по е-мейл. Из квартиры выходить не надо. Включаешь компьютер и отправляешь.

– Доча! Ты там с товарками-поэтессами лишку-то не употребляй. Врачи постоянно твердят, что алкоголь для женского организму... А тебе ещё в роддом топать. И даст бог, не один раз. Как я этот целлофан в машинку чёртову засуну? Ни в какую дырочку не влезет. И вообще, они не пустые. Внутри каждого бумажка имеется.

– Ты только не горячись. Успокойся. Файл уже внутри.

* * *

Женщина в южном городе подняла ноутбук. Осмотрела со всех сторон, пожала плечами. Поставила на место.

- Ну, внутри так внутри. Дальше-то что?
- Для начала компьютер необходимо включить. Нажми на кнопочку «Повер».
- Девочка моя, я тебе и так верю. Толком объясни, на какую из них жать.
- На самую большую.
- Нажала. И ничего. Тьма-тьмущая.
- На какую давила?
- Как и просила. На самую главную. Длинную. Внизу которая.
- Муль, это пробел. Нажми на ту, что сверху справа. С синей каёмочкой.
- Ура! Заработало! Засветился! А это что за мужчина на экране? Ничего так. Фигуристый. Зятька бы такого. Он зарзз всю картошку из погреба перетащит. Да и по части детишек, видать, не промах. Мужик в доме завсегда для тёщи одушина! Причём круглосуточная и всегодичная!
- Не обращай внимания. Это Шварценеггер. В молодости. Видишь мой компьютер?
- Эля! Ты всё-таки с похмелья! Он же и так твой. Конечно, я его вижу. Подслеповатая. Но не настолько.
- Мама, слушай внимательно. Повторяю по слогам. Запоминай. На эк-ра-не в уг-лу име-ет-ся квад-ра-тик жёл-тый. Под ним надпись «Мой компьютер». Нажми на неё.
- Схожу, руки вымою. А то пальцы в тесте. Пельмешки заморочила. Жаль, родненькой поэтессы нет. Придётся с бабулей твоей уписывать. Если доберётся. Троллейбусы с трамваями того... Отдыхают. Только по ночам и ездют. Алкашей развозят.
- Мамочка, на экран давить бесполезно. Это не смартфон и не планшет. На папку надо наехать мышей и щёлкнуть. Дважды.
- Дочь, я не кошка, но мышеловку ставить с измальства умею! Впрочем, те, кто в неё попадают, уже никогда ни на кого наезжать не смогут.
- Так. Давай вместе успокоимся. Дышим! Глубоко и ровно. Теперь ты медленно опускаешь палец на чёрный квадрат, который ниже клавиатуры. Нашла?
- Ой, стрелка зашевелилась! Надо же. А я думала, она на экране типа компаса. Направление на север показывает.
- Замечательно. Веди пальчиком по квадратику, пока стрелочка не упрётся в папку, а потом два раза.
- Поняла. Не дура. Ура! Открылось. Аж два новых квадратика выскочили. На одном написано: «Мои хахали. ХХХ», а на другой – «Стихи и поэмы». На какой жать?
- Только не на три икса. Туда нельзя!
- Погодь, доча. В дверь звонят. Пойду открою. Принесла же нелёгкая, несмотря на карантин. Из ЖЭКа! Не иначе.

* * *

- Мама? Как добралась? Ведь транспорт же не ходит. Совсем!
- А Яндекс-такси на что народу даден? Включила геолокацию – и вуаля. Оно, конечно, на метле сподручнее, но на них, как и на дроны, специальное разрешение получать полагается.
- Элеонора, услышав в динамике голос родной бабули, возликовала.
- Ура! И ещё раз ура! Муль, сейчас же передай бабушке трубку или включи громкую.
- На, поговори с внучкой. Вместо того чтобы о личном счастье день и ночь беспокоиться, родную мать, аки мышшь подопытную, дрессирует.
- Унучка, хелюу. Чего коннектишься? Нужда какая? Или просто так, початиться?
- Вообще-то я хотела маму компьютерной грамотности, но раз уж ты пришла, будь добра, перекинь файл «Поэзия_Леруры_избранное». Он лежит в пап..
- Эскейпи подробности. Кинь мне на Вотсап учётную запись да парольчик. Сейчас на компе удалёнку сварганю. Сама сыщешь. Делов-то.

* * *

Женщина с открытым ртом смотрела на морщинистую старушку в павлопосадском платке:

- Откуда ты всё это знаешь? Неужто в Собесе таким премудростям обучают?
- И там тоже. А ещё в ЖЭКе. И в водоканале. И в мусорной компании. Пока на их сайтах поганных личные кабинеты создашь, программирование на С++ на отлично освоишь! Да и не только его одного.

Берега в маске

Валерий Старжинский

Валерий Старжинский родился в 1950 году. Окончил с отличием физико-математический факультет Минского педагогического института им. А. М. Горького. Работает в должности профессора кафедры философских учений Белорусского национального технического университета. Является одним из разработчиков концепции проектирования Парка высоких технологий Республики Беларусь, членом экспертного совета Парка. Работа над докторской диссертацией на тему «Гуманизация инженерного образования» сформировала дивергентное мышление и синтез научной и художественной культур. Разрешение дихотомии «технократизм – гуманизм» стало сверхзадачей для сохранения духовности и гармоничности человека.

На протяжении десяти лет им разрабатывались сценарии серии телепередач на ОНТ в ток-шоу «Выбор» и на СТБ в ток-шоу «Такова судьба» с участием студентов и аспирантов по проблемам противодействия антикультуре и духовной деградации молодёжи.

Печатался в журналах: «Польмя», «Белорусская думка», «Наука и инновации», «Адукацыя і выхаванне», периодических изданиях: «Беларусь сегодня», «Республика», «Настаўніцкая газета», «Семь дней» и др. Опубликовано 14 монографий, более 400 статей, в том числе более 30 – на художественно-публицистическую тематику.

Карантин и Юнес, или Ограбление по-американски

ЮНЕС

Ничто не предвещало никаких проблем. Пёс по кличке Юнес спал на коврике возле хозяйской кровати и страдал не то чтобы от бессонницы, но ещё больше от ожидания прогулки. Надо же размять ноги, порезвиться на берегу океана, погонять этих глупых чаек. Орлы иногда атакуют, не понимая, с кем связались. Орлы, как правило, охотятся в гористой местности, покрытой небольшими деревьями. Юнес любил играть на побережье, а ещё лучше – на пляже. Других собак на пляж не пускали, но Юнес был особенный доберман-пинчер. Он имел статус собаки-поводыря, горделиво носил на себе повязку с соответствующей надписью. Правда, он никак не мог понять, почему он поводырь, если и хозяин и хозяйка зрячие. Катя объясняла Шону, когда он впервые появился у них в доме, что Юнес выполняет роль психологической поддержки для хозяйки. Именно поэтому ему дали такое высокое звание. Пса такое объяснение не устраивало. Он был твёрдо убеждён, что на свободный доступ на пляжи, самолёты и автобусы он имеет право сам по себе. Чем он хуже людей. Ничуть не хуже, а где-то даже и лучше.

Вспомнилось прошлое лето, когда эти глупые детишки заставили поволноваться на берегу, а затем броситься вытаскивать этих несмышлёнышей. Арман и Ника – дети Катиной сестры Маши – чуть не утонули в этой каменной луже, которую они называют бассейном. Взрослые его успокаивали и смеялись, что всё ОК, но Юнес знал, что с детей нельзя спускать глаз. «О! – подумал пёс. – Опять лето наступило, а где же эти проказники – Арман и Ника? Почему не приезжают? Неужели и в этом виноват тоже какой-то таинственный Коронавирус?»

«Чудные какие-то стали хозяева. Целыми днями сидят дома. На улицу выходят редко, надевают намордники, которые называют масками-повязками. Люди всё больше становятся похожими на меня, а я на них. Вот какой я особенный, – думал пёс. – Ем всё подряд: огурцы, помидоры, виноград, киви. В общем, всё, что едят люди. И порода у меня человеческая. Имею имя, фамилию и отчество: Юнес Доберман Пинчер».

Юнес был особенный пёс ещё и потому, что он очень любил тортики. Давали ему маленькие кусочки, проглотить и не почувствуешь вкуснятину. Однажды он съел целый огромный шоколадный торт и даже выпил сверху чашку кофе. Правда, подвела честность. Ну не мог же он сделать вид,

что не знает, куда девался торт, когда хозяйка Катя озаботилась этим вопросом. Его выдал не столько виноватый вид, с которым он встретил Катю, но чашка, которую он снёс на первый этаж со второго, выпил кофе и спокойно уснул. Да, были хорошие времена. А сейчас тоже неплохо. Но больно строгий хозяин Шон, который любит порядок и не оставляет продукты вне холодильника.

«И сколько можно дрыхнуть? Ну и сони, что хозяйка Катя, которая любит поспать, а затем сидит до полночи, так и Шон сбился с режима. Одно слово: муж и жена – одна сатана», – так размышлял Юнес и томился ожиданием. И вдруг он услышал, как кто-то чужой открыл калитку Лариного входа и направился в гараж. Что-то там пошарил и тихонько стал уходить. «И кто бы это мог быть? Может, чужак вломился в дом? Надо проверить и поднять тревогу. Наверное, всё-таки свои. Чужие бы ломались, звонили, стучали. Это свои. Скорее всего, студенты приходили к Ларе», – подумал пёс и опять задремал. Через полчаса этот же человек прошёл в гараж, затем вошёл в дом, взял ключи от Катиного автомобиля, вернулся в гараж, завёл машину, открыл ворота и стал выезжать. И тут Юнеса осенило: «Так это же был вор, чужак, злоумышленник! Он украл Катину машину из гаража». И тут пёс поднял тревогу, помчался вниз на первый этаж и стал лаять вовсю. Катя и Шон только возмутились поведением Юнеса и повернулись на другой бок. Но больше поспать им не пришлось.

ЛАРА

Соседка Лара с первого этажа принесла странную новость. Она заявила, что её обворовали... На вопрос, когда это произошло, она ответила: «Только что». Лара и Катя – ровесницы. Они вдвоём снимают дом на берегу океана. «Дом на берегу океана» – это не просто фигура речи. Оба балкона первого и второго этажа свисают прямо над водой. Дом стоит на обрыве. В буквальном смысле – на высоком берегу. Пройти за домом невозможно. Можно только проплыть на каное или проскакать по камням в пять утра, когда начинается отлив. В доме всё время слышен шум океана. Это – просто космос... Стоимость дома составляет пару десятков миллионов. Для нас это тоже – космос, как и сама Калифорния.

Катя занимает полдома на первом и втором этаже. Лара живёт на первом этаже, гараж тоже разделён на двух владельцев. Лара тоже «рашен» и тоже из Минска. Вы не поверите, кем работает Лара. Несмотря на свой молодой возраст и голливудскую внешность, Лара трудится в должности профессора когнитивистики в местном универе. Чтобы ответить, чем занимается Лара, надо взять и проГуглить. Понятия «психолингвистика» и «когнитивистика» близкие по значению. На рабочекрестьянском языке эти мудрёные слова выражают примерно следующую проблему. Каким образом язык, словарный запас, тезаурус (что примерно одно и то же) влияет на наше мышление, восприятие и понимание реальности. Лара исследует жителей Амазонки с их языком и мышлением, русскоязычных, англоязычных, иврит и другие языки и культуры, и проникает в тайны сознания благодаря практико-ориентированным исследованиям, в отличие от большинства абстрактных, оторванных от реальности учёных. Лара – великолепный публицист-лектор, оратор, педагог. Она действительно всемирно известный учёный благодаря своим инновационным исследованиям. Известности среди широких народных масс ей добавил всеамериканский скандал. Один чужак, журналист по профессии, прочитал книгу Лары и содрал большинство примеров – результатов исследований.

Приведу пример для наглядности. Так, у некоторых народов в языке отсутствуют понятия «правая» и «левая» стороны. Поэтому у них гипертрофировано умение ориентироваться по сторонам света. Где бы они ни находились, они всегда знают, где расположен север, юг, запад, восток. В реальности мы скажем: «Давай иди прямо сто метров, а потом поворачивай направо». Нетрадиционное высказывание будет звучать: «Давай иди на северо-запад сто метров, а потом повернёшь на северо-восток». И таких особенностей мышления Лара выявила десятки. Журналист превратил их в своеобразные приколы и опубликовал под своим именем.

Но плагиат не остался безнаказанным. Суд оказался на стороне Лары. При этом на телевидении и в прессе развернулась широкая дискуссия об авторских правах в науке и адекватном наказании за плагиат. Вся Америка за неё болела и всячески поддерживала. Затем перед молодым и талантливым профессором открылся Карнеги-Холл и другие аудитории и концертные залы.

Из всего вышесказанного следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое. Лара путешествует по всему миру с экспедициями, в ходе которых исследует психолингвистические закономер-

ности разных этносов. К своим исследованиям она привлекает студентов и магистрантов. Накануне очередной экспедиции она получила в универе шесть новых компов, которые выложила в гараже на полке. Кроме того, там же она хранила качественный, а следовательно, дорогой алкоголь. В гараже также находились туристические вещи типа рюкзака, элементов экипировки и прочая мелочёвка.

И всё это бесследно пропало. Ещё и место не остыло. Юнес разбудил весь дом и позвал в гараж. Но это ещё не всё. Лара, как истинный интеллигент, сделала паузу и извинилась за происшествие:

– Катя, ты не расстраивайся, но, кажется, пропал и твой «Мерседес».

Катя с улыбкой ответила:

– Лара, сегодня не первое апреля. Ты меня разыгрываешь?

– К сожалению, это не шутка.

Вместе спустились в гараж. В гараже сиротливо стояла Ларина машина, которая не заводилась из-за отсутствия аккумулятора.

– Вот это приколы. Но как мог вор проникнуть в дом?

И вот здесь стоит вспомнить о втором обстоятельстве. Лара является профессором, а значит, она – человек рассеянный. В самом деле, истинный профессор (а Лара и является именно таким профессором) настолько погружается в свою проблему, что начинает жить среди этих абстрактных концептов и сущностей. Реальный мир для настоящего профессора становится призрачным, а иногда отодвигается на второй план. Это выглядит на современном языке как погружение в виртуальную реальность, некоторую одержимость проблемой. Однако в отличие от компьютерной или игровой зависимости, которая искажает реальность и приводит к изменению сознания и поведения, а в конечном итоге к заболеванию, профессорская отрешённость от мира вызывает снисходительную улыбку и серию анекдотов про «рассеянного профессора». В общем, какие замки и задвижки? Лара мысленно уже была в далёкой африканской стране и продумывала план предстоящего анкетирования местных аборигенов. Она чистосердечно призналась в том, что с вечера забыла закрыть калитку с улицы и дверь в гараж. Получилось как в той пословице про пустодомка. Приходи и бери, что душе угодно. И надо же. Нашёлся злоумышленник, который воспользовался Лариной рассеянностью. И не только этим качеством. Но об этом позже.

ЕКАТЕРИНА. КАТЮША. КАТЯ

Это не просто имя нашей героини. Пока что потерпевшей. На сленге – «терпилы». Однако не надо делать поспешные умозаключения. Наша Катя – боец, и скоро вы в этом убедитесь. Она соответствует своему царскому имени. В самом деле, Екатерина – это имя самой успешной царицы России, а скорее всего, и Европы – Екатерины Второй, или Великой. «Екатеринки» – название денег, которые были в обороте во время царствования Екатерины. Имя Екатерина породило название всемирно известной песни «Катюша»:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

«Катюша» – название реактивного многоствольного миномёта, который наводил ужас на наших врагов во время Второй мировой войны.

Наша Катя сразу первой мыслью решила высказать претензии рассеянному профессору, но тут же передумала. Какой смысл. И правильно сделала. Потому что она высококультурный и высокообразованный человек, который умеет справляться со своими эмоциями. Более того, через пару часов ситуация разрешилась, как говорят, в нашу пользу и подтвердила пословицу «Слово не воробей, вылетит – не догонишь», и к некоторому разочарованию Лары. Да. Именно небольшому разочарованию. Эмоции схлынули, Катя включила холодный рассудок и стала действовать чётко, логично, пошагово, как автоматическая линия.

Шаг 1. Неужели злоумышленник отключил камеры? Всей гурьбой кинулись к камерам. И вот что они увидели. Вот мерзавец. Похож на латиноса. Но нет, латиносы низкорослые, а этот – лось настоящий.

Шаг 2. Звоним в полицию.

– Хеллоу. Нас обокрали и угнали машину из гаража.

– Пожалуйста, не волнуйтесь и отвечайте на вопросы: Как вас зовут? Назовите ваш адрес. Номер, марка, цвет машины. Когда это произошло? Есть ли пострадавшие? Что ещё пропало? Как злоумышленник проник в гараж и в дом. Плиз, ничего не трогайте до приезда полиции. Плиз, не волнуйтесь. Высылаем экипаж. Будут в течение часа, очень много вызовов.

Шаг 3. Звоним в страховую компанию. Вопросы аналогичные: что, где, когда, номер страхового полиса и т. д.

Шаг 4. Поскольку машина арендная, звоним арендодателям. Всё повторяется, как в плохом кино. Немного полегчало. Шон вернулся с укороченной прогулки с Юнесом и шутит:

– Всё ок. Всё равно надо брать через год новую. Возьмёшь пораньше. Теперь это их головная боль. Пусть ищут. Вроде все дела переделали, пора на ланч. Однако пока суд да дело, на чём, Катя, будешь ездить?

Шаг 5. Всемирно известная личность, входящая в пять процентов жителей нашей Земли.

– Хеллоу, Сан-Саньч. Хеллоу. Вы не поверите. Но у меня сногшибательная новость. У меня украли авто. Прямо из гаража. Да нет, забыли запереть гараж. Ключи были в машине. На пару недель. Пока не получу новую. Ок. Сенкью.

– Ну, я пошёл делать смузи. Да и наш «сторож» проголодался.

– Да это не сторож, а ворона какая-то. Всё проворонил. Сторож...

После нескольких минут сетований и удивления, как такое могло произойти, Катя и Лара разбежались по домам на ланч. Расставание оказалось недолгим...

Да уж. Шон – прекрасный повар. И не только. А время бежит, скоро полдень. Шон напоминает Кате, что сегодня придёт в первой половине дня сантехник, чинить раковину. Договаривались заранее. Очередь на три дня, и цена кусается. Труд человека ценится дороже всего. Не важно – это сантехник, электрик или профессор. Не к месту будет сказано. Знаем мы этих профессоров. А накануне Шон обнаружил запах газа от газовой плиты. Так что прибудет и газовик. Это же надо, как совпало. На этот же день владелица квартиры – китаянка – пригласила эксперта для определения причины протекания кровли.

Юнес исправился. Два раза известил, что прибыли эксперт и газовик. Оба прикатили на авто с соответствующими надписями и специальным снаряжением. Там они все круто экипированные. Все занялись своим делом. Наконец, Юнес (прокуковал) залился неистовым лаем третий раз, как будто хотел заглазить свою вину. Прибыл сантехник...

ЛЕРОЙ

Кто читал американские сказки, тот знает, что Лерой – это воришка, который пробрался в дом, чтобы обокрасть супругов, которые были значительно старше Кати и Шона, но так же безмятежно спали, пока их грабили. В отличие от Юнеса, которому по уставу положено бороться с различного рода нарушителями общественного порядка и который всё прошляпил, свинка Мила пресекла подобное безобразие и доставила Лероя прямо в полицию. У нас ситуация тоже со счастливым концом, но действующие лица и исполнители другие. Лерой – наш воришка, который поселился на той же улице в доме № 48, Катин дом имеет № 44. «Поселился» не точно сказано, поскольку он национализировал дом (который намного круче Катиного). То есть сломал замки и все запоры, взял и заселился. Точно так, как это делали большевики и революционные матросы во время Русской революции.

Коронавирус вызвал карантин, последний ограничил передвижение людей по стране. Дом в Калифорнии оказался пуст. Почему? Вот одна из причин. Оптимизация налоговых отчислений вызывает миграцию части населения. Другими словами, часть богатеньких людей живут на два дома. В одном доме, например в штате Атланта, они живут полмесяца плюс один день, в другом доме – в Калифорнии – они живут вторую половину месяца минус один день. Угадайте с трёх раз, в каком штате они платят налоги. Помните, я же вам рассказывал, что даже Юнес обижается на карантин...

В общем, Лерой обнаружил пустующий дом и в нём поселился. Жил «красиво», нашёл себе занобу, похоже, русскоязычную. Потом приведу обоснование своей гипотезы. Не жизнь, а малина. Только вот баксы в дефиците, не всегда хватает на травку, хавку и прочие удовольствия. Но сегодня подфартило. Решил прошвырнуться по соседям. Первый дом закрыт на все запоры. Но второй...

Калитка открылась без усилия. Вход в гараж тоже не заперт. Ого! Компы, новые – шесть штук. А что в настенном ящике? Виски, вино. Качественное пойло. Жалко, что нет закуски. О! А вот и рюкзак. На плечо, компы под мышку. Вперёд. Через пару минут дома. Маруха целует победителя, и пьют виски. Она ржёт и пританцовывает. Ну и лохи, эти богатенькие... Вот это удача.

– Звони Артуру. Надо сбросить пару компов и купить травки и хавки.

– А что там ещё было в гараже хорошего?

– Да ничего стоящего.

– А авто было?

– Было два: мерин и малолитражка английская.

– Лерой, миленький, такая удача прёт не так часто. Может, заберём мерина и поедем в свадебное путешествие?!

– Ок! Жди меня. Я сейчас.

Лерой идёт в гараж. Всё спокойно. Заходит в дом. На столе на кухне лежат ключи от авто. Открывает ворота, заводит мерина, и через минуту он в объятиях Марухи. Смотрят на двухлетнего мерина и не могут поверить в свою удачу. Вот это фарт...

Пока ехал Артуру, прикончили вискаря. Пару компов отдали за полцены. Артуру привёз похавать и раскумариться. Посоветовал никуда на мерседесе не ехать, а толкнуть русским. Пока Лерой и Артуру обсуждали детали предстоящей операции, Маруха побежала в авто и русифицировала онбордер (бортовой компьютер). Не преминула доложить о своей модернизации, расценивая как сильный вклад в общее дело. Лерой похвастался, что Маруха у него рашен. Впереди была сказка... Покурили травку, открыли второго вискаря. И тут Лероя осенило. Надо пойти ещё раз. И хорошенько «поработать» в квартире.

ШОН

Это настоящий мужчина. Хотел сказать, настоящий русский мужик, но он чистокровный американец. Шон – бизнесмен. Причём его порядочность и чистоплотность иногда ему мешают делать этот самый бизнес. Так, о своём товаре он рассказывает не только достоинства, но и недостатки. Русские, как правило, только расхваливают свой товар. В общем, разный менталитет. Шон занимается спортом. Вернее, ведёт здоровый образ жизни, регулярно ходит в «качалку». Умеет вкусно готовить, любит животных, в том числе охломона Юнеса. Очень ответственно относится к семейной жизни, что приводит его иногда к ошибочным решениям. Но в минуту испытаний он не дрогнул и показал, что на него можно положиться.

Алкоголь и травка сделали своё дело. Лерой не шёл, а плыл по волнам навстречу своей мечте. Вот дом, вот гараж, вот дверь, которую он отворял.

– Вы сантехник?

– Какой, нахрен, сантехник? И что вы все здесь собрались? Нацепили униформу и воображаете крутых...

– Шон. Это не сантехник, это грабитель. Я его узнала. Шон, держи его. Господа, помогите задержать преступника.

Лерой бросается на выход, Шон устремляется за ним. Догоняет в конце коридора, делает подсечку и прыгает на Лероя, пытаясь удержать его руки. Начинается борьба.

– Господа, помогите задержать преступника. Он ограбил нашу квартиру и пришёл ещё раз.

Господа – эксперт по кровлям и газовик – переступают дерущихся и покидают дом со словами:

– Мы придём в следующий раз. Задерживать преступников – не наше дело.

– Катя, звони в полицию. Я его долго не удержу. С каждой минутой он трезвеет и крепчает.

– Хеллоу. Полиция, это Катя с Улицы стрит. Мы вам звонили два часа назад. Мой муж поймал преступника. И удерживает его. Но долго он не сможет продержаться. Приезжайте скорее.

– Минуточку. Соединяю с экипажем.

– Хеллоу. Это сержант Сидт. Что у вас происходит? Вы поймали преступника и удерживаете?

– Назовите адрес. Ок. Будем через пять минут. Преступник вооружён? Ваш муж имеет оружие? Как одет преступник? Как одет ваш муж? В доме есть собака? Лучше закройте её в доме.

– Катя, принеси какую-нибудь верёвку. Ремень. Скоро я его не удержу. Он всё время выскальзывает. Катя, звони в полицию. Нет сил его удерживать.

Наконец слышится вой сирены. Смит и Боб с револьверами в руках прибыли на задержание уже задержанного преступника и надели на него наручники. Пока усаживали его в машину, Лерой окончательно протрезвел и показал всем язык.

– Катя, спроси, где твоя машина.

Боб спрашивает у Лероя:

– Где «мерс»?

– В доме № 48.

– Кто в доме?

– Маруха.

– Оружие имеет?

– Нет.

Лерой сидит в полицейской машине. Его охраняет Боб. Смит идёт к дому 48 первым, держа руку на револьвере, за ним Катя с Шоном. В гараже стоит целый и невредимый Катин «мерс», а в нём спит Маруха. В машине четыре компа и гашиш. Шон и Смит возвращаются назад к Катиному дому. Маруха в наручниках. Катя победно вырывает «мерс» на площадку возле дома.

Смит Бобу:

– Сегодня классный день. Раскрыли два преступления и задержали преступников.

– Верри вел.

– Завтра прошу вас прибыть в отделение полиции для дачи показаний.

Увидев хозяев через стеклянную дверь, Юнес заливается громким лаем, просит выпустить на свободу.

Шон говорит:

– Ну ладно, страж порядка, выходи.

В это время выходит из дому Лара со словами:

– И чего-то Юнес опять разошёлся? Может, вора поймал? Ого. И «мерс» на месте. Неужели поймали злоумышленника? И где же он? Ой, зачем же вы вызвали полицию? Его же посадят в тюрьму.

Какое же доброе сердце у Лары. Она не просто космополит и либерал. Она понимает, что насилем нельзя остановить насилие. Реинкарнация. Перед нами праправнучка великого гуманиста Льва Николаевича Толстого.

Наградят ли Шона ценным подарком и денежной премией за поимку опасного преступника? Ведь он совершил геройский поступок. И это отнюдь не преувеличение и неуместный пафос. Представьте себе на мгновение, как могли бы развиваться события, если бы преступник был вооружён.

Катя, если нет верёвки, ты должна была сидеть верхом на преступнике, рядом с мужем. Поскольку семья – это когда вместе, когда рядом.

Ну а насчёт тех «господ» всё ясно. Никакие они не господа, а совсем даже наоборот. Юнесу тоже пора сделать выводы и оставаться собакой, а не «косить» под человека. Да и автору не следует становиться вселенским судьёй, поскольку во всём виноват проклятый коронавирус, который пытается «выбить нас из седла».

Р. С. Не прошло и 20 дней после происшествия в Катином доме, как в Америке начались протесты, связанные со смертью чернокожего, переросшие в погромы. Америка запылала в прямом смысле слова. И вот теперь кое-что можно понять более отчётливо.

И напоследок я скажу о сложных вещах – о постмодернистском симулякре и гениальном Шекспире, его объяснившим: «Весь мир – театр, и люди в нём актёры». Симулякр в нашем случае означает, что всё происходящее делается как бы понарошку. Лерой в изменённом сознании играет роль грабителя. При задержании показывает зрителям и одновременно участникам язык, выражая не только браваду, но и комичность, «прикольность» сего действия. Бунты и погромы, происходящие в городах, тоже как бы понарошку. Они практически не сопровождаются применением огнестрельного оружия, миллионы единиц которого имеются на руках у «свободолюбивых» граждан. Вспомните гениального Александра Сергеевича о настоящем русском бунте, «бессмысленном и беспощадном». А что у них? Театральные сцены: «На колени, коп!», «Мы любим вас, цветные!», «Покупайте товары у чёрных владельцев магазинов, пиццерий...». Симулякры свободы, симулякры справедливости, симулякры долга и закона. Но ведь можно запустить на этом фоне настоящие процессы саморазрушения общества. Почему история ничему не учит человечество?

Берега в маске

Натали Гагарина

Натали Гагарина родилась в 1958 году в семье госслужащих, высшее экономическое образование. Волонтёр по жизни: помогать всем и всегда – это черта её характера. Натали – член ветеранских организаций России и Америки, активный общественный деятель. Она – житель планеты Земля, потому что путешествует непрерывно по миру. В Финиксе, штат Аризона, она является исполнительным директором русской библиотеки. Как писатель – член Всемирной Ассоциации Писателей, издала шесть книг в издательствах России и Америки. С 2014 года публикуется в газетах: «Русская Америка», «Люссарна Фриа», в журналах: «Золотой Пегас», «Соотечественники в Америке», «Параллели», «Берега» и многих других.

Мексиканский «Декамерон»

Находясь вторую неделю в самоизоляции в своей квартире, я вспомнила период моей жизни в Америке, когда у меня случился сильнейший нервный кризис, перешедший в длительную депрессию. Не буду жаловаться и стенать о причинах моей болезни. У каждой женщины хоть раз в жизни случается нервный срыв, когда дальнейшая жизнь не имеет смысла. Я понимала, что жуткая, изматывающая депрессия разрушает моё здоровье. Эмоциональное состояние на нуле. Я перестала есть и спать. Врачебная помощь не помогала. Я сидела, а точнее, лежала в четырёх стенах, не понимая, что делать. Мои друзья звонили мне, сострадали, жалели, советовали, а я медленно угасала. И вот однажды, как в сказке, раздался телефонный звонок.

– Привет! Это Тим. Я отправляюсь завтра в Мексику на десять дней и беру тебя с собой. Билеты куплены. Возьми свой паспорт и будь готова. Я заеду за тобой. Ты как?

– Я никак. Мне плохо, – выдавила я из себя слабый стон. Тимати – мой давний и преданный друг в Америке, безответно влюблённый в меня. Он не докучал мне своими ухаживаниями, но всегда помогал во всех моих делах и выручал меня в трудных ситуациях.

Я безропотно согласилась с предложением Тима. Это была для меня та соломинка, за которую хватается утопающий. Друг познаётся в беде – эту истину я в полной мере осознала, стоя на «краю пропасти». Он заехал за мной на рассвете, погрузил в машину меня и мои вещи, и мы понеслись в Калифорнию в порт Сан-Диего. По дороге Тим рассказывал весёлые истории, которые раздражали меня, а на лице не было даже подобия улыбки. Всё было, как во сне.

У причала в Сан-Диего стоял гигантский круизный лайнер “Carnival Elation”, поразивший моё воображение. Я повернулась с удивлённым взглядом к Тимати: «Вау! Наше путешествие – это же Декамерон! А корабль – настоящий ковчег!» Тимати голосом гипнотизёра медленно произнёс: «Скажи: – Я отправляюсь в увлекательное путешествие в Южную Америку на круизном лайнере “Elation”. В Мексику! Я оставляю депрессию и все мои болячки на этом причале. Я вернусь здоровой и счастливой!» Я повторила его слова как мантру, и мы пошли на корабль. Огромный, с 12-этажный дом круизный лайнер “Carnival Elation” величаво отошёл от причала американского порта Сан-Диего – в Мексику.

О! Безбрежность Тихого океана сразу отдаляет от земной суеты и погружает кого-то в пучину спокойствия, а кого-то в пучину страсти. Моя роскошная каюта с балконом располагалась на десятой палубе. Себе каюту Тим выбрал двумя «этажами» ниже и поближе к корме. Это плавучий город счастья! Город развлечений! 1000 человек – персонал, более 2400 пассажиров. Здесь есть всё! От бассейнов с морской водой и горячих джакузи до парков с фонтанами и зоопарком. 12 ресторанов, 32 бара, библиотека, картинная галерея, казино, Интернет-залы, шикарные дансинги, концерт-холлы, спортзалы, стадион, детский сад, спа-салоны, множество магазинов и ещё много развлечений

для людей любого возраста и темперамента. Превосходный сервис, красота и роскошь! Великолепие дизайна везде, куда падает глаз. Первый раз в жизни я попала словно на другую планету. Эта планета с названием “Elation” двигалась по безбрежному Тихому океану. Каждый день, каждый час и даже мгновение поражали моё сознание, вырывая из ада депрессии. Необычно и интересно было всё! Персонал лайнера обращался со мной так, словно я была английская королева. (Впрочем, и со всеми пассажирами тоже.) Тимати не оставлял мне ни минуты возможности замкнуться в себе. Каждое утро он стучался в дверь моей каюты: «Просыпайся, соня! Пора на пробежку и завтракать!» Полчаса мы бегали на стадионе верхней палубы, а потом ещё полчаса плавали в открытом бассейне с океанской водой. Приведя себя в порядок, мы завтракали обычно на корме, каждый день на разных палубах. Тимати ел за троих, а я переживала, что не могу впихнуть в себя такую вкусную еду. «К концу круиза ты должна поправиться на два килограмма, – строго говорил мне Тим, – ешь в любое время суток! Смотри, сколько всего вкусного, и всё оплачено!» – «У меня желудок маленький, размером с яйцо». – «Растягивай пивом с креветками и устрицами». – «А коньячком с ананасами?» – «Без проблем. Хочешь, принесу?» – «Хочу. И бутерброд». – «С чёрной икрой? Или с красной?» – «С килькой». – «Ты извращенка. Килька – это всё равно, что поганки из леса». – «А мы, русские, любим кильку». – «Это от бедности». – «Зато мы не едим кожуру от картошки, в отличие от американцев». – «А это от глупости».

На корабле мы гуляли по красивейшему парку с экзотическими растениями и пением заморских птиц. Посещали картинные галереи, музеи, концерты, бары и рестораны. Участвовали в дансингах и различных конкурсах. Мы занимались в тренажёрных залах, плавали в бассейне и загорали. Я видела, как Тимати заботится обо мне, старается показать свои чувства и любовь. Но я была не готова пойти ему навстречу. Казалось, на этом корабле собрались самые счастливые люди со всего мира. Мы знакомились, общались, собираясь вместе в барах и рассказывая друг другу истории о своём житье-бытье. Это опять напомнило мне ситуацию в романе «Декамерон» Боккаччо. Мир грёз, мир счастья и удовольствий вырывал меня из пучины депрессии. Глядя на звёздное небо, на океанский простор с палубы корабля, я поняла, как прекрасен наш мир, в котором я имею счастье жить! Просто жить! Ощущать эту загадочную, завораживающую красоту нашей планеты! Все мои переживания, тревоги, негативные мысли, обиды, ревность показались мне – тьфу! – просто мелкой шелухой моего сознания. Я как будто вырвалась из плена заточения и чувствовала себя свободной птицей. Я стояла на самой верхней палубе корабля, раскинув руки и распахнув душу, сердце и сознание навстречу океанскому простору, навстречу солнцу, луне, звёздам и Вселенной. Я молилась, задыхаясь от счастья, благодаря Вселенную за мою жизнь, за здоровье и за всё, что у меня есть.

Итак, Мексика.

Лайнер причаливает в порту Кабо-Сан-Лукас. Это маленькая туристическая гавань Мексики на её западном, тихоокеанском побережье. Мы видим причалы для 2500 яхт туристов и стоянки для 2000 автомобилей. Как только мы с Тимати в толпе почти трёх тысяч пассажиров сошли с трапа на причал, нас немедленно поглотила многоликая толпа продавцов, увешанных с головы до пят изделиями из серебра. Мы окунулись с головой в разноцветье мексиканских костюмов, масок и зажигательной музыки. Мексиканское солнце жарило не по-детски, и мы сразу купили огромные соломенные шляпы, дающие тень на лицо и тело. Всё кругом кружилось, вертелось, пело и плясало, и всё это утопало в пленительных запахах какой-то вкусной еды. Мне на руку уже кто-то нацепил серебряный браслет, нагло требуя за него 50 долларов, а бойкие зазывалы наперебой приглашали нас в свои кофейни. Торгуют все и всем! Работают даже маленькие дети. Трёхгодовалая кроха помогает маме продавать заколки из ракушек и перламутра. Ну, как ей откажешь?! Я её сфоткала и купила на пять долларов всякой ерунды. А вот малыш чумазый ничего не продаёт, он зарабатывает попрошайничеством, как и большинство детей здесь. «Дай ему доллар», – шепнул мне Тим. «Мал ещё валюту зарабатывать», – улыбнулась я и угостила малыша яблоком, захваченным мной с корабля. Он схватил это яблоко и помчался быстрее ветра к родителям! Местные жители сказали, что яблоки в Мексике – это самый дорогой фрукт, который могут позволить купить только богатые мексиканцы.

Я очень впечатлительная и любознательная, поэтому, как губка, впитывала и фотографировала всё в сердце Кабо-Сан-Лукаса на Пуэрто-Параисо-Плаза.

– А не выпить ли нам мексиканского пива с национальными лепёшками? – Тим потащил меня в маленький ресторанчик, похожий на сказочный шатёр. Многие сотни лет национальной едой

в Мексике считается «тако». Это такая лепёшка из кукурузной муки, поджаренная на растительном масле. Она бывает двух видов: мягкая и твёрдая – “Hard shell tacos” and “Soft shell tacos”. Закручивают и подают её, как позволяет фантазия мексиканских поваров: в виде ракушки, конверта, трубочки. Внутри этой твёрдой или мягкой лепёшки кладут мясо, рыбу, лук-латук, бобы, сыр, овощи – всё, что пожелаешь. Специи и соусы обычно подают отдельно. Тако-салат – самое распространённое блюдо в Мексике. Тут уж фантазии мексиканцам не занимать. Мне в ресторане «Тако Ин» подали овощной салат, не резаный, а рваный руками, в изящной вазочке, сделанной из твёрдой лепёшки «тако». Это очень вкусно! Всегда и обязательно к «тако» подают мексиканское пиво! Есть эту еду без пива не принято.

В Кабо-Сан-Лукас туристам предлагают арендовать моторный катер с лоцманом и порыбачить самим. «А давай порыбачим», – загорелся Тим. «Я не люблю рыбалки. Скучно», – противилась я. «Это же Мексика! Ты всю жизнь будешь вспоминать эту рыбалку и внуков удивлять». – «Ладно, давай уж», – согласилась я. Мы арендовали на три часа рыбацкую лодку с лоцманом, который весело заверил нас, что без улова здесь никто не бывает! Ума не приложу, как это получилось, но за час рыбалки мы поймали огромную рыбу-меч. «Смотри! – закричала я прямо в ухо Тимати, – пиратский корабль!» И действительно, мимо нашей рыбацкой лодки проплывал, как в кино, настоящий пиратский корабль с настоящими пиратами. Проплывая мимо нашей лодки, с корабля палили из настоящих пушек, отчего сердце замирало от страха.

В тени кокосовых пальм на траве повсюду лежат и дети и взрослые. Они зарабатывают на жизнь попрошайничеством. Обойдя центр Кабо-Сан-Лукаса, застроенный красивыми отелями, сверкающими ресторанами, парками и музеями, мы вышли на окраину, поразившую нас бездорожьем, убогими лачугами и нищетой, раскинувшейся на многие километры до самого горизонта. Тимати поторопился увести меня оттуда, чтобы гнетущее впечатление не закралось в мою голову. Однако я подумала: «Всегда помни, что кому-то ещё хуже, чем тебе». На закате солнца мы вернулись на свой роскошный «ковчег», ставший нам домом на десять дней путешествия.

Круизный лайнер величаво шёл по океану дальше. Сказочная планета “Elation” полностью завладела моим сознанием.

Энсенада – ещё один небольшой портовый мексиканский город в бухте Тихого океана – меня, если честно, совсем не поразила. Если в красочном, шумном Кабо-Сан-Лукасе всё заточено на обслуживание туристов, то в Энсенате, кроме туризма, иностранцы инвестируют деньги в бизнес. Здесь крупнейшие в Мексике и в Южной Америке морские фермы для разведения креветок, крабов, мидий, кальмаров, омаров и других морепродуктов, идущих на экспорт по всему миру.

В Энсенате современное градостроительство почти не развито. Я ехала по городу, как в старом американском кино про ковбоев и мексиканцев-наркоторговцев. Теснота древних, исторических сооружений и зданий не в лучшем состоянии. Это типичная периферия Мексики. Но природные явления или, лучше сказать, чудеса природы, от которых просто захватывает дух и воображение, здесь, в Энсенате, представлены в полном объёме и красоте!

Через горные перевалы мы приехали на океанское побережье, где располагаются горячие источники. То, что наша Земля «дышит», понимаешь, глядя, как из земной тверди с определённой периодичностью вырываются горячие фонтаны воды и пара!! Температура выше 100 градусов! Стоять рядом опасно! Предупреждения об этом висят повсюду. Высота гейзера может быть пять метров, а может быть и 200 метров!! И давление такое, что кажется, какое-то чудовище под землёй чихнуло... и земля задрожала... Тем не менее каждый неразумный турист суёт свою башку именно в то место, откуда вырывается гейзер!!

Мы с Тимом отметили, что если в Кабо-Сан-Лукас торговля цивилизованная, то здесь, на побережье – полный беспредел!!! Местная полиция кормится за счёт торговцев, поэтому её как бы и нет, этой полиции. Мексиканцы-торгаши с выдумкой на что только не идут, чтобы продать свой товар, заманивая в свои лавки любым способом. Я забавлялась, наблюдая, как идёт торговля, сидя на балконе маленького рестораника. Одну толстую американку симпатичный мексиканец так охмурял, что она не устояла и купила у него не только яркое мексиканское пончо, но ещё и морского ежа, и какое-то ожерелье из морских плавников. А выйдя, я сама попала в сети ловких торговцев. Они упорно предлагали мне сумки разных моделей и размеров. Окружённая ими, я не могла вырваться

из их лап и пошла на хитрость: «О'кей, я куплю сумку, но только из натуральной, лучшей кожи и с изображением на ней лошади». Я была уверена, что такой сумки здесь быть не может, и развернулась, чтобы уйти. Что вы думаете? Они принесли мне сумку из натуральной кожи, великолепного качества и с вырезанной на ней лошастью! Я была в полном потрясении! Ну, что делать... Слово европейца: сказала, что куплю – покупай. 100 долларов, что они запросили, для меня было поводом не купить! Но, с другой стороны: уж очень оригинальная сумка! В моём городе уж точно ни у кого нет такой! Я назначила свою цену: 40 долларов. Мексиканцы заорали так, будто их обокрали!!! Я в страхе побежала от них. И они хором крикнули: «Леди, леди... Пятьдесят... Пятьдесят!!!» Я купила эту сумку. Она мне очень нравится. Кстати, похожую, но без рисунка лошади, я встретила в Москве в ГУМе, но стоила она 1500 баксов!

Моё впечатление от простых мексиканцев: это такие юмористы! Почтище любого одессита! И торговцы, и таможенники, и полицейские – все живут, работают, говорят и, видимо, спят с юмором! Что бы они ни делали, они делают это весело, доставляя удовольствие другим. И за этот юмор им можно простить всё!

Мексика окончательно излечила меня от депрессии, как от страшной чумы. Я невольно сравниваю моё путешествие в Мексику с романом Джованни Боккаччо «Декамерон», где молодые люди сбежали от страшной болезни в уединённое место, сохранив себе жизнь, развлекая себя забавами на природе и интересными рассказами. 700 лет прошло! Меняется мир, но человеческие ценности неизменны.

Из круиза я вернулась здоровой, полной жизненной энергии, впечатлений и с огромной благодарностью моему другу Тимати. Я поняла, как прекрасен мир, в котором мы живём, и как надо любить и ценить своих друзей.

Ну а когда случается беда, типа всемирного вирусного поветрия, это мощный сигнал Вселенной, подумать всем: а правильно ли мы живём и относимся к нашей планете и друг к другу?

Настало время взять судьбу нашего мира в свои руки. Земля – наш общий Дом, и все хотят жить в радости, любви и гармонии. Будем благодарны Создателю за нашу жизнь, за исцеление и победу над коронавирусом, за любовь на планете Земля, о чём и молились миллионы людей на всех континентах нашей планеты во Всепланетной медитации Мира, прошедшей в начале апреля 2020 года.

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17–65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» (Москва): <http://ekogradmoscow.ru/novosti/> / novosti-press-sluzhb/ / zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnarodom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл. ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гондарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск), <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» гл. ред. Тамара Малеевская (Австралия), <http://zhemchuzhina.yolasite.com>,

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счет: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru